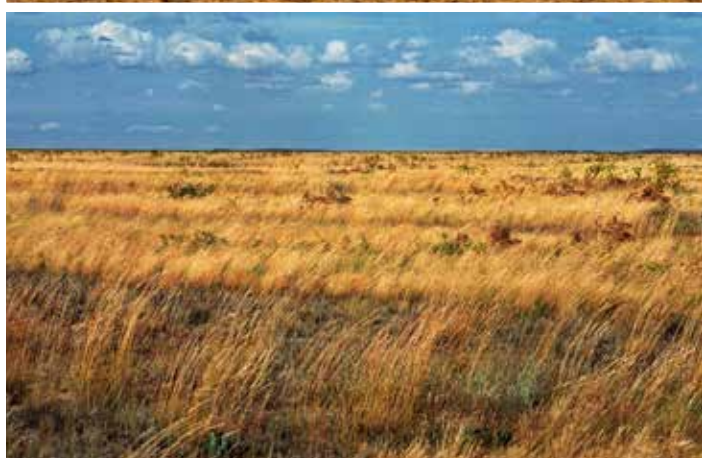

А.Ф. Ковшарь

ОТ ПУСТЫНЬ ДО ЛЕСОСТЕПИ

А.Ф. Ковшарь

ПРИРОДА КАЗАХСТАНА

через объектив зоолога

(фоторассказы из цикла «Уходящая натура»)

Книга 2. ОТ ПУСТЫНЬ ДО ЛЕСОСТЕПИ

Алматы – 2024

УДК 59 (574)
ББК 28.6 (5Каз)
К56

Ковшарь А.Ф. **Природа Казахстана через объектив зоолога** (фото-рассказы из цикла «Уходящая натура»). В двух книгах. Книга 2. **От пустынь до лесостепи**. Алматы, 2024. 334 с. Илл. 1078.

Во второй книге автор представил фотолетопись зоологических экспедиций по обширной территории равнинного Казахстана – от берегов Каспия на западе до Зайсанской котловины и Иртыша на востоке, от песков Кызылкум на юге до сосновых лесов Кокчетавского поднятия на севере за период 1970-2008 гг. Рассказы, написанные вполне доступным для неспециалиста языком, содержат много познавательной информации о различных ландшафтах нашей страны, населяющем их животном мире и происходящих с ними изменениях. Не меньший интерес для современного читателя могут представлять зафиксированные беспристрастным фотообъективом на протяжении десятилетий изменения уклада жизни, особенно на рубеже столетий (тысячелетий), в том числе условия проведения научных экспедиций, а также участники этих событий, многие из которых достойны упоминания и описания как специалисты и личности...

ISBN 978-601-80938-9-0

Kovshar A.F. **Nature of Kazakhstan through a zoologist's lens** (photo stories from the “Fading nature” series). In two books. Book 2. **From deserts to forest-steppe**. Almaty, 2024. 334 pages with illustrations: 1078.

In the second book, the author presented a photo chronicle of zoological expeditions across the vast territory of lowland Kazakhstan - from the shores of the Caspian Sea in the west to the Zaisan Basin and Irtysh in the east, from the Kyzylkum sands in the south to the pine forests of the Kokshetau uplift in the north for the period 1970-2008. The stories, written in a language that is quite accessible to a non-specialist, contain a lot of educational information about the various landscapes of our country, the fauna that inhabit them and the changes taking place in them. Of no less interest to the modern reader may be the changes in the way of life recorded by an impartial photographic lens over the decades, especially at the turn of the century (millennium), including the conditions for conducting scientific expeditions, as well as the participants in these events, many of whom are worthy of mention and description as specialists and personalities...

Рецензенты:

Кандидат биологических наук Л.Я. Боркин (ЗИН РАН, Петербург, Россия).

Кандидат биологических наук М.А. Чирикова (Институт зоологии КН МННВО, Алматы, Казахстан).

ISBN 978-601-80938-9-0

© А.Ф. Ковшарь, 2024 – текст, иллюстрации, структура

© Г.Н. Бейкова, 2024 – компьютерный дизайн, вёрстка

© Ауэзов Э.М., Беялов О.В., Ковшарь В.А., Ковшарь И.А.,
Кубыкин Р.А., Чирикова М.А. – фото

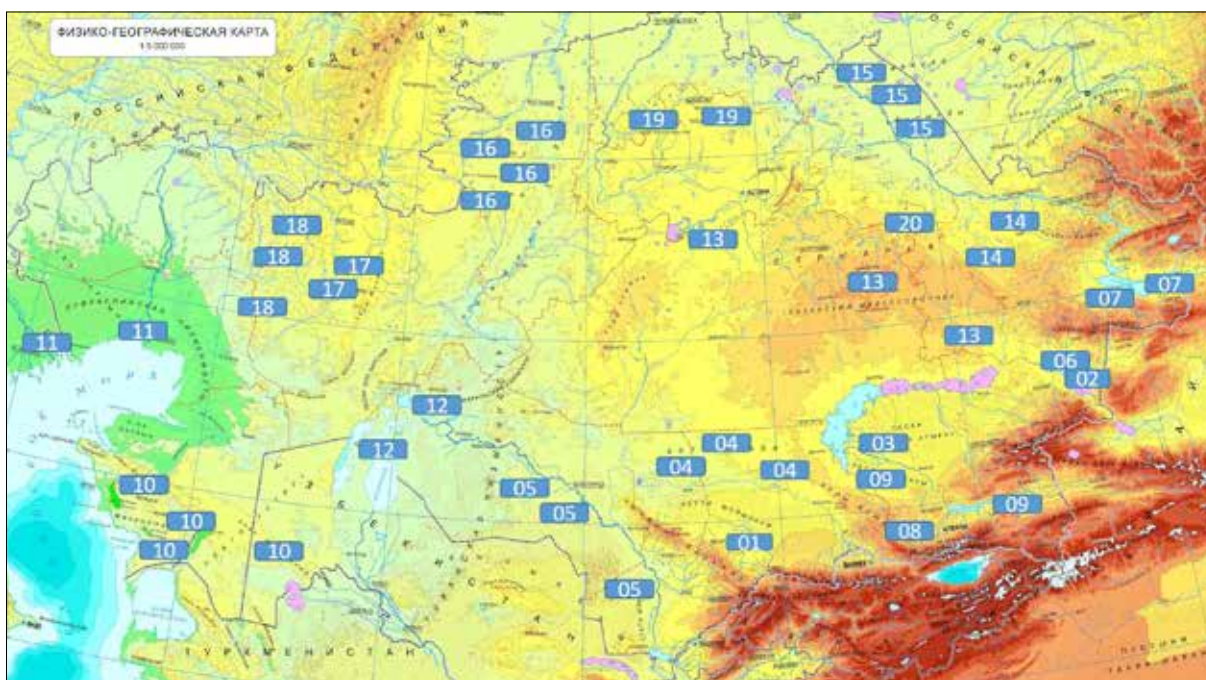
(и ещё 20 чел. - см. алфавитный указатель в конце книги)

От автора

Как уже было показано в книге «От Тянь-Шаня до Алтая», первые два десятилетия (1959-1979) я работал стационарно в двух местах Западного и Северного Тянь-Шаня (заповедник Аксу-Джабаглы в Таласском Алатау и Большое Алматинское ущелье Заилийского Алатау), исследуя особенности размножения птиц в горах, и лишь изредка удавалось на короткое время вырваться в какое-то новое место, в том числе – за пределы гор.

С переходом в 1981 г. на природоохранную тематику, связанную с изучением редких и находящихся под угрозой исчезновения позвоночных животных, мне только раз – в 1982 году – удалось организовать *стационарные* исследования редкого подвида птиц – илийской саксаульной сойки. После этого мы, т.е. созданная в 1980 г. в Институте зоологии лаборатория проблем охраны диких животных, перешли на *маршрутный* метод работы, покрывая за сезон большие расстояния аридных территорий южной половины Казахстана, а со временем вышли и за пределы пустынь и полупустынь – в степную зону (рис. 1).

Рис. 1. Места экспедиционных поездок автора в 1970-2008 гг. (цифры соответствуют номерам рассказов)

01 – низовья Таласа (1959, 1983); **02** – озеро Алаколь (1970); **03** – пустыня Сарыишикотре (1982); **04** – пустыня Бетпак-Дала (1982-1984); **05** – пустыня Кызылкум (1984, 1986, 2004); **06** – Алакольская котловина (1985); **07** – Зайсанская котловина (1985, 1988, 2001); **08** – долина реки Копя (1986-1988); **09** – левобережье р. Или (1981-2008); **10** – Устюрт и Мангышлак (1990); **11** – Северный берег Каспия и дельта Волги (1999); **12** – Барсакельмес на Аральском море (2007); **13** – Алаколь – Каркаралинск – Кургальджин – Тенгиз (1970); **14** – Семипалатинские степи (1987); **15** – Павлодарские степи (1989); **16** – Наурзумские степи (1974, 1998, 1999); **17** – Мугоджары и верхняя Эмба (2003); **18** – Актюбинские степи от Сигиза до Хобды (2006); **19** – Кокчетавская возвышенность (Боровое, Шалкар, 1995, 1996); **20** – Баянаул (2008).

За эти четверть века мне посчастливилось увидеть почти все бескрайние равнины замечательной страны, именуемой Казахстан, – от озера Зайсан на востоке до Каспийского моря на западе и от песчаных пустынь Кызылкум и Моюнкум на юге до Кокшетауской возвышенности и красот Борового на севере. А поскольку я никогда не расставался с фотоаппаратом (а со временем использовал и видеосъемку), то накопился значительный багаж впечатлений, подкреплённых документальными фотоснимками, которые стали красочными свидетелями событий того времени и той самой, к сожалению, уходящей природы...

Вот этими впечатлениями вместе со снимками и хотелось мне поделиться с читателями, которые далеко не всегда имеют такую возможность – увидеть всё это собственными глазами. Тем более, что не всё из этого реально увидеть сейчас, исходя из непреложной истины, что всё течёт, всё изменяется...

Благодарности. За более чем полувековой период времени (1959-2015), описанный в двух книгах, мне оказывали помощь десятки людей. Даже простое перечисление их заняло бы не одну страницу. Но среди них есть такие, не упомянуть которых я не имею права. Из числа тех, кого уже нет с нами, это прежде всего *Игорь Александрович Долгушин* (1908-1966) – мой научный руководитель, завершивший начатое в Харькове профессором И.Б. Волчанецким моё формирование как орнитолога. *Эдуард Иванович Гаврилов* (1933-2011) почти полвека был моим ближайшим другом и соратником, помощь его бесценна. Столько же времени опекал меня (как и всю нашу орнитологию) академик *Евгений Васильевич Гвоздев* (1918-2012), о помощи которого можно было бы написать отдельную книгу. Наконец, моя жена *Тамара Алексеевна Ковшарь* (1935-2020), взяв на себя (на целых 60 лет!) всю заботу о семье и детях, создала все условия, чтобы я мог всецело заняться своей работой, в том числе теми многочисленными поездками, которые описаны в этих двух книгах. Очень благодарен я слишком рано ушедшим от нас орнитологам младшего поколения – своему ученику *Олегу Вячеславовичу Белялову* (1960-2020), *Николаю Николаевичу Березовикову* (1956-2022) и *Евгению Александровичу Брагину* (1954-2020) за ту бесценную помощь, которую они оказывали во время наших совместных экспедиционных поездок и во многих других случаях.

Из ныне здравствующих наибольшую помощь на протяжении 60 лет оказывала мне лучший флорист Казахстана *Анна Андреевна Иващенко* – начиная с нашей совместной работы в Аксу-Джабаглы (1963-1966) и по настоящее время, уточняя определение упоминаемых в книге растений. За такую же консультационную помощь по амфибиям и рептилиям я благодарю *Татьяну Николаевну Дуйсебаеву (Матвееву)*, а *Марине Александровне Чириковой* я глубоко благодарен за прекрасные поездки – на остров Барсакельмес и в мелкосопочник Баянаул (в последней она была просто ангелом-хранителем в трудное для меня время).

Я бесконечно благодарен своим дочерям *Виктории* и *Ирине*, а также внучке *Элине Мальцевой* за ту многолетнюю помощь, которую они мне оказывают по изданию зоологического журнала *Selevinia*, а также за понимание и поддержку в осуществлении настоящего проекта, включая помощь фотографиями, советами и конструктивным обсуждением любых вопросов, связанных с созданием этой диалогии. Благодарю также всех, кто поделился своими фотографиями (авторство каждого указано в подписях к фотографиям).

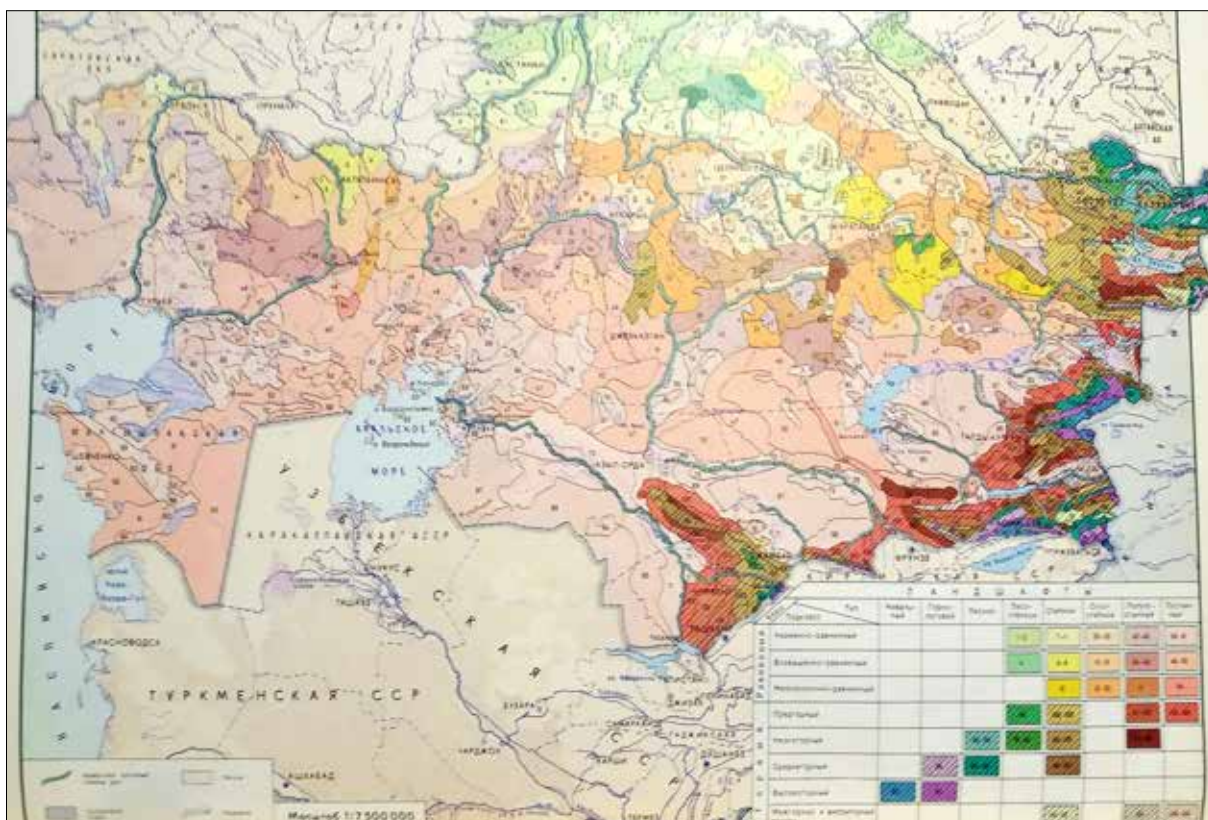
17 июня 2023 г. – 26 июня 2024 г.

Ландшафтное разнообразие равнинного Казахстана

Казахстан расположен почти в центре материка Евразия. От Атлантического океана его отделяют 3000-3500 км, от Тихого – 3500-3600 км; его северная граница удалена от Северного Ледовитого океана на 1700-1800 км, а южная граница – на 1800 км от Индийского океана. Территория Казахстана протянулась с запада на восток на 3000 км, с севера на юг – на 1800 км, а площадь составляет 2,75 млн км² (общепринято сравнение, что на территории Казахстана умещается пять Франций).

Люди, никогда не бывавшие в Казахстане, но знающие со школы, что это – обширная территория между Западной Сибирью на севере и пустынной Средней Азией на юге, а также между Каспийским морем на западе и горами Алтая на востоке, обычно представляют его как однообразную степную равнину. Это широко распространённое заблуждение легко опровергает «Ландшафтная карта Казахстана» (рис. 2), составленная коллективом учёных для первого Атласа страны (М., 1982).

Рис. 2. Ландшафтная карта Казахстана (Атлас Казахской ССР. Том 1. Природные условия. М.: ГУГК, 1982. 81 с.)

В обширной легенде к этой карте приводится более **80** разновидностей ландшафта, представленных на территории Казахстана, в т. ч. одних только пустынь и полупустынь – 48, степей – 29, и даже лесостепи, занимающей крохотный участок самого северного выступа территории страны, – 4 разновидности.

В чём же причина такого ландшафтного разнообразия? Правильный ответ – в геологической истории этого географического региона, когда горообразовательные процессы сменялись длительными периодами денудации, приводившими к нивелированию земной поверхности. В результате на равнинной в общем территории Казахстана чередуется множество участков понижений и впадин с остатками бывших поднятий в виде мелкосопочника, обширных плато и настоящих равнин, причём западная половина страны имеет в целом заметно более низкую абсолютную высоту, чем восточная. Попробуем вкратце перечислить основные географические образования на нынешней территории Казахстана в направлении с запада на восток.

На западе Казахстана – Прикаспийская низменность, достигающая у берегов моря 28 м **ниже** уровня мирового океана и только вдали от моря постепенно повышающаяся до 50-60 м над ур. м. (Индерские горы, Жамантау), а Иманкара в низовьях Эмбы поднимается над равниной на высоту более 100 м. На севере Прикаспийскую низменность ограничивает Общий Сырт, холмы которого в Казахстане достигают 200 м; а на северо-востоке – Мугоджары (Б. Боктыбай, 656 м; Берчогур, 650 м). Восточнее Мугоджар расположена Тургайская столовая страна – возвышенная равнина (250-300 м) с плоскими «столообразными» останцами, сложенная песчаниками и глинами; почти посередине её проходит широкая меридиональная ложбина – так называемый Тургайский пролив. На севере Тургайская столовая страна переходит в Западно-Сибирскую низменность, почти идеальную равнину с множеством впадин, занятых озёрами, а на юге заканчивается большой впадиной с озером Челкар-Тениз (всего 50 м над уровнем моря).

Ещё южнее расположена обширная Туранская низменность, занятая в основном песками (Кызылкум и Приаральские Каракумы). Между Каспийским и Аральским морями возвышается плато Устюрт (высота до 300 м), обрывающееся во все стороны крутыми уступами – «чинками» высотой до 100-150 м. Самый высокий и живописный из них – западный чинк – обрывается в солончаки бывшего залива Каспийского моря и в пески понижения Карын-Жарык, отделяющего Устюрт от полуострова Мангышлак (Мангистау). Равнинная поверхность этого полуострова чередуется с низкорослыми хребтами Актау и Каратау (высшая точка 575 м). Здесь же, близ восточного побережья Каспийского моря, всего в 50 км восточнее города Актау, находится самая глубокая сухая впадина в Казахстане и одна из наиболее глубоких в Азии – впадина **Карагие** (каз. Каракия ойпаты, Батыр), глубина которой 132 м ниже уровня мирового океана¹.

Центральную часть Казахстана занимает Казахский мелкосопочник² (каз. Сарыарка – жёлтый хребет), представляющий собой остатки древней горной системы, в пределах которой отдельные холмы и гряды чередуются с широкими понижениями, занятыми иногда озёрами или солончаками. **Сарыарка** расположена между Западно-Сибирской равниной на севере и плато Бетapakдала и оз. Балхаш на юге; Тургайским плато на западе, рекой Иртыш и Зайсанской котловиной на востоке. Протяжённость с запада на восток около 1200 км, ширина западной части 900 км, восточной – около 400 км, площадь около 1 млн км². Представляет собой возвышенную равнину с отдельными низкорослыми массивами, холмами, грядами и скалистыми сопками. Западная часть более низкая (абс. высота 300-350 м) и равнинная, здесь только два низкорослых массива – Улытау (1113 м) на западе и Кокшетау (947 м) на севере. Между западной и восточной частями Сарыарки – широкая меридиональная равнина, занятая Тениз-Кургальджинской впадиной и долиной реки Сарысу. Обширная **восточная часть** Сарыарки более приподнята (высота 500-1000 м), имеет более расчленённый рельеф. В средней её полосе возвышаются отдельные низкорослые массивы, образующие Балхаш-Иртышский водораздел: Каркаралинские горы (1403 м), Кызылрай (1565 м), Чингизтау (1305 м), Баянаул, Кент и др. в окружении мелкосопочников и денудационных равнин.

К югу от Сарыарки, между Сарысу и оз. Балхаш, располагается пустынное плато Бетпак-Дала, южнее него – песчаная пустыня Мойынкум (между реками Чу и Талас) и пустынно-полупустынные пространства низовьев Таласа, а восточнее – пустынная Балхаш-Алакольская котловина и полупустынная Зайсанская котловина с песками Айгыркум в её юго-восточной части. В обеих котловинах в равнинный рельеф пустынь вносят разнообразие проникающие в них низкорослые отроги ближайших гор.

Горам и высокогорьям юга, юго-востока и востока Казахстана был посвящён предыдущий сборник «От Тянь-Шаня до Алтая», поэтому здесь мы их не рассматриваем. Но даже в таком кратком перечне географических наименований низменностей, впадин, плато и низкогорий хорошо просматривается – как разнообразен рельеф *равнинной* части территории Казахстана. Не менее разнообразен также её почвенно-растительный покров.

Как уже упоминалось в самом начале, на протяжении 1800 км, занимаемых Казахстаном с юга на север, территория его представлена тремя зонами: *Пустынная ландшафтная зона умеренного пояса*, *Полупустынная ландшафтная зона умеренного пояса* и *Степная ландшафтная зона умеренного пояса*. И только на крайний северный выступ территории республики, в долине реки Ишим (Северо-Казахстанская

¹ Самая глубокая в Азии Турфанская впадина (— 154 м) находится в отрогах Вост. Тянь-Шаня на западе Китая – АК

² Наиболее частые синонимы этого названия: Казахское нагорье, Центрально-Казахстанский мелкосопочник – АК

область) небольшим участком заходит четвёртая – *Лесостепная ландшафтная зона умеренного пояса* (рис. 3, I а, б). Хотя должен сказать, что это уже по строго научному подходу учёных-ландшафтоведов. Что же касается неискушенного в научных тонкостях человека, то все признаки лесостепи (т.е. присутствия островков леса среди степей) имеют уже соседние с Северо-Казахстанской области – Кустанайская и Кокчетавская: взять хотя бы знаменитый Наурзумский бор или бор Терсек в первой из них, не говоря уже о настоящих лесах Борового или Зеренды – во второй области.

Сопоставление площадей ландшафтных зон показывает, что на первом месте находится пустынная зона (40% территории Казахстана), которая вместе с полупустынной зоной (18%) составляет более половины территории страны, а степная зона занимает чуть больше четверти территории (28%). Оставшиеся 14% приходятся на горы и высокогорья юга и востока Казахстана (8%) и на лесостепь (6%). Если учесть, что это несколько устаревшие данные (середины XX ст. – до распашки целинных земель), то доля лесостепи, по современным представлениям, здесь сильно завышена.

При районировании территории Казахстана в Атласе (1982) каждая из ландшафтных зон разделена на ряд участков, соподчинённых в следующей последовательности: «страна/область/провинция/округ/район». И в результате получается довольно пёстрая картина, представленная на Карте природного районирования Казахстана (рис. 3). При некотором навыке можно различать границы ландшафтных зон, обозначенных на карте римскими цифрами (I – лесостепная, II – степная, III – полупустынная, IV – пустынная).

Обе приведенные здесь карты из Атласа 1982 года имеют для нас непреходящую ценность, как свидетельство не просто «уходящей натуры», а давно ушедшей. Я имею в виду крупнейшие экологические преобразования на территории Казахстана в середине XX ст. – пресловутую распашку целинных земель и трагедию Арала, который присутствует на этих картах в своих прежних границах (на современных картах его изображают в виде небольшой голубой подковы в самой верхней части бывшего моря). И если Арал усыхал неоднократно (антропогенный фактор только ускорил этот процесс), то зональные степи северной половины Казахстана в 50-х гг. XX ст. были распаханы впервые. В мою задачу не входит обсуждение вопроса о том, чего больше принесло освоение целинных степей (спор экологов и экономистов не закончен), скажу только, что результаты и этой масштабной трансформации значительной части ландшафтной зоны на картах (рис. 2 и 3) не отражены. Поэтому сами эти карты – ценнейшая отправная точка для изучения последующих изменений экосистем (в необходимости этого изучения у меня нет никаких сомнений).

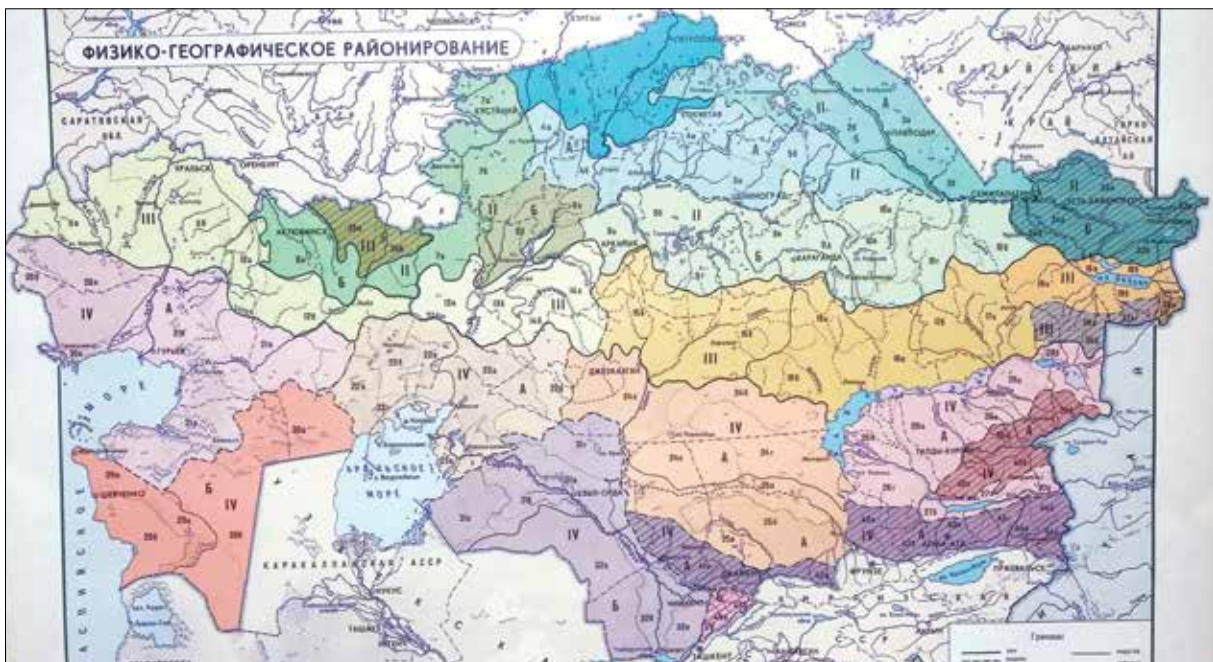

Рис. 3. Районирование Казахстана (Атлас ... Том 1. Природные условия, М., 1982, с. 80)

Особое внимание хотелось бы обратить на большое разнообразие пустынных ландшафтов. Для этого достаточно сравнить песчаную пустыню с глинистой и щебенистой (гамадой), или обширный takyр с участком саксаулового леса. Наличие в пустыне речного русла (пусть даже пересыхающего в летнее время и наполняющегося только после дождя), крохотного родника или самоизливающейся скважины многократно разнообразит ландшафт и условия для существования здесь растений и животных. То же происходит и с первым появлением в пустыне человека с водой, столь необходимой для его существования и хозяйства. Ещё большее разнообразие наблюдается в полупустынной зоне, во многом совмещающей в себе признаки пустыни и сухих южных степей.

Достаточно разнообразны в Казахстане и чисто степные ландшафты. Разнотравно-ковыльные степи северных районов столь же мало похожи на кургальджинскую типчаковую степь, как роскошная ковыльная степь Павлодарского Заиртышья – на кустарниковую степь юга Семипалатинской области или сухую типчаково-полынную степь Карагандинской области, напоминающую скорее полупустыню.

Всё это богатство открытых равнинных ландшафтов на протяжении десятилетий испытывает на себе непрерывное влияние антропогенного фактора – той самой деятельности человека, которая так благотворна в пустыне и полупустыне *на первых порах*. Однако, не останавливаясь на достигнутом, своей дальнейшей непрерывной (нередко – деструктивной) деятельностью человек постепенно *преобразует* окружающую среду – будь то пустыня, степь или лес. И все эти природные ландшафты, как шагреновая кожа, непрерывно сокращаются или трансформируются до неузнаваемости...

Главная задача предлагаемых фото-рассказов – показать читателю, какими были эти ландшафты и их обитатели ещё в недавнем прошлом; а второстепенная, попутная – познакомить с буднями и условиями работы биологов, изучавших биологическое разнообразие этих ландшафтов – растения и животных...

17 июня 2023 г. – 17 марта 2024 г.

01. Пустыни и полупустыни

Рис. 4. Ландшафт песчаной пустыни. Поющий бархан в долине р. Или. 1981 г. *Фото Р.А. Кубыкина*

Рис. 5. Плато Устюрт. Такыр после дождя 14 мая 1990 г.

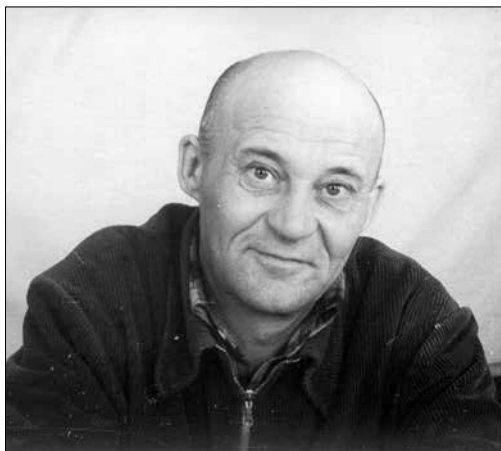
Низовья Таласа и первое знакомство с полупустыней

Строго говоря, первое соприкосновение с пустынями Средней Азии произошло на 17 лет раньше – летом 1942 года, во время эвакуации нашего семейства в теплушках по маршруту «Красноводск – Ашхабад — Ташкент – Арысь – Кзыл-Орда – Соль-Илецк – Оренбург – Марийская АССР (ныне Мари-эл)». Однако от многодневного пересечения в поезде знаменитых Каракумов и Кызылкумов в детской памяти пятилетнего мальчугана сохранились только воспоминания о невыносимой жаре и рисовом отваре (без соли), которым наши мамы лечили нас, детей, от жестокой дизентерии, разыгравшейся в эшелоне...

Именно об этом вспомнилось мне в жаркие дни конца августа 1959 года, когда плацкартный вагон скорого поезда № 17 «Москва – Алма-Ата» пять долгих дней вёз нас с женой Тamarой, выпускников Харьковского университета, на работу в заповедник Аксу-Джабаглы (Южный Казахстан). Вторая половина пути проходила по безбрежным степным, полупустынным и пустынным просторам Казахстана. Глядя в окно на бескрайние и безлюдные, выгоревшие от солнца равнины, я думал о том, как выживают здесь птицы, многие из которых ещё совсем мало изучены и тем самым мне интересны...

Прибыв в ночь на 31 августа 1959 г. на станцию Тюлькубас и за час езды на грузовике по степным предгорьям, где дорогу в свете фар перебежали какие-то тушканчики, добравшись до конечного пункта назначения – села Новониколаевка, утром 1 сентября мы были вознаграждены великолепным видом гор с сияющими снежными вершинами, а само село оказалось на удивление зелёным, утопавшим в садах. Всё это вместе с новыми заботами (уже 5 сентября, взобравшись впервые в жизни в седло, я участвовал в учёте архаров и сибирских горных козлов вдали от этого уютного сельского жилища) отодвинуло на задний план впечатления об унылых пустынных равнинах... Однако ненадолго.

Директор заповедника Евгений Алексеевич Ганюшин, бывший фронтовик, а по специальности лесник-лесовод, оказался не просто любителем природы, но и страстным охотником «по перу». С первых же дней он ориентировал меня, своего зама по науке, на создание при центральной усадьбе заповедника Музея природы и даже дал мне подготовленные им списки птиц, которые, должны быть экспонатами в этом музее. Нечего и говорить, что в списках этих преобладали утки и прочая водяная птица. Увидев моё удивление, он тут же объяснил: да, в горах заповедника они не водятся, но ведь ежегодно пролетают через его территорию, а некоторые и зимуют здесь. А поскольку в самом заповеднике стрелять *нельзя*, то мы будем добывать их за его пределами – на озере Бийликоль в низовьях Таласа. Так появилась возможность увидеть полупустыню!

Рис. 6. Евгений Алексеевич Ганюшин. **Рис. 7.** Водитель Пётр Фомич Хвостиков, зоолог Реджинальд Викторович Полосухин, Е.А. Ганюшин и его любимый спаниэль по имени Санч. Низовья Таласа, сентябрь 1959 г.

Рис. 8. В низовьях Таласа. **Рис. 9.** Н.А. Янушко с добычей. **Рис. 10.** Впервые на ишаке. Сентябрь 1959.

А поскольку Евгений Алексеевич был человеком не только слова, но и дела, то уже в сентябре он издал приказ о полевом выезде в низовья Таласа «для пополнения экспонатов музея». В конце приказа была такая замечательная фраза: «в составе научной группы выезжаю сам (руководителем группы он поставил меня – АК), ВрИО директора на период моего отсутствия назначаю главного лесничего А.А. Ивановского». Состав группы был минимальный. Кроме нас двоих в неё вошли: зоолог Реджинальд Викторович Полосухин (гельминтолог, закончивший Горьковский университет и два года изучающий в заповеднике экологию тьянь-шанского белокоготного медведя), препаратор Николай Алексеевич Янушко (для снятия шкурок птиц) и водитель единственной автомашины заповедника Пётр Фомич Хвостиков, встретивший меня в Тюлькубасе 31 августа и с того дня ставший мне лучшим другом (без него всё равно мы никуда бы не выехали). Машину Петя знал превосходно, водительский стаж имел приличный (крутил баранку и до армии, и в армии) и со своим очень спокойным и рассудительным нравом был незаменим в любом экспедиционном коллективе.

Впечатлений от этой недельной поездки у меня набралось с избытком. Во-первых, от самой новой для меня местности. Полупустыня оказалась вовсе не полупустой, как того обещало её название. Просто вместо сплошного травяного покрова из злаков земля здесь была покрыта редкой эфемерной и солянковой растительностью из полукустарничков, не составлявших сплошного растительного покрова, часть земли была обнажённой. В понижениях озёрных котловин и самой реки Талас встречались целые заросли настоящих кустарников – гребенщика (*Tamarix* sp.), чингила (*Halimodendron halodendron*), лоха (джигды), а у самой воды и на мелководье – тростниковые крепи и много разной околотоводной растительности. Год был многоводный: озеро Бийликоль и его озёра-спутники Акколь, Ащиколь и другие были наполнены.

Везде по берегам встречались рыбаки, промышлявшие сазаном. К одному из таких стариков-рыбаков и привёз нас Петро. Старик приютил нас рядом со своим станом, угостил прекрасной ухой из сазана. Помню, как меня поразила самобытная философия этого старика. В первый же вечер, когда после ухи (а уха без рюмки – не уха, а просто рыбный суп) у костра завязалась беседа с непременными охотничьими рассказами – кто где бывал, чего стрелял, кого видел. Выслушав эти рассказы, благообразный старик вдруг сказал: «Слушаю я вас и не понимаю: там-то был, то-то видел... А мне вот восьмой десяток, все их я прожил вот в этих камышах, дальше их нигде не бывал. И я счастлив». В мои 22 года трудно было это понять...

Отсюда утром и на вечерней зорьке выходили мы на охоту – т.е. на добычу экспонатов для музея. Гремели выстрелы, и самую интересную добычу Николай Алексеевич придирчиво отбирал для снятия шкурок, которые засаливал для изготовления будущих музейных чучел.

Меня больше всего интересовал фазан – чудо-птица, которую я в природе ещё не видел. Однако каждый раз внезапный взлёт этой роскошной птицы был для меня так неожидан, что я, как зачарованный, смотрел ей вслед и опаздывал вовремя нажать на курок (не говоря уже о том, чтобы сделать ещё упреждение,

т.е. выстрелить чуть вперёд летящей птицы). Спутники мои, уверенно «укладывающие» фазанов одного за другим, щадя моё самолюбие, делали вид, что не замечают моих промахов. И первые дни мне приходилось довольствоваться лишь тем, что собирать с них «даны» в виде содержимого желудков и зобов добытых птиц – для последующего определения их кормов. Зато каково было моё ликование, когда в зобе одного из добытых фазанов оказалось 28 маленьких лягушат! Да что я – даже специалист по куриным птицам Института зоологии Мария Алексеевна Кузьмина (1910-1986), опубликовавшая не одну статью по их биологии, была удивлена, когда я рассказал ей об этом... Но вот в один из дней мне повезло: я наконец добыл первого в моей практике самца-фазана! Конечно, он был самый красивый, самый яркий. И я попросил Николая Алексеевича сделать мне чучело именно из *этого* фазана, что он с готовностью и выполнил. Этот красивый экспонат украшал моё жилище все 7 лет работы в заповеднике, а когда через год родилась дочь, её кроватка оказалась как раз под этим фазаном, и она каждый день, просыпаясь, видела его. Фазан – одно из первых слов в её детском лексиконе – только в её интерпретации это звучало как «базан»...

Яркий колорит полупустынному ландшафту придавали верблюды (рис. 8), но меня вовремя предупредили, что это животное не так уж безобидно, а во время гона и просто опасно для человека. Эту простую истину надо знать каждому туристу, стремящемуся сфотографировать импозантную фигуру верблюда непременно крупным планом. Здесь же впервые попробовал я очень вкусную рыбу маринку и узнал, что её икра и чёрная выстилка брюшной полости ядовиты для человека. Это уж намного позднее, когда появилась Красная книга, стало известно о занесении этой рыбы на страницы Красной книги.

После этого мы ещё дважды ездили на охоту в низовья Таласа – в октябре 1959 г. и в апреле 1960 г. К сожалению, во время последней поездки в семье Евгения Алексеевича в Новониколаевке случилось несчастье, не только прервавшее наши поездки, но и вынудившее его с семьёй уехать из Аксу-Джабаглы... А мне до сих пор жаль – и их преждевременного отъезда (это был самый лучший директор заповедника за все годы моего знакомства с заповедником), и того, что у меня не сохранилось снимков тех лет, которые можно было бы сопоставить с более поздними – на предмет многолетних изменений ландшафта.

*****

Вновь я посетил эти места только через 24 года – в мае 1983 г. Для этого мне пришлось оставить экспедицию в Восточной Бетпак-Дале, так как предстояла двухнедельная поездка в низовья Таласа, о чём мы ещё зимой договорились с Иваном Моисеевичем Панасенко из Института водного хозяйства, который располагался тогда в городе Джамбул (ныне Тараз). В Алма-Ате, куда я приехал автобусом из Фурмановки (бывшая Гуляевка), меня ожидала приехавшая из Чокпака киевлянка Валерия Антоновна Мельничук (1939-2021), с которой мы ещё в августе 1982 г. на XVIII орнитологическом конгрессе договорились, что она приедет поработать на водоёмах Южного Казахстана и на Чокпакском стационаре. Поездом мы выехали в Джамбул (ныне Тараз) и на предоставленной нам институтом КазНИИВХ машине УАЗ-452 отправились в низовья Таласа. Третьим зоологом с нами поехал знаток этих мест, сотрудник областного краеведческого музея Владимир Геннадиевич Колбинцев – прекрасный герпетолог, закончивший Томский государственный университет и уже хорошо знакомый мне по встречам в Алма-Ате. Эта поездка стала для него знаковой, так как именно здесь он заинтересовался птицами, очень увлёкся ими и к концу 90-х гг., после нескольких лет работы в заповеднике Аксу-Джабаглы, стал профессиональным гидом для бёрдвотчерских групп, которые водит по Казахстану уже более 20 лет.

Водников было также трое (в том числе Таня Зеленцова и маленькая девушка по имени Павлинка), и мы составили хороший, дружный коллектив. За две недели, с 12 по 27 мая, мы посетили озёра Акколь и Ащиколь (на которых я бывал в 1959 г.), охотхозяйство Володи Чувашова в низовьях самого Таласа (там впервые я увидел белобрюхих рябков – *Pterocles alchata*) и оригинальное озеро Кызылколь, уже в восточных предгорьях Каратау, на котором в последние десятилетия орнитологи бывают практически ежегодно.

Рис. 11. Бывшее дно озера Акколь: участок, только что высохший (В. Мельничук, А. Ковшарь). Фото В.Г. Колбинцева

Рис. 12. Ранее высохший участок, с образованием такры и появлением тамарикса. Май 1983 г.

Рис. 13 и 14. Участки бывшего дна с разной степенью зарастания кустами тамарикса. Май 1983 г.

Особенно запомнилось посещение озера Акколь, которое высохло и по бывшему дну его местами на многие километры выросла «щетина» молодого тамариска! Не менее сильное впечатление осталось от поисков озёр Казоты, где 25 октября 1963 г. утонул один из любимых учеников И.А. Долгушина Дмитрий Иванович Чекменёв (1921-1963). Мы долго искали эти озёра, пока не поняли, что ездим по их бывшему дну, уже давно заросшему редким кустарником! Трудно было представить, что на этой пыльной равнине 20 лет назад было озеро, в котором можно было утонуть...

В этой части маршрута мы нашли три гнезда белого аиста (*Ciconia ciconia*), хорошо знакомой мне с детства птицы, гнёзда которой на Украине украшали едва ли не каждую соломенную крышу сельских хат. Приятно было узнать, что название этой птицы на казахском языке («лейлек») звучит почти так же, как на украинском – «лэлэка». Но здесь белый аист изолированного среднеазиатского подвида в последние годы стал большой редкостью и уже 5 лет как занесен в Красную книгу Казахстана; численность его здесь исчисляется считанными парами. Найденные нами гнёзда располагались на строениях: одно – на старой кошаре и два – на муллушках среди кладбища, причём до одного можно было даже дотянуться рукой...

Рис. 15 и 16. Село Уюк, в районе которого ещё гнезился белый аист. Май 1983 г.

Рис. 17 и 18. Гнёзда белого аиста на мавзолеях. Низовья Таласа, с. Уюк. Май 1983 г.

Рис. 19 и 20. Гнёзда белого аиста там же. Низовья Таласа близ с. Уюк. Май 1983 г.

Рис. 21 и 22. Гнездо малого зуйка (*Charadrius dubius*) и уцелевшие пуховички. Талас, май 1983 г.

Долго искали мы второго представителя Красной книги – журавля-красавку (*Anthropoides virgo*), который должен был гнездиться по степным участкам восточных предгорий Каратау и котловины озера Бийликоль: ещё весной 1970 года на Чокпаке я сам видел, как от пролётных журавлиных стай отделялись пары и, призывно курлыкая, как бы прощаясь со стаей, опускались в этих местах, явно прилетев домой.

Как-то погожим майским вечером, завершив обследование низовьев реки Талас и окружающих её пустынных пространств, мы возвращались в город Джамбул. Когда до города оставалось всего километров двадцать, я вспомнил, что где-то поблизости должно быть озеро Сингербай, на берегах которого, как мне рассказывали, гнездятся журавли-красавки. Проверить это было очень заманчиво. Поэтому, несмотря на позднее время и общую усталость, я обратился к руководителю экспедиции с просьбой свернуть к озеру.

Рис. 23. Гнездо орла-могильника на старом лохе. Май, 1983. **Рис. 24.** Луговая тиркушка на солонце.

К моему удивлению, Иван Моисеевич сразу же согласился, и вот после получаса петляний по разбитым проселочным дорогам и расспросов то в одном селе, то в другом наш видавший виды запыленный УАЗ'ик остановился, наконец, на зелёной лужайке у крохотного, но живописного озера. Берега его густо поросли тростником, на противоположном был виден дом отдыха, а прямо перед нами расстился широкий открытый плёс. Рядом тарахтел трактор, а по дороге то и дело проезжали машины. Несмотря на такую близость цивилизации, озеро жило своей жизнью. На открытом плёсе плавали утки и лысухи, в дальнем углу держался выводок большой поганки, или чомги. Из тростниковых крепей доносились крики камышниц, а скрипучие голоса дроздовидных камышевок состязались с дружным хором озёрных лягушек. По берегам кормилось несколько черноголовых трясогузок и прилетевшие из поселка угод и пара скворцов, в воздухе стремительно носились, спускаясь до самой воды, деревенские и береговые ласточки.

Рис. 25. Наша машина у озера Сингербай в поисках журавля-красавки. Низовья Таласа, май 1983 г.

Журавлей вокруг не было видно, и только вдали, на фоне заходящего солнца, высоко в небе медленно проплывали два характерных величавых силуэта, но кто это был – серые журавли или красавки – так и осталось неизвестным. Повисшее над горизонтом солнце осветило озерко косыми лучами, и на воду легли длинные тени от стеблей тростника. Пора было ехать обратно.

Но когда я, подойдя к машине, бросил последний взгляд на озеро, то заметил, что поверхность его, бывшая еще минуту назад зеркальной, оказалась прочерченной какой-то линией, которая, всё удлинялась, образуя впереди себя расходящиеся круги. По озеру кто-то плыл. Каково же было мое удивление, когда, посмотрев в бинокль, я обнаружил, что это была ... ласточка! Обыкновенная светло-бурая береговушка (*Riparia riparia*), намокшее оперение которой казалось сейчас почти чёрным. Странно было видеть эту властительницу воздуха в столь необычной для неё обстановке. Узкие, серповидно изогнутые крылья её, так восхищающие нас лёгкостью и грациозностью своих движений в воздухе, сейчас намокли и беспомощно обвисли, напоминая скорее ходули или костыли, которыми птичка с видимым усилием опиралась о воду, занося их далеко вперед и рывком приподнимая тело над водой. После нескольких таких рывков, отдалённо напоминающих плавание стилем баттерфляй, ласточка подолгу отдыхала, распластав на воде крылья, а потревоженная её продвижением вода светилась за ней шлейфом из пузырьков воздуха.

Затаив дыхание, следили мы за этим поединком маленькой птички с чужой для неё стихией. Путь её лежал к тростнику, взобравшись на наклонные стебли которого, ласточка могла бы просушить крылья и улететь. Вот уже до спасительных стеблей остаётся метров двадцать, затем десять, пять и, наконец, птичка скрылась в густых тростниковых зарослях. Расстояние в тридцать метров она преодолела за три минуты, тогда как летящей для этого понадобилось бы не более нескольких секунд...

Трясаясь по ухабам разбитой дороги в наступающих сумерках, мы долго обсуждали только что виденное. Как ласточка попала в воду? Видимо, во время питья налету она не рассчитала то ли угол наклона, то ли скорость – вот и зачерпнула лишку воды. Как она сумела так долго продержаться на воде? В этом нет ничего удивительного. Ведь удельный вес птиц очень мал, и не только за счет пневматичности скелета и расположенных в полости тела воздушных мешков. Сам перьевой покров удерживает очень много воздуха и служит как бы спасательным кругом. Поэтому любая птица может держаться на воде, пока перо её окончательно не намокнет. Известны случаи вынужденной посадки на воду в море даже таких сухопутных птиц, как перепел. Вся загвоздка в том – как взлететь? Ведь сухопутная птица не может разбежаться по воде и оттолкнуться от её поверхности при помощи перепонки на пальцах ног, как это делают, например, утки. Но наша ласточка нашла выход, добравшись до спасительного тростника...

После одного дня в городе, понадобившегося для дозаправки машины и закупки продуктов, мы в укороченном составе (только зоологи) выехали на несколько дней вверх по реке Талас: меня давно занимала горная часть долины этой реки, давшей название всему хребту, в западной оконечности которого я работал семь лет. Крутой подъём по серпантину вывел нас к плотине Кировского водохранилища, практически на границе Казахстана и Киргизии. Восточнее его острыми вершинками поднимались сухие каменистые горы Ичкиле-тоо, а южнее продолжалась довольно широкая долина Таласа, в которой среди изумрудно-зелёных влажных лугов были и участки настоящего леса. Этого я не ожидал, поскольку чуть западнее, на территории Аксу-Джабаглы, никаких широких речных долин и в помине не было!

Направляясь в объезд водохранилища к устью впадавшего в него Таласа, я непроизвольно подумал о том, что стоит киргизам по какой-либо причине перекрыть шлюзы – и расположенные внизу казахские территории, где большие площади заняты под огородные культуры, останутся без воды. Утешало лишь то, что в едином государстве с его плановым хозяйством такое невозможно. Мне и в голову не могло прийти, что всего через 8 лет исчезнет единое государство, Казахстан и Киргизия станут суверенными, и появится *проблема трансграничных вод*, которая раньше существовала только между СССР и Китаем.

Несколько дней, проведенные в пойменном лиственном лесу долины Таласа, напомнили мне пребывание в лиственных лесах европейской части страны, даже птицы почти те же – вплоть до вальдшнепа (*Scolopax rusticola*). По реке мы поднялись до города Талас и, миновав его, вышли в узкую долинку типично высокогорного вида, с низкорослыми субальпийскими лугами. В самом конце пути, когда казалось, что долина уже замыкается, Володя Колбинцев показал мне место, где дорога, петляя, поднимается на перевал. Посмотрев с завистью на это место, мы с сожалением повернули обратно: шли дожди и о том, чтобы подниматься на крутой склон в таких условиях, нечего было и думать. Да и время наше заканчивалось. Откуда я мог знать, что через 15 лет я проеду этой дорогой в обратном направлении в составе первой в моей жизни международной немецко-киргизской зоологической экспедиции...

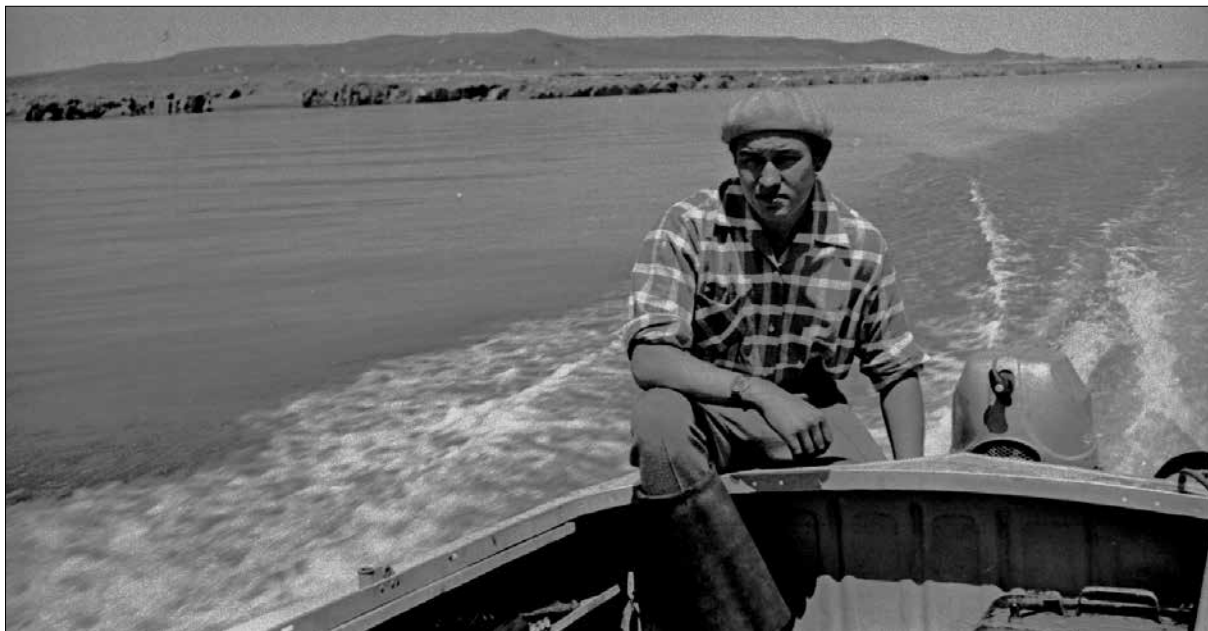
09 июля 2023 г. – 3 марта 2024 г.

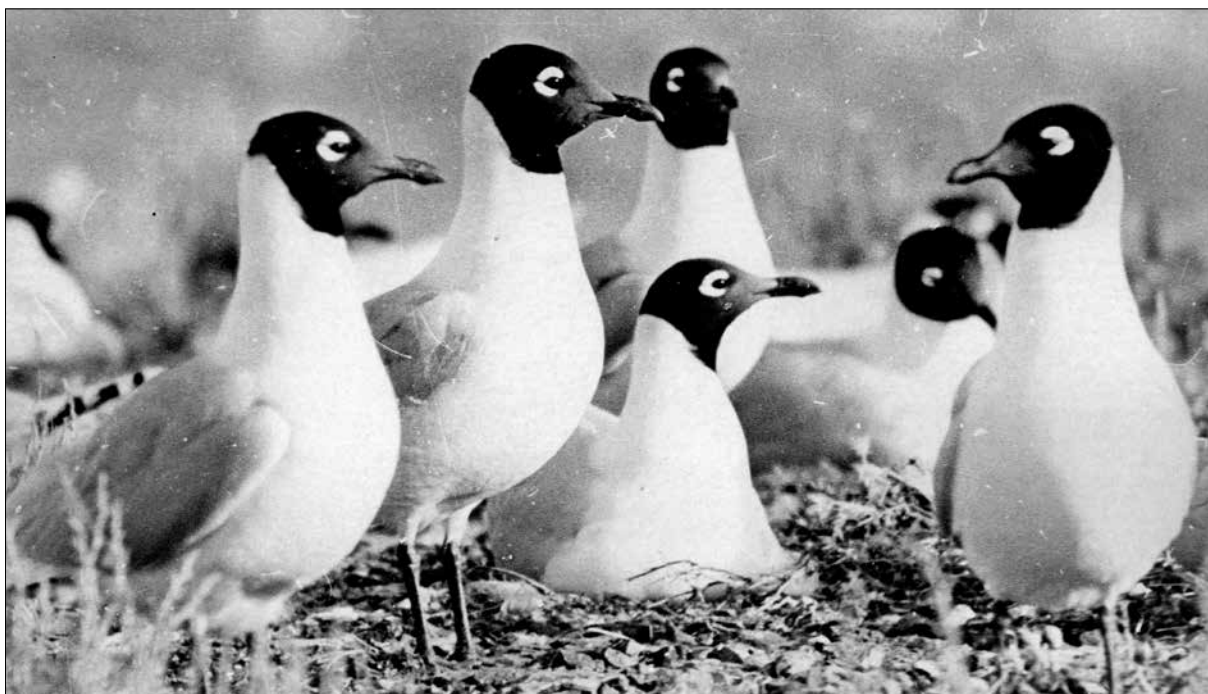
На озере Алаколь с Эрнарм Ауэзовым (1970)

*В год 80-летия Эрнара Мухтаровича Ауэзова
и 90-летия Эдуарда Ивановича Гаврилова
светлой памяти их посвящается*

02. Поездка на озеро Алаколь с Эрнарм Ауэзовым (май-июнь 1970)

Рис. 26. Эрнар Мухтарович Ауэзов (1943-1995) на фоне колонии реликтовой чайки. 6 июня 1970.

Рис. 27. Реликтовые чайки (*Larus relictus*) на колонии. Озеро Алаколь, о-в Средний. 4 июня 1970.

Так уж случилось, что после знакомства с полупустыней в низовьях Таласа прошло без малого два десятилетия работы в горах Тянь-Шаня, прежде чем я снова хоть на короткое время смог побывать в равнинных аридных районах Казахстана. И здесь, как говорит народная пословица: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». После неудачной поездки в ущелье Кульсай хребта Кунгей-Алатау в июне 1968 года и трёх операций, завершившихся медицинской новинкой – «аппаратом Илизарова» (см. рассказ о Кульсае в первой книге «От Тянь-Шаня до Алтая»), я к весне 1970 года был не готов к работе в горах и мог рассчитывать лишь на передвижение по равнинным местам. Поэтому я с радостью воспользовался возможностью посетить новые для меня места в виде двух экспедиционных поездок – на озеро Алаколь и в Кургальджинский заповедник. Этот рассказ – о первой из этих поездок.

Озеро Алаколь (длина 104, ширина 52 км, площадь зеркала 2200-2650 км², средняя глубина 22 м) занимает на юго-востоке Казахстана восточную часть пустынно-полупустынной Балхаш-Алакольской впадины – обширного понижения между горами Джунгарского Алатау и Тарбагатай на юге и Казахским мелкосопочником на севере, абсолютная высота этого понижения – от 342 до 600 м над уровнем моря. На западе впадина замыкается Чу-Илийскими горами, а на востоке через Джунгарские ворота (между одноименными горами и хребтом Барлык) соединяется с Джунгарской пустынной впадиной в Китае. Вокруг озера Алаколь и сопутствующих ему меньших по размерам озёр Джаланашколь, Сассыкколь, Уялы и др. – пустынные пространства, преимущественно плотногогрунтовые, но восточнее озера есть и массивы песков.

Целью моей поездки было именно озеро, вернее – один из его островов, где год назад было сделано важное орнитологическое открытие. Эта история полувековой давности касается обнаружения на озере Алаколь Эрнаром Ауэзовым реликтовой чайки (*Larus relictus*) – нового вида птиц, описанного Лёвнбергом в 1931 г. по добытому в 1929 г. в Гоби единственному экземпляру как подвид черноголовой чайки (*Larus melanocephalus*), обитающей далеко на западе – в средиземноморско-черноморском регионе. Наша предыстория второй уникальной находки такова.

Летом 1968 г. небольшой отряд алматинских орнитологов в составе Эрнара Ауэзова, Марата Бикбулатова и других под руководством заведующего лабораторией Э.И. Гаврилова кольцевал птиц на озере Алаколь. Среди большого количества чаек зоркий глаз опытного Эдуарда Ивановича заметил чайку, которая явно отличалась от других. Он попросил Эрнара, чтобы на будущий год он понаблюдал за этой чайкой и по возможности привёз в институтскую коллекцию экземпляры взрослых птиц, птенцов и гнёзд с яйцами для научного исследования и установления её таксономии.

Лето 1969 года Эрнар посвятил этой птице и собрал весь нужный научный материал. Изучение его в научных орнитологических центрах Москвы и Ленинграда подтвердило уникальность этой находки, но при этом встал ряд вопросов, которые надо было выяснить на месте....

И вот весной 1970 года Эрнар с помощником Анваром начинает полевые исследования на Алаколе, а меня Эдуард Иванович решил командировать туда дней на 10 в помощь им, но позднее – ближе ко времени появления у чаек птенцов, точная идентификация и описание которых представляли особую ценность. В середине мая 1970 г., как мы и договаривались, Эрнар Ауэзов приехал в Алма-Ату за мной и некоторым имуществом, в частности за новым лодочным мотором. Буквально через день пришла телеграмма из села Жарбулак (восточный берег Алаколя): «Лодку, имущество и документы утопил. Сам живой. Анвар». Читая и перечитывая её, обычно невозмутимый Эрнар сказал, что на розыгрыш это непохоже, ибо Анвар ещё совсем мальчишка и не станет так шутить со старшими. И мы срочно вылетели на маленьком самолёте ЛИ-2, имея груз 152 кг на двоих (теперь пришлось везти два лодочных мотора – «Вихрь» и «Нептун»). Сильный ветер задержал нас на несколько часов на аэродроме в Талды-Кургане, а затем доставил немало хлопот над Алакольской котловиной, где он гулял в полную силу. В Маканчи прилетели едва живые...

На место, в Жарбулак, мы прибыли под вечер, пришли к дому дяди Пети, у которого жили Эрнар с Анваром, и здесь нас встретил сам пострадавший. Оказалось, что он решил заночевать прямо в лодке у обрывистого берега. А когда ночью разыгрался штормовой ветер, лодку сорвало с якоря и стало относить от берега. Анвар успел выскочить из лодки, захватив только спальный мешок. Все остальное утонуло, причем место затопления в кромешной тьме рассмотреть было невозможно. Это уже днём дядя Петя выяснил, что лодка затонула там же, около берега, и вся занесена илом, песком и гравием (рис. 29).

Рис. 28. Жарбулак, «Магазин», где мы поселились. **Рис. 29.** Эрнар на затопленной лодке. 29 мая 1970 г.

Поиски техники для поднятия лодки не дали результатов. К тому же стогомёт, который мы так упорно искали в окрестных колхозах, вряд ли помог бы, поскольку с его помощью заиленную тоннами песка и гравия лодку можно было только разломать. Когда вода немного спала, мы стали вручную освобождать лодку от её каменно-песчаного груза, а просунув под днище длинные жерди («ваги», как называл их дядя Петя), постепенно раскачали облегчённую лодку (рис. 30) и оторвали её от илистого дна, к которому она плотно приклеилась. Только на второй день нам удалось вытащить лодку на берег (рис. 32-33).

Рис. 30-35. Процесс извлечения и просушивания лодки. Жарбулак, 29-30 мая 1970 г.

Теперь предстоял ремонт, поскольку во время шторма и последующего извлечения лодки с её бортов были сорваны так называемые волнорезы (длинные металлические угольники, приклепанные частой клёпкой вдоль каждого борта). Без них борт лодки выглядел как простреленный автоматной очередью. Здесь я оценил многоопытность и запасливость Эрнара: оказывается, среди тех 152 кг груза, что мы везли в самолёте, находилось и ведро, доверху наполненное клёпками. На освоение профессии клепальщика и латание дыр у меня ушло ещё полтора дня (зато работа эта мне понравилась!).

И вот утром 31 мая наша восстановленная посудина, нагруженная всем необходимым и снабжённая привезенным нами мотором, готова к отплытию (рис. 36). К этому времени к берегу причалил катер, так называемый ПТС (рис. 37) с отдыхающими на борту, среди которых было немало знакомых Эрнара, которые живо интересовались происходящим. Всё это потребовало некоторого времени, хотя погода явно не предвещала ничего хорошего и надо было поторапливаться. Поэтому поглядывавший всё время на небо Эрнар постарался поскорее распрощаться со всеми, кто помогал нам с лодкой, а также с вновь прибывшими и покинуть обрывистые берега Жарбулака. Наконец после долгих прощаний мы отчалили и направилась к острову Средний, где располагались колонии чаек и крачек. Однако достичь его сразу не удалось: разыгравшийся ветер «Сайкан» вынудил нас причалить к соседнему Каменному острову. Как объяснил Эрнар, такое здесь бывает часто. И при этом добавил, что на Каменном нет родников пресной воды (несмотря на заверения энциклопедий, что озеро пресное, вода в нём слабо солёная и для питья непригодна).

Рис. 36. Наш экипаж готов. Стоит Эрнар, на корточках дядя Петя. **Рис. 37.** Катер ПТС и отдыхающие.

Рис. 38. Высадка на остров Каменный 31 мая 1970 г. **Рис. 39.** Прощай, о-в Каменный! Вечер 31 мая.

Экскурсия по острову показала, что помимо мелких воробьиных птиц, среди которых особенно бросались в глаза яркие самцы каменок-плешанок (*Oehanthie pleschanka*) и желчных овсянок (*Emberiza bruniceps*), здесь обитают две семьи журавлей-красавок (*Anthropoides virgo*), у которых недавно вылупились птенцы. Несколько часов пробыли мы на Каменном и уже были готовы к тому, что здесь придётся заночевать. Чтобы добыть воду для чая, Эрнар выкопал некоторое подобие колодца прямо в прибрежной полосе, всего

в 10 м от прибой. Фильтруясь через толщу песка, вода стала менее солёной, чем в озере, однако жажду она не утоляла. Вскипятив чай, Эрнар достал пакетик с лимонной кислотой и стал добавлять её в чай вместе с сахаром. В таком виде горячий чай показался нам удивительно вкусным.

К вечеру ветер начал стихать, и Эрнар сказал, что пора отправляться дальше. Преодолев неширокий пролив, мы уже через час были на месте прежнего лагеря, успели поставить палатки и приготовить ужин. Последний представлял собой яичницу из яиц хохотуньи (*Larus cachinnans*). Эта крупная чайка с хорошо выраженными хищническими наклонностями была довольно многочисленной на острове и представляла собой реальную угрозу для реликтовой чайки. Поэтому Эрнар время от времени проводил здесь своеобразное «биотехническое» мероприятие: налив в ведро солёной озёрной воды, он обходил остров, по периметру которого располагались одиночные гнёзда этой красивой разбойницы, и поочередно опускал её яйца в солёную воду, проверяя их на степень насиженности. Свежеснесенные яйца при этом шли ко дну, а насиженные (у которых по мере инкубации разрасталась воздушная полость) всплывали. Чаячья яичница оказалась отменной. Эрнар не ограничивался изъятием яиц, он отстреливал и взрослых хохотунь, из мяса которых готовил котлеты (для чего даже привез на остров мясорубку!). И если бы не песок, который попадал в фарш с воздуха и из воды, котлеты были бы вполне съедобны.

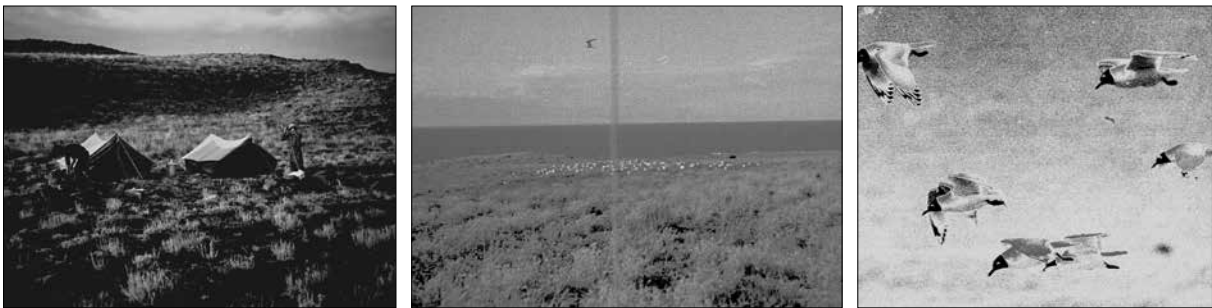
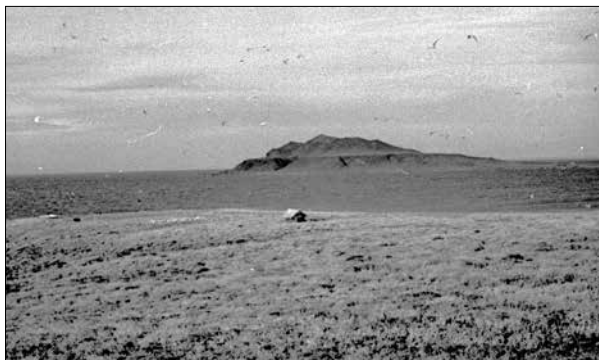

Рис. 40-42. Лагерь на о-ве Средний; вид на колонию из палатки; реликтовые чайки в полёте. 2 июня.

Остров Средний – крошечный по площади (всего 0.6 км²) клочок суши, расположенный между двумя островами покрупнее, почти в центре большого озера (до ближайшего восточного берега – 15 км). Берега острова большей частью пологие, но местами образуют скальные отвесы до 3-4 м высотой, которых гнездятся большие бакланы (*Phalacrocorax carbo*). Центральная часть острова поднята до 65 м над водой. Пологие склоны этой возвышенности и опоясывающие их террасовидные уступы покрыты щебёнкой с редкой засушливой растительностью, среди которой довольно часто видны щебенистые плешины. И только на более крутом северо-восточном склоне имелись заросли кустарников до 1.5-2 м высотой.

Этот изолированный от наземных хищников островок (лишь в редкие годы сюда по льду проникают с соседнего острова лисицы) стал пристанищем для большого количества пернатых. Во время нашего пребывания здесь, помимо колонии реликтовой чайки, были две плотные колонии чеграв (*Hydroprogne caspia*) общей численностью не менее 1500 пар, три небольших колонии черноголовых хохотунов (*Larus ichthyaetus*) – около 500 пар, колония чайконосых крачек (*Gelochelidon nilotica*) – около 1000 пар, колония речных крачек (*Sterna hirundo*) – около 200 пар, а также не менее 200 гнёзд хохотунь (*Larus cachinnans*), разбросанных в основном по периметру острова. Кроме того, здесь гнездились не менее 10 пар серых уток (*Anas strepera*), две пары куликов-сорок (*Haematopus ostralegus*), несколько пар полевых жаворонков (*Alauda arvensis*), деревенских (*Hirundo rustica*) и береговых (*Riparia riparia*) ласточек. Многие из этих птиц гнездились всего в 10-15 м от гнёзд реликтовых чаек, а одно гнездо чайконосой крачки размещалось даже внутри их колонии. Реликтовые чайки облюбовали верхнюю часть холма в центре острова, примерно в 100 м от места своей прошлогодней колонии (в 1969 г., по словам Эрнара, здесь было 25-30 гнезд). В начале июня 1970 г. мы насчитали в колонии 108 гнезд, в стороне находились ещё восемь гнезд, а одна пара реликтовых чаек гнездилась в 100 м от основной колонии, почти в центре колонии чеграв. Забегая вперёд, могу сказать, что через год, по наблюдениям Эрнара Ауэзова, реликтовые чайки в числе 32 пар гнездились в 300 м от колонии 1970 года, всего в 20 м от берега.

Рис. 43. Колония и скрадок на фоне о-ва Каменный. **Рис. 44.** Взлёт колонии после выстрела. 5 июня.

Рис. 45. Обычный вид колонии. **Рис. 46.** Гнёзда в колонии. 22 июня 1969. Фото Э.М. Ауэзова

Рис. 47. Реликтовые чайки на колонии. 4 июня 1970 г. **Рис. 48.** Спонтанный взлёт колонии. 5 июня 1970 г.

Стараясь наверстать упущенное на берегу время, я в первое же утро поставил вблизи колонии маленькую палатку (рис. 43) и весь этот и последующие дни проводил в ней, наблюдая за поведением невиданной ранее птицы. У этой небольшой, изящной темноголовой чайки на расстоянии сразу же обращает на себя внимание ярко-белое полукольцо вокруг глаз, которое, вне всякого сомнения, намного заметнее, чем у летающих здесь же более мелких по размерам озёрных чаек (*Larus ridibundus*). В полёте она представляет собой уменьшенную копию черноголового хохотуна, от которого на расстоянии, помимо размеров, отличается также тёмным клювом и лёгким полётом. Вблизи замечен светло-кофейный налёт на чёрном оперении вокруг клюва — на лбу и по бокам головы.

В колонии во время насиживания яиц реликтовые чайки ведут себя довольно спокойно и человека подпускают до 30 м. При дальнейшем приближении взлетают всей стаей и бесшумно летают кругами над колонией с тихим гоготанием или молча (рис. 48). Как только опасность минует, сразу же опускаются недалеко от колонии и идут к гнёздам. Вылупление птенцов началось 2 июня, и сразу же отпали всякие

сомнения в том, что птенец, которого я демонстрировал в Зоологическом институте АН СССР, принадлежал данному виду. Все пуховички появлялись почти чисто белыми, и только через несколько дней на белом опушении у некоторых проявлялись тёмные окончания перьев, создающие подобие бледного рисунка.

На окраине колонии в одном из гнезд 5 июня мы наблюдали вылупление первого птенца. В этот день утром чайки вели себя, как обычно, и не обращали внимания на палатку-скрадок, из которой я уже три дня вёл наблюдения всего в 12 м от колонии. Это позволило мне передвинуть свой скрадок еще на 2 м ближе. Однако к концу дня вся колония была взбуждена: в течение получаса чайки кружили над гнёздами, кричали больше обычного и явно были чем-то напуганы. Я тотчас вернул скрадок не только на прежнее место, где он стоял уже несколько дней, но и ещё дальше от колонии.

Однако, скорее всего, причиной испуга чаек были несколько выстрелов, впервые прозвучавших в этот день на острове. Это Эрнар ввиду моего скорого отъезда решил добыть одну реликтовую чайку для Лео Суреновича Степаняна (1931-2001), заручившись моим согласием сделать из неё тушку, которую не стыдно было бы хранить в личной коллекции этого столь уважаемого им систематика. На следующий день в колонии было много разбитых яиц, внутри которых находились полностью сформировавшиеся птенцы; из 108 гнезд уцелели 79. Что бы ни было причиной такой паники в колонии, мы с Эрнарм чувствовали себя в какой-то мере причастными к этому. С тех пор я твёрдо знаю, что как бы ни были покладисты эти милые птицы, в период вылупления птенцов они ведут себя очень нервно, и в это время к гнёздам лучше не подходить. И уж тем более нельзя стрелять в ближайших окрестностях, так как любой неосторожностью можно погубить всю колонию...

Рис. 49. Обратный путь.... 6 июня 1970 г. **Рис. 50.** Уникальный снимок грозы над Алаколем. *Фото П.Б. Анненкова*

В этот же день, 6 июня 1970 г., Эрнар увёз меня на восточный берег к Жарбулаку, где меня ожидала экспедиционная машина для дальнейшей поездки по маршруту «Аягуз – Каркаралинск – Кургальджин». Так закончилась эта короткая, но незабываемая поездка, детали которой я помню до сих пор, 53 года спустя...

Рис. 51. Скалистые берега острова Средний, на которых гнездятся большие бакланы. Июнь 1970.

*****

Руководствуясь соображениями сохранения редкой птицы, мы вынуждены были отказывать всем, кто хотел приехать на остров, чтобы посмотреть реликтовых чаек. А желающих было немало. В том числе и наши уважаемые коллеги из Зоологического музея ЗИН (мой старый приятель Роальд Леонидович Потапов (1933-2018) даже всерьёз обиделся на меня за такой отказ и в пылу полемики пытался доказать, что ещё не известно, что важнее – сохранить эту птицу в природе или в хранилище центрального музея).

Такой ажиотаж вокруг этой птицы побудил нас ускорить организацию охраняемой территории на озере Алаколь. Одновременно с завершением статьи о видовой самостоятельности реликтовой чайки, опубликованной в «Зоологическом журнале» в 1971 г. (предварительное краткое сообщение о находке её колонии было напечатано в «Вестнике АН КазССР», 1970. № 1), Эрнар Ауэзов стал собирать документы и публиковать в газетах статьи о необходимости охраны этой уникальной колонии, а я как председатель секции охраны животного мира Казахского общества охраны природы поставил это в повестку заседания секции, которая поддержала идею создания **заповедника** на Алаколе.

В результате всех этих действий летом 1971 г. руководство заповедного Главка приняло паллиативное решение: остров Средний на оз. Алаколь объявить государственным **заказником**! Поскольку такое решение шло вразрез с тем, что мы предлагали, а заказной режим не исключает посещения острова людьми (например, отдыхающими), то я продолжал во всех инстанциях доказывать необходимость создания именно заповедника, посвятив этому вопросу дискуссионный доклад **«Реликтовая чайка: заповедник или заказник?»**, сделанный на научно-производственном совещании «Исчезающие и редкие звери и птицы Казахстана, меры по их охране и воспроизводству», состоявшемся в Академии наук Казахстана 15-16 февраля 1973 г. по инициативе Аркадия Александровича Слудского (1912-1978) – как первый шаг к созданию Красной книги Казахстана.

Поскольку в нём очень кратко освещена вся проблема, а сборник, в котором опубликованы доклады совещания (Редкие и исчезающие звери и птицы Казахстана, 1977), давно уже стал библиографической редкостью, позволю себе привести пространную цитату из этого доклада. «К сожалению, ажиотаж вокруг реликтовой чайки привел к тому, что ею как редчайшим видом заинтересовались сборщики коллекций и просто любители сенсаций. В результате в зун-торейской колонии (в Забайкалье – А.К.) в 1970 г. были проведены сборы птенцов, яиц и взрослых птиц, после чего эта колония перестала существовать. И хотя «после этого – ещё не значит вследствие этого», к тому же официально причиной гибели считают шторм (Потапов, 1971), нельзя не признать, что посещение колонии в момент вылупления птенцов и коллектирование в это время явились роковым дополнением к стихийному бедствию. Как бы то ни было, но алакольская колония осталась единственной. Создавшееся положение накладывает на Казахстан особую ответственность за сохранение этого вида. Поэтому орнитологи Академии наук КазССР подняли вопрос о заповедании о-ва Среднего. Ходатайство было поддержано целым рядом научных учреждений и общественных организаций Советского Союза, в т. ч. Зоологическим институтом АН СССР, Центральной лабораторией охраны природы МСХ СССР, Казахским обществом охраны природы. В частности, в письме, подписанном директором ЗИН АН СССР, академиком Б.Е. Быховским и заведующим лабораторией орнитологии этого института, доктором биологических наук К.А. Юдиным, говорится: «Достаточно одного вторжения сборщиков яиц, чтобы эта колония перестала существовать... Наилучшим практическим мероприятием, с нашей точки зрения, было бы объявить остров, где гнездятся реликтовые чайки, *заповедником* (курсив

Рис. 52. С.А. Талганбаев (справа) – первый директор Алакольского заповедника. 1999 г.

мой – А.К.) и организовать соответствующую его охрану. В дальнейшем будет целесообразным ходатайствовать об объявлении реликтовой чайки абсолютно охраняемым на территории СССР видом». В итоге летом 1971 г. о. Средний на оз. Алаколь был объявлен государственным заказником. Казалось бы, все хорошо. Но возникает вопрос: гарантирует ли режим заказника достаточно полную охрану колонии? Думается, что нет. Как известно, заказник – это территория, на которой запрещена охота... Но ведь прямое истребление охотниками меньше всего грозит реликтовой чайке. Гораздо опаснее сбор яиц, гнёзд, птенцов и, наконец, просто посещение острова туристами и другими любознательными путешественниками в период гнездования птиц. Следовательно, необходимо полностью запретить любое посещение острова людьми. А это возможно только при заповедном режиме... Только в таком случае можно будет рассчитывать на сохранность колонии реликтовой чайки...» (Ковшарь, 1977, с. 193-195).

Этот доклад был одобрен участниками совещания, в резолюцию которого было внесено предложение о необходимости преобразования уже существующего заказника в заповедник... Однако прошло ещё 25 лет, прежде чем Алакольский заповедник был создан. Но это уже другая история, с другими участниками и перипетиями событий. Они лучше всего известны человеку, которому удалось-таки довести начатое в 1971 г. дело до конца – создать наконец Алакольский заповедник – Серику Амирхановичу Толганбаеву...

Рис. 53 и 54. Западный берег озера Алаколь у лагеря орнитологов в ветреную погоду. *Фото Ю.С. Лобачёва*

Эрнар Ауэзов, безвременно ушедший из жизни за три года до оформления Алакольского заповедника, до конца своих дней следил за реликтовой чайкой и состоянием её колонии на Алаколе, а в последние годы, работая начальником отдела охраны животного мира «Казглавохоты», всемерно помогал орнитологам Института зоологии в проведении полевых работ на Алаколе, в том числе и по учётам реликтовой чайки. Помимо защиты кандидатской диссертации на тему «Биология реликтовой чайки и мероприятия по её охране» (1980), он опубликовал ряд научных работ и научно-популярных очерков об этой удивительной птице. Один из таких очерков под названием «Алакольский сюрприз», первоначально опубликованный в альманахе «Живые сокровища Казахстана» (1979), к 60-летию автора в 2003 г. был переиздан отдельной книжкой под названием «Чайка» на трёх языках – казахском, русском и английском.

Благодаря Эрнару об этой удивительной чайке сняты два научно-популярных фильма: в 1970 г. Акмолинской телестудией (режиссер Диаз Гильманов) и спустя несколько лет – студией «Казахфильм» под названием «Острова белых птиц» (режиссер Эльза Дильмухамедова). Сейчас значительная часть акватории озера Алаколь вместе с островом Средний вот уже более 25 лет является государственным заповедником, в котором орнитологи постоянно ведут мониторинг редких видов птиц, в том числе и реликтовой чайки.

10 июля 2023 г. – 10 апреля 2024 г.

03. Первая комплексная экспедиция лаборатории охраны диких животных (пустыня Сарыишикотрау, март-июнь 1982)

Рис. 55. Карта Южного Прибалхашья и место стационарных наблюдений (красный эллипс) в 1982 г.

Рис. 56. Расположение базового лагеря в урочище Карадон, 35 км ЮВ от Кароя. 1 апреля 1982 г.

Впервые по-настоящему мы начали работать в пустыне и полупустыне после завершения в 1980 году десятилетнего цикла стационарных исследований в высокогорье Заилийского Алатау, на БАО. В 1981 г. для рекогносцировки были предприняты выезды на пустынную равнину у северо-восточных предгорий Каратау в районе Жуантобе и на правобережье реки Или – территорию Капчагайского заповедно-охотничьего хозяйства (гамада между одноименным водохранилищем и Чулакскими горами). Поскольку теперь целью нашей работы стали не только орнитологические наблюдения, но поиски редких видов всех наземных позвоночных животных (от земноводных и пресмыкающихся до птиц и млекопитающих), мне как заведующему лабораторией «Проблем охраны диких животных» надо было организовать исследования всех этих групп животных силами специалистов новой лаборатории.

Зимой 1981/82 г., анализируя итоги экспедиционных поездок ушедшего сезона, я пришёл к твёрдому убеждению: надо попробовать провести совместную полевую работу всех специалистов лаборатории – орнитологов, герпетологов, териологов. Герпетологи были «за», и только Владимир Николаевич Мазин (1941-1999), привыкший работать в одиночку, никак не соглашался. Кое-как уломали и его, пообещав, что он вместе со своей женой В.Н. Мурзовым (1955-2005) и лаборантом Олегом Беляловым (1960-2020) станет отдельным лагерем, лишь бы недалеко от остальных – чтобы можно было периодически общаться.

Местом таких стационарных работ выбрали участок пустыни Сарыишикотрау на правом берегу реки Или чуть выше её дельты, недалеко от посёлка Карой (рис. 55). Эта территория в год наших наблюдений находилась у восточной границы Прибалхашского комплексного заказника, а в годы войны и в первые послевоенные (50-е гг. XX ст.) здесь был Прибалхашский лесхоз, снабжавший растущий город Алма-Ату топливом в виде первосортного саксаула. О методе заготовок этого топлива рассказывал мне ещё в 1959 г. в Аксу-Джабаглы Евгений Алексеевич Ганюшин, бывший одно время (50-е гг.) директором этого лесхоза.

Рис. 57 и 58. Пустыня Сарыишикотрау. Саксаульники ранней весной, конец марта 1982 г.

Рис. 59 и 60. Там же. Редкий саксаульник с участками такыров. Начало апреля 1982 г.

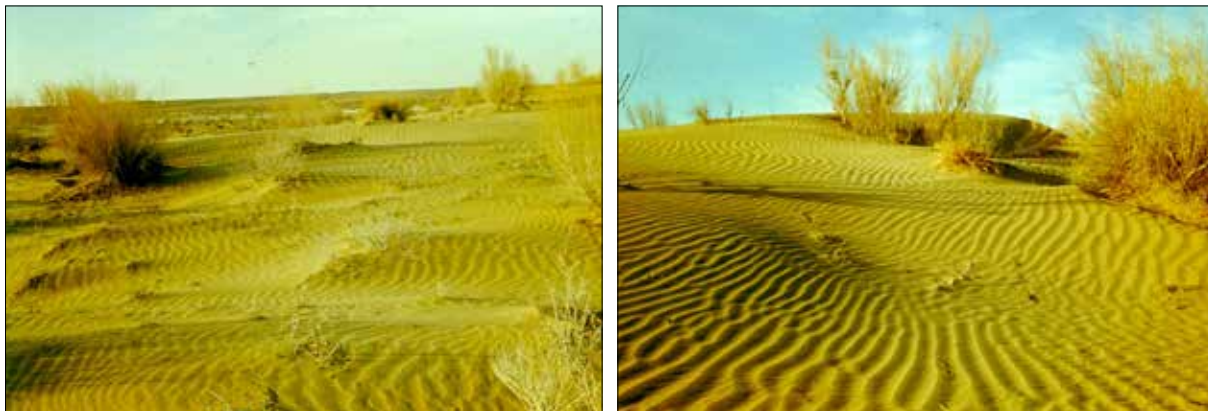

Рис. 61 и 62. Пустыня Сарыишикотрау. Типичные участки саксаульников. Апрель – май 1983 г.

Два мощных гусеничных трактора С-100 с натянутым между ними крепким металлическим тросом, направлялись в самую гущу саксауловых зарослей, оставляя между собой на песке выкорчеванные деревья саксаула – как поверженных солдат противника; невысокий подрост, верхушки которого прогибались под этой смертельной струной, оставался стоять. Так «приходовались» самые старые, «спелые» деревья саксаула и оставались лишь редины молодняка (рис. 57-62). Даже в год нашей работы, т.е. более 30 лет спустя, найти старое дерево саксаула (рис. 64) было большой редкостью.

Рис. 63 и 64. Относительно спелый саксаульник в Нуракпае и большая редкость – старое дерево.

Рис. 65 и 66. Песчаные участки пустыни Сарыишикотрау. Апрель – май 1982 г.

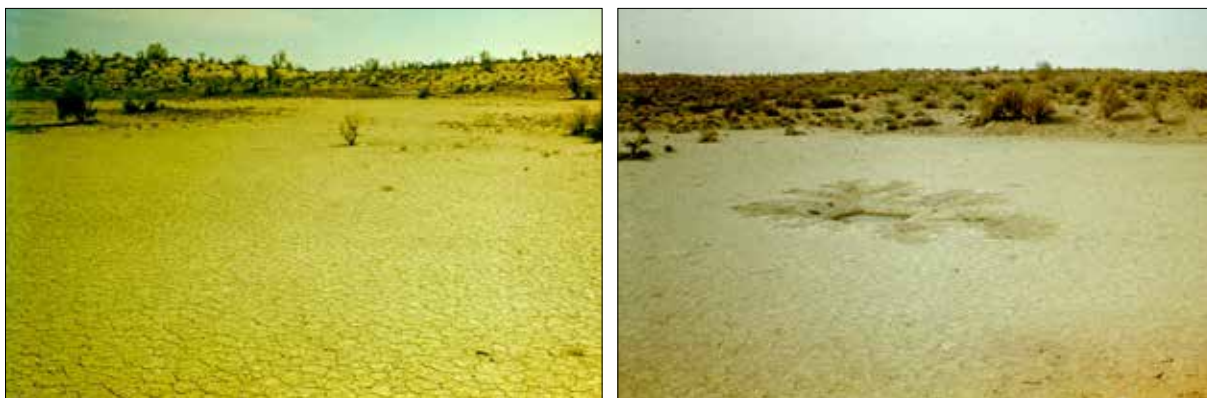

Рис. 67 и 68. Такыры на плакорах в понижениях и образование на них «хака» – водопоя. Май 1982.

В настоящее время эта территория входит в состав созданного в 2018 г. природного резервата «Иле-Балхаш», сотрудникам которого, начинающим изучать растительный и животный мир территории резервата, в первую очередь пригодятся наши сведения о том, что было здесь 38 лет назад. По сведениям зоологов противочумной службы и по их публикациям, в саксаульниках этого района обитала саксаульная сойка, илийский подвид которой (*Podoces panderi ilensis*), занесённый в Красную книгу Казахстана, был практически не изучен – известно было лишь несколько жилых гнёзд (Лесняк, 1959; Аракелянц, 1974). Я очень надеялся, что такая опытная «троица», как мы с Борисом Губиным и Анатолием Левиным, в условиях стационарных работ сможет «расколоть» этот загадочный вид.

Надо было только по возможности раньше попасть в эти места, потому что все представители врановых начинают гнездиться очень рано. Поэтому из Алма-Аты мы выехали 19 марта 1982 г., ещё по зиме, когда лежал снег и морозы порой достигали минус 10 градусов. В посёлке Карой нас приютили в противочумном отряде, расположенном на окраине этого небольшого, но разбросанного посёлка. Полевой сезон у противочумников ещё не начался, на хозяйстве оставался только комендант Амангельды, который разместил нас в так называемые «пляжные домики».

Это были небольшие фанерные, напоминающие коробки изделия, в каждом из которых стояло по две раскладушки. Для жаркого летнего периода они, наверное, были хороши. Но когда на второй день пошёл снег, покрывший землю слоем до 40 см, и температура понизилась до – 15°, то никакие наши спальные мешки (тоже «летнего» типа) не помогали. И нам приходилось собираться в пустующем глинобитном здании столовой, где мы готовили пищу, приводили в порядок свои записи и просто отогревались у затопленной печи.

Так прошло более недели! Конечно, времени зря мы не теряли. Шёл пролёт и прилёт птиц, каждый день наши экскурсии по селу и в его окрестностях приносили что-то новое, интересное. Однако нам нужна была саксаульная сойка, а её надо было искать в саксаульниках не ближе нескольких десятков километров, куда по такой погоде не доберёшься даже на ГАЗ-66.

Об этих мощных машинах, сослуживших нам верную службу в течение всех 80-х гг., можно было бы написать целую поэму. А в этот раз нам повезло и с водителем. Юра Абросимов, ещё недавно бывший студентом исторического факультета пединститута, оказался замечательным водителем и прекрасным членом экспедиционного коллектива. Как он сам рассказывал в красках, решение отказаться от профессии учителя, пришло к нему на педпрактике, где он насмотрелся на безграмотных учителей и пришёл к выводу, что лучше быть хорошим водителем, чем плохим учителем.

Вот один из его рассказов об уроке русского языка в сельской школе, где он проходил практику. Урок вёл лучший учитель района! Взяв мел, он написал на доске: «С чем варят борщ?». При этом Юра подумал: а хватит ли этой доски, чтобы перечислить все ингредиенты? Все устные ответы учеников учитель отвергал, а когда один из них написал мелом на доске: «Борщ варят с кастрюлями», он грозно сказал: «Неправильно!». Взял мел, исправил последнее слово на «кастрюлой» и победоносно оглядел притихший класс...

Вообще это был прирождённый рассказчик, поражавший правильной речью, в которой практически не встречалось неизбежных у большинства из нас повторов – как будто он читает уже отредактированный текст! В армии он служил в ГСВГ (группа советских войск в Германии), откуда недавно вернулся и Олег Белялов; вдвоём они часто предавались воспоминаниям об армейских нравах и проделках военачальников...

Только в последние дни марта потеплело, снег стаял, и наша орнитологическая часть экспедиции, переживавшая непогоду в «пляжных домиках», смогла загрузить в машину свой нехитрый скарб и выехать в пески (териологи и герпетологи должны были приехать позже, когда потеплеет). Первую саксаульную сойку мы встретили в урочище Нуракпай, однако здесь они были редкостью, и мы направились в урочище Карадон, где, по словам зоологов-противочумников, саксаульные сойки встречались намного чаще.

Рис. 69-72. Общий вид базового лагеря в Карадоне и кухня-столовая. Май 1982 г.

Лагерь разбили в небольшом межбарханном понижении с редким низкорослым саксаулом, поскольку сплошного саксаулового леса эта птица, несмотря на своё название, избегает. Приготовившись к длительным и упорным поискам этой не только редкой, но и новой для меня птицы (до этого я видел её только в клетке, в которой в 70-х гг. принёс её мне на несколько дней Мстислав Николаевич Корелов (1911-1996), уезжавший в поле), я был ошеломлён редкостной удачей, обнаружив на первой же экскурсии строящееся гнездо сойки в крошечном кустике саксаула (рис. 056, кустик на переднем плане), росшем на небольшом такыре всего в 50 м от нашего лагеря! Это гнездо получило у нас порядковый номер 1. Однако не все гнёзда доставались столь же легко – гораздо чаще бывало так, что на поиски очередного гнезда уходило несколько дней.

Рис. 73. А.Ф. Ковшарь и Б.М. Губин утром; стенку из тростника соорудили от заноса песком. Фото Олега Белялова

Рис. 74. Обед. Сидят слева направо: Ю. Абросимов, В.Н. Мурзов, А.Ф. Ковшарь, З.К. Брушко, Б.М. Губин, А.С. Левин. Стоит Олег Белялов. Сарыишикотрау, Карадон, май 1982 г. Фото Елены Анохиной

Тем не менее, нам удалось найти здесь в общей сложности 48 жилых и 36 старых (прошлогодных) гнёзд этой птицы, тогда как до начала нашей работы в литературе было известно всего 8 гнёзд илийского подвида саксаульной сойки (*Podoces panderi ilensis*)! Но для изучения биологии птицы недостаточно найти большое количество её гнёзд, надо ещё провести целый цикл наблюдений. Мы у найденных нами гнёзд провели более 160 часов наблюдений за деятельностью их хозяев на разных стадиях гнездового цикла и в разное время суток – по той же схеме, которую мы применяли в высокогорье. Помимо ставших стандартными наблюдений у гнезда в течение 4 часов (обычно с 6 до 10 час утра) мы раз в несколько дней проводили наблюдения в течение светового дня, меняясь «на посту» через каждые 4 часа, а однажды я даже ночевал в палатке у гнезда (как было с серпоклювом), чтобы иметь возможность пронаблюдать до самой темноты, а затем – уже с рассвета.

Эти наблюдения незабываемы по своему эмоциональному настрою (как и сами явления – рассвет и закат), к тому же они позволяют увидеть самые интимные моменты в семейной жизни малоизученных видов птиц. Всё это мы описали потом в наших совместных статьях, опубликованных в двух номерах «Бюллетеня Московского Общества Испытателей Природы» (Губин, Ковшарь, Левин, 1986).

Рис. 75 и 76. Саксаульная сойка и типичное расположение её гнезда. Апрель 1982 г. Фото Олега Белялова

Помимо саксаульной сойки мы с большим интересом занимались поиском гнёзд других птиц, особенно пустынной славки (*Sylvia nana*), которой здесь оказалось немало. Из птиц семейства рябковых, в отличие от Бетпак-Далы, где везде встречалась саджа (*Syrrhaptes paradoxus*) (рис. 79), здесь преобладали чернобрюхие рябки (*Pterocles orientalis*) (рис. 81), около гнёзд их мы также провели ряд очень интересных наблюдений, получив первые для нас сведения по гнездовой биологии этой полувыводковой птицы.

Рис. 77 и 78. Пустынная славка (*Sylvia nana*) и её гнездо с кладкой. Карадон, май 1982 г. Фото Олега Белялова

Рис. 79. Саджа. Фото Олега Белялова. Рис. 80. Олег Белялов фотографирует сажу на гнезде. Фото В.Н. Мурзова

После многих лет работы в горах мне приходилось привыкать и приспосабливаться к работе в новых условиях – равнина, пески, жара. Вот лишь одна интересная деталь. Все длительные наблюдения за птицами ведутся в сидячем положении (или лёжа), так как стоя наблюдатель очень заметен, да и не выстоять неподвижно час-два кряду. В горах всегда есть камень, на который можно сесть, подложив для теплоизоляции любую тряпку. А на песок, как оказалось, не сядешь. Во-первых, в таком мягком и чистом с виду песочке, как ни странно, всегда оказываются какие-то незаметные глазу колючки; во-вторых, масса разных мелких беспозвоночных тварей забирается в одежду, и потом приходится долго от них избавляться. И тут я вспомнил, что не зря Павел Иустинович Мариковский (1912-2008) всегда возит с собой стульчик (он мне не раз сам об этом говорил, но я считал это профессорской блажью). Теперь же мне пришлось купить раскладной матерчатый стульчик с алюминиевыми дугами – и проблема была решена. Много лет я носил с собой в поле этот стульчик (рис. 72, 73), привязывая к экскурсионному рюкзачку, к которому пришил для этого две завязочки... И даже вернувшись на рубеже столетий снова в высокогорье Тянь-Шаня (в составе киргизско-немецких экспедиций) я не смог отказаться от этой полезной (удобной) привычки...

Рис. 81. Чернобрюхий рябок (*Pterocles orientalis*). Фото Олега Белялова. Рис. 82. Олег у гнезда орла.

За всё время наблюдений, с 20 марта по 30 июня, нам удалось увидеть здесь птиц **183** видов, включая зимующих и пролётных, а также провести наблюдения за 178 жилыми гнёздами 19 видов птиц. Из них только по двум видам птиц – саксаульной сойке и пустынной славке – материалы опубликованы в специальных обзорах (Губин, Ковшарь, Левин, 1985, 1986; Ковшарь, Губин, 1990, 1991). Сведения по остальным видам увидели свет почти 30 лет спустя (Ковшарь, Губин, Левин, Белялов, 2020).

Рис. 83 и 84. Серый жаворонок (*Calandrella rufescens*) и пустынная каменка (*Oenanthe deserti*). Фото Олега Белялова

Наблюдения за каждым жилым гнездом заносились на гнездовую курточку. Формат такой карточки был разработан ещё в годы долгушинских стационарных исследований в высокогорье Заилийского Алатау (1964-1965) и дополнен там же в 1971-1978 гг. (Ковшарь, 1979, 1981). При этом лицевая сторона перфокарты содержала сведения о расположении, форме и размерах гнезда; а также описание яиц и птенцов – в ряде случаев с рисунком и результатами измерений. На обратную сторону заносились **по датам** сведения о содержимом гнезда и проведенными над ним наблюдениями – вплоть до вылета птенцов или их гибели.

Рис. 85. Пустынный сорокопут (*Lanius pallidirostris*) на гнезде с птенцами. Карой, Карадон. Фото Олега Белялова

Рис. 86. Саксаульный воробей (*Passer ammodendri*) на железной крыше дома. Фото Виктории Ковшарь

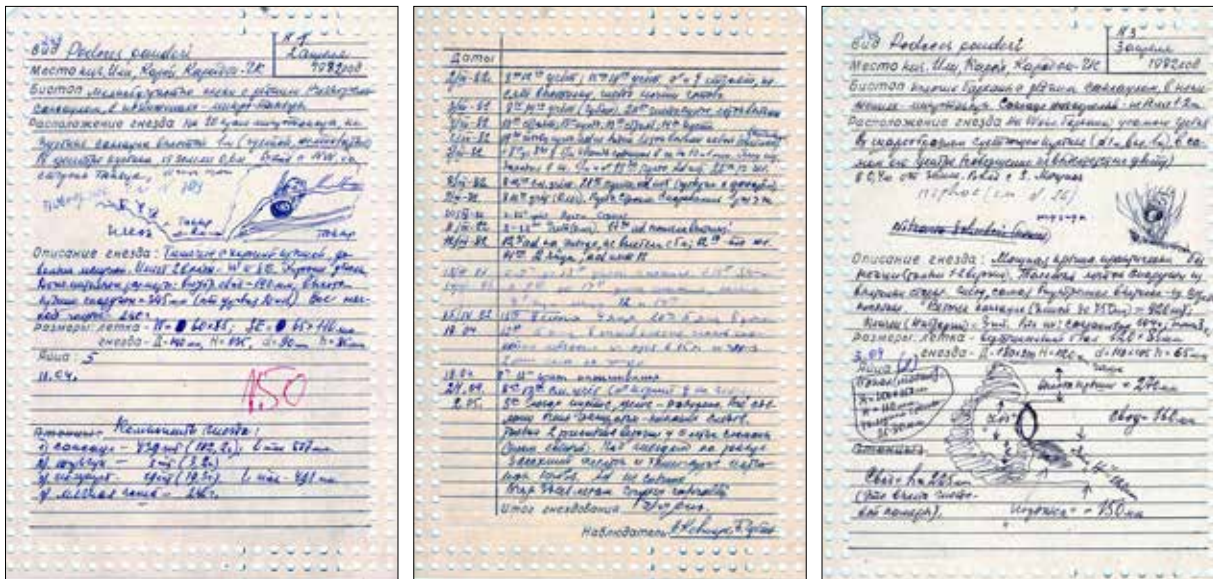

Рис. 87-88. Заполненная карточка на гнездо № 1 саксаульной сойки (лицевая и оборотная стороны)

Рис. 89. Лицевая сторона заполненной карточки на гнездо № 2 саксаульной сойки. Сарыишкотреу, апрель 1982 г.

Таким образом, каждая карточка содержала основную информацию о данном гнезде (рис. 87-88) с отсылками к дополнительным записям (например, результаты каждого 4-часового учёта-наблюдения за поведением птиц, строящих это гнездо, насиживающих кладку или выкармливающих птенцов). Анализ 49 таких гнездовых карточек по саксаульной сойке дал нам полную картину её гнездовой жизни. Интересные сведения были получены также о гнездовании пустынной славки (38 гнёзд), серого жаворонка и пустынной каменки (по 22 гнезда), в меньшей мере – пустынного сорокопута и саксаульного воробья (14 и 12 гнёзд).

Когда 5 мая приехали герпетологи (Зоя Карповна Брушко, Рудольф Александрович Кубыкин, Лена Анохина) и териологи (Владимир Николаевич Мазин и Владимир Николаевич Мурзов), наш отряд увеличился вдвое. И жизнь, и работа наша стали разнообразнее. Всегда при таких совместных работах зоологи интересуются смежными объектами, помогают друг другу наблюдать за ними и собирать материал.

Рис. 90-91. Сцинковый геккон (*Teratoscincus scincus*). Сарыишкотреу, Карадон. Май 1982.

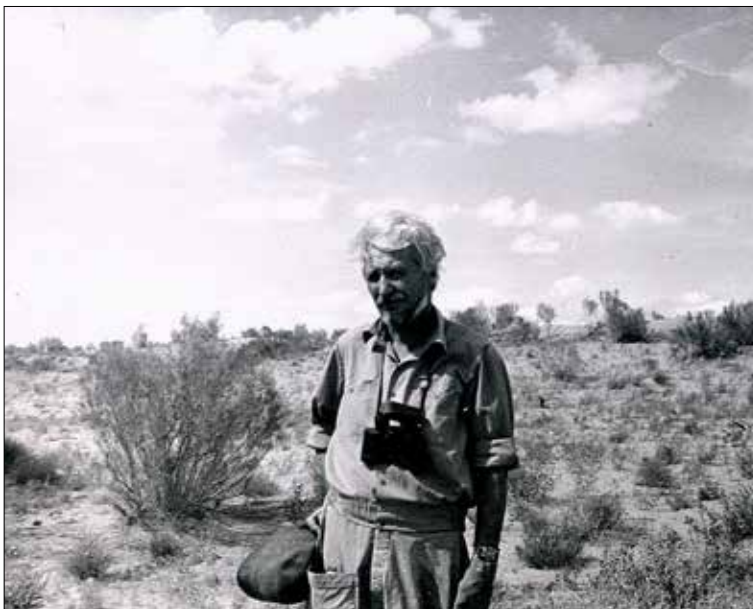
Из герпетологических объектов самым интересным для меня лично стал сцинковый геккон (*Teratoscincus scincus*) – красивая ящерица, ведущая ночной образ жизни в песках (рис. 90-91). Особенно

интересно было проводить его учёты и отловы при помощи электрического фонарика, который обязательно надо держать у лба, недалеко от глаз. Тогда отражающие свет большие глаза ящерицы светятся двумя ярко-красными пятнами, а временами (когда она поворачивает голову) они становятся ярко-зелёными. Кстати, в свете фар на поверхности песка ночью видны мириады светящихся холодным белым или зеленоватым светом точек. Это глаза пауков, которых в ночной пустыне, оказывается, очень много.

Рис. 92. В.Н. Мурзов и В.Н. Мазин около нор грызунов. Сарыишикотрау, Енбек, май 1982. Фото Олега Белялова

Рис. 93. А.Ф. Ковшарь в поисках гнёзд саксаульной сойки. Сарыишикотрау, Карадон, май 1982. Фото Е.Э. Анохиной

Не менее интересными оказались и ночные учёты мелких млекопитающих при свете автомобильных фар. Здесь определённым образом настраивает уже сама процедура начала учёта. После ужина участники продолжают, покуривая, пить чай, дожидаясь, чтобы совсем стемнело. И когда уже остальные разошлись по палаткам и забрались в спальные мешки, старшой (один из Владимиров Николаевичей) говорит: пора! Сам старшой и ещё кто-нибудь забираются в кузов ГАЗ-66, вернее – на запасной баллон между кузовом и кабиной, откуда старшой будет «фарить» яркой галогеновой лампой и, поймав зверька лучом фары, не выпускать его из яркого светового пятна, пока сидящий рядом ловец не спрыгнет и не накроет его сачком. Второй ловец (часто им оказывался я) садится в кабину рядом с водителем, откуда быстрее было выскочить и поймать жертву. Машина трогается и на небольшой скорости едет между барханами.

Ночная езда вообще увлекательна, а по барханам – вдвойне! Даже небольшие кусты саксаула в свете фар кажутся гигантскими, а длинные тени их на песке – бесконечными. При частых поворотах дороги, всё это быстро уплывает в сторону, уступая место новой картинке. Фары автомобиля, по сравнению с ослепительно ярким пятном от галогенового фонаря (главной «фары»), кажутся слабенькими, как подфарники. И вот в свет луча попадает прыгающий тушканчик! Тут же один из ловцов (сверху или из кабины) выскакивает и сачком на длинной ручке накрывает «дичь». После определения пленника часто отпускают, записав предварительно время и координаты. Но при необходимости более точного определения забирают добычу в мешочке (проделав необходимые записи) и продолжают путь.

Одна из основных целей таких учётов – поиски карликового тушканчика, который в Казахстане обитает только в песках Зайсанской котловины, Южного Прибалхашья и Восточного Приаралья. Раньше это был один вид (*Salpingotus crassicauda*), а потом досужие систематики разделили его на три, но все они оказались в Красной книге Казахстана в силу своей редкости и не изученности. Не одну ночь потратили мы на его поиски – но тщетно. Я уже начал сомневаться: можно ли ночью рассмотреть такого крохотного зверька, который, судя по описаниям, уместается в спичечном коробке!

Рис. 94. Герпетолог на кухне (Е.Э. Анохина). **Рис. 95.** Герпетолог на бархане (Р.А. Кубыкин).

Рис. 96. Бледный карликовый тушканчик (*Salpingotus pallidus* Vorontzov & Shenbrot, 1984).

Даже представитель Алматинского зоопарка, бывший наш студент Володя Соколовский, приехал, чтобы отвезти пойманных сальпинготусов в зоопарк, где будут пытаться их разводить. Однако эта кроха, как бы понимая, что «мал золотник, да дорог!», вовсе не торопилась идти к нам в руки.

И вот в очередной раз, насчитавшись обычных «нормальных» тушканчиков, насмотревшись ушастых ежей и зелёных жаб, которые тоже по ночам очень активны после дневной жары, мы услышали крик Володи Мурзова: «Сальпинготус» и в то же время я увидел прямо впереди перед машиной маленькую тень! Именно серую крошечную тень, скользнувшую по песку обочины. Спрыгнувший с кузова Володя Соколовский уже стоял с сачком в руках и причитал: «Ой, какой он хорошенький!», а зверёк, как мне показалось, начал потихоньку отползать из светового пятна в тень – ещё секунда и растворится! Сам не знаю, как я отшвырнул бедного парня и буквально упал на крошечного зверька, успев накрыть его ладонью, а затем сжав её вместе с добычей и песком! Наверное, это выглядело очень комично, потому что из машины раздался хохот... Никогда не думал, что могу когда-нибудь проявить такую прыть и такой охотничий азарт...

Рис. 97-100. За эти полтора месяца я убедился, что пустыня временами очень красива.

В целом эта первая комплексная экспедиция нашей лаборатории в пустыню, благодаря возможности проведения стационарных исследований дала богатый научный материал, а посильное участие в ночных наблюдениях герпетологов и териологов оставило очень глубокий след в моей памяти, особенно после многих лет, проведенных в горах, где мы занимались только птицами.

Рис. 101. Наши гости – съёмочная группа «Казахфильма». Слева направо: Толя Левин, Борис Губин, Зоя Карповна Брушко, Юра Абросимов, Эльза Дильмухамедова, Валерий Лопатин, А.Ф. Ковшарь, Геннадий Ройтман, Май 1982. *Фото Р.А. Кубыкина*

Запомнилось кратковременное посещение нашего «полевого стана» съёмочной группой «Казахфильма» в составе Эльзы Дильмухамедовой и Геннадия Ройтмана, которые снимали какой-то фильм о пустыне и её обитателях. И даже само возвращение в Алма-Ату не обошлось без приключений. Уж не помню, как в лагере появился мотоцикл А.С. Левина с коляской, но только обратно он возвращался на нём – впереди нашей ГАЗ-66, на которой ехали остальные.

В нескольких местах поднявшийся накануне ветер успел занести песком дорогу, и там приходилось катить мотоцикл вручную по колее, которую только что проложил наш ГАЗ-66. А на затяжном спуске трассы с перевала Малайсары нам пришлось наблюдать, как идущий впереди нас (как лоцман!) мотоцикл Левина на всей скорости врезался в отару овец, только начавших переходить дорогу прямо перед нами!

К счастью для Левина, всё обошлось благополучно, даже мотоцикл не вышел из строя...

14 июля 2023 г. – 10 апреля 2024 г.

04. Поездки по пустыне Бетпак-Дала (1981, 1982, 1983, 1984)

Рис. 102. Пустыня Бетпак-Дала (масштаб 1: 2 000 000) и места нашей работы в 1981, 1982, 1983 и 1984 гг.

Рис. 103. Стада сайгаков в Бетпак-Дале на авиаучёте в 70-х гг. Фото с самолёта АН-2 А.Р. Шаада и Ю.А. Грачёва

Знаменитая пустыня Бетпак-Дала занимает обширное равнинное пространство (около 75 тыс. км²) немного южнее геометрического центра Казахстана: от реки Сарысу на западе до озера Балхаш на востоке (протяжённость около 500 км), от реки Чу на юге до 46°30'с.ш. на севере (около 170 км), практически до южной границы Казахского мелкосопочника. Эта плоская и пологоволнистая равнина со слабым общим уклоном к юго-западу расположена на абсолютных высотах 300-350 м и только на крайнем юго-востоке поднимаются холмы, гряды и отдельные горы, сложенные гранитами – Байгора, Джамбулгора (974 м), последняя – высшая точка Бетпак-Далы. В самой западной, присарысуйской части Бетпак-Далы среди глинистой равнины, покрытой щебнем и мелкозёмом, с плоскими водоразделами, попадаются участки песков (например, Сасыкченель, Катынкум), что вообще не свойственно для этой пустыни, в которой часты бессточные понижения в виде логов и замкнутых впадин. Лето сухое и жаркое, зима умеренно холодная, малоснежная (высота снежного покрова не более 10-15 см), средняя температура января –12-14°С, июля +24-26°С. Осадков всего 100-150 мм в год. Поверхностных рек нет, даже протекающие у её границ реки Сарысу и Чу *заканчиваются* здесь, никуда не впадая (так же, как и Талас южнее); зато на глубине залегания до 30 м гидрогеологи развели большие резервуары подземных вод, часть их которых используется в виде скважин для водопоя скота и полива насаждений. На бурых и серо-бурых пустынных почвах, с солончаками и такрырами в понижениях, везде преобладает солянковая растительность, среди которой на первом месте – боялыч (*Salsola laricifolia*), занимающий огромные равнинные пространства (Кубанская, 1956).

Происхождение названия этой пустыни интересно трактует Краткая географическая энциклопедия: «Бетпак-Дала, Бедпак-Дала (казах., букв. – «бессовестная» или «бесстыжая» равнина), Северная Голодная степь» (том 1, М., 1960, с. 231). В более поздних энциклопедиях Казахстана (1988, 2006) об этом ничего не сказано.

В кочевом хозяйстве Казахстана Бетпак-Дала издавна использовалась как ежегодный путь сезонного прогона скота осенью из летних пастбищ Сарыарки на южные зимовки – в пески Моюнкум и долину реки Чу, а весной – обратно в Сарыарку. Той скудной солянковой растительности, которой располагала эта земля хватало только на период весеннего и осеннего прогона скота.

Долгое время не было на этой земле и постоянных человеческих поселений. Даже в долине реки Чу, на южной границе Бетпак-Далы, такие хорошо всем известные населённые пункты как Уланбель, Тасты, Малые Камкалы появились только в 1946 году! Примерно в это же время возникли посёлки вдоль новой железнодорожной линии «Моинты – Чу» (Кубанская, 1956). Основной дорогой долгое время служил единственный караванный путь «Кан-Жол», проходящий через Бетпак-Далу с севера на юго-восток; севернее Бетпак-Далы от него отходили четыре грунтовые дороги на юго-запад – в долину реки Чу, явно скотопрогонного назначения. Не случайно Максим Дмитриевич Зверев (1896-1996) в своей книге «Конец белого пятна» (1956) пишет о том, что ещё в 20-х гг. XX ст. видел географическую карту, на которой Бетпак-Дала изображена в виде белого пятна, на нём имелась надпись: «Не исследовано». И когда в начале 30-х гг. страна победившего социализма взялась за покорение природы под девизом «И в пустыне будут яблони цвести!», в Казахстане в первую очередь обратили внимание на неведомую Бетпак-Далу.

Инициатором и героем покорения этой пустыни стал молодой орнитолог Виктор Алексеевич Селевин (1905-1938), совершивший 5 экспедиций в эту пустыню и буквально сгоревший в этой работе в возрасте всего 33 лет от роду! Эту тему подробно описал в своей замечательной художественной книге «Конец Белого пятна» М.Д. Зверев, хорошо знавший Селевина по Томскому университету. Некоторые неизвестные ранее сведения о последней экспедиции В.А. Селевина в Бетпак-Далу удалось опубликовать в нашем зоологическом журнале-ежегоднике «Selevinia» (Ковшарь, 2010).

Экспедиции В.А. Селевина, проходившие под лозунгом покорения природы на благо человека, были очень созвучны тому времени и поэтому широко освещались в печати. Даже в его небольшом отряде всегда присутствовал какой-нибудь корреспондент центральной газеты, а в одной экспедиции был даже снят короткометражный документальный фильм о ней. Но как показала жизнь, главным результатом экспедиций стало открытие *нового рода* грызунов, представляющего собой новое семейство – действительно, зоологическая сенсация XX века! Зверёк этот был описан учёными (кстати, близко знавшими Виктора Алексеевича) уже после смерти В.А. Селевина и ему присвоили родовое название «*Selevinia*» – в честь нашедшего его учёного, а видовое название «*betpakdalensis*» – в честь пустыни, в которой он обитает

(и больше нигде!). Это эндемизм самого высокого ранга на территории Казахстана, поэтому при создании в 1993 г. первого в Казахстане зоологического журнала мы дали ему именно это имя – «Selevinia».

Мне посчастливилось поработать в этой знаменитой пустыне через полвека после В.А. Селевина, но уже с другой целью – не покорение её, а разработка научного обоснования создания здесь государственного заповедника для сохранения эталона пустыни Бетпак-Дала на века – для наших потомков. Для этого надо было выявить биологическое разнообразие этой территории и в первую очередь – состояние популяций редких видов растений и животных, включая и знаменитую, редчайшую *Selevinia betpakdalensis* Belosludov & Vazhanov, 1938. А ещё через десятилетие, в 1993 г., при создании зоологического журнала, Максим Дмитриевич Зверев познакомил меня с Зоей Петровной Якушевой (1913-2010) – кандидатом химических наук, которая была невестой В.А. Селевина (их свадьба была назначена на 10 ноября 1938 г., а он умер 4 ноября, за 6 дней до этого). Эта замечательная женщина всю жизнь ухаживала за могилой Виктора Алексеевича, которую она показала и мне. Около 15 лет мы были с ней добрыми друзьями, как и с её мужем – Григорием Васильевичем Нечитайло (1906-1998). А могилу Виктора Алексеевича Селевина (рис. 105), с которым в студенческие годы дружил наш Учитель Игорь Александрович Долгушин (1908-1966), мы, орнитологи-долгушинцы, ежегодно посещаем в долгушинский день 30 марта, благо они похоронены на центральном кладбище города Алматы всего в нескольких сотнях метров друг от друга...

Рис. 104. В.А. Селевин (1905-1938) Рис. 105. З.П. Якушева у могилы Селевина. Алматы, центральное кладбище, 1995.

Первая разведка в Западной Бетпак-Дале (апрель-май 1981)

Полевые работы орнитологов в 1981 г. начались с рекогносцировочной экспедиции в Западную Бетпак-Далу. На испытанном экспедиционном ГАЗ-66 мы с А.С. Левиным и только что вернувшимся из армии В.В. Лопатыным покинули Алма-Ату ранним утром 24 апреля; на короткий срок с нами поехал студент-дипломник Сергей Сkläренко, которому уже в начале мая предстояла защита диплома в КазГУ. Териологи и герпетологи нашей новой лаборатории охраны диких животных выехали каждый в свою экспедицию – по намеченным заранее планам. Так, Кирилл Павлович Ушаков (1920-1983), закончивший своё изобретение – шприц для обездвиживания крупных млекопитающих – собирался на Барсакельмес, чтобы там апробировать его на куланах, которых вскоре собирались отлавливать и перевозить на материк. Оба Владимира Николаевича – Мазин и Мурзов – собирались продолжить свои работы по изучению тушканчиков в урочище Бозой (пески Таукум), а Зоя Карповна Брушко с Рудольфом Александровичем Кубыкиным (1937-2001) запланировали поездку в долину среднего течения реки Или.

Первым пунктом нашей орнитологической экспедиции стали низкоргорья Западного Тянь-Шаня, где несколько дней мы обследовали каньон реки Машат чуть западнее заповедника Аксу-Джабаглы. Как это

часто бывает, прожив несколько лет в заповеднике, я ни разу так и не побывал в этом каньоне, а он оказался очень интересным. Из наших новых объектов особенно важным было довольно большое количество желтопузиков (*Ophisaurus apodus*) и стервятников (*Neophron percnopterus*). Удалось увидеть даже очень редкого здесь чёрного аиста (*Ciconia nigra*). Отсюда через сёла Георгиевка, Сайрамсу, Жартытобе, Чулаккурбан мы выехали к Сузаку, который можно считать «воротами» в Западную Бетпак-Далу.

Здесь, около Сузака, мы посадили нашего студента на автобус, отправляющийся в Алма-Ату, а сами на 4 дня стали лагерем у северо-восточных подножий Каратау, в урочище Шукурор, 40 км северо-западнее совхоза «Каратау». Сейчас, после массовых переименований последних лет, это место вряд ли можно обнаружить на карте (а приборов GPS тогда мы не знали).

Кроме встречи новых для меня пустынных видов птиц (пустынная каменка – *Oenanthe deserti*, пустынная славка – *Sylvia nana*) меня поразило здесь большое количество трупов сайги (*Saiga tatarica*): вся равнина с низкорослой пустынной солянковой растительностью была усеяна белыми бугорками, а в бинокль хорошо было видно рога! Это были самцы, погибшие после гона, когда они, обессиленные, плохо переносят резкие похолодания и бескормицу. В одном месте мы наблюдали, как пустынная каменка собирала с такого трупа шерсть и носила в свое гнездо... Тогда ещё не было ажиотажа вокруг сайгачьих рогов, они просто пропадали. И мы без всякого злого умысла взяли ножовку и отпилили себе несколько пар на сувениры.

Долго и безуспешно искали мы чернобрюхих рябков (*Pterocles orientalis*). Каждый раз, когда мы уже считали, что это они, оказывалось, что это саджа (*Syrrhaptes paradoxus*). И только к концу экспедиции, когда мы, наконец, встретили настоящего *Pterocles orientalis*, мы поняли, что все виденное раньше – это саджи. Много позже, когда саджа стала более редкой по сравнению с рябком, я не раз вспоминал 1981 год, когда соотношение численности этих двух видов было прямо противоположным.

По соседству с нами стояло крупное стадо верблюдов, и двое ребят-казахов пасли их не верхом, как принято, а на мотоциклах! Странно было видеть, как они по бездорожью догоняли убегающих животных, какие выражи закладывали, чтобы развернуть их обратно и как ревели при этом не только их моторы, но и возмущённые животные. Такое я видел впервые! Как и стрижку верблюдов, происходившую на наших глазах. Очарованные этим зрелищем, мы с Левиным даже купили себе по мешку верблюжьей шерсти!..

Вернувшись 4 мая в Сузак, мы через село Жувантобе въехали в пределы собственно Бетпак-Далы. Считается, что пустыня эта начинается сразу же после пересечения реки Чу. Однако здесь русло Чу было совсем сухим, а сама её долина была шириной не более 30-50 м. Выбравшись из этой ложбинки, мы оказались в Бетпак-Дале!.. Внешне ничего не изменилось – такая же абсолютная равнина, покрытая куртинами очень низкорослого боялыча (*Salsola arbuscula*), а на засоленных участках – кокпека (*Atriplex cana*). Из птиц – только многочисленные малые жаворонки двух видов – *Calandrella cinerea* (теперь его зовут *brachydactyla*) и *Calandrella pispoleta* (теперь – *rufescens*).

И вся эта равнина до самого горизонта залита водой! Вот тебе и «безводная пустыня»! Теперь я знал, что на время весеннего пролёта птиц эпитет «безводная» к Бетпак-Дале неприменим. Углубившись в пустыню примерно на 70-80 км, мы разбили лагерь в урочище Колкудук. За 5 дней работы здесь мы видели немало садж (5 мая – 19 пар и 45 птиц группами по 3-9 особей; 6 мая – 23 пары и 36 птиц группами), а вот чернобрюхих рябков стали встречать только с 7 мая (всего за три дня – 47 птиц, в том числе – 11 пар). Однажды мы видели группу из 15 журавлей-красавок (*Anthropoides virgo*). Также один раз встретили трёх джеков (*Chlamydotis undulata*) – двух самцов и самку. Больше редкие виды птиц нам не попадались, и мы ещё раз убедились в том, как трудно будет работать с этой категорией птиц.

*****

Поездка в Восточную Бетпак-Далу (Андасайский заказник, 25-31 июля 1982)

В последних числах июля 1982 г. мне удалось, наконец, посмотреть восточную часть Бетпак-Далы. Эту недельную поездку устроил мне Володя Зверев, познакомивший меня с Александром Дмитриевичем Лапиным – директором Андасайского зоологического заказника. Точнее было бы назвать его охотничьим заказником, так как основная цель его была – охранять сайгу, которая в массе зимовала на этой обширной

территории (около 1 млн. гектар), а в северной её части находились также места окота этого замечательного зверя. Перед тем, как познакомить меня с А.Д. Лапиным, Володя вкратце рассказал о нём, как о самом лучшем директоре охотничьего хозяйства, который наладил охрану своих объектов так, что браконьеры его боятся, как огня. Сказав, что человек он простецкий и что мне у них будет хорошо, Володя немного замялся и добавил: «Только очень уж они матершинные, без матерного слова не могут, особенно его жена». Договорились, что они захватят меня у здания Казглавохоты, куда я подойду с вещами в назначенный срок.

Когда утром 25 июля 1982 г. старенький УАЗ-469 остановился у входа в «управу», как мы все привыкли называть эту контору, Володя представил меня обоим супругам. Сказав, что я поживу у них с недельку, он пожелал нам доброго пути и оставил одних. Сидевшая сзади пожилая женщина, оказавшаяся женой Лапина Марией Ильинишной, вместо приветствия громко спросила: «Откуда такой красавчик?», чем сразу же смутила меня. Но сказано это было беззлобно, с каким-то удивлённым интересом, и вскоре я привык к этой её бесцеремонной манере разговаривать, тем более что на этот раз обошлось без мата.

Александр Дмитриевич Лапин – среднего роста худощавый мужчина с большими залысинами (можно сказать «лысоватый») широко улыбнулся, крепко пожал руку и неожиданно для меня *прошипел* слова приветствия. Он был совсем лишён голосовых связок, удалённых когда-то при операции, после которой на горле его красовалось круглое отверстие, через которое со свистом вырывался воздух. Из-за этой особенности боявшиеся и ненавидевшие его браконьеры дали ему прозвище «сипатый». Александр Дмитриевич за долгие годы своего увечья настолько освоился с ним, что особо не ограничивал себя в разговорах. За длинную дорогу по пустынной местности (мы ехали почти весь день) он успел рассказать мне очень много: и о сайгаках, и о браконьерстве, и о своём обширном хозяйстве. К концу дня я уже не замечал, что он разговаривает как бы «громким шепотом», и общались мы явно с обоюдным интересом.

Мария Ильинишна в этих разговорах не принимала участия и вообще оказалась не очень разговорчивой. По дороге от Фурмановки до Байтала (75 км), проходящей по пескам с редким саксаулом и другими кустарниками, я даже провёл небольшой учёт хищных птиц. Прибыли мы около 17 час, и +40° со штилем давали о себе знать на полностью открытой местности. Поэтому я почти сразу же прошёл в русло Чу, где в 1 км от кордона было небольшое озерко, высохшее на $\frac{3}{4}$ и являвшее собой скорее грязевую отмель с узким тростниковым бордюром. Повсюду видны были следы борьбы за выживание – ползущие по земле плети тростника с укоренениями... А на самом озерке – большое скопление пеликанов (рис. 106-107).

Рис. 106-107. Розовые пеликаны на озерке в пойме реки Чу. Андасай, 102-я партия. 27 июля 1982.

Рис. 108 и 109. Вид на 102-ю партию из долины Чу и с севера – из Бетпак-Далы. 26 июля 1982 г.

Центральная усадьба Андасайского зоологического заказника, так называемая 102-я партия, представляла собой современный сельский дом колхозно-совхозного типа с массой каких-то мелких надворных построек и загонов для домашнего скота и птицы. Расположена она была на совершенно открытом месте в нескольких сотнях метров от правого высокого берега реки Чу. Отсюда к северу, северо-востоку и северо-западу простиралась абсолютно ровная глинистая солянковая пустыня Бетпак-Дала – та самая, о которой так красочно писал в своих книгах Максим Дмитриевич Зверев и которую полвека тому назад покорял Виктор Алексеевич Селевин, положивший на это свою молодую жизнь.

Рис. 110. Андасай, 102-я. Лида Ган доит корову. **Рис. 111.** Ужин 31 июля: Володя и А.Д. Лапин с жёнами.

Жили на этой усадьбе две семьи – Лапины и молодой егерь Володя Ган с женой Лидой и тремя детьми (рис. 110 и 111). Во время первого же совместного ужина во дворе я изведаль не только андасайское гостеприимство, но и тот самый лексикон, о котором предупреждал меня Володя Зверев. При этом оказалось, что молодая жена Гана нисколько не уступает Марии Ильинишне, а оба мужчины, хотя и сквернословят гораздо меньше своих жён, но и не пытаются их сдерживать.

На ночь все устроились на улице, где было так же жарко, как днём, но среди ночи начавшийся дождик загнал всех в дом, где было ещё более душно. Первая же пешая экскурсия следующим утром в глинистую пустыню показала, как мало здесь птиц: одна пустынная славка (*Sylvia nana*), одна пустынная каменка (*Oenanthe deserti*) да пара пролетевших чернобрюхих рябков (*Pterocles orientalis*) – вот и всё за несколько часов ходьбы. Даже жаворонки не встретились – видимо, они уже сбились в крупные стаи.

Обратно на 102-ю партию, домик которой так призывно, но так недоступно маячил на далёком горизонте (рис. 109), я едва приволок ноги и пожаловался Марии Ильинишне на свою слабость. Она, взглянув на градусник, ответила: «Не мудрено, красавчик, ведь сейчас плюс 46°» и добавила пару своих любимых выражений – видимо, для того, чтобы мне было понятнее...

Эта первая экскурсия показала мне, что пешком здесь, при таком «обилии» птиц, орнитологу делать нечего. Хорошо, что это прекрасно понимал и Лапин, который охотно брал меня в свои инспекторские поездки по территории. Поколесили мы с ним по ней немало – и днём, и ночью. Для начала 27 июля съездили на кордон «совхоз Джамбула» вверх по каменистой полупустыне правобережья Чу, оттуда по левому берегу через Фурмановку и Байтал – до Уланбеля, попутно проводя учёт хищных птиц.

В районе кордона «совхоз Джамбула», расположенного в лоховой пойме Чу, осмотрели два гнезда орла-могильника (*Aquila heliaca*), которые были уже пустые, но птенцы вылетели недавно. По пути Дмитрич (как я с первого дня стал звать Лапина) показал мне старое дерево лоха, на котором несколько лет назад гнезвился чёрный гриф (*Aegypius monachus*), но яйца его взял в коллекцию какой-то полковник (уж не Кустанович ли? – мелькнула мысль), у которого был при себе пистолет! Описание птицы не вызывало сомнения, да и с кем можно перепутать грифа?! То, что в местах окота или промысла сайги грифы и сипы собираются в немалом числе, известно было давно, но о гнездовании грифа в пустыне я услышал впервые.

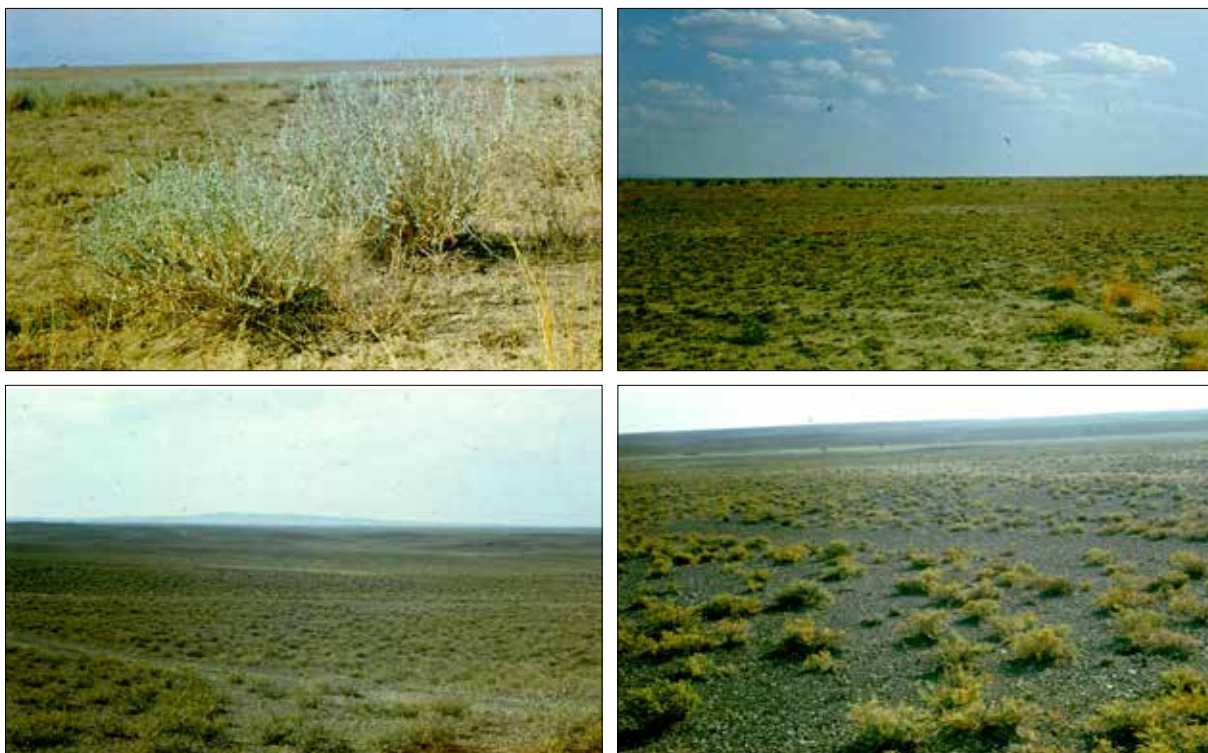

Рис. 112-115. Характерные ландшафты Андасая – восточной Бетпак-Далы. 26 июля 1982 г.

Рис. 116. Машина А.Д. Лапина с запасом горючего. Рис. 117. Рудник Акбакай. Добыча бетпакдалита.

Утром следующего дня мы поехали к золотоискателям в Акбакай и Голубой карьер, где добывают красивый отделочный камень «бетпакдалит». Поскольку путь предстоял немалый, почти до Байгоры через восточный угол пустыни, Дмитрич взял с собой прицеп – небольшую цистерну с бензином, которую он, кстати, собирался и пополнить в Акбакае. Дорога шла по типичной для Бетпак-Далы глинистой равнине, поросшей боялычем, лишь местами встречались небольшие островки низкорослого саксаула. Из птиц попадались почти исключительно каменки, в основном плясунья (*Oenanthe isabellina*), а в островках саксаула – изредка сорокопуть – туркестанский жулан (*Lanius phoenicuroides*) и серый пустынный подвид (*L. excubitor pallidirostris*), которого теперь стали относить к другому виду (*L. lathora pallidirostris*).

Пешая экскурсия по голубому карьеру с 11 до 12 час показала, что птиц здесь нет, к тому же, несмотря на пасмурную погоду, было очень жарко – к 16 час термометр у друзей Дмитрича, у которых мы заночевали, показал 45°. Здесь произошёл несчастный случай, едва не стоивший Дмитричу жизни.

Не подумав о возможных последствиях, он решил в самую жару заправить свою цистерну бензином и открыл её крышку. Скопившиеся внутри пары окатили его с ног до головы остатками находившегося в ней бензина! Чертыхаясь и ругая себя последними словами, он сразу же бросился умываться и протирать глаза, в которые тоже попал бензин. К счастью, всё более или менее обошлось, хотя боль в глазах ещё некоторое время давала о себе знать. Наши хозяева Виктор и Галя просветили меня, что содержание золота в здешней руде – 5 грамм на тонну, а общие запасы его – около 5 тонн. По всей вероятности, работы по его добыче хватит, по крайней мере, на десятилетие, если не больше.

На следующий день жара стояла такая же (в 17 час +45° со штилем), а в 20 час мы с Дмитричем и егерем Петром выехали на ночное дежурство в район горы Курманчите и озера Камкалы. Уже в сумерках Дмитрич издали заметил «Урал», шедший из Камкалов явно в поисках сайгаков. Пошли ему наперерез. При этом Дмитрич преобразился: сев поудобнее за рулём, он свернул с просёлочной дороги и на приличной (максимальной для ГАЗ'ика) скорости направился прямо по боялычёвой целине. Его азарт передался и нам. Машина летела, как по гравийному шоссе, лишь местами на небольших понижениях она как будто проваливалась, но очень плавно, без тряски. Держаться приходилось крепко, так как повороты были резкими и всегда неожиданными. Выскочив на место, где примерно должны были встретиться с браконьерами, мы остановились и в бинокль обшарили всю равнину, казавшуюся безжизненной. Ничего!..

«Ну, куда они могли пропасть? Ведь только что были здесь!» – недоумевал Дмитрич. И вдруг торчавшая далеко на горизонте немного согнутая былинка расправилась – человек! Через несколько минут мы уже были на месте, где сдиравший с сайгака шкуру браконьер (рис. 118) никак не мог прийти в себя от нашего внезапного, как из-под земли, появления. «Где остальные? Где машина?» – прошипел Дмитрич, но браконьер молчал, как будто потерял дар речи. Тогда Дмитрич обернулся ко мне: «Сфотографируй! Мы сейчас вернёмся». И они с Петром на УАЗ'ике растворились в начавшихся уже сумерках.

Ощущение было не из приятных – остаться один на один с браконьером, да ещё вечером, когда с каждой минутой становится темнее. Какая уж тут фотография! Я конечно сделал пару кадров (на которых потом трудно было что-нибудь разобрать) и начал, как это ни странно, расспрашивать браконьера – откуда он, из какого аула. Оказалось, что он бурят и приехал сюда на заработки, а его взяли с собой на охоту. Напуган он был изрядно. К счастью, машина наша вернулась ещё до полной темноты, да не одна, а с большим «Уралом», в котором было 5 или 6 человек – сейчас не помню. Как могли Дмитрич с Петром взять вдвоём такую ораву – ума не приложу! Оружие они уже отобрали, оно было сложено в багажнике ГАЗ'ика. Составили акт и отпустили нарушителей. Не обошлось и без инцидента. Постепенно пришедшие в себя во время составления акта браконьеры, в конце концов, разобрались, что нас всего трое, и осмелели. Особенно обнаглел один из них – с блатными замашками. Он стал угрожать напрямую, и меня поразила моментальная реакция Петра: подскочив к браконьеру, он огрел его прикладом (профессиональным движением, как учат в армии) и тот взвыл от боли, заорав: «Фашист!». Пётр, который был немцем по национальности, спокойно сказал: «А за фашиста ещё получишь. Хочешь?». Тот явно не хотел и замолчал, лишь поскуливал.

Только когда мы отъехали, я успокоился... Заночевали мы на горе Курманчите в удобном месте с хорошим обзором, недалеко от триангуляционного пункта, а утром до 8 часов патрулировали на берегах озера Камкалы. На 102-ю вернулись к 11 часам, проделав за вечер и утро путь в 160 км (просторы здесь потрясающие!). Переждав жаркий день на центральной усадьбе, в 19 час выехали к 80 км к востоку – к подножью Джамбулгоры. Также на ночное дежурство.

После глинисто-щебнистой равнины мы пересекли поросшее саксаулом древнее русло Чу под названием Саксаулдала и по очень

Рис. 118. Браконьер с сайгаком и инспектор Пётр. Бетпак-Дала, Андасай, Курманчите.

пологому подгорному шлейфу, поросшему боялычом и кейреуком (*Salsola rigida*), поднялись в предгорья Джамбулгоры, откуда открывался прекрасный обзор всей равнины на десятки километров к западу. Здесь мы стали на ночь у заброшенной скотоводческой базы, на побелённой стене которой браконьеры гвоздём нацарапали: «Смерть инспекции – особенно Лапину!», а на другой стенке – «Лапин! Х... вам, а не браконьеры!». Особенно нелепым было в этом контексте вежливое обращение на «Вы». Рядом тем же гвоздём было начертано лицо (видимо, того же Лапина), всё изрешеченное дробью выстрелов... Дмитрич только посмеялся: «Уважают!». Спали на земле, постелив кусок кошмы и укрывшись какими-то старыми полушубками, привезенными с собой.

Ночь прошла спокойно – ни выстрелов, ни фар. Утром 31 июля мы пересекли на машине Джамбулгору в самой пониженной её части и вышли к урочищу Сарыбулак, в котором в своё время наблюдал пролёт птиц Ардалион Винокуров (1962). Место это оказалось очень интересным. Наличие хорошего родника, на разливах которого как раз шло купание овец, создало здесь целый оазис, в котором тростниковые и тамариковые заросли достигали 8 м в высоту!!! Такого высокого тростника я ещё не видел. Здесь был хороший водопой, на который охотно летали чернобрюхие рябки, и я не раз наблюдал, как они после собственно водопоя заходили по брюхо в воду и несколькими приседаниями смачивали перья брюшка, а потом прямо из воды взлетали, унося на этих перьях драгоценную влагу своим птенцам, изнывавшим от жажды в раскалённой пустыне...

К вечеру, проделав за два дня около 250 км, мы через Саксаулдалу вернулись на 102-ю партию. А утром 1 августа Дмитрич отвёз меня в село Старый Байтал (в нём весной 1967 года наблюдали пролёт птиц Эдик Гаврилов с Юрой Грачёвым) и посадил на местный автобус до станции Чу, где я дождался опоздавшего на 4 часа скорого поезда № 8, благополучно доставившего меня в Алма-Ату.

Так закончилась эта короткая, но удивительно интересная и очень запомнившаяся поездка. Она была первым знакомством не только с Бетпак-Далой, но и с очень нелёгкой работой людей, охраняющих её животный мир. И Лапин, и егеря Володя и Пётр так и остались в памяти как рыцари пустыни. Из большого количества их рассказов приведу лишь один, запомнившийся комичностью ситуации.

Тогда в Бетпак-Дале водилось очень много волков, что и понятно при таком обилии корма – в первую очередь сайги. За отстрел волков государство платило хорошие деньги: за каждого самца выплачивали 300, а за самку – 500 рублей. Поэтому было немало желающих заработать на этом промысле, и в Казахстане было известно несколько знатных волчатников, которые купили себе на эти деньги легковые машины (сейчас, когда машина есть у каждого школьника, это звучит смешно). Случалось, что в погоне за волками эти охотники и погибали. Отстреливали волков и егеря лапинского хозяйства. Причём, как рассказывал Володя, шкуры добытых волков сдавали не в Казахстане, а в Киргизии, где за них платили намного дороже, причём «надбавка» за самку там ещё долго сохранялась после того, как в Казахстане её отменили.

И вот Володя привёз партию волчьих шкур в Токмак (Киргизия). Приёмщик, осматривая первую шкуру, которую Володя сдавал как самку, спросил: «А где паспорт?». Володя подал ему паспорт, на что тот презрительно фыркнул: «Да не твой, а её!». И объяснил ничего не понимающему парню, что для определения пола волка надо снимать шкуру так, чтобы оставалось целым место у влагища, которое они, приёмщики, на своём жаргоне называют – «паспорт». А поскольку Володя не знал этого правила, то так и пошли все привезенные им шкуры за самцов, не оправдав его надежды на высокий заработок...

Эту притчу я вспомнил через несколько лет, когда приехавший из Бишкека мой старый знакомый Виталий Вырыпаев привёз мне в подарок свою книжку «Волк в Киргизии» (Вырыпаев, Воробьёв, 1983), в которой, в частности, анализировалась также динамика численности волков по данным заготовительных организаций. Если учесть, что таких умников, как Володя Ган, на юге Казахстана было немало, то сотни (а может быть – и тысячи) сданных ими в киргизские пункты Заготпушнины шкур не могли не повлиять на общую картину численности волка в этой республике...

Этот пример – свидетельство того, с какой осторожностью в научной работе надо относиться не только к так называемым «опросным сведениям», но и к таким, казалось бы, неопровержимым доказательствам, как документы заготовительных организаций, на которые всецело полагаются в своих выводах прежде всего охотоведы. При этом надо учитывать местные условия и их особенности.

Первая академическая экспедиция 1983 г. в Восточную и Западную Бетпак-Далу

Полевой сезон 1983 года начался выездом 25 апреля экспедиции СОПС (Совет по изучению производительных сил) АН КазССР в Восточную и Западную Бетпак-Далу для поисков и определения места под предлагаемый нашей комиссией «Научные основы заповедного дела в Казахстане» новый заповедник. В состав этой экспедиции, научным руководителем которой приказом по академии был назначен я, вошли зоологи Юрий Георгиевич Афанасьев (начальник отряда, териолог), А.С. Левин (орнитолог), О.В. Белялов (лаборант) и ботаники – Нина Васильевна Ляшенко (Главный ботанический сад АН КазССР), Назира Жапарова (аспирант Института ботаники) и лаборант Мейрманов Ермек. Для этого небольшого коллектива были выделены две машины, с учётом того, что на одной машине по такой пустыне ездить небезопасно (и это вполне логично). При этом одной из них был мощный ГАЗ-66 (водитель Николай Никитин), а второй – «бобик» УАЗ-469 (Сергей Кузнецов). В таких роскошных условиях мне довелось работать впервые.

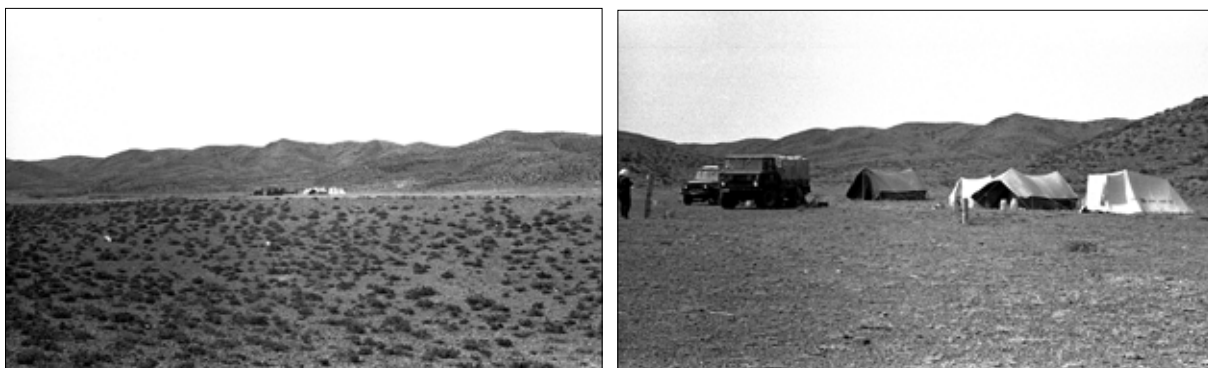
Покинув Алма-Ату в полдень 25 апреля, мы остановились на ночёвку на 145-м км, не доезжая Курдайского перевала. Погода была прекрасной, всю пели жаворонки, и мы не стали ставить палаток на одну ночь, а легли спать прямо на земле у машин. Звёздное небо над головой после длительной зимней городской «спячки» – это незабываемо! Утром было очень свежо, и мы после короткого чаепития поспешили продолжить путь. Настроение было просто замечательное: впереди более двух месяцев полной свободы, да ещё в диких, неизвестных местах! В который раз я радовался, что я орнитолог...

Проехав Георгиевку, станцию Чу и село Новотроицкое, мы немного заблудились и на 46 км забрались в пески Муюнкум – до совхоза «Коммунизм» (все эти названия уже давно в прошлом!). От хорошей вчерашней погоды ничего не осталось: всё усиливающийся восточный ветер перешёл в пыльную бурю, которая сопровождала нас от самой Георгиевки, и особенно на нераспаханных участках между селом Новотроицким и совхозом «Коммунизм», где встречную машину можно было заметить только вблизи! Вернувшись к Фурмановке, мы разыскали кордон «свх. Джамбула», где и заночевали.

Утром 27 апреля ветер стих и в 8 час начался дождик, который шёл до 11 час. Пока местные умельцы с нашими водителями стучали молотками по деталям мотора УАЗ'ика, делая вид, что ремонтируют его, я совершил экскурсию по пойменным зарослям долины Чу. К своему удивлению обнаружил здесь колонию грачей на деревьях лоха – до сих пор так глубоко в пустыню они не забирались. Орла-могильника у его же старых гнёзд встретить не удалось. После 15 час, преодолев 89 км, мы добрались до 102-й партии (центральная усадьба Андасая). В ожидании А.Д. Лапина, который приехал только к вечеру 29 апреля, я провёл учёты-пятиминутки как в самой пустыне, так и в ближайших участках поймы.

По сути, пятиминутки – это разновидность маршрутного учёта, когда запись встреченных птиц ведётся по 5-минутным интервалам. Сложив результаты 12 пятиминуток, всегда можно получить число птиц, отмеченных за часовой маршрут. Но преимущество этого нового метода состоит в том, что он позволяет получать точные данные в местах с мозаичными биотопами – ведь для каждой пятиминутки вкратце описывается биотоп. Так, любая лужица или куртина кустарника в степи имеют свой набор птиц, которые таким образом выделяются из степи. Очень хорошие результаты даёт этот метод в горах, где мозаика условий общеизвестна, а при часовых учётах всё это нивелируется. Особенно пригодился нам этот метод впоследствии, при проведении учётов птиц в городе (в частности, в Алма-Ате).

В полдень 30 апреля мы выехали на Байгору, где простояли лагерем 8 дней. Погода все эти дни стояла пасмурная и ветреная, почти каждый день шли дожди. О пустынной жаре оставалось только мечтать. Даже в праздничный день 1 мая сильные ветры порвали нашу хозяйственную палатку, пришлось в который раз её зашивать, а затем в редкие минуты без дождя раскладывать для просушки намокшую картошку, которой запаслись мы на весь период экспедиции (рис. 121). Но по утрам мы проводили экскурсии: ботаники – для геоботанических описаний участков и в поисках редких видов растений; мы с Анатолием и Олегом, помимо количественных учётов встреченных птиц, вели также наблюдения за их поведением и поиски их гнёзд, каждое из которых становилось источником новой информации по биологии этого вида. Не меньший интерес представляли для нас и встречи других животных – зверей, амфибий, рептилий.

Рис. 119 и 120. Боялычная пустыня и лагерь экспедиции у подножия Байгоры. Май 1983 г.

Рис. 121-123. Байгора: просушка картофеля, рабочая палатка, заросли боялыча и кейреука (светлый).

Лагерь наш состоял из 5 простых двухскатных палаточек старого советского образца: хозяйственная, она же кухня; для обработки материала и ведения записей – со складными стульями и столом; и трёх жилых, в которых спали по 2-3 человека (водители обычно предпочитали спать в своих машинах). Поставлены они были близко друг от друга – так что при случае можно было переговариваться, не выходя из соседних палаток. Помню, как наутро после коллективного празднования Первого Мая Нина Васильевна Ляшенко, которая, как и Ю.Г. Афанасьев, была старше остальных по возрасту, за завтраком сказала мне: «Где Вы берёте таких ребят? Я много лет езжу по экспедициям и знаю, о чём обычно говорят мужики в палатках. Но эти двое (имелись в виду Толя Левин и Олег Белялов) всю ночь проговорили только о птицах! Это просто удивительно!». А мне было так приятно это слышать, как будто это было моей заслугой...

Рис. 124 и 125. Склоны Байгоры и наш лагерь у её подножия. Бетпак-Дала, начало мая 1983 г.

Первая экскурсия, в праздничный день, была по западному склону Байгоры от подножья до верхушки этой невысокой горы, где мы нашли гнездо степного орла с кладкой. Странно и непривычно было видеть прямо под ногами орлиное гнездо, зажатое меж двух крупных камней. А на следующий день мы съездили на северо-восточную сторону Байгоры, где встретили первого джека. По пути нередко встречались саджи.

Рис. 126. Олег Белялов наблюдает за саджей. **Рис. 127.** Гнездо степного орла. *Фото Олега Белялова*

Здесь мне удалось наблюдать волка на относительно близком расстоянии, а главное – довольно долго. Рано утром мы с Олегом Беляловым пошли вдоль подножья Байгоры наблюдать птиц, взяв с собой только бинокли; ни фотоаппарата, ни ружья у нас с собой в этот раз не было. И вот вдали на равнине (рис. 129) мы заметили точку, которая как будто двигалась. В бинокль рассмотрели, что это волк! Шёл он, не спеша и прямо на нас, а лёгкий западный ветерок дул от него, что не позволяло ему учуять наш запах. Сев поудобнее, мы стали наблюдать за ним. Зверь не торопился, но уверенно шёл в одном направлении, никуда не сворачивая; фигура его постепенно вырастала в поле зрения бинокля. Вот уже хорошо видны его глаза, зорко следящие за малейшим движением по пути следования. Затаив дыхание, не шелохнувшись, мы ждали – чем же всё это кончится, когда он рано или поздно нас увидит. Очень жалели, что нет фотоаппарата.

Не дойдя до нас метров 100-150, волк остановился, вытащил из-под кустика боялыча что-то похожее на тряпку и стал об это тереться боками головы (щеками), потом боками тела и даже спиной. Занимался этим долго, сосредоточенно и, похоже, с явным удовольствием. Закончив эту процедуру, он развернулся и ушёл. Подождав, когда он отошёл на большое расстояние, мы пошли на это место. И увидели, что это были остатки барана с довольно сильным неприятным запахом – видимо, пролежали не один день. Значит, волк просто готовился к охоте, стараясь запахом жертвы отбить свой собственный... Конечно, об этих охотничьих привычках хищников немало написано в научно-популярной и охотничьей литературе, но одно дело – прочитать об этом у С.Т. Аксакова или М.М. Пришвина, а другое – увидеть собственными глазами и самому сделать правильные выводы! В этом для зоолога и состоит особая прелесть наблюдений в поле.

Рис. 128 и 129. Байгора и вид с её холмов на север – на равнину Бетпак-Далы. Начало мая 1983 г.

Рис. 130. Малые суслики в норе. **Рис. 131.** Восточная Бетпак-Дала в День Победы – 9 мая 1983 г.

А утром 3 мая случилось ЧП. Водитель УАЗ'ика Сергей внезапно уехал в Алма-Ату. Его напарник Николай долго не мог ничего объяснить толком, а потом признался, что ночью Сергею приснилось, будто жена ему изменяет (он недавно женился), и, едваждавшись утра, он завёл свою машину и умчался! Несмотря на то, что отъезд его нарушил наши ближайшие планы, мы поначалу даже сочувствовали парню. Но когда он не появился и на третий день, и на четвёртый, мы не на шутку забеспокоились. Хорошо хоть, что погода не очень располагала к поездкам: всё время было пасмурно и почти каждый день шли дожди. И только 8 мая приехал другой Сергей на другой машине, и мы на следующий день перебазировались вглубь пустыни, в район горы Курманчиге, куда нас проводил приехавший специально для этого А.Д. Лапин.

Здесь мне пришлось оставить экспедицию и вернуться в Алма-Ату для поездки на две недели в низовья Таласа, о чём отдельный рассказ. Поработав в районе оз. М. Камкалы около 10 дней, к 19 мая наша бетпак-далинская экспедиция перебазировалась из восточной части Бетпак-Далы в западную, в район Чулакэспе, где обосновалась на убойном пункте сайги, в котором в это внеурочное время жила только одна семья – начальника пункта. Оставив людей в надёжном месте, обе машины ушли на время в Алма-Ату; из них ГАЗ-66 вернулся 3 июня, а УАЗ – только 13 июня. Прежде, чем я догнал их здесь, мне пришлось ещё слетать в город Уральск, на выездное заседание Научного Совета «Животный мир Казахстана, его развитие, преобразование и охрана», проходившее 3-4 июня 1983 г. в тамошнем пединституте...

*****

Рис. 132 и 133. Английская скважина и убойный пункт Чулакэспе. Западная Бетпак-Дала, июнь 1983 г.

Приехав в Чулакэспе 13 июня 1983 г. на УАЗ'ике вместе с Еркеком, я был поражён – как можно преобразовать пусть даже небольшой клочок безводной пустыни. Это место называлось ещё «Английская скважина». Здесь действительно с помощью англичан в 1913 году была пробурена первая в Бетпак-Дале скважина, наполнившая вокруг себя два небольших озёрка. За прошедшие годы вокруг этой постоянной воды вырос бордюр из тростника, который местами создавал уже довольно широкие заросли (рис. 132-135).

Рис. 134-135. Олег Беялов на Английской скважине в Чулакэспе наблюдает за семьёй камышниц.

В них водились птицы, в том числе зеленоногая камышница (*Gallinula chloropus*), выводком которой мы не раз любовались. Крупные камышевки трещали без умолку, а когда Толя и Олег поставили паутинную сеть, то в неё попались оба вида-близнеца – дроздовидная (*Acrocephalus arundinaceus*) и туркестанская (*Acrocephalus stentoreus*), которые жили здесь бок о бок. Кроме них немало было и мелких камышевок – тростниковой (*Acrocephalus scirpaceus*) и индийской (*Acrocephalus agricola*). А в день моего приезда на более крупном из озёр (площадью 200х100 м) величественно плавали 4 лебедя-шипуна (*Cygnus olor*)!

Люди, построившие здесь несколько глинобитных (саманных) домов и хозяйственных пристроек, разбили рядом небольшой яблоневый сад, и на ветках невысоких, почти карликовых деревьев можно было видеть поспевающие яблоки. Вот уж поистине: «И в пустыне будут яблони цвести». А в довершение ко всему в этот сад залетела райская мухоловка (*Terpsiphone paradisi*)! Чем не рай на земле...

На Чулакэспе мы жили в гостеприимной многодетной семье Валико Кавтарадзе – заслуженного строителя Грузинской ССР, который приехал в казахстанскую пустыню, чтобы заработать деньги на машину. Когда мы обменивались адресами при расставании, он сказал: «А мой адрес очень простой. Спроси в Тбилиси любого: где живёт Валико, у которого нет машины? Сразу покажут». Этот весёлый, остроумный человек был очень деятельным и гостеприимным. Нас он угощал прекрасным грузинским вином, которое неизвестно откуда оказалось в его подвале. И когда он посылал туда за новой порцией рабочего-бомжа и того долго не было, Валико добродушно говорил: «Видимо, допивает вторую кружку». Бомжа он нашёл в Джезказгане и, пообещав за хорошую работу выписать ему паспорт, привёз сюда, в Чулакэспе.

Рис. 136. Фотомастера – Олег Беялов и Толя Левин. Рис. 137. С семейством Валико Кавтарадзе. Фото А.С. Левина

А работы здесь было много. Надворные строения были запущены. В длинном, как ангар, амбаре с потолка свисали мощные крюки: на них в сезон заготовок подвешивали туши сайги. К некоторым из них, как и к свисающим рядом электрическим лампочкам, были прикреплены оригинальные висячие гнёзда деревенских ласточек (*Hirundo rustica*), в некоторых из них сидели птенцы и родители носили им корм. Стены этого сооружения местами нуждались в починке. Закончив двухместный дощатый туалет, Валико попросил моих ребят как-то оригинально оформить входные двери, и Олег нарисовал на них головы сайгаков: на одной – голову самца с рогами, на другой – самки. Валико остался очень доволен.

Рис. 138. Олег Белялов снимает гнездо курганника. **Рис. 139.** Гнездо майны под шифером.

Рис. 140. Кольцевание птенцов курганника (Левин и Ермак). **Рис. 141.** Защитная поза птенца курганника.

Через день после моего приезда, 15 июня, Юрий Георгиевич Афанасьев вместе с Ермаком на УАЗ'ике отбыли в Алма-Ату, остались одни орнитологи. Первые дни мы выезжали на соседние артезианские скважины, где проводили учёт рябков на водопоях, но 17 июня сломалась машина и ремонт занял 4 дня – до 20 июня. Только 21 июня покинули мы гостеприимный Чулакэспе и направились на север, вглубь пустыни.

Маршрут пролегал через 27-ю партию и колодец Табан. В 5 км южнее этого колодца, проехав 110 км от Чулакэспе, мы стали лагерем у так называемого Тухлого артезиана, стоящего на окраине небольших песочков Сасыкченель («сасык» в переводе с казахского – вонючий).

Здесь мы два дня проводили учёты рябков, прилетающих на водопой. Зная из литературы и рассказов знатоков, что основной водопой у этих птиц утром (а большинство людей считает, что на водопой они летают только утром), я решил выяснить, какова активность прилетающих рябков в другое время суток. Это было тем более просто сделать, что водопой находился рядом с нашим лагерем. И мы не прогадали, так как действительность превзошла все мои ожидания!

Рис. 142 и 143. Западная Бетпак-Дала, срединная часть. Гнездо пустынного ворона на тригопункте.

Рис. 144 и 145. Верблюды в глинистой пустыне и пески Катинкум, ферма. Конец июня 1983 г.

Рис. 146 и 147. Наш лагерь около Тухлого артезиана. Западная Бетпак-Дала, 21 июня 1983 г.

Применив старый испытанный метод смен через каждые 4 часа, мы 21 июня провели непрерывные наблюдения за водопоем в течение всего светлого времени суток, с 6 до 22 час (день был ясный и жаркий). При этом выяснились интересные вещи. За весь день (16 час) к водопою прилетели 4047 рябков, в том числе 540 (13%) чернобрюхих, 2408 (59%) белобрюхих и 1099 (27%) садж. Это была совсем иная картина, чем намного южнее, в окрестностях Чулакэспе, где за месяц, с 20 мая по 20 июня, насчитали 1012 (70%) садж, 404 (28%) чернобрюхих рябков и всего 32 (2%) белобрюхих. Но ещё более интересными оказались данные о суточной активности. При хорошо выраженном у всех трёх видов утреннем пике активности,

когда к водопою прилетело около 60% общего числа птиц за день (причём у чернобрюхого и белобрюхого рябков пик приходился на 8-10 час, а у саджи – на 7-9 час), небольшое количество рябков прилетало к водопою в течение *всего* дня. Наблюдался также небольшой вечерний пик активности, с 17 до 21 час, особенно у белобрюхого рябка, у которого активность лёта на водопой в эти часы увеличилась в 5-10 раз по сравнению с дневной и достигала 25% (у саджи – 18%, у чернобрюхого рябка – 15%) от общего числа прилётов за весь день. Ради таких интересных результатов стоило потерпеть жару в течение 4 часов (а на мою долю выпало два раза по 4 часа в один день) ...

Рис. 148 и 149. Водопой на Тухлом артезиане: каспийские зуйки и белобрюхие рябки. 21 июня 1983 г.

Рис. 150-153. Там же белобрюхие и чернобрюхие рябки на водопое. Коров не боятся. 21 июня 1983 г.

Попутно удалось наблюдать и за поведением других птиц у водопоя. Например, крупные хищники – степные орлы (*Aquila nipalensis*) и курганники (*Buteo rufinus*) – также прилетали к разливу артезиана, но не всегда для водопоя: некоторые, посидев недалеко от воды полчаса – час, улетали дальше по своим делам, а другие часами сидели здесь, в более влажной атмосфере. Такие же скопления пернатых хищников встречали мы и у разливов артезиана близ Чулакэспе, где однажды, в полдень 15 июня, сидело 45 степных орлов и два могильника! Часто прилетали к воде мелкие жаворонки рода *Calandrella* и желчные овсянки (*Emberiza bruniceps*), но ни разу – пустынные славки (*Sylvia nana*), которые встречались по кустам в соседних песках.

Рис. 154. Гнездо ходулочника. Рис. 155. Пуховой птенец белобрюхого рябка 26 июня 1983.

Дальнейший наш путь пролегал через урочище Джидели в песочки Катынкум, уже недалеко от реки Сарысу, где мы также проводили учёты. Самым интересным для нас в этих местах был белобрюхий рябок (*Pterocles alchata*), который в Западной Бетпак-Дале был на порядок многочисленнее, чем в Центральной, и на два порядка – чем в Восточной (где его почти нет). Гнёзд его нам найти не удалось (видимо, было уже поздно), но зато у южной кромки песков Катынкум 26 июня встретили два выводка пуховичков (рис. 155), у всех у них в зобах была вода и мелкие семена. Надо сказать, что птенцов этого рябка я видел впервые.

Рис. 156 и 157. Закат после жаркого дня и ночная улыбка луны в пустыне. Бетпак-Дала, июнь 1983 г.

На обратном пути, заночевав снова у Тухлого артезиана, мы объехали песочки Сасыкченель и к вечеру достигли такого желанного Чулакэспе! Весь день 29 июня снова ушёл на ремонт ГАЗ-66, а утром 30-го выехали в Алма-Ату. Ехали весь день, стали на ночёвку на притоке Мерке – речке Культоган.

Вот характерная черта того времени: на автотрассе Чимкент – Алматы во всех автозаправках заправляли только те машины, которые были внесены в списки, утверждённые райисполкомами (начиналась уборочная и горючего не хватало). И вот в родной Ванновке (ныне – Турар Рыскулов), где у нас почти закончился бензин, нас *отказались* заправлять, а была уже ночь, и разыскивать местных чиновников не было никакой возможности. Чуть ли не со слезами пришлось мне доказывать, что я свой, ванновский («качать права», ссылаясь на то, что это научная экспедиция Академии наук, было бесполезно!). Посмотрев на мою заросшую седой бородой физиономию, заправщик вздохнул и сказал: «Ну ладно, отец, только из уважения к твоей старости». И заправил полный бак, которого нам хватило до Алма-Аты.

Однако неудачи с мотором преследовали нас всю дорогу, и даже на объездной дороге вокруг города Фрунзе (ныне Бишкек), нам пришлось в очередной раз запрокидывать кабину и копаться в моторе. Последнюю такую процедуру проделали уже под самой Алма-Атой, напротив Узунагача. К сожалению, угробить можно и ГАЗ-66...

Рис. 158 и 159. Дорогой и любимый наш ГАЗ-66 в рабочем и нерабочем состоянии. Июнь 1983.

*****

Вторая академическая экспедиция в Центральную Бетпак-Далы (май-июнь 1984)

Вторая комплексная экспедиция СОПС АН КазССР, на сей раз в центральные районы Бетпак-Далы, состоялась с 28 мая по 30 июня 1984 г. по маршруту: Алма-Ата – Фурмановка – Джамбулгора – ГМС Тюкен – урочище Барсакельмес – колодец Коктал – кол. Такумтыкан – ГМС Когашик – Жидели – кол. Чекменказган – Чиганак – с. Уланбель – Карабугут – 102-я партия – Фурмановка – Алма-Ата.

Из орнитологов (и вообще зоологов) я был здесь один: Левин с Губиным в это время вояжировали по скважинам Арыскупской впадины в междуречье Сарысу и Сырдарьи, Олег Белялов тоже был где-то занят. Ю.Г. Афанасьев также в этой экспедиции не участвовал. Вот состав экспедиции: ботаники Ляшенко Нина Васильевна и Жапарова Назира Киркеевна, их лаборант Мейрманов Ермек и водители – Ходоровский Валентин Николаевич (ГАЗ-66 № 08-73 АТЯ) и Козюльский Сергей Васильевич (УАЗ-452 № 97-67 АТУ).

Начало было многообещающим: уже на заправке в городе дал течь левый бак одной из машин, потом потекла 150-литровая бочка, которую взяли с собой на запас. Пришлось возвращаться в автобазу и полдня потратить на устранение этих неполадок... В результате мы покинули черту города только в 15 час, и первую ночёвку пришлось делать сразу же за селом Успеновка (сейчас оно называется Беткайнар).

Весна была довольно поздней – 28 мая все поля перед Курдаем полыхали цветущими маками (обычно к этому времени массовое цветение их идёт на спад), а на Курдайском перевале местами цвела ферула (*Ferula tenuisecta*). Из птиц наиболее интересной встречей в пути были две группы журавлей-красавок, которые утром следующего дня попались нам около русла Чу между сёлами Успеновка и Благовещенка. Это наверняка были местные гнездящиеся птицы – 4 пары. Эта встреча приободряла.

В течение месяца на этих двух машинах мы прошли практически через всю восточную и центральную части пустыни и забрались в её северную часть, где пустыня местами уже переходила в ковыльную степь, украшенную кустами цветущего таволгоцвета (*Spiraeanthus schrenkianus*) – занесенного в Красную книгу Казахстана эндемика этих мест и соседнего хребта Каратау.

Но нас больше интересовал другой эндемик пустынь Казахстана – селевиния, или боялычная соня (*Selevinia betpakdalensis*), с открытием которой в 1938 г. в системе млекопитающих, в отряде грызунов, появилось целое новое семейство. С тех пор в руках зоологов побывало не более 50 зверьков этого вида, поэтому понятно, с каким рвением мы её искали. Но тщетно – не принесли результата даже ночные поиски в самой центральной части пустыни, где её чаще всего встречали. Так и не удалось мне её увидеть...

В пойме реки Чу мы только заночевали на кордоне «свх. Джамбула», но даже очень кратковременная утренняя экскурсия принесла неожиданный результат – гнездо серого журавля (*Grus grus*) с двумя яйцами, располагавшееся на обширном осоковом болоте на высокой кочке из сухой осоки. Показавший его мне чабан сказал, что яйца в этом гнезде были уже две недели назад, а недалеко от этого места гнездится ещё одна пара журавлей. Это гнездо – одно из самых южных в равнинном Казахстане гнёзд данного вида. Егеря Серекбай и Жетпысбай рассказали, что в марте в этой части Бетпак-Далы они встречали несколько трупов самцов джейрана (*Gazella subgutturosa*), погибших от холода и голода.

Рис. 160. Дастархан на кордоне в пойме Чу. 29 мая 1984 г.

Рис. 161. Дорога и деревья лоха, пойма р. Чу.

Рис. 162 и 163. Гнездо серого журавля (*Grus grus*) и место его расположения в пойме Чу. 30 мая 1984 г.

Дальнейший наш путь лежал на восток через так называемую Саксаулдалу (рис. 164-165), где нередко встречался довольно высокие кусты саксаула, вполне подходящие для устройства гнёзд хищными птицами – чаще всего курганниками (*Buteo rufinus*), гнёзда которых в те годы были в Бетпак-Дале были наиболее часто встречаемыми среди гнёзд пернатых хищников (рис. 166-167). Степные орлы (*Aquila nipalensis*) и их гнёзда попадались намного реже, а гнездо орла-могильника (*Aquila heliaca*) мы видели только одно – в пойме реки Чу вблизи кордона, от которого утром 30 мая отправились в путь на восток.

Рис. 164 и 165. Саксаулдала – южный участок восточной Бетпак-Далы. 30 мая 1984 г.

Рис. 166 и 167. Восточная Бетпак-Дала. На пути к Джамбулгоре. 30 мая 1984 г.

Рис. 168 и 169. Северный склон Джамбулгоры и лагерь нашей экспедиции у его подножия. 31 мая 1984.

Рис. 170 и 171. Джамбулгора: внутренние безводные долины и скала с гнездом балобана.

Первый лагерь экспедиции мы разбили у западного подножия Джамбулгоры, лишь немного выше кордона Андасайского заказника – второго после Капчагая места выпуска барсакельмесских куланов. Весь подгорный шлейф в этом месте был равномерно занят тёмно-зелёными боялычниками (*Salsola laricifolia*) и резко контрастирующими с ними по окраске почти белыми участками кейреука (*Salsola rigida*). Здесь доминировали типично пустынные мелкие птицы: малые жаворонки (*Calandrella brachydactyla*), пустынные славки (*Sylvia nana*) и каменки плясуны (*Oenanthe isabellina*), нередко пролетали пары и одиночки садж; вообще птиц было негусто. На каменистых склонах горы распевали каменки-пleshанки (*Oenanthe*

pleschanka) и скальные овсянки (*Emberiza buchanani*), реже попадались пёстрые каменные дрозды (*Monticola saxatilis*). Из хищных птиц встречались степные орлы и однажды – балобан, недоступное гнездо которого помещалось на высокой отвесной скале (в гнезде явно была кладка, так как вылетевшая самка долго чистилась на скале в 30 м). А однажды мы встретили даже самку архара с ягнёнком (*Ovis ammon collium*) – редких диких баранов, занесённых в Красную книгу Казахстана. Эта встреча оказалась самой южной в сохранившейся части ареала этого степного подвида.

Рис. 172 и 173. Боялычники и кейреучники подгорного шлейфа; вершина Джамбулгоры. 1 июня 1984 г.

Рис. 174 и 175. Терескенники на подгорном шлейфе и боялычники на крутых склонах. 1 июня 1984 г.

Наши ботаники встретили в саксаульнике группу из 10 сайгаков (*Saiga tatarica*). О зимовке этого зверя, ради охраны которого и был создан Андасайский заказник, очень интересно рассказал нам егерь этого кордона Стас. По его словам, первые стада на зимовку появляются здесь в октябре, а в эту зиму сайгаков зимовало особенно много – сотни тысяч! – их стадами была забита вся долина, до самих гор. По его наблюдениям, более молодые проводят зиму южнее взрослых; весной на север первым уходит молодежь, сопровождаемый несколькими старыми самцами. В этом году последние ушли 5 мая, осталась только группа из 10 особей, которую мы сегодня и видели. Странно было вечером 2 июня наблюдать у южной оконечности Джамбулгоры клин журавлей-красавок из 32 птиц, пролетевших без единого крика на восток на высоте около 100 м; перед горами строй сломался, но птицы не сели, а набрав высоту, ушли далее на восток. Очень светлые, в лучах заходящего солнца они казались белыми с чёрными концами крыльев (ни дать, ни взять – стерхи!).

Через день нам пришлось съездить в Фурмановку на заправку, и здесь я убедился, как много в этой глинисто-щебенистой солянковой пустыне зуйков – большеклювых (*Charadrius leschenaultii*) и азиатских, или каспийских (*Charadrius asiaticus*), даже трудно сказать – каких же здесь больше. Зато общий учёт птиц с автомашины показал, что в редких саксаульниках на глинах (Саксаулдала) над всеми остальными птицами явно преобладала каменка плясунья (*Oenanthe isabellina*): на 80 км пути мы насчитали 445 каменок этого вида, чаще всего выводками по 3-6 особей – в это время у каменок шёл массовый вылет молодняка.

Рис. 176 и 177. Восточная Бетпак-Дала у подножий Джамбулгоры; слётки курганника в гнезде.

Рис. 178-179. Гнёзда индийских воробьёв в жилом гнезде курганника; восточный удавчик (*Eryx tataricus*).

Не задерживаясь на Байгоре, мы проехали на метеостанцию Тюкен, от которой шла прямая дорога к центру Бетпак-Далы – знаменитому колодцу Когашик; дорога эта среди военных (а это был военный полигон) носила название «директриса». Кстати, именно они, военные, в лице начальника охраны боевых полей майора Анатолия Евгеньевича Добрынина (знакомого мне по 1982 году, когда он привёз Лапину на 102-ю партию несколько ружей, отобранных у браконьеров!), задержали нас на два дня на Тюкене, поскольку впереди как раз проходили стрельбы: сбивали учебные ракеты, выпускаемые со стороны Балхаша. В этот раз ракету не сбили, и офицеры, употребляя самые крепкие выражения, поехали искать её в безбрежных просторах Центральной Бетпак-Далы.

За день вынужденного «простоя» 8 июня мы с утра осмотрели колонию розовых скворцов (*Pastor roseus*) в 14 км восточнее Тюкена, на столбообразном гранитном останце высотой около 50 м, с большим количеством обломочного материала у основания. Здесь гнездились несколько сотен пар розовых скворцов, в большинстве гнёзд шло насиживание яиц.

Рис. 180 и 181. Восточная Бетпак-Дала, урочище Барсакельмес. 8 июня 1984 г.

В тот же день после обеда мы посетили урочище Барсакельмес в 27 км западнее Тюкена. Среди сопок-холмов, покрытых боялычем, в зелёном понижении – сухое русло какой-то речки с отдельными бочагами солёной воды, берега поросли тростничком, тамариском и саксаулом. Всё это разнообразят небольшие скальные выходы (до 30 м высотой), небольшая туранговая роща и старое тырло с остатками загородки для овец. Настоящий оазис среди однообразной равнины! Здесь мы нашли гнездо малой бормотушки (*Hippolais caligata*) с 4 свежеснесенными яйцами, гнездо туркестанского сорокопута (*Lanius phoenicuroides*) с 5 свежими яйцами и гнездо скальной овсянки (*Emberiza buchanani*) со слётками. На турангах – 6 старых гнёзд змееяда (*Circaetus gallicus*), причём взрослая птица летала над рощей. Также запомнились плавающие в сверхсолёной луже шесть пуховых птенцов огаря (*Tadorna ferruginea*) с чирка величиной, пара буланных выюрков (*Rhodospiza obsoleta*), две обыкновенные горлицы (*Streptopelia turtur*) и даже нивесья откуда взявшаяся среди пустыни деревенская ласточка (*Hirundo rustica*)!!! Действительно, – настоящий оазис в пустыне.

Рис. 182 и 183. Машины на директрисе. Направление – на северо-запад, вглубь пустыни. 9 июня 1984 г.

На следующий день открыли дорогу, и мы отправились дальше. Директриса оказалась хорошо заметной и практически прямой дорогой, ведущей на северо-запад, в центр пустыни. Приятной неожиданностью среди равнинного однообразия пустыни оказался известный колодец Коктал с его туранговой рощей и обширным сором, залитым водой. У самого родника близ рощи образовалась небольшая (3х2 м) лужица, к которой постоянно прилетали на водопой жаворонки (малый, двупятнистый, рогатый), желчные овсянки (*Emberiza bruniceps*), монгольские выюрки (*Bucanetes mongolicus*), индийские воробьи (*Passer indicus*) и даже один самец испанского воробья (*Passer hispaniolensis*) и деревенская ласточка. В самом роднике меня поразила крупная, наверное, ложноконская пиявка (*Hirudo* sp.) – вот уж чего я никак не ожидал увидеть среди пустыни! Только потом у Л.А. Зенкевича я прочитал, что некоторые водные пиявки, не теряя жизнеспособности, могут переносить длительное пребывание на воздухе. На обширном соре-озере, в 7 км от родника, мы встретили уток-пеганок (*Tadorna tadorna*), круглоносых плавунчиков (*Phalaropus lobatus*) и даже одного черноголового хохотуна (*Larus ichthyaetus*); а на его берегах – нескольких ходулочников (*Himantopus himantopus*), шилоклювок (*Recurvirostra avosetta*), морских зуйков (*Charadrius alexandrinus*) и большеклювого зуйка (*Ch. leschenaultii*) с двумя пуховыми птенцами (рис. 186).

Рис. 184 и 185. Туранговая роща у колодца Коктал – издалека и вблизи. 9 июня 1984 г.

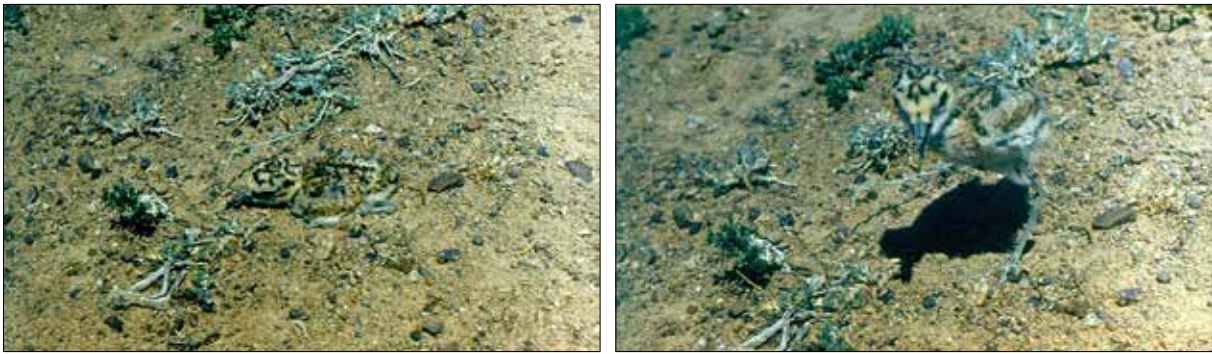

Рис. 186-187. Пуховый птенец большешклювого зуйка (*Charadrius leschenaultii*). Коктал, 9 июня 1984 г.

Здесь же мы встретили одиночного джека (*Chlamydotis undulata*). Также одиночками отмечены малочисленные здесь белобрюхие рябки, тогда как саджа (*Syrhaptes paradoxus*) была самой обычной из рябков во время поездки по центральным районам пустыни: на маршруте «Коктал – Когашик – Джидели – Б. Камкалы» мы насчитали 1330 особей. Всё это отражено в нашей совместной статье (Ковшарь, Левин, Белялов, 2004), написанной в основном по результатам экспедиций 1983 и 1984 гг.

В следующем на нашем пути урочище Такумтыкан красиво горело тырло: из плотно слежавшегося, как будто окаменевшего, толстого слоя овечьего навоза широкой полосой полого вверх уходил густой светло-сизый дым; зрелище было действительно красивым. Видно было, что горит здесь уже давно и что будет гореть ещё не один день... Недалеко от этого места на голом такыре валялся большой обломок ракетного двигателя, в котором предприимчивый индийский воробей (*Passer indicus*) свил себе гнездо и сейчас носил в него корм для птенцов. Лучшего места для жилья не сыскать, особенно здесь, на такыре. На следующий день, 10 июня, начался массовый лёт каких-то крупных цикад (рис. 196, видимо, рода *Cicadatra*), набивавшихся в кабину сотнями, как это бывает со слепнями. Мириады их были и на следующий день, и ещё, по крайней мере, несколько дней.

Рис. 188 и 189. Горящее тырло (кол. Такумтыкан) и ночёвка в пути. Центр. Бетпак-Дала, июнь 1984.

Колодец Когашик (в некоторых источниках – Кокашик) – единственный колодец с пресной водой по крайней мере на 100 км в округе. Поэтому это единственное жилое место в Центральной Бетпак-Дале: здесь много лет существует гидрометеостанция «Бетпак-Дала» (см. рис. 102, карта). Помещается она в добротном саманном доме, дающем прохладу даже в самый жаркий летний день, что мы ощутили сразу же по прибытии. А когда нам разрешили поселиться в нём, то это был верх блаженства – хоть не уезжай никуда! Место это является узлом дорог – директрисы и пересекающих пустыню с севера на юг. Последние – это скотопрогонные трассы, которых в Бетпак-Дале насчитывается 8, из них самая главная проходит через Когашик, а одна также крупная – через кол. Такумтыкан. По ним два раза в год гонят овец из летних пастбищ на зимние из Сарыарки в пески Муюнкум и обратно. Сама же Бетпак-Дала для постоянного обитания здесь скота непригодна. И стоящий на пересечении дорог колодец со срубом и видным издали старым корявым деревцем – вожденная мечта путника (рис. 190).

Рис. 190. Гидрометеостанция Бетпак-Дала – географический центр Бетпак-Далы. 10 июня 1984 г.

Рис. 191-194. Характерные ландшафты центральных районов Бетпак-Далы: пухлые солончаки, щебенистые участки, знаменитый Красный такыр, свежееобразовавшийся такыр со следами сайгаков и джейранов. Июнь 1984.

Воспользовавшись приглашением, мы поселились на метеостанции и отсюда делали выезды на машине на север и северо-восток. Самый дальний из них – в урочище Джидели, где абсолютная равнина постепенно переходит в слегка холмистую местность, а пустыня обогащается злаками и кустарником – в том числе знаменитым таволгоцветом. В самом урочище Джидели (нам удалось добраться до 46° 30' с.ш.) – уже настоящая ковыльная полустепь с высоким травостоем и большими кустами таволгоцвета (рис. 195).

Рис. 195-196. Джидели: ковыльно-таволгоцветовая саванна. Здесь же: крупные цикады на таволгоцвете.

Рис. 197. Заросли таволгоцвета (*Spiraeanthus schrenkiana*). Рис. 198. Гнездо буланого вьюрка. Джидели.

В моей записной книжке появилась даже такая восторженная запись: «Ковыльная лесостепь с колками из *Spiraeanthus schrenkiana* – красота!!!». Особенно ликовали наши ботаники: им удалось в одном месте найти густые заросли редчайшего растения *Stroganovia trautfetteri* – до 539 растений на 100 м²! Это было в районе богатых боялычников и кокпечников. А в песочках-супеях в небольшой долинке нашли даже *Concreniella krascheninnikovi*! Мне удалось найти гнездо буланого вьюрка (*Rhodospiza obsoleta*) – самая северная встреча в этой части ареала вида. Здесь уже двупятнистый жаворонок (*Melanocorypha bimaculata*) численно преобладает над малым (*Calandrella brachydactyla*), а за 30 лет до нашего посещения, 26 июня 1954 г. в этом урочище добыли даже белокрылого жаворонка (*Melanocorypha leucoptera*), экземпляр этот хранится в коллекции Института зоологии. Здесь же не редкость оба вида живущих в пустынях Казахстана сорокопутов – пустынный (*Lanius pallidirostris*) и туркестанский жулан (*Lanius phoenicuroides*).

А по дороге к этим местам мы нашли два гнезда с птенцами балобана (*Falco cherrug*), устроенные на триангуляционных вышках посреди абсолютно ровной пустыни, без леса и скал... Птенцов этих удалось окольцевать (рис. 199-202). Для меня эти два гнезда были неслыханной удачей! Во-первых, сокол-балобан сам по себе – редкий вид, занесённый в Красную книгу Казахстана (и в целом СССР), а во-вторых, гнездится он либо в нишах скал, либо на деревьях, а таких условий в безлесной и абсолютно равнинной Центральной Бетпак-Дале нет более чем на 100 км вокруг! Находка гнёзд на триангуляционных вышках позволяла по-новому взглянуть на возможности сохранения и выживания этого редкого вида на просторах безлесных равнин.

Рис. 199-202. Гнезда балобана (*Falco cherrug*) и окольцованные в них птенцы. Когашик, 13 июня 1984.

У колодца в 35 км к северо-востоку от Когашика мы неожиданно встретили майну (*Acridotheres tristis*), которая уже более 20 лет завоёвывала Казахстан, появившись у его южных границ, близ Чимкента, в 1961 г. На юге Бетпак-Далы, у 102-й партии, по словам А.Д. Лапина, она впервые появилась в 1980 г., в западных районах пустыни год назад мы встречали её даже в посёлке 27-й партии. На востоке, в предгорьях Байгоры, они впервые посетили наш лагерь 9 мая 1983 г., а на метеостанции Тюкен 6-8 июня 1984 г. пара кормила птенцов в скворечнике без крышки!!! Но здесь, в абсолютно голой пустыне в самом центре Бетпак-Далы, встреча майны не вписывалась ни в какие рамки. И даже сама птица как будто понимала это: вместо обычной напористости и крикливости она сидела у сруба колодца с широко раскрытым клювом и молча испуганно таращила глаза...

Очень часто в центральных районах Бетпак-Далы попадаются обширные по площади такыры. Далеко не все они столь красивы, как известный в этих местах Красный такыр (рис. 193), чаще наоборот – унылая и кажущаяся безжизненной (ни одной травинки!) абсолютно ровная и горизонтальная плоскость, на которой, казалось бы, только автомобильные гонки устраивать и ставить мировые рекорды скорости. Но именно в таких безжизненных местах (рис. 207) удалось встретить гнездящихся каспийских или азиатских зуйков (*Charadrius asiaticus*), которых так мечтает увидеть любой европейский или американский бёрдвотчер!

Много интересного рассказал нам метеоролог Алексей Мотрошилов, который здесь работает с 1977 года, интересуясь не только метеорологией, но и окружающей природой. Так, по его словам, до 1980 года в окрестностях метеостанции постоянно встречались 7 джейранов (*Gazella subgutturosa*), но уже 4-й год их нет. А в песках Муюнкум, напротив Б. Камкалов, за день ещё можно встретить до 50 штук. В середине

декабря 1982 г. у двух чабанов он сам видел по 10 убитых джейранов, которых они заготавливают на зиму. Джеков (*Chlamydotis undulata*) до сих пор немало в ковыльной степи северо-западнее Когашика. Он дважды встречал выводки джека из 5-6 очень разновозрастных птенцов. Подтвердил он и рассказы А.Д. Лапина об очень высокой численности волка (*Canis lupus*): только в зиму 1982/83 г. три бригады волчатников (Исаенко, Гапоненко, Попов) добыли в районе Когашика 520 волков! Кстати, Попов здесь же и погиб...

Рис. 203-205. Самка каспийского зуйка над гнездом с яйцами. Бетпак-Дала, июнь 1984.

Рис. 206. Гнездо каспийского зуйка на щебнистом участке. Рис. 207. Гнездо на голом такыре. Июнь 1964.

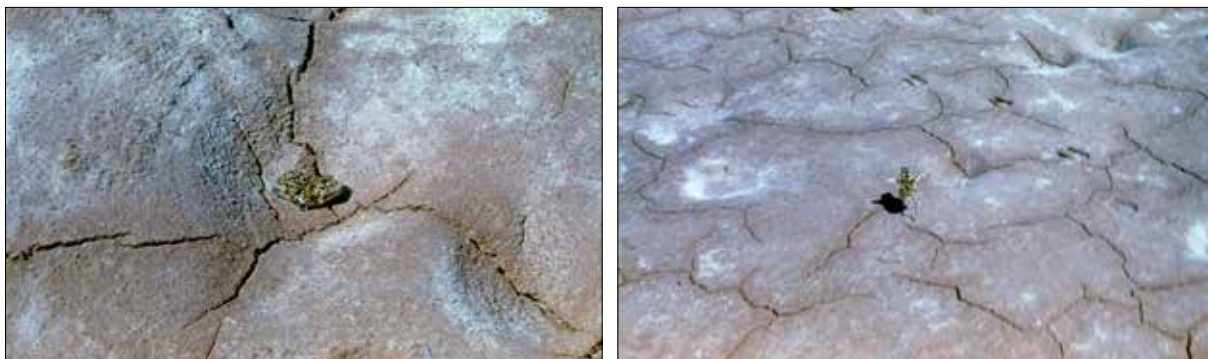

Рис. 208-209. Однодневный пуховой птенец путешествует по такыру.

Рис. 210-212. А вот так выглядит однодневный пуховичок каспийского зуйка вблизи.

Водители в этот раз нам попались неплохие. Но даже они пару раз доставили хлопот – просто из-за халатности. Однажды в самом Кобашике в жаркий полдень наши ботаники переключивали и просушивали свой гербарий, делая это в кузове, где тент хоть немного создавал тень. Заднюю часть свисающего тента они закинули на крышу, а когда ветерок дважды сбросил конец тента вниз, они придавили его на крыше спальным мешком. В это время водитель занимался своим делом – профилактикой мотора, чтобы завтра он работал, как часы. Мне всегда нравились такие ответственные водители, которые в любых условиях стремятся содержать машину в полном порядке. Закончив работу и поставив всё на место, водитель сел на своё место, включил мотор – и машина понеслась во весь опор! Сидевшие в кузове ботаники метались от борта к борту, пытаясь спасти свой гербарий, листы которого вылетали из машины один за другим, а последним свалился спальный мешок, и девочек поглотила темнота. Шофёр, наконец, услышал их крики, остановил машину и удивлённый вышел из кабины. Часть гербария найти так и не удалось...

Второй случай имел место далеко от Кобашика, в месте, куда мы выехали на одной машине всего на пол-дня. Местность была холмистая, и машина вдруг быстро покатила, увеличивая скорость, а к подножию холма она неслась уже вовсю. Мотор взревел и заглох. Пока водитель разбирался, что же случилось, я отошёл в сторону и в бинокль стал осматривать местность в надежде увидеть джека. Когда через полчаса водитель сказал, что можно ехать, вот только ключ зажигания он не может найти, мы стали помогать ему искать. Он сказал, что в кабине он всё обыскал и, наверное, ключ выпал по дороге, когда машина неслась вниз. Вчетвером мы стали обыскивать покрытую камешками дорогу – до самого верха, откуда машина покатила. Ключей нигде не было. Солнце пекло так, что при напряжённом рассматривании пёстрой картины камешков на дороге перед глазами начинали плыть круги. Прошли тот же путь обратно – безрезультатно! Уже не было сил утешить эту дорогу в третий и четвёртый раз, жара допекла так, что хотелось одного: лечь в тени и закрыть глаза. Но где она, эта тень? Через час поисков я стал думать, что проще было бы уйти в Кобашик пешком – если бы не расстояние в несколько десятков километров, которое нам, перегревшимся на солнце, просто не преодолеть. И когда уже казалось, что выхода нет, водитель нашёл ключи... под ковриком в кабине! На память об этом дне я взял с дороги покрытый солнечным загаром камень, и он по сей день лежит у меня на рабочем столе, иногда служит в качестве пресс-папье... Через 10 лет я привёз из джунгарских пустынь Западного Китая точно такой же камень, и они лежат теперь рядом.

Как ни уютно было нам жить у гостеприимных метеорологов, пришло время уезжать домой. Распрощавшись и обменявшись адресами, мы направились прямо на юг по широко набитой дороге скотопргона. Надо сказать, что когда отару гонят по скотопргону, то по самой дороге идут только машины, а овцы занимают полосы до 200 м справа и слева от дороги. К тому же сама дорога состоит из нескольких параллельных, созданных самими машинами в весеннюю распутицу, когда приходится параллельно прокладывать новую колею. Поэтому, в конечном счёте, скотопргон напоминает собой след развёрнутой танковой атаки, где растительный покров содран в полосе шириной с полкилометра...

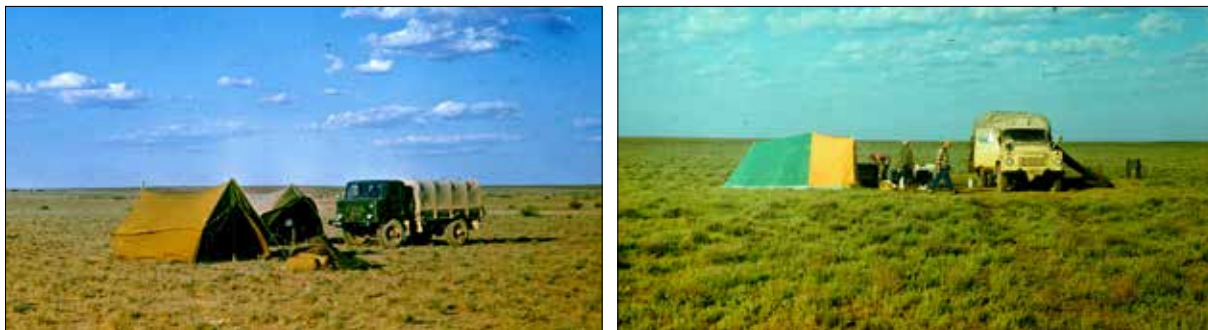

Рис. 213-214. Места стоянок на обратном пути: из Когашика на Уланбель. Конец июня 1984 г.

Примерно в 70 км к югу от Когашика мы разбили лагерь у колодца Чекменказган, где рядом уже была первая небольшая саксауловая роща. Прибыв в полдень, мы все бросились к колодцу, в надежде на холодную воду в его глубине. Она действительно была холодной, но в первом же ведре оказались полуразложившиеся трупы птенцов воробьёв, выпавших из гнёзд в стенках колодца, а также какого-то грызуна. Пришлось несколько вёдер вылить. Из первого ведра, в котором уже не было «добавок», утолили жажду все – холодная вода казалась удивительно вкусной! Но уже через полчаса жажда началась в другом месте. Вода оказалась сульфатной, и все побежали в спасительную рощу. Жжение во рту и на выходе не прекращалось и после этих побегов, так что мы не раз пожалели о своей неосторожности. Даже в виде чая, эта вода оказывала своё воздействие... Свои впечатления от экскурсий в этом месте и у соседнего колодца Тесбулак, куда мы выезжали на машине, я когда-то изложил в рассказе «Островитяне пустыни», который привожу полностью, так как написан он по свежим впечатлениям от этой экспедиции. «Обширная глинистая пустыня Бетпак-Дала славится своей засушливостью. Только весной, в апреле и мае, большинство мало-мальски пониженных мест залито тонким слоем талых и дождевых вод, а берега этих временных водоемов зеленеют свежей травкой. Обширные красные и жёлтые поляны образуют цветущие маки и гусиные луки. Всё в пустыне спешит максимально использовать недолговечную весеннюю влагу. Но уже в июне мелководные разливы высыхают, и растительность увядает, придавая всему ландшафту характерную желтовато-серую окраску. Найти в это время воду, особенно в центральных частях пустыни, почти невозможно. Лишь кое-где в местах изолированных выходов скал среди безбрежной глинисто-щебенистой равнины попадаются крохотные источники горько-солёной воды.

Один такой источник есть в урочище Тесбулак, расположенном примерно в пятидесяти километрах к югу от знаменитого Когашика — геометрического центра БетпакДалы. Здесь из небольшой трещины в наклонно выступающих из земли красноцветных горных породах сочится слабая струйка, наполняющая небольшую лужицу, к которой регулярно летают саджи и даже очень редкие здесь белобрюхие рябки. В середине июня, когда мы посетили это место, струйка уже практически иссякла, и лужица находилась на одной из стадий высыхания: вместо воды здесь была жидкая грязь, занимавшая площадь всего в несколько квадратных метров. И грязь эта... шевелилась! Присмотревшись внимательно, мы увидели, что поверхность ее усеяна тысячами малюсеньких жаб. Будучи не более двух сантиметров в длину, они, видимо, только что лишились хвостов и готовы были мигрировать из родной лужи, в которой вывелись. Но куда? Вокруг такая сушь, которой просто не вынести влажной, незащищенной коже этих амфибий. А вокруг на десятки километров – ни одного водоема. Вот уж, поистине, остров на суше...

Здесь же, рядом со скалами и как бы под их защитой, располагался другой «островок» — участок мягкой супесчаной почвы, поросший редкими кустами саксаула. Площадь его была несколько сотен квадратных метров. Такие «оазисы» встречаются среди заросшей боялычем равнины центральной Бетпак-Далы почти так же редко, как водные источники, и расстояния между ними равны десяткам километров. Ближайший от этого места «островок» саксаульника видели мы в урочище Чекменказган, примерно в тридцати километрах отсюда. В каждом из этих островков – своя растительность, непохожая на окружающую. И свой животный мир. Здесь выют гнезда туркестанские и серые сорокопуть, которых не встретишь на боялычевой равнине.

Но что удивило меня больше всего – так это встреча со среднеазиатской черепахой (*Testudo horsfieldi*). Принято считать, что в Бетпак-Дале черепахи нет. И действительно, на огромных равнинных пространствах западной и центральной частей этой пустыни, где плотные глинистые почвы чередуются с голой щебёнкой, это животное отсутствует. Видимо, такая почва не очень-то подходит для рытья черепахой убежищ. Но в островках саксаульников на мягкой почве черепаха живет. Об этом красноречиво свидетельствовали не только старые панцири от погибших животных, но и свежеразрытые кладки с остатками яиц – мы нашли их более десятка. А вот, наконец, и живая черепаха, запрятавшаяся у основания куста саксаула! Судя по всему, эти рептилии живут здесь давно, да и численность их не такая уж маленькая, если можно сделать столько находок за какие-нибудь два часа экскурсии.

Как же проникла сюда черепаха через большие пространства, неподходящие для ее обитания? А, может, она вовсе и не преодолевала их, а сохранилась вместе с островками, которые и сами некогда занимали гораздо большие площади и, возможно, даже смыкались друг с другом? Вопросы возникает много, и ответы на них надо искать там, в пустыне...» (Ковшарь, 1988).

Рис. 215-216. Гнёзда хищных птиц на опорах ЛЭП. Центральная Бетпак-Дала, на пути Когашик – Уланбель.

Рис. 217. Гнездо змееяда (*Circaëtus gallicus*) на металлическом тригопункте Чекменказган, июнь 1984 г.

Из птиц в этом районе мы встретили занесенного в Красную книгу змееяда (*Circaëtus gallicus*) – пара птиц 20 июня держалась близ гнезда, устроенного на металлическом тригопункте недалеко от островка саксаула. Этот орёл оказался редким в Бетпак-Дале: за всю поездку по центральным районам пустыни мы видели его до этого только раз – 8 июня в урочище Барсакельмес (30 км северо-западнее Байгоры).

Выйдя на обратном пути к селу Чиганак, мы на озере Большие Камкалы застали редкую по своей красоте картину – около тысячи сидящих на воде розовых пеликанов (*Pelecanus onocrotalus*). Это было прощальным приветом заканчивающейся экспедиции...

Рис. 218. Розовые пеликаны на оз. Б. Камкалы. 30 июня 1984 г.

Рис. 219-220. Заправка пресной водой в селе Чиганак и последний привал экспедиции. 30 июня 1984.

*****

Во время экспедиционных поездок 1983-1984 гг. мы ознакомились с орнитофауной пустыни Бетпак-Дала и завершили формирование полного списка птиц этой пустыни. Первый предварительный список птиц (включающий и околородных птиц долины реки Чу), составленный В.А. Селевиным (1935), насчитывал всего **72** вида. Через 38 лет М.И. Исмагилов (1973), не приводя полного списка, пишет о 100 видах для пустыни Бетпак-Дала. В наших публикациях (Ковшарь, Левин, 1993; Ковшарь, Левин, Белялов, 2004) полный список птиц пустыни Бетпак-Дала достиг **230** видов. Из них в летнее время встречаются 124, остальные – на пролёте и зимовке, причём регулярно зимует не более 15 видов птиц. Значительное число этих видов птиц обитает у южных границ – на водоёмах долины реки Чу и в низкогорьях Байгоры и Джамбулгоры. В пределах собственно пустыни в летний период встречаются птицы 86 видов, из них гнездятся – не более 76.

Но дело не только в списке птиц, который удовлетворил бы орнитолога в XIX веке. За эти экспедиционные поездки нам удалось попутно собрать материалы по биологии некоторых малоизученных видов и получить представление об орнитологических комплексах этой пустыни; сведения о последних опубликованы в самом первом выпуске зоологического журнала «Selevinia» (Ковшарь, 1993).

Это чисто научные результаты бетпакдалинских экспедиций 80-х гг. XX ст. Но вот с организацией нового заповедника в этой пустыне результат прямо противоположный. Ещё до начала самих экспедиций, в монографии «Заповедное дело в Казахстане» (1982) в заключительном разделе «Перспективы развития сети заповедников» читаем: «Бетпакдалинский (Андасайский) заповедник планируется создать в Жанааркинском районе Джезказганской области и Моинкумском районе Джамбулской области с двумя филиалами: Когашик (Центральная Бетпак-Дала, район метеостанции Когашик) и Чу-Илийский (Чу-Илийские горы, район Хантау). Площадь заповедника оставит 330 тыс. га. Его территория представляет собой типичную глинистую полынно-солонцовую (солянково-полынную) пустыню... [более подробное описание растительности и животного мира опускаем – АК]... Цель организации заповедника – охрана и сбережение всего природного комплекса и сохранение редких видов растений и животных, внесенных в Красные книги. Организация заповедника рекомендована Академией наук в 1975 г. Планируемый срок организации – 1984-1985 гг.» (Быков и др., 1982, с. 176-177). Именно с этой целью и были предприняты две академические экспедиции в Бетпак-Далу в 1983 и 1984 гг.

По результатам экспедиций 1983-1984 гг. мы представили корректировку этого плана, предложив сделать основной упор на центральный, Когашикский участок – как наиболее эталонный для этой пустыни. При этом, для включения в территорию будущего заповедника таких важнейших редких видов растений как таволгоцвет Шренка, *Stroganovia traufetteri* и *Concreniella krascheninnikovi*, а из животных – сайгака, джейрана, селевинию, джека, белобрюхого рябка, сажу и др., мы предложили конфигурацию территории будущего заповедника в виде широкой полосы, идущей с севера на юг справа и слева (восточнее и западнее) от главного скотопрогонного пути, проходящего через Когашик. Таким образом сам этот скотопрогонный путь оказался посередине заповедной территории – и в этом была главная слабость нашего предложения... Но обойтись только территорией между двумя скотопрогонными путями (что было бы идеально для её

охраны!) было **невозможно**, поскольку при этом из охраны выпадал целый ряд важных охраняемых объектов (хоть восточнее, хоть западнее Когашика). В качестве дополнительной меры по уменьшению воздействия прогона скота на окружающую территорию мы даже решились предложить рассмотреть вопрос о замене *прогона* по главному (Когашикскому) тракту на *перевоз* отар автотранспортом. Видимо, это и послужило последней каплей, похоронившей наш проект... Во всяком случае при следующих «доработках» Схемы создания новых ООПТ в Казахстане Бетпак-Далинский заповедник из неё исчез...

Произошло это в начале 90-х гг., когда после смерти академика Бориса Александровича Быкова (1910-1990), руководившего с 1979 года Комиссией «Научные основы заповедного дела в Казахстане» при Президиуме Академии наук КазССР, пришедшее ему на смену новое руководство приложило все усилия, чтобы оправдать правило: «Новая метла по-новому метёт», а сама комиссия из-под крыла Президиума АН полностью перешла в ведение СОПС, став его бюрократическим придатком. В результате в 1992 году я также подал в отставку с поста заместителя председателя этой комиссии.

Одним из последних деяний на этом посту была наша поездка вместе с зам. начальника Казглавохоты Анатолием Дмитриевичем Каргополовым в Чимкент для ускорения затянувшегося более чем на 10 лет создания Каратауского заповедника. Помнится, как принимавший нас председатель Чимкентского облисполкома Санжар Уразович Джандосов (который не мог самостоятельно решить этот вопрос без первого секретаря обкома Аскарлова, находившегося в это время в командировке в городе Алматы) после длительных дебатов в сердцах сказал, подойдя к карте: «И дался же вам это кусочек населённой горной территории между двумя городами (Кентау и Таукент). Посмотрите: севернее находится огромная пустая Бетпак-Дала! Забирайте хоть всю!». Воспользовавшись этим щедрым предложением, я ответил ему, что ловлю его на слове и скоро по вопросу Бетпак-Далы мы к нему обязательно придём... Не случилось. Санжара Уразовича, который мне очень понравился своей эрудицией и пониманием проблем охраны природы, перевели на работу в Алма-Ату, где он вскоре трагически погиб...

И сейчас, спустя 30 лет, актуальность создания Бетпакдалинского заповедника только возросла, ибо природные комплексы этой удивительной пустыни уникальны, ни с чем не сравнимы (имеется сходство лишь с Устюртом), а наличие среди растительного мира таких раритетов-эндемиков как таволгоцвет Шренка, *Stroganovia trautfetteri* и *Concreniella krascheninnikovi*, а из животных – сайгака, джейрана, селевинии, джека, сокола-балобана, беркута, белобрюхого рябка, саджи и десятков других видов требует создания охраняемой территории самого высокого ранга – заповедника – где в течение круглого года сохранялся бы весь природный комплекс на многие десятилетия, чтобы и далёкие потомки наши могли видеть это достояние. Между тем несмотря на то, что здесь уже нет военных полигонов, а золотоносные рудники исчерпаны, достаточно нашим геологам разведать здесь ещё какие-то полезные ископаемые – и вся эта первозданная природа с названными выше ценностями будет преобразована в антропогенный ландшафт... Надо спешить! Между тем в рождающихся, как грибы, новых схемах создания ООПТ в Казахстане Бетпакдалинского заповедника так и нет – здесь всё больше преобладают национальные парки, сулящие их создателям большие прибыли от иностранного туризма...

И чтобы не быть голословным, учитывая опыт наших академических экспедиций 1983-1984 гг., я предлагаю для будущего Бетпакдалинского заповедника (он необходим!) рассмотреть новую, единую территорию – и как эталон основных ландшафтов, и как места обитания раритетов (см. рисунок). Конечно, понадобится новое обследование для уточнения границ...

29 июля 2023 г. – 10 апреля 2024 г.

05. Кызылкумы: поездки по восточным и северным окраинам
(апрель 1984, май 1986, октябрь 2004)

Рис. 221. Восточные Кызылкумы, юг Кзыл-Ординской области. Апрель 1984 г.

Рис. 222. Серый варан (*Varanus griseus*). Восточные Кызылкумы, скв. Баймахан. Май 1986 г. Фото Р.А. Кубыкина

Как гласит Краткая географическая энциклопедия: «**Кызылкум** (красные пески – каз.) – пустыня в междуречье Амударьи и Сырдарьи в Узбекистане и Казахстане. Ограничена на Ю хр. Нуратау и долиной р. Зеравшан, на ЮЗ – долиной Амударьи, на СЗ – Аральским морем, на СВ – долиной Сырдарьи. Площадь около 300 тыс. км². Представляет собой равнину с общим уклоном к северо-западу с высоты 53 м на СЗ до 300 м на ЮВ, имеет ряд замкнутых впадин и изолированных сильно расчленённых гор: в центре – Букантау, Актау и др., а на СЗ – хр. Султан-Уиздаг... Большую часть территории К. занимают полузаросшие меридионально ориентированные грядовые пески с относительной высотой гряд от 3 до 20 м, максимальной – до 75 м. Равнинные пространства К. сложены третичными глинами и песками, на СВ суглинисто-песчаными речными отложениями (сухие древние русла Сырдарьи). На СЗ много такыров. Климат резко континентальный. Лето жаркое, средняя температура июля +26+29°, января 0°–9°. Осадков 100–200 мм в год, выпадают в основном зимой и весной. Почвы серо-бурые, преобладают песчаные, есть каменистые солонцы, солончаки. Среди травянистой растительности преобладают эфемеры» (КГЭ, том 2, М., 1961, с. 420). Изданная через 27 лет краткая 4-томная энциклопедия «Казахстан» (том 2, Алма-Ата, 1988) уточняет эту характеристику: «из 300 тыс. км² пустыни 115 тыс. км² находится на территории Казахстана; в Кызылкуме отсутствуют реки с постоянным водотоком, но в разных частях пустыни проложены магистральные ирригационные каналы (см. *Кызылкумская оросительная система*, *Кзыл-Ординская оросительная система*). На терр. К. обнаружены большие запасы подземных песчаных вод высокого качества (см. *Артезианский бассейн*). К. относится к подзоне средней пустыни, значит. часть к подзоне юж. пустыни» (Казахстан, том. 2, 1988, с. 304–305).

К сказанному могу добавить, что ко времени моих посещений этого района (80-е гг. XX ст.) везде в восточной (казахстанской) части Кызылкумов действовало уже много артезианских скважин, пробуренных для водопоя скота, в том числе и горячие, с минеральной водой. Вокруг каждой образовались небольшие водоёмы со своей растительностью, контрастирующей с окружающим пустынным ландшафтом.

Поездка в Северо-Восточные Кызылкумы (17 апреля – 6 мая 1984)

Весной 1984 года исполнилась ещё одна давнишняя мечта – побывать в пустыне Кызылкум. Помогло в этом, как это ни странно, преподавание спецкурса «Орнитология» в Казахском госуниверситете (КазГУ им. С.М. Кирова, ныне КазНУ им. Аль-Фараби), куда меня ещё в 1976 году чуть ли не силой заманил Валерий Петрович Митрофанов (1932–2001), бывший тогда заведующим кафедрой зоологии и ихтиологии (у нас бывает и такое сочетание!) биофака этого университета. Сопровитивлялся я из страха перед публичными выступлениями, который сохранился со школьных лет, когда я одно время сильно заикался. Я с ужасом представлял себе, что будет со студентами, когда вдруг заикание возобновится. Но как бы то ни было, я решился и читал этот спецкурс 16 лет, до 1992 года, за что до сих пор благодарен Валерию Петровичу.

Во-первых, это дало мне возможность реанимировать старые конспекты лекций И.Б. Волчанецкого, в которых было много ценного и интересного; во-вторых, постоянный живой контакт со студентами позволял выбирать среди них тех, кто по-настоящему интересуется птицами; они пополняли ряды практикантов на Большом Алматинском озере (некоторые потом становились сотрудниками лаборатории). И в-третьих, некоторые из выпускников сохраняли добрые воспоминания и, работая в разных местах Казахстана, звали к себе в гости. Так было с Серёжей Бурделовым, младшим из знаменитой «противочумной» династии, состоящей из его отца Анатолия Семёновича Бурделова и старших братьев – Леонида и Владимира. Отца и братьев, к сожалению, уже нет, последним ушёл Леонид Анатольевич (1943–2017).

Сергей после окончания университета также пошёл в противочумную систему и пригласил меня приехать к нему в Кзыл-Ординское отделение известной Араломорской противочумной станции, обещая транспорт. Это было очень кстати, поскольку до начала Бетпак-Далинской экспедиции ещё оставалось время, и я дал согласие. Вся зима ушла на переписку с ГУКИ (Главное управление карантинных инфекций, Москва), но к апрелю все документы были готовы, я получил допуск, и начальство станции было уведомлено о моём прибытии (в этой системе с этим было очень строго!). Ехать предстояло поездом, а в Кзыл-Орде Сергей обещал встретить. Из Алма-Аты я отбыл московским поездом вечером 17 апреля 1984 г.

На следующий день в полдень Сергей встретил меня на вокзале города Кзыл-Орда и с ходу, с видом заправского гида, стал знакомить меня с достопримечательностями города. Указывая на огромное сооружение заводского типа, он сказал: «А это ошибка молодости Хрущёва». И пояснил, что, посетив в годы своего властвования Кзыл-Орду, Никита Сергеевич воскликнул: как можно не использовать такой массовый материал, как целое море тростника? Повелел тут же создать целлюлозно-бумажный комбинат.

Послушные отцы города согласились, и уже вскоре был воздвигнут этот «памятник». Однако тростника хватило всего на пару месяцев, а потом стали завозить древесину из Сибири. Промаявшись так какое-то время, комбинат остановили, а с уходом Хрущёва и вовсе о нём забыли...

Сергей поселил меня у себя дома, сказав, что через день мы всё равно уедем в пески. Жили они вдвоём с женой Любой и дочерью – дружная жизнерадостная пара. Даже рассказали мне свой семейный анекдот, родившийся прямо в этой комнате. Листая том энциклопедии, Сергей удивлённо сказал жене, готовившей обед: «Любча, а Маркс-то, оказывается, еврей!». На что Люба не менее удивлённо ответила: «А я думала – кореец!». Причём оба были правы: Люба имела в виду их знакомого корейца по имени Маркс!..

Знакома меня с сотрудниками противочумного отделения (их неожиданно оказалось довольно много), Сергей приготовил мне сюрприз: «А этого узнаете?» и представил мне своего однокурсника Амира Акмолдаева, который тоже работал здесь зоологом.

Рис. 223 и 224. Река Сырдарья южнее Кызыл-Орды (выше по течению). 18 апреля 1984 г.

Рис. 225-228. Наш «корабль пустыни» и дороги по левому берегу Сырдарьи. 18 апреля 1984 г.

Наконец, 18 апреля на ГАЗ-66 без тента (так здесь было принято для лучшего обзора) мы выехали из Кызыл-Орды, направляясь на юг и юго-запад. Не могу отказать себе в удовольствии привести здесь весь маршрут целиком, хотя бы «петитом»: Кызыл-Орда – Тартугайский паром – с. Жувантобе – с. Кызылкаин (20 апреля) – Таштоп-2 – свх. Каргалы – скважина Батырбек – колодец Бахтияр – скваж. Джингельдыхак – зимовка Мурзахмет (21 апреля) – ур. Баймет – скваж. Апанкак – Абдулқудук – крепость Кумуян – кол. Шибик – кол. Байтеке – скваж. Уялы (22 апреля) – кол. Сауле – кол. Шельдер – Байтеке – свх. Келентюбе – г. Узгент (23 апреля) – ст. Узгент – могила Корасан-ата – Таштоп – Кызылкаин – г. Кызыл-Орда (24 апреля) – плотина Тасбугет – свх. Айдарлы – крепость Асанас – скваж. № 89, или Чушкаульген (25 апреля) – скваж. № 90 – урочище Бадык – скваж. Жалгиз-Мортук – скваж. Нурзулда – ур. Каскырбулак – скваж. № 89 (26 апреля) – там же (27 апреля) – скваж. Асанас – Кызыл-Орда. Перелёт на АН-2 в посёлок Акколка на Жанадарье (28 апреля) – пешеходные экскурсии в окр. Акколки (до 5 мая) – скваж. Мынтай, Карашаш и Жетпысбай (6 мая). Перелёт на АН-2 в Кызыл-Орду через развалины крепости Кумкала и Акколку (7 мая).

Для меня многие из этих мест звучат, как музыка, а кроме того, после промчавшейся бури («цунами!») переименований многие из этих названий уже исчезли, а мне очень хочется, чтобы в этом тексте они всё-таки присутствовали. В целом поездкой был охвачен район от посёлка Яныкурган на юге (43°45' с.ш. и 60°30' в.д.) до сухого русла Жанадарья (44°20' с.ш. и 63°30' в.д.), а протяжённость автомобильного маршрута составила 1076 км.

Местность, в которой мы работали, представляла собой чередование глинистой и песчаной пустыни, а в пойме Сырдарьи близ с. Кызылкаин – густейшие заросли чингила (*Halimodendron halodendron*). Заросли саксаула (*Haloxylon aphylla*) занимали около 30% территории и только у каналов и стариц – до 70%, причем местами хорошо видны следы его заготовок (местность ряд лет сдавалась в аренду соседнему Узбекистану). Методика этих заготовок поистине варварская: используя слабую закреплённость корневой системы саксаула в песчаной почве, пускают параллельно два мощных трактора С-100, между которыми натянут стальной канат; после такого «прохода» на месте росшего час назад саксаула лежит вал вывороченных с корнями деревьев и кустов – чем не следы урагана?.. Особенно видны следы массовых заготовок саксаула с борта самолёта АН-2, в районе крепости Кумкала. Трудно сказать – сколько времени понадобится для возобновления здесь саксаульников, а тем более – для достижения ими зрелого возраста.

Рис. 229 и 230. Цветущая глинистая равнина и свежая зелень эфемеров в песках. 19 апреля 1984 г.

Рис. 231 и 232. В песках Кызылкум и у разлива артезианской скважины. Апрель 1984 г.

Рис. 233 и 234. Яркая свежая зелень эфемероидов в понижениях у колодцев и скважин. Апрель 1984 г.

Рис. 235 и 236. Стоянка под барханом и прискважинный разлив между барханами. Апрель 1984 г.

За время нашей поездки удалось отметить птиц 128 видов, среди которых многие – пролётные, поскольку был разгар миграции позднепролётных видов. Редкие и уязвимые виды птиц встречены единично: змеяед (*Circaetus gallicus*) – дважды около пустого гнезда; степной орёл (*Aquila nipalensis*) и беркут (*Aquila chrysaetus*) – только по одному разу; джек, или дрофа-красотка (*Chlamydotis undulata*) – три одиночки в разных местах; даже журавль-красавка (*Anthropoides virgo*) – всего две небольшие стаи, хотя в других местах в это время идёт их интенсивный пролёт. Только рябки встречались более или менее регулярно: чернобрюхий (*Pterocles orientalis*) – на всех маршрутах общим числом 170 птиц, белобрюхих (*Pterocles alchata*) было вдвое меньше (насчитали 60 особей). Зато саж (*Syrrhaptes paradoxus*) не видели ни одной! Интересно ведут себя чернобрюхие рябки ночью в свете автомобильных фар: они свечкой уходят ввысь, делая очень частые взмахи крыльями – как насекомые (чего днём никогда не делают). Зато днём пары рябков часто встречались на тырлах, где они клюют засолённую овечьей мочой почву.

Рис. 237 и 238. Черношейная каменка у входа в нору, где её гнездо с птенцами. Апрель 1984 г.

Рис. 239 и 240. Гнёзда авдотки (*Burhinus oedichenus*) с кладкой. Апрель 1984 г.

Рис. 241 и 242. Морской зуёк (*Charadrius alexandrinus*) и курочка-крошка (*Porzana pusilla*) на прискважинных водоёмах. Апрель 1984 г.

Рис. 243 и 244. Пустынная славка на гнезде и испанские воробьи среди индийских. Апрель 1984 г.

Из других птиц, не относящихся к редким и исчезающим, наиболее интересной для меня была встреча с черношейной каменкой (*Oenanthe finschii*), которую я видел впервые; 26 апреля самец и самка носили корм пятерым птенцам в гнездо, расположенное в норке глубиной 58 см на склоне небольшого бархана, поросшего молодым саксаулом. В новинку были и два гнезда авдотки (*Burhinus oedicnemus*), в обоих случаях два яйца лежали прямо на земле, без всякой выстилки, и были обнаружены только по убегавшей от гнезда птице. В этой поездке я впервые увидел серого варана (*Varanus griseus*). Небольшой, чуть более полуметра, молодой экземпляр был пойман (и отпущен) нами недалеко от могилы Корасан-ата, близ северной границы ареала этого вида в Казахстане.

Рис. 245-247. Молодой серый варан (*Varanus griseus*), его измерение и осмотр. Апрель 1984 г.

В посёлок Акколка в северной части маршрута меня забросили из Кзыл-Орды на самолёте АН-2, который в народе метко окрестили «кукурузником» и который был рабочей лошадкой, палочкой-выручалочкой в противочумной системе, когда надо было в любую малодоступную точку пустыни забросить людей (и вывезти их оттуда). Здесь я неделю, с 28 апреля по 5 мая, был предоставлен сам себе и вволю налюбовался широким разливом Жанадарьи, на берегах которой вёл наблюдения за белохвостыми пигалицами (*Vanellochettusia leucura*), которые тогда тоже были занесены в Красную книгу (во втором издании этот вид из неё вывели). На пришедшей 6 мая машине мы перебазировались через скважины Мынтай и Карашаш в ур. Жетпысбай, откуда я на АН-2 вернулся в Кзыл-Орду.

Рис. 248 и 249. ГАЗ-66 на равнинном бездорожье и участки такыров на севере пустыни. Апрель 1984.

Рис. 250 и 251. Последствия весенних палов в пустыне Кызылкум. Апрель 1984 г.

Рис. 252 и 253. Магистральные каналы и «хапуги» для забора воды из Жанадарьи. Апрель 1984.

Рис. 254 и 255. Древний мавзолей и один из его обитателей – пискливый геккончик. Апрель 1984 г.

Рис. 256 и 257. Ожидание самолёта в ур. Жетпысбай и его прибытие (вдали на такыре). 6 мая 1984 г.

Очень памятным оказалось само возвращение. Прилетевший за мной в последнюю точку маршрута пилот по имени Борис (фамилии он просил не называть) оказался очень энергичным и весёлым человеком, и я не преминул спросить его – встречал ли он здесь джеков (*Chlamydotis undulata*). Эта птица тогда для нас была загадкой и казалась на грани исчезновения, так как встречи её были очень редки.

В самолёте, выруливающем на взлёт, нас было только двое. Обернувшись ко мне, он так же беззаботно сказал, что эта птица здесь встречается нередко, особенно когда идёшь на бреющем полёте. Помня о том, как нам трудно было уговорить пилотов вертолёта спускаться ниже положенного минимума в 100 м, я спросил – а какая это высота? На его недоуменно-снисходительный взгляд (так смотрят на детей,

задавших неуместный вопрос), я уточнил: «Ну, допустим 70 или 50 метров?». На это он с ехидцей ответил: «А 10 не хочешь?». Я решил, что он меня разыгрывает, и не стал больше приставать.

Но вот, набрав положенные 100 или 200 метров, самолёт вдруг буквально упал до верхушек кустов саксаула и на этой высоте понёсся над пустыней! Скорость на такой высоте кажется невероятной – все кусты проносятся назад очень быстро. Ухватившись за спинку его кресла, я привстал и жадно всматривался вперёд, испытывая смешанное чувство страха и азарта. Джеков увидеть не удалось, а вот проносящиеся мимо нас кусты и древние могилы, как и улепётывающие всю зайцы, оставили неизгладимое впечатление. Страх прошёл, но азарт остался – хотелось лететь так бесконечно...

Однако, пролетев так километров 20-30, Борис поднял свою машину на нормальную, положенную для дальнего полёта высоту – и самолёт, казалось, остановился в воздухе, сразу сбавив скорость. Обернувшись ко мне, Борис подмигнул и спросил, понял ли я, что такое бреющий полёт? А через минуту, сразу посерьёзнев, попросил никому об этом не рассказывать, потому что его снимут с полётов. Потом всю дорогу он рассказывал мне разные забавные случаи из своей лётной биографии. Из них мне запомнился один. Прилетая за своими людьми в пустыню, обычно он делал приветственный круг, возвещая о своём появлении. Если никто не реагировал, он делал над палаткой круг пониже. И вот однажды, когда ожидавшие его зоологи сидели в соседней чабанской юрте, он во втором круге не рассчитал и зацепил колёсами шасси за верхушку юрты, которая тут же перевернулась, как тибетейка. «Представляешь, а они сидят и вот так пиалы с чаем держат!» – смеялся он.

Словом, парень мне понравился, и я спросил его, согласится ли он полетать осенью с моими ребятами на учёте джека. Получив согласие, я записал его фамилию и, когда из Алматы заказывал в Кызыл-Орде самолёт для учётов, то настаивал, чтобы пилотом был только он. На другом конце провода удивились: «А почему именно он? У нас есть пилоты и получше». Но мне не надо было получше, нужен был он.

И вот осенью, вернувшись с этих учётов, Борис Губин рассказал мне, как они с этим пилотом застали в одном месте браконьеров, загружавших в УАЗ-452 убитых сайгаков. Пилот Борис N. решил припугнуть их и спикировал прямо на машину, что повергло этих браконьеров в ужас: машина рванула с места, оставив на дороге одного из своих, который пытался бежать за ней. «Но это ещё не всё» – сказал Губин. Оказывается, вечером по местному радио они слышали, что на трассе в этом месте перевернулся УАЗ, гружённый сайгаками. Тут уже и нашим стало не до веселья, хотя зло и было наказано...

Вряд ли ещё летает этот бесшабашный Борис (ведь прошло почти 40 лет!), но если он жив, то пусть знает, что слово своё я сдержал и фамилию его никому не раскрыл. А сама поездка по восточной окраине Кызылкумов, хоть и продолжалась всего полмесяца, оставила в моей памяти неизгладимый след и желание возвращаться в эти удивительные места ещё не раз. Красота весенней пустыни неотразима...

Рис. 258 – 260. Редкие случаи особого состояния неба над пустыней Кызылкум. Апрель 1984 г.

*****

Кратковременная поездка в Восточные Кызылкумы (11-17 мая 1986)

Каждому, кто привык занимать активную жизненную позицию – будь то активист-школьник или умудрённый жизненным опытом политик – хорошо знакомо это ощущение будто ты попал в какой-то водоворот и уже не распоряжаешься своим временем, тебя как будто несёт «по воле волн». До сих пор не могу понять, как мог в таком положении оказаться я, не отличавшийся особой активностью в школе (кроме хорошей учёбы) и даже все школьные годы успешно противившийся вступлению в комсомол. От вступления в партию я увиливал ещё в первые годы жизни в Казахстане, когда сверху вдруг приходила разнарядка принять в партию (видимо, для «правильного» соотношения классовых элементов) кого-нибудь одного из «учёных». Видимо, виноват заповедник, работая в котором нельзя было пройти мимо борьбы за его сохранение и целостность. Так постепенно я стал активистом охраны природы и заповедного дела: неперенным членом Центрального Совета Казахского общества охраны природы, затем – председателем секции охраны животного мира, позже – секции охраняемых территорий, а с 1979 г. – заместителем председателя комиссии «Научные основы заповедного дела в Казахстане» при Президиуме АН Каз ССР, которой руководил замечательный ботаник академик Борис Александрович Быков (1910-1990) ...

К середине 80-х гг. я стал замечать, что добрая половина моей активности уходит на общественную работу, оставляя для занятия наукой всё меньше и меньше времени. Даже продолжительность экспедиций (самой интересной части нашей работы!) сократилась до отдельных кратковременных выездов. Особенно показателен в этом плане 1986 год, когда мне удалось совершить только две коротких поездки в поле.

Одна из них – в мае, когда посчастливилось съездить в южную часть восточных Кызылкумов, где близ скважины Баймахан с апреля стационарно работали, изучая джека (*Chlamydotis undulata*), Б.М. Губин и С.Л. Скляренко, а с ними – герпетолог Р.А. Кубыкин (1937-2001) и лаборантка Лена Куценко. Работа здесь продолжалась и в 1987-1988 гг., в ней участвовала также Зоя Карповна Брушко (1931-2023), изучавшая серого варана (*Varanus griseus*) и других ящериц. Мне было интересно посмотреть на эту пустыню в более южной её части. Надо сказать, что Борис и Сергей развернули здесь очень интересные наблюдения за образом жизни мало изученного тогда джека; полученные ими обширные материалы по биологии и поведению этого вида опубликованы (Губин, Скляренко, 1989, 1990а, б), как и наблюдения за гнездованием зелёной шурки, большой бормотушки и других птиц (Губин, Скляренко, 1990в, г).

Рис. 261. Лагерь Б.М. Губина близ скв. Баймахан. Рис. 262. Горячая скважина Баймахан. Май 1986.

Наблюдая по утрам с ребятами за уже известными им токующими самцами, я никак не мог представить себе, что вот эту птицу (скорее – прямую, как палка, шею с небольшим крючком-клювом на конце) можно заметить с быстро идущей машины. Ведь когда джек застынет, увидеть его невозможно. Даже жаворонок однажды на моих глазах сел на клюв джека и тот безразлично стряхнул его. Проведенные за этими наблюдениями два утра дали мне гораздо больше в понимании того, что такое джек, чем три года поисков его с машины. Только благодаря этому я смог потом показывать эту птицу бёрдвотчерам.

Рис. 263 и 264. Аман на своей цистерне у гнезда курганника и Б.М. Губин в окрестностях лагеря.

Рис. 265 и 266. Первая гряда Кызылкумов, Сергей Скляренко и Елена Куценко в лагере, май 1986 г.

Рис. 267 и 268. Степная агама (*Agama sanguinolenta*), самец (слева) и самка у палатки. Май 1986 г.

Рис. 269 и 270. Зелёная шурка (*Merops persicus*) у норы и пара, роющая нору. Конец мая 1986 г.

Хотя лагерь был разбит недалеко от горячей скважины Баймахан (рис. 262), которая была очень хороша для купания, но питьевую воду ребятам привозил из соседнего совхоза водовоз Аман, с которым они с первых же дней установили дружеские отношения. Его-то и попросил Борис свозить меня в пески – попутно с развозкой воды по отарам. По утрам он заезжал в наш лагерь, сажал меня в кабину, и мы целый день ездили от одной отары к другой, попутно наблюдая за птицами. Аман (рис. 263), крупный мужчина средних лет, был очень контактным, разговорчивым (видимо, сказывалось и то, что обычно он целыми днями ездил по пескам в одиночку), интересовался окружающим миром и охотно показывал мне гнёзда крупных хищных птиц, в которые очень удобно было заглядывать с высоты его цистерны. Рассказывал о встречах с птицами. А когда я спросил его о дрофе-красотке, он весело рассмеялся и рассказал мне случай из собственной практики: «До армии я тоже шоферил в этих песках. Вozил геологов, а они имели при себе ружья и всё высматривали дрофу-красотку. Однажды я заметил, как она стоит среди редкого саксаула, но геологи о чём-то говорили между собой и не видели её. А я ещё плохо знал русский язык и не мог вспомнить, как эту птицу зовут по-русски. И кричу им: стреляйте, вот она, проститутка». И добавил, смеясь: «тогда я ещё не понимал разницы между этими словами».

У скважины Баймахан, в которой мы с удовольствием купались по вечерам, располагалась большая колония зелёных щурок (*Merops persicus superciliosus*), наблюдать за которыми и фотографировать их было высшим наслаждением. Борис и Сергей и здесь не упустили случая провести интересные наблюдения, результаты которых впоследствии опубликовали в специальной статье (Губин, Складенко, 1990в).

Рис. 271-273. Бегущий варан и его папарацци. Левобережье Сырдарьи близ скв. Баймахан, май 1986 г.

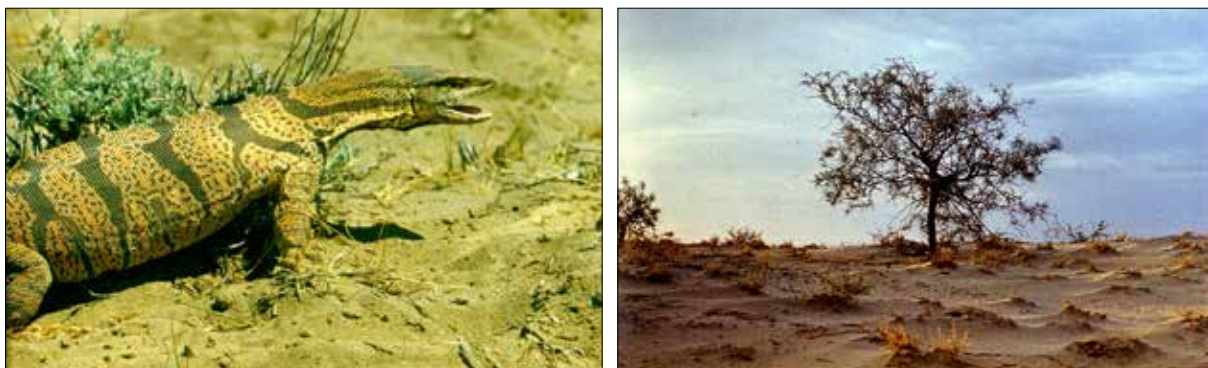

Рис. 274 и 275. Серый варан и вечер на окраине песков Кызылкум. Конец мая 1986 г.

Очень интересно было снова встретиться с вараном. Один экземпляр небольших размеров поймали как раз в дни моего пребывания в лагере, и мы устроили настоящую фотосессию, выпустив варана среди редкого саксаульника в стороне от лагеря. Одним из отрицательных моментов в судьбе этого животного является бытующее среди местного населения поверье: если он пробежит между ног у мужчины, тот становится бесплодным; даже казахское название варана переводится как «болезнь». По этому поводу во время нашей фотосессии было немало шуток, особенно в адрес Сергея, который вот-вот должен был жениться. Однако всё обошлось: у Сергея с Леной сейчас – две прекрасные, уже взрослые дочери, есть и внуки, так что народное поверье в данном случае дало осечку...

*****

Осенняя поездка на север Кызылкумов за чёрным аистом (октябрь 2004)

Со 2 по 9 октября 2004 г. вместе с чешскими орнитологами Мирославом Бобеком и Любомиром Пешке, а также двумя инспекторами управления охраны леса и охотничьего хозяйства Кызыл-Ординской области мы проделали маршрут протяжённостью 800 км по низовьям Сырдарьи (в основном Кувандарья) и Северным Кызылкумам в поисках мест скопления чёрного аиста (*Ciconia nigra*).

Ещё в сентябре ко мне обратился мой знакомый из Праги Мирослав Бобек, с которым у нас так и не получилось провести совместное мечение чёрных аистов в 1999 г. На сей раз он написал, что после неудачи с Казахстаном они нашли понимание в Сибири. При помощи российских орнитологов они провели эту работу на Енисее, надев там спутниковые радиопередатчики на нескольких чёрных аистов. В течение ряда лет эти птицы пролетали над территорией Казахстана примерно по одному маршруту, делая одну длительную остановку северо-западнее Кызыл-Орды (прямо в пустыне!), откуда круто поворачивали на юг.

В этом году аисты уже вылетели с Енисея и в начале октября должны быть у нас на севере Кызылкумов. Мирослав предлагал мне совершить совместную поездку в эти места для поисков самки с радиопередатчиком. Средства на оплату транспорта у него имеются, нужно только организационное участие в подготовке и проведении этой поездки. Я ответил согласием и начал готовиться.

Запася письмами в областные органы экологии и охраны природы, у знакомых зоологов навёл справки, с кем можно иметь дело в Кызыл-Орде. Большую помощь оказал мне наш энтомолог Виталий Александрович Кашеев (1953-2012), который дал телефон местной учительницы английского языка Ирины Николаевны Ли, когда-то оказавшей ему помощь в аналогичной ситуации. В таких случаях подобные контакты бывают очень нужны. И вот 2 октября мы с Мирославом и его спутником Любомиром Пешке выехали из Алматы актюбинским поездом до Кызыл-Орды. Утром следующего дня на кзыл-ординском вокзале нас встретила Ирина Николаевна, оказавшаяся ещё довольно молодой кореянкой, свободно говорящей и по-русски, и по-английски. Она определила нас в частную гостиницу «Каир» вблизи вокзала, и остаток этого воскресного дня мы потратили на поиски машины для предстоящей поездки.

Рис. 276 и 277. В Кызыл-Орде с нашей доброй феей Ириной Ли и около мемориала Хорхе над Сырдарьей.

Рис. 278. Река Сырдарья близ Кызыл-Орды (вид с мемориала Хорхе вниз по течению). 4 октября 2004 г.

Поскольку никаких знакомых, имеющих машину, у Ирины не было, она привела нас на базар, где обычно на так называемом «пяточке» собираются владельцы машин, желающие заработать. Трудность была в том, что нам была нужна машина не по городу, а в пустыню и на несколько дней, с ночёвками, что сразу же отбивало охоту у желающих. В конце концов мы договорились с владельцем одного из УАЗиков за 35 долларов в день. Правда, внешний вид машины оставлял желать лучшего, но хозяин в предвкушении заработка обещал до завтра привести её в божеподобный вид, а за её рабочие качества просто ручался головой.

Утром 4 октября мы посетили миграционную полицию, а затем – Управление лесного и охотничьего хозяйства. Заместитель начальника управления Данабек Шатаевич Арынов оказался достаточно грамотным и контактным человеком, и мы договорились о поездке на УАЗ’е управления с инспекторами Абусагатом Абибуллаевичем Султановым (владелец машины) и Идрисом Болтаевым (сменщик). Это была неслыханная удача!!! От вчерашнего шофера откупились двумя тысячами тенге (он утром приехал чистенький, как и договорились) и после короткой экскурсии на берег Сырдарьи, к памятнику Хорхе с верблюдом (жил здесь такой персонаж 1300 лет назад), мы в 14 час 30 мин покинули границу города.

Погода стояла сухая и тёплая, но солнце тускло светило сквозь пыль и мглу. Дорога шла почти прямо на север вдоль правого берега Сырдарьи. Кустарники на глинистой равнине – чингил, гребенщик. Местами – отдельные деревья лоха, тростничок. После заправки в Джалагаше под ж-д мостом перешли через Сырдарью на левую сторону. Дальше асфальт пошёл на северо-запад, мимо совхоза Бухарбай-батыр (б. Калинина). Прошли мимо древних сторожевых курганов, на которых когда-то поджигали огонь в случае появления врага. Выйдя на актюбинскую трассу, добрались до Джусалов, а там стали уходить влево. Везде по трассе – масса рассыпанного зерна (открытые грузовые машины возят рис насыпом!),

которым кормятся голуби, грачи, а в одном месте – даже фазан (*Phasianus colchicus*). В посёлке Акжар свернули с трассы влево – прямо на запад. За аулом Турмагамбет кончился асфальт и начался удивительно тряский грейдер.

Рис. 279 и 280. Осенние разливы: залитая водой пустыня южнее горы Карак. 4 октября 2004 г.

Глазам предстала неожиданная картина: разлив воды на несколько километров!!! Кустарник в воде до самого горизонта! (рис. 279-280). А на ней – более 1000 лысух (*Fulica atra*), около 50 чирков (*Anas querquedula*, *Anas crecca*) и несколько крякв (*Anas platyrhynchos*). Вскоре свернули с тряского грейдера вправо и по песчаной дороге среди барханов направились прямо в сторону горы Карак, виднеющейся синей полоской впереди. В конце концов, мы уткнулись в воду (дорога уходит под воду!), вернулись и стали искать объезд. Потратили не менее часа и везде упирались в воду. Оказывается, все низменности между барханчиками залиты водой, причём местами вода явно давняя, с тростниками и другой околководной растительностью. Пришлось возвращаться на грейдер.

Рис. 281 и 282. Участки, не залитые водой, и поиски дороги к горе Карак. 4 октября 2004 г.

До Карака оставалось напрямую около 26 км, оттуда уже слышны сигналы Алтынай (так называли чехи самку чёрного аиста, помеченную передатчиком в Сибири!), которые улавливает антенна Любомира. Вспугнули первых чернобрюхих рябков (*Pterocles orientalis*), над нами на фоне розового заката пролетели 8 больших белых цапель (*Egretta alba*), а мы всё не могли преодолеть водную преграду. И в 19 час 25 мин, уже в темноте, при свете фонариков, пришлось стать на ночёвку недалеко от аула Киенбаев.

Рис. 283-286. Закат и первая ночёвка в пустыне южнее горы Карак. Вечер 4 октября 2004 г.

Впереди – низина с тростником и водой, а за ней – гора Карак (слово «гора» здесь довольно условно, скорее это степной холм). Утром 5 октября восход солнца начался в 7-30, солнце появилось в 7-55, и Любомир тут же обнаружил сигналы Алтынай! Слабые сигналы шли с расстояния примерно 15 км. Здесь молодой саксаульник на супеси, слабые барханчики. А сам водоём протянулся на несколько километров на восток и не ясно было – это сплошной водоём или отдельные плёса. С барханчика видно 4 таких плёса, но, похоже, что они соприкасаются между собой (тростники смыкаются). Называется всё это озеро Карак (по имени горы). Его арендовал один человек (кажется, с Байконура) и посадил здесь своих рабочих.

Рис. 287 и 288. Озеро Карак. Любомир Пешке с антенной для лова сигналов Алтынай. 5 октября 2004.

Мы дважды утыкались в тупик, пока нашли объезд. Везде много серых (*Ardea cinerea*) и больших белых (*Egretta alba*) цапель, больших бакланов (*Phalacrocorax carbo*), иногда пролетают камышовые луни (*Circus aeruginosus*) и кудрявые пеликаны (*Pelecanus crispus*). Слышны голоса фазанов (*Phasianus colchicus*), многочисленных здесь сорок (*Pica pica* – только в одном места стая из 15 штук!) и серых жаворонков (*Calandrella rufescens*), а в тростниках – молчаливые тёмные с рыжиной камышевки (*Acrocephalus agricola? scirpaceus?*) и такие же тёмные пеночки-теньковки (*Phylloscopus collybitus*).

Рис. 289 и 290. Расспросы о дороге у местных жителей и выход в местность, где есть скопления аистов.

Рис. 291 и 292. Поиск характерных мест скопления чёрных аистов в саксаульниках. 5 октября 2004 г.

Рис. 293 и 294. Засолённые участки в межбарханных разливах – места остановок аистов. 5 октября 2004.

Объехав это озеро и преодолев последний заливчик по твёрдому дну, мы вышли между горой Карак и рекой Кувандарья. Здесь, в самой низинке, много крупных деревьев гребенщика вперемежку с молодым саксаулом. Расспросив в юрте дорогу, мы снова переехали через реку (она здесь полноводная, с густыми и высокими зарослями тростника) и выехали к рыбацему вагончику. И здесь мы, наконец, увидели 13 чёрных аистов (*Ciconia nigra*), которые летали вблизи вагончика. По словам рыбака, сегодня утром восточнее вагончика в небо взлетела тысяча (!?) этих птиц, а потом села за тростники. Вскоре они начали улетать на запад стаями по 50-100 штук. Сейчас после первой группы в 13 штук взлетело около 50 чёрных аистов и 20 белых цапель и, кружась, направились к западу. От стаи, которая кружится всего в 200 м от нас, исходит очень сильный сигнал Алтынай (зачерняет на дисплее всю планку) – она точно в этой стае!!!

Рис. 295 и 296. Характерные места остановок и кормёжки чёрных аистов. Вечер 5 октября 2004 г.

Рис. 297 и 298. То же место, что на рисунке 296, утром 6 октября 2004 г.

Рис. 299. Мирослав Бобек в поиске. Рис. 300. Первая стая чёрных аистов в небе. 6 октября 2004 г.

Набирая высоту, стая постепенно сместилась к югу – юго-западу. А мы остались в надежде, что они вернуться. В 12⁻²⁷ сигнал смещался вправо (к западу) и в 12⁻³⁰ пропал – Алтынай села! Мы отъехали пару километров и с бугра снова поймали сигналы Алтынай – примерно в 2 км западнее. В 13⁻¹⁰ вернулись к вагончику и снова увидели большую группу взлетевших аистов!!!

Остановились на обед на бугре – в том месте, где ещё слышны сигналы Алтынай. Отсюда после обеда направились пешком в сторону сигналов – через небольшие барханчики с редким саксаулом и солончаковыми межбарханскими понижениями с кустарником (недавно высохшие блюдца воды). На ещё влажных грязевых берегах этих луж много следов голенастых, в т.ч. аистов. Есть данные, что именно с этой точки Алтынай подавала сигналы несколько дней назад. Сейчас здесь царство чёрных аистов (*Ciconia nigra*). Стая их, штук 70-80, кружится в 0.5 км от нас к западу. Ещё 8 летят к ним. В 16⁻¹⁵ стали лететь вдоль высохшей балки (это какое-то русло старицы, шириной около 50-60 м) на юго-восток в сторону рыбака с вагончиком: 4, 3, 2, 1, летят низко, не выше 50 м. Видно было, что они здесь живут не один день и выработали даже определенные маршруты дневных перемещений.

А на западе в 1 км видна большая стая птиц (аисты, белые цапли, чайки), которые кружатся над каким-то местом, видимо, кормным. Наверное, там вода. В 17⁻²⁰ Мирослав и Любомир подошли ближе к тому месту, где недавно кружилась, а потом осела стая птиц, и снова подняли их. Там оказалось около полусотни чёрных аистов (*Ciconia nigra*) и столько же больших белых цапель (*Egretta alba*), около 30 озёрных чаек (*Larus ridibundus*) и три хохотуны (*Larus ridibundus*). В это же время, перед закатом, я наткнулся на небольшого щитомордника (*Agkistrodon halys*) – светлого, яркого (видимо, только что вылинял). Экземпляр светлокоричневый, с очень чётким рисунком. Холодно для него на ледяном ветре (хотя днём солнце песок и прогревает)!

В 19⁻¹⁰ поехали на ночевку к рыбакам. По пути видели, как чёрные аисты группами по 4-6-7 слетаются на ночёвку с запада на восток и оседают где-то за стеной тростника. А по дороге, проходящей меж двух стен высокого тростника, перед нашей машиной долго трусил шакал (*Canis aureus*), которого я всё пытался снять на видео. В 20⁻¹⁰, уже после заката, поставили палатки. И тут над нами, на высоте 100 м, с криками прошли клином на юго-запад 60-70 журавлей-красавок (*Anthropoides virgo*); ещё стая их с криками пролетела над вагончиком уже совсем в темноте (20⁻⁴⁵).

Рис. 301 и 302. Средневозрастные саксаульники Кувандарьи и плодоносящая *Karelinia caspia*. 6 октября.

Утром 6 октября с 7 до 9 час аистов не было видно, лишь в 9⁻²⁰ один за другим на расстоянии 10-15 м друг от друга 9 штук пролетели вдоль низинки с остатками воды на запад (с места ночёвки на кормёжку) и вскоре сели среди зелёного тростника (там, видимо, есть вода). По сигналам у Любомира, рано утром, во время восхода, этим же путем пролетела и наша Алтынай. А чёрные аисты так и продолжали тянуть

поодиночке к тому месту, где были вчера днём. В 10 час мы направились на машине вслед за летящими аистами. Проехав немного, остановились в месте, откуда наблюдали за ними вчера, и пошли пешком через барханы к местам скопления аистов. Несколько десятков аистов мы обнаружили у большой лужи между барханами, к ним всё подлетали одиночки и группы. Отсюда же мы слышали сигналы Алтынай и подавала она их не с земли, а с неба – вдали кружилась стая штук 70 аистов (она была среди них).

Когда Любомир и Мирослав поднялись на бархан в 1 км западнее меня, из-за бархана взлетели стаи уток – несколько сотен. Любош по телефону («воки-токи») сообщил, что в 2 км западнее меня вспугнул 30-40 чёрных аистов, но сигналы Алтынай идут не от них, а ещё западнее. И он направляется в её сторону. А через 5 минут он по «воки-токи» сообщил, что Алтынай направляется в мою сторону и подаёт сигналы уже на полпути между нами. И тут же я увидел четырёх аистов, летящих от него мимо меня!

Странное было у меня ощущение, что вот среди этих четырёх птиц – именно та, за которой мы приехали, и глядя в бинокль я пытался отгадать, которая же из них Алтынай... Они кружились 5 минут, набирая высоту. Поднявшись довольно высоко, все четыре исчезали за облаком, а потом из-за него появилась одна птица, которая летела обратно – прямо на восток, к месту ночевки! Создаётся впечатление, что она проводила тех троих и вернулась к месту дневного отдыха и ночёвки! Вот уж поистине было чему удивляться и восхищаться...

В полдень солнце, выходя из-за облаков, стало припекать прямо по-летнему, но уже к 12⁴⁵ облачность снова увеличилась (барашки сливаются в более крупные и подольше закрывают солнце), стал крепчать холодный северо-западный ветер.

Около лужи в межбарханном понижении среди редких саксаульников – своя птичья жизнь. По берегу ходит группа, штук 15-20, белохвостых песочников (*Calidris temminckii*), над ними летает болотный лунь (*Circus aeruginosus*), которого пытается бить в воздухе чёрная ворона (*Corvus corone*), здесь же застыли, как языческие изваяния, три серых цапли (*Ardea cinerea*). В саксаульнике постоянно слышны крики фазанов (*Phasianus colchicus*), лениво покрикивает сорока (*Pica pica*) и раздаются печальные голоса теньковок (*Phylloscopus collybitus*). Стайка за стаикой летят против ветра на северо-запад буланные вьюрки (*Rhodospiza obsoleta*). А у меня всё не идёт из головы желчная овсянка (*Emberiza bruniceps*), которую я встретил утром у вагончика: очень уж поздно для этой ранней пташки, которая прилетает в мае, а в августе уже исчезает.

Любомир видел стаю из 200 журавлей-красавок (*Anthropoides virgo*), которые в 14⁴⁰ покружились высоко (видимо, набирали высоту) и улетели на юго-юго-восток. Здесь же он хорошо рассмотрел дербника (*Falco columbarius*), который делал «ставку» на зяблика (*Fringilla coelebs*); пролётные стайки этих лесных вьюрков, по 10-15 штук, был здесь не редкость. То там, то здесь на песке были видны пустые панцири среднеазиатской черепахи (*Testudo horsfieldi*).

Во время обеда были сигналы от Алтынай с востока, с места её ночевки и дневного отдыха. Она на прежнем месте! Значит, мы свою задачу выполнили: нашли её и убедились, что она здесь держится и, похоже, никуда в ближайшие дни не собирается. Но у нас, к сожалению, лишних дней в запасе не было (а она могла прожить здесь и неделю).

Поэтому в 15⁴⁵, пообедав, мы тронулись в обратный путь, собираясь посмотреть ещё несколько интересных мест. Срезали часть пути по шлюзу через Кувандарью и дальше шли вдоль Кувандарьи, которая в этом месте протекает за первой грядой барханов, всего 400 м от шоссе. Как говорит Идрис, в этой речке есть ямы и водятся сомы до 70-80 кг. На одном из столбов сидела скопа (*Pandion haliaeetus*) с рыбой в лапах – очень редкая птица в последнее время, занесенная в Красную книгу Казахстана.

В 18 час проезжаем «море», разлившееся на километры. Стая из 25 серых гусей (*Anser anser*) полуклином пролетела почти прямо на юг (или юго-запад). Около берега плавали 20 голубых чернетей (*Aythya ferina*), а на столбах стали всё чаще попадаться орлы-могильники (*Aquila heliaca*) – 2, 1, 1. У сёл летали деревенские ласточки (*Hirundo rustica*), близ села Турмагамбет – более тысячи скворцов (*Sturnus vulgaris*) на проводах ЛЭП. Около села Акжар – сотенные стаи грачей (*Corvus frugilegus*), одиночные горлицы (*Streptopelia decaocta*, *S. turtur*) и почему-то парами – сороки (*Pica pica*).

Выйдя на трассу «Москва-Пекин» (так написано!), мы повернули направо. До Кызыл-Орды осталось 120 км, до Джусалов – 65 км. Вдоль трассы – сухие тростники и немного кустарников. Здесь летает около тысячи грачей (*Corvus frugilegus*). На ночь стали в 300 м от трассы, поставив палатку в небольшой прогалине среди густых зарослей чингила (рис. 304).

Рис. 303 и 304. Осенний закат в Сев. Кызылкумах и палатка в зарослях чингила. 6 октября 2004.

Рис. 305 и 306. Каждый из членов экспедиции отлично выполняет свою работу. 6 октября 2004.

Следующий день, 7 октября, мы посвятили поиску той точки в урочище Шаган, которая находится в центре очередного пучка точек-координат пребывания Алтынай в прошлые годы. Нашли её. Самое интересное во всём этом, что этот рисовый массив имеет наибольшие озёрки, высохшие в разной степени. Сами чеки, которые сейчас представляют низкотравные луга, как площадки для гольфа (часть из них выкошена, на некоторых пасутся лошади), а весь этот рисовый массив обнесен каналом шириной 2-3 м. Воды в нём сейчас очень мало, он весь порос тростником и в воде между стеблями тростника кишит рыба! Стало быть, кормовая база для чёрного аиста имеется!!! Даже в такое время, когда воды здесь минимум.

Обратная дорога в пасмурную погоду. Дорога грунтовая, земля вокруг пухловатая, с серым или беловатым соевым покрытием. Много тамарикса. А рисовые чеки довольно крупные, сторона квадрата не менее 100 м. Они заброшены уже года 2-3. Из птиц здесь самые интересные для меня – мелкие жаворонки типа солончакового (*Calandrella leucophaea*) – очень светлые, как и белёсая пухлая почва вокруг. Таких жаворонков я видел одиночками раз пять. Серые жаворонки (*Calandrella rufescens*) встретились один раз стайкой из 10 птиц, хохлатые жаворонки (*Galerida cristata*) попадались постоянно – как парами, так и одиночками; за одной из них прошёл на бреющем полёте чеглок (*Falco subbuteo*) и нырнул в тростники у канала. В одном месте от воды взлетели сразу 14 чернобрюхих рябков (*Pterocles orientalis*). И только однажды мы встретили одиночную каменку-плясунью (*Oenanthe isabellina*).

Дальнейший наш путь лежал в район Теликольских озёр, откуда также было очень много старых прошлогодних радиосигналов. Для этого надо было вернуться в Кызыл-Орду и оттуда направиться на юг по правобережью Сырдарьи. Самая интересная встреча на этом пути – две огромные стаи жаворонков, 300 и 500, которые поднялись довольно высоко в воздух и летели не направленно, а кружили вразброд. Это могли быть как полевые (*Alauda*) так и малые (*Calandrella*) жаворонки; рассмотреть их мне не удалось. Ещё одна стая, штук 100, летели к югу вдоль шоссе.

Сотенные и тысячные стаи грачей (*Corvus frugilegus*) сопровождали нас всю дорогу, а дважды на лужах у шоссе попались стаи по 100 штук озёрных чаек (*Larus ridibundus*). Тасбугетский мост через Сырдарью, у границы города Кызыл-Орда, мы прошли около полудня. Река здесь шириной не менее 200 м. Прошли по объездной, не заходя в центр города. Только заправились на окраине и ушли на юг.

После очень долгих дебатов наших местных инспекторов-водителей выяснилось, что ехать надо не на Теликольские озера (по Джезказганской трассе), а на Теликольский канал, т.е. к станции Чиили, прямо на юг. Справа и слева от трассы – глинистая равнина, поросшая мелким кустарником. Тамарикс есть высокий. Часто встречаются кладбища, мазары, мавзолеи. Но, к сожалению, у нас уже нет времени осмотреть их.

Рис. 307 и 308. Теликольский канал и руководитель проекта «New Odyssey» Мирослав Бобек.

Огромная, не менее тысячи, стая скворцов (*Sturnus vulgaris*) разорвалась на две половины – одна облепила провода, а вторая улетела куда-то на запад. Сразу же за станцией Байгакум слева – небольшие барханчики, справа – кустарники. Непривычное зрелище – лесополоса, огороженная плетнём! Село Балаби, очень длинное, с одной асфальтированной улицей, в конце которой – большая двухэтажная школа. Масса школьников идёт по этой улице – десятки людей, если не сотни! За селом дорога снова идёт среди небольших барханчиков. Распогодилось: красивые белые барашки, солнце, тепло.

Едем прямо на оконечность хребта Каратау. Дорога проходит между барханчиками, поросшими саксаулом средней густоты и возраста. Песок и супесь. Карату уже явственно синее оконечностями трёх гряд, обращенных к нам своими торцами: самая высокая западная (справа), посередине – двойная, а самая низкая и длинная – левая (восточная). Впечатление такое, что до них всего километров 10-15, но в действительности намного больше. По дороге – бурого цвета малые жаворонки (*Calandrella cinerea*), полевые коньки (*Anthus campestris*), обыкновенная каменка (*Oenanthe oenanthe*), пустынная славка (*Sylvia nana*), в одном месте – варакушка (*Cyanosylvia svecica*), в другом – деревенская ласточка (*Hirundo rustica*). Здесь между низкими песчаными грядами – довольно обширные равнинные участки, разделанные под огороды, с системой арычного полива. Самая крайняя точка нашего путешествия оказалась между двумя каналами, берега которых поросли тростником. Это царство фазанов (*Phasianus colchicus*) которых мы видели больше десятка, а наши доблестные инспектора-гиды застрелили троих. Здесь мы в 16 час пообедали и повернули назад. В Кызыл-Орду вернулись уже после захода солнца. Так завершилась эта короткая, но по-своему яркая и интересная поездка по совершенно новым для меня местам. Уже после возвращения домой Мирослав Бобек сообщил мне из Праги, что Алтынай покинула Карак 16 октября и в тот же день подавала сигналы уже из центра Узбекистана...

23 августа 2023 г. – 10 апреля 2024 г.

06. Алакольская котловина (1985, 1986, 2001, 2022)

Рис. 309. Пески Каракум на юго-восточном побережье Балхаша близ ст. Актогай. Июнь 1985 г.

Рис. 310. Река Хатынсу в Алакольской котловине (вдали виден хребет Тарбагатай) Июнь 1985 г.

06. Поездка «Балхаш – Алакольская котловина» (июнь 1985)

На 1985 год в лаборатории охраны диких животных мы запланировали большую экспедицию на восток – в Алакольскую и Зайсанскую котловины, где опять собирались поработать комплексно: орнитологи, териологи и герпетологи. К сожалению, по ряду причин рано выехать не удалось. Прежде всего – из-за состоявшегося 3-5 июня в Усть-Каменогорске выездного заседания Научного Совета «Животный мир Казахстана, его развитие, преобразование и охрана». Правда, как говорится – нет худа без добра. На этом заседании я познакомился с талантливым студентом последнего курса пединститута Сергеем Стариковым, который сделал хороший доклад о биологии сороки (*Pica pica*) в городе Усть-Каменогорске. Поговорив с ним, я узнал, что он родом из села Маканчи (Алакольская котловина), и мы договорились, что он примет участие в нашей экспедиции, поскольку хорошо знает эти места.

Вторая причина, задержавшая мой личный выезд, – защита чьей-то диссертации, на которой я обязан был присутствовать как член Совета по защитам. Это был уже второй случай, когда заседания Совета мешали проведению полевых исследований. Первый был в мае 1983 г., когда меня на оз. Кызылколь (Джамбулская обл.) разыскал специально туда посланный сотрудник Института водного хозяйства и передал телефонное распоряжение директора нашего института немедленно вернуться в Алма-Ату, чтобы присутствовать на защите какого-то паразитолога: он-де наш аспирант из Кубы и дело это политическое, потому что касается валюты, которую то ли нам платят за него, то ли мы платим. Тогда я просто не поехал, чтобы не жертвовать последними днями экспедиции, и директор простил мне это самоуправство.

Но сейчас я ещё *не успел* выехать, и меня просто не пустили, не подписав приказ о командировке. Было сказано: пусть Губин выезжает с отрядом, а ты их потом догонишь. Так и сделали. Экспедиционная машина ГАЗ-66 с Б.М. Губиным, В.Н. Мурзовым и лаборантом А.В. Коваленко выехала из Алма-Аты в начале июня, а мы с лаборанткой Е.Э. Анохиной рано утром 16 июня приехали поездом на станцию Актогай у юго-восточной оконечности озера Балхаш, где они нас и встретили.

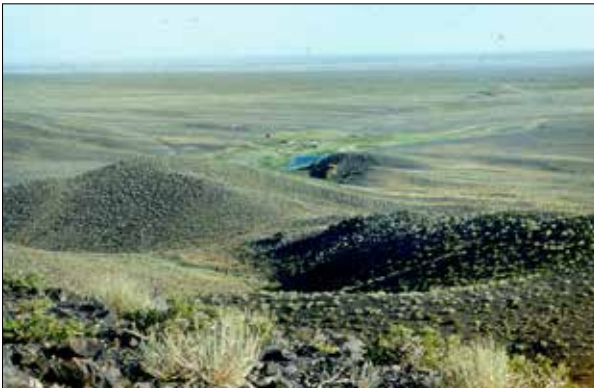

Рис. 311 и 312. Холмы Арганаты у юго-восточного берега Балхаша близ песков Каракум. 16 июня 1985 г.

Рис. 313 и 314. Пески Каракум у ЮВ берега Балхаша и лагерь экспедиции на краю песков. 16 июня 1985.

Первые два дня мы провели в песках Каракум, где экспедиция стояла уже несколько дней, за которые энергичный Борис Михайлович Губин успел найти здесь немало интересного. Прежде всего – гнездовая пара журавлей-красавок (*Anthropoides virgo*) на щебенистых склонах небольших холмов плато Арганаты, за которой удалось понаблюдать и мне 16-17 июня. Кроме того, до 16 июня было найдено несколько гнёзд пустынной славки (*Sylvia nana*) и пустынной каменки (*Oenanthe deserti*), птиц ещё мало изученных.

Из редких (краснокнижных) птиц нередко встречались степные орлы (*Aquila nipalensis*), а настоящей удачей стала находка гнезда орла могильника (*Aquila heliaca*) на окраине плато Арганаты в 4 км севернее лагеря. Гнездо располагалось среди барханов с жужгуном и тамариском, на верхушке единственного здесь крупного куста саксаула высотой около 3 м (см. рис. 315), 18 июня в нём было два белых птенца величиной с курицу (рис. 317). Длина крыла у старшего птенца была 28 см (самое большое меховое перо развернулось на 6 см), а у младшего – соответственно 20 и 4 см. Обоих птенцов в этот же день окольцевали кольцами серии «А» (номера: 63033 и 63035; номера 63034 в связке колец не оказалось!).

Рис. 315-317. Расположение гнезда орла-могильника и кольцевание двух птенцов. 18 июня 1985 г.

Свернув 19 июня лагерь, мы направились на восток, огибая с севера оз. Сасыкколь. На лугах севернее озера, ещё до выхода на основную трассу, мы несколько раз встречали семьи журавлей-красавок, двух больших птенцов даже окольцевали (рис. 318-319), а не доезжая Таскескена наткнулись на их сборище в 77 голов – довольно раннее для предлинных скоплений.

Рис. 318 и 319. Равнина севернее озера Сасыкколь, где 19 июня окольцеваны птенцы журавля-красавки.

Дальнейший путь экспедиции пролегал через реку Егинсу к селу Маканчи, где к нам присоединился С.В. Стариков. Оттуда 20 июня мы выехали на р. Хатынсу и в пески Бармакум, где работали по 23 июня, а с 23 по 26 июня обследовали пески левобережья р. Эмель у впадения в неё р. Шагантогай.

Рис. 320. Лагерь в песках Бармаккум. 22 июня 1985 г. **Рис. 321.** Заросли лоха в пойме р. Эмель.

Пески Бармаккум представляют собой бугры высотой не более 3-5 м, но основная часть пространства – равнина по понижениям. И холмы, и равнина равномерно покрыты растительностью с покрытием 80-90%, оголённых мест практически нет – даже на вершушках барханов. Лишь в 6-7 км восточнее нашего лагеря нам попадались небольшие барханчики с развевающимися вершушками. Высота травостоя 30-40 см, а в понижениях – и больше. Основу растительных ассоциаций составляют: чёрная полынь, растущая «свечкой» высотой до 40 см, какая-то белая солянка, похожая на кейреук; какой-то костёр (нижний ярус высотой до 15 см), дикий ячмень (до полуметра высотой), ковыль-волосатик и какое-то крестоцветное, очень похожее на сурепку; из кустарников – редкие куртинки песчаной акации и таволги зверобоелистной, растущие кое-где под барханами. Основу населения птиц, как показали проведенные мной учёты-пятиминутки, составляют два вида жаворонков – степной и серый (особенно первый!), реже встречаются желчная овсянка (*Emberiza bruniceps*) и чернобрюхий рябок (*Pterocles orientalis*).

В целом на этом отрезке маршрута, в пределах Алакольской котловины, наиболее обычным из числа наших объектов (редкие виды птиц) оказался чернобрюхий рябок (до 30 птиц за 2 часа наблюдений утром); саджа встречалась реже его в песках Бармаккум, но чаще – в песках по левобережью реки Эмель. Другие встречены единично: серый журавль (*Grus grus*) – только одна пара в пойме р. Эмель, балобан (*Falco cherrug*) – одиночка на проводах близ с. Маканчи, степной орёл (*Aquila nipalensis*) – 6 одиночек на столбах ЛЭП вдоль трассы Эмель – Маканчи; орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*) – две одиночки на реках Эмель и Шантогай; скопа (*Pandion haliaetus*) – одна в Шагантогае. Из числа обычных птиц самым многочисленным оказался степной жаворонок (*Melanocorypha calandria*) – за два часа утренних учётов (с 6 до 8 час) в разных местах Бармаккумов насчитывали их от 68 до 130 особей, большая часть – поющие самцы. Обыкновенный ремез (*Remiz pendulinus*) оказался нередким на гнездовании в зарослях лоха узколистного («джиды») в поймах рек Хатынсу, Эмель и Шагантогай (рис. 321).

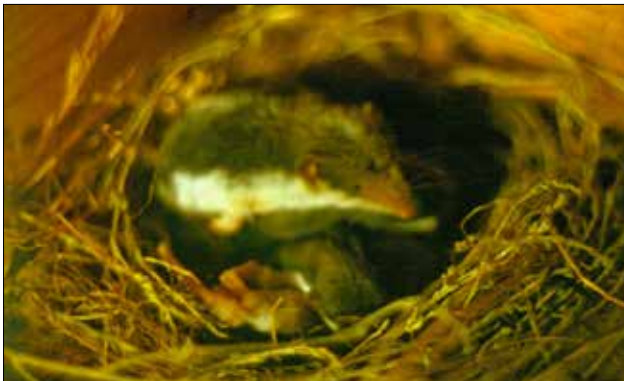
Рис. 322 и 323. Гнездо степного жаворонка, Бармаккум, 2 июня 1985 г. и щитомордник там же.

Рис. 324. Отлов мелких млекопитающих и рептилий в металлические конуса с использованием заборчика. Каракум.

Рис. 325. Володя Мурзов наблюдает за семейством пегих пугачей в ящике. Бармаккум, 22 июня 1985 г.

Рис. 326-328. Семейство пегих пугачей в ящике экспедиционной машины. Июнь 1985 г.

Своеобразную тёплую струю в нашу экспедиционную жизнь внесло семейство пегих пугачей (*Diplomesodon pulchellum*). Беременная самка этого крошечного красивого зверька была отловлена Володей Мурзовым в живоловку и посажена в тёмный ящик. Там она вскоре разродилась пятью очаровательными малышами, сразу же принявшимися её сосать. Так как никто ещё не наблюдал интимную жизнь этого зверька вблизи, я посоветовал Володе создать ей в этом ящике нормальные условия и возить в машине, а по ночам с фонариком вести наблюдения за этим ночным животным, что он и сделал. Иногда мне самому было очень интересно часок-другой понаблюдать за этой идиллической картиной (рис. 326-328) ...

Обследование котловины мы закончили 26 июня в Урджаре. Дальнейший путь экспедиции пролегал в Зайсан. Автомобильная трасса в Восточный Казахстан проходит по равнине вблизи подножий, а сам хребет Тарбагатай остаётся справа. В этот раз мы решили проехать через горы, тем более что нам сказали, будто дорога на джайлау вполне сносна и ГАЗ-66 пройдёт там без проблем. Поэтому вскоре за Некрасовкой, расспросив у местных жителей, как ехать, мы свернули с трассы на просёлочную дорогу, ведущую в горы...

Тарбагатайскую часть маршрута этой экспедиции я описал в рассказе о Тарбагатае (см. часть 1 – «От Тянь-Шаня до Алтая»), а зайсанский отрезок маршрута – в рассказе, посвящённом Зайсанской котловине. Результаты орнитологических наблюдений в Алакольской котловине опубликованы в нашей научной статье «К авифауне Урджар-Эмельского междуречья» (Ковшарь, Губин, Стариков, 1988).

Больше мне в Алакольской котловине работать не приходилось – бывал лишь проездом или в гостях.

*****

Через год после описанных событий, 20 июня 1986 г. мы с Эрнаром Ауэзовым самолётом ЯК-40 прилетели в Учарал и остановились на звероферме у Бориса Анненкова, откуда в тот же день съездили с ночёвкой в лагерь В.М. Коробкина (Чубартюбек на берегу Алаколя). Здесь видели 19 розовых пеликанов: 7 на гнёздах, а 12 взлетели, когда наша лодка прошла в 300 м от гнёзд, устроенных на земле в виде

высоких сооружений на отлогом берегу. За утро 21 июня 1986 г. мы видели около двухсот огарей (*Tadorna ferruginea*) и столько же краснобашей (*Netta rufina*), 30 лебедей-шипун, семейство пеганок (*Tadorna tadorna*) с 4 пуховичками да две группы – 20 и 8 – больших кроншнепов (*Numenius arquata*), по словам Бориса Анненкова, появившихся здесь только в конце мая и не приступавшими к размножению.

Здесь же я впервые участвовал в кольцевании молодняка чаек-хохотуний отловом их сачком с лодки. Лишь один из 100 окольцованных птенцов оказался пуховичком, остальные были оперённые, из них некоторые уже на подлёте. Только один из отловленных птенцов отпрыгнул мелкую рыбёшку 5 см длиной, остальные отпрыгивали громадных (более 5 см) медведок (*Gryllotalpa* sp.) или комки из крупных мокриц. Из этого Василий сделал заключение, что рыбы нет и большая часть молодняка (и хохотуни, и черноголового хохотуна) в ближайший месяц должны погибнуть от недоедания. По его же словам, этим объясняется и исчезновение чегравы (*Hydropogone caspia*), которая около недели назад оставила свою колонию и ушла...

За всё утро 21 июня удалось увидеть только одну реликтовую чайку. По словам Василия Коробкина, весной этого года на острове Средний появлялось несколько десятков пар, но в мае они куда-то девались, а загнездились всего 8 пар. Причина совершенно неясна, так как с рыбой эта чайка совсем не связана.

После 10 час мы с Борисом вернулись в Учарал, на следующий день съездили в западную часть дельты Тентека, а 23 июня выехали в Коктому и оттуда – в Джунгарские ворота, которые и были главной целью этой моей поездки (см. отдельный рассказ об этом в первой части «От Тянь-Шаня до Алтая»).

*****

Спустя ещё 15 лет, утром 7 августа 2001 г., возвращаясь из Зайсанской котловины в составе международной немецко-киргизской экспедиции «Тарбагатай-2001», мы сделали двухчасовую остановку для ремонта мотора одной из машин всего в 1 км восточнее знаменитой сасыккольской «перемычки» (координаты: 46°40'36.8" с.ш.; 080°35'26.7" в.д., абс. высота 359 м). Здесь слева – сплошная стена тростников на несколько сотен метров (м.б. километры) до воды озера Сасыкколь, а на горизонте виднеется остров Каменный на Алаколе. Справа – наибольшие разливы, тоже с тростником, и рядом жилой домик, какое-то фермерское хозяйство. Название места – Актан. Часовой учёт птиц на небольшом озерке длиной с 1 км и шириной 300 м дал интересные результаты: серый журавль (18 особей), береговая ласточка (20), хохотунья (15 молодых), жёлтая трясогузка (15), ходулочник и деревенская ласточка (по 6), большой кроншнеп и чёрная ворона (по 5), большой веретенник и луговой лунь (по 3) и поодиночке – кудрявый пеликан, большая выпь, колпица, малая белая цапля, коршун, красноголовый нырок, чибис, лысуха, речная крачка (всего около 20 видов птиц).

Рис. 329. Перемычка. Затонувшее кафе.

А на самой перемычке (рис. 329), на воде вокруг затопленного кафе мы насчитали 50 лысух, много малых выпей (волчков), выводок больших поганок (чомг), пару серошёрших поганок, и среди них – пять редчайших уток-савок (*Oxyura leucoccephala*). Само затонувшее кафе в этот жаркий полдень вся наша международная компания дружно почтила купанием без униформы...

А через час на учаральском перекрёстке, на самом выезде из Алакольской котловины, на проводах и ажурных опорах линий электропередач (ЛЭП) нас провожало скопление из не менее чем сотни чёрных коршунов (*Milvus migrans*) – как бы приглашавших нас возвращаться ещё в эти благословенные места...

*****

Однако вернуться – всего на три дня – мне удалось только спустя 20 лет и совсем в другом качестве – гостя и члена жюри фестиваля бёрдвотчеров «Крылья Алаколя», проводимого в селе Акши на юго-западном берегу озера Алаколь организаторами этого мероприятия – командой информационного портала

«Ветер странствий» и Центра семейного отдыха «Пеликан». Они приглашали меня на открытие фестиваля ещё в 2012 году (были даже куплены железнодорожные билеты, которые потом пришлось сдать). Удалось посетить только юбилейный, 10-й по счёту фестиваль, который состоялся 17-19 июня 2022 г.

Утром 16 июня 2022 г. поездом, идущим из уже знакомой мне станции Актогай до пограничной с Китаем станции Дружба, мы с дочерью Ирой и внучкой Дашей прибыли на станцию Акши, откуда местным автобусом добрались до зоны отдыха «Пеликан» на берегу озера. Вид этой зелёной зоны среди окружающей пустынной местности приятно поразил (рис. 330), а организация фестиваля оставила у нас самые лучшие воспоминания – думаю, как и у большинства участников, многие из которых приезжают сюда ежегодно.

Рис. 330. Бунгало, очень удобные для проживания. **Рис. 331.** Вечерние музыкальные программы.

Рис. 332. Участники соревнований по спортивной орнитологии. **Рис. 333.** Вручение сертификатов. *Фото И.А. Ковиарь*

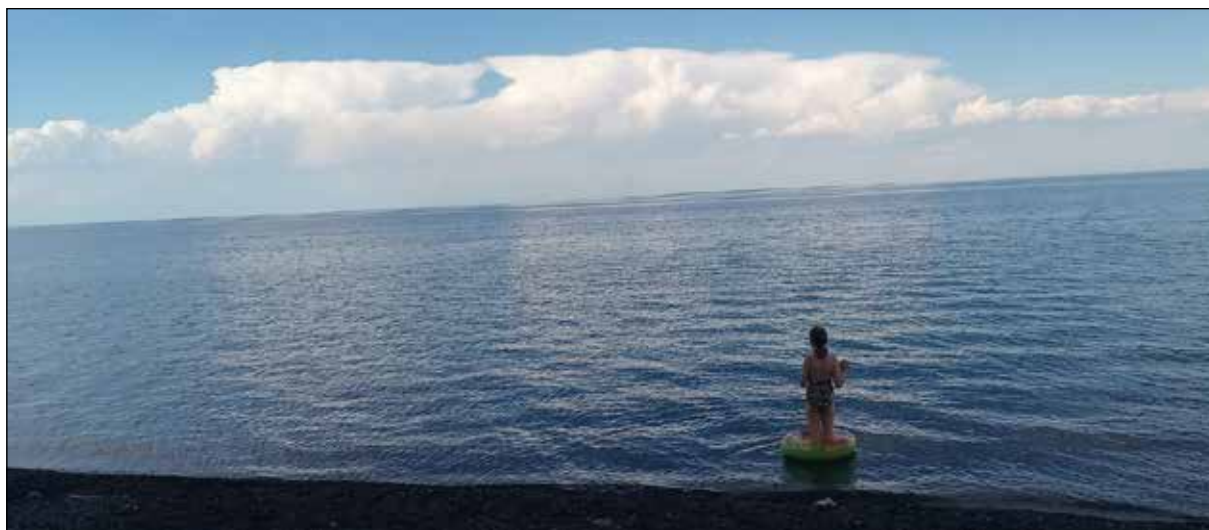
Рис. 334-335. Южный соловей (*Фото Н. Боровой*) и его гнездо с птенцами в живой изгороди у бунгало.

Рис. 336. Озеро Алаколь в ясную погоду, вдали виден остров Каменный. 18 июня 2022 г.

Рис. 337-340. Отдых на берегу Алаколя в пансионате «Пеликан» незабываем. 19 июня 2022 г.

Рис. 341. Оздоровляющие свойства алакольской воды человек ощущает на себе с первых же дней.

26 августа 2023 г. – 11 апреля 2024 г.

07. Зайсанская котловина
(июнь-июль 1985, май 1988, июль 2001)

Рис. 342. Зайсанская котловина, равнинная юго-западная часть. Дождливый конец июля 2001 г.

Рис. 343. Пески Айгыркум на юго-востоке Зайсанской котловины. Конец мая 1988 г.

Краткая географическая справка об озере: «**ЗАЙСАН** – озеро в межгорном понижении среди отрогов хребтов Юж. Алтая и Тарбагатай на В Казахстана. Расположено на высоте 380 м. Длина ок. 100 км, ширина ок. 30 км. Пл. ок. 1800 км². В озеро впадает р. Чёрный Иртыш, образующая заболоч. дельту. Вытекает р. Иртыш (Белый Иртыш). Берега б.ч. низкие. Глубина до 8 м. Замерзает в ноябре, вскрывается в конце апреля – начале мая. Лов рыбы: осетра, нельмы, тайменя, щуки (40% улова по весу), язя и др. Проведены успешные работы по акклиматизации ондатры и разведению сазана. Судходно. Ниже Зайсана на Иртыше построена Бухтарминская ГЭС, подпор от которой захватит озеро» (Краткая геогр. энциклопедия, т. 2, М., 1961, с. 30). О котловине: «**ЗАЙСАНСКАЯ КОТЛОВИНА** – обширная межгорная тектонич. впадина, ограниченная с Ю небольшим хребтом Манрак, а с ЮВ хр. Саур, продолжающимися горную систему Тарбагатай. На С и СВ³ впадина чётко ограничена юж. склонами Рудного Алтая. Зап. граница выражена менее отчётливо, здесь равнинная терр. постепенно переходит в Чарско-Кокпектинский мелкосопочник. Выс. 3.к. над ур. моря 370-1000 м, дл. ок. 250 км, ширина до 140 км. Сложена третич. озёрными отложениями, прикрытыми четвертич. аллювиальными наносами. Поверхность наклонная по отношению к центру впадины, где находится оз. Зайсан. Климат континентальный. Ср. годовая темп-ра колеблется от 3 до – 3,6°С, зимой миним. – 53°С, макс летом +42°С. Среднегодовое кол-во атмосфер. осадков до 300 мм. Характерны частые и сильные ветры со ср. скоростью 3-3,5 м/сек. Циклоны чаще наблюдаются на южном побережье оз. Зайсан. Почвы светло-каштановые, полупустынные и бурые. Преобладает пустынная полынно-солянковая растительность» (Казахская ССР, краткая энциклопедия, том 2, Алма-Ата, 1988, с. 197-198).

Экспедиция «Балхаш – Алаколь – Тарбагатай – Зайсанская котловина» (июнь-июль 1985)

Впервые я увидел Зайсанскую котловину и само озеро в конце августа 1980 г., возвращаясь с озера Маркаколь, когда мы сделали стоянку на знаменитом Тополевом мысе. Но и тогда мы с Б.В. Щербаковым, переночевав на берегу, сразу же уехали в Чиликтинскую долину, а на следующий день вся наша команда продолжила обратный путь домой (см. книгу «От Тянь-Шаня до Алтая»).

Через 5 лет, в июне-июле 1985 г., Зайсанская котловина была конечным пунктом нашей экспедиции, начавшейся в песках Каракум на юго-восточном берегу Балхаша и проходившей через Алакольскую котловину и Тарбагатай. Пройдя по джейляу на машине ГАЗ-66 и миновав высшую точку хребта, вечером 27 июня мы начали затяжной спуск в Зайсанскую котловину, которая была вся перед нами, как на ладони. Несколько раз казалось, что мы уже на равнине, но потом опять начинался пологий спуск. В одном из таких мест мы встретили сапсана (*Falco peregrinus*) – впервые за три года странствий в поисках редких видов птиц. К 19 час достигли трассы, идущей вдоль подножий на Аксуат. Сначала эта трасса, представляющая собой грейдер, шла по низине, поросшей высоким чием (рис. 342), а потом пошла полынная равнина – ровная, как стол. Полынка тощая, высотой 15 см, издали напоминала стерню. Здесь, в 33 км севернее от Аксуата, расположенного уже в самой котловине, мы провели первую ночёвку. Это была почти половина пути от Аксуата до села Белая школа, за которым проходит основная автотрасса на город Зайсан.

Рис. 344 и 345. Место первой ночёвки на полынной равнине севернее Аксуата. 27 июня 1985 г.

³ В цитируемом первоисточнике ошибочно указано: «На Ю и ЮВ» – АК

Рис. 346 и 347. Село Белая школа и колосняк гигантский, или кияк (*Elymus giganteus*). 5 июля 1985 г.

Это непривычное название «Белая школа», корни которого уходят, видимо, к временам установления здесь советской власти и началу кампании по ликвидации безграмотности, знакомо каждому, кто посещал южную часть Зайсанской котловины. В окрестностях Белой школы мы работали с 28 июня по 5 июля 1985 г. (см. рис. 346-353).

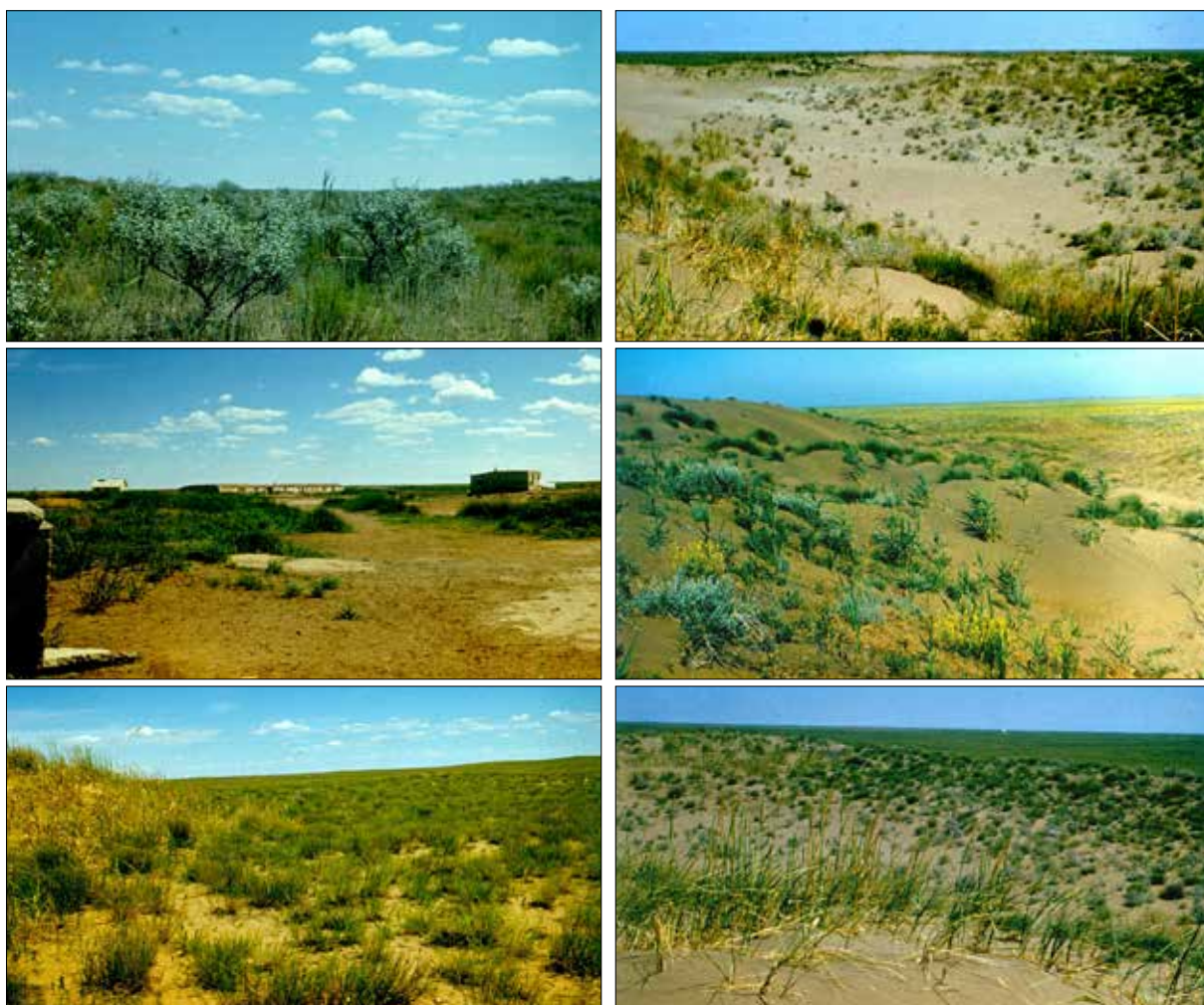

Рис. 348-353. Различные участки песчаной пустыни в окрестностях Белой школы. 1-5 июля 1985 г.

Основу населения птиц в этой песчаной пустыне составляли жаворонки, и мне было интересно наблюдать постепенную смену их видового состава по мере удаления от северных подножий Тарбагатая. В низине с чием ещё распедали степные (*Melanocorypha calandra*) и полевые (*Alauda arvensis*) жаворонки, но в полынной степи-полупустыне на смену им пришли чёрные (*Melanocorypha yeltoniensis*) и белокрылые (*Melanocorypha leucoptera*). Первый чёрный жаворонок встречен в 23 км севернее Аксуата, вскоре стали видны и поющие белокрылые жаворонки. Степные жаворонки встречались одновременно с этими двумя представителями того же рода (*Melanocorypha* – степные жаворонки), а в участках с обнажениями песков к ним присоединялись также представители рода малые жаворонки – серые жаворонки (*Calandrella rufescens*). Так, на полынной равнине между Аксуатом и Белой школой утром 28 июня при учёте с машины я насчитал: с 5 час до 5 час 30 мин – 31 чёрный жаворонок, 9 степных, один белокрылый, а также 6 пар журавлей-красавок и голос пролетающей саджи; за следующие полчаса (5⁻³⁰ – 6⁻⁰⁰) – 53 чёрных жаворонка (из них – 21 самка), 10 степных жаворонков, по два – серых и белокрылых, а также 2 журавля-красавки (по голосам); за третьи полчаса – 50 чёрных, 11 степных, 2 серых и 1 белокрылого жаворонка. Явно преобладающие над остальными чёрные жаворонки держались на редкой полынке группами или стаями, в которых преобладали самцы (в некоторых стаях самцов и самок было почти поровну); молча кормились, самцы не пели. Тогда как степные жаворонки пели вовсю, гонялись друг за другом, а некоторые летали с кормом. Все встреченные в это утро чёрные жаворонки перемещались «короткими перебежками» только в одном направлении – на запад, против ветра (может быть это генеральное направление пролёта? Хотя время – конец июня – для миграций не подходит). Вообще птица эта, с которой я впервые столкнулся близко, меня заинтересовала.

Рис. 354. Скрадок для наблюдений у водопоя. **Рис. 355.** Самец чёрного жаворонка. 5 июля 1985 г.

Рис. 356 и 357. Линяющий самец, самка чёрного жаворонка и коноплянка на водопое. 5 июля 1985.

Рис. 358. Удод (*Uria uropus*) у входа в гнездо. **Рис. 359.** Сцинковый геккон (*Teratoscincus scincus*).

Вокруг заброшенной кошары, около которой мы стали лагерь, потому что здесь было больше птиц, чем в открытой пустыне, были слабо волнистые пески, почти гладкие, только отдельные барханчики полого поднимались на 1-2 м. Они заросли чёрной полынью (с красным стволом) высотой до 30-40 см, растущей куртинками по 20-30 стеблей вместе; второе по численности растение – мощный злак кияк (*Elymus giganteus*). По западинам – редкая поросль тростника прямо из песка (рис. 351), а на холмах – бобовые, похожие на эспарцет, и на некоторых – «карликовое редколесье» из цветущего чингила (рис. 348). В них гнездились бормотушки (*Hippolais caligata*), у которых в это время вылуплялись птенцы.

В этой части песков преобладали серые жаворонки (учтено 15 особей/час), у которых в массе вылетали из гнезд птенцы, и появились малые жаворонки (*Calandrella brachidactyla*) – заметно меньшие по размерам и более тёмные, буроватой окраски. В заброшенных кошарах – много жилых гнёзд ласточек-касаток (*Hirundo rustica*), здесь же – обыкновенные и пустынные каменки (*Oenanthe oenanthe*, *Oe. deserti*) – одним словом, птичья жизнь в этой пустыне кипела, была ключом. Были и более крупные соседи. Так, в островке чия в соседней низинке жил барсук, который иногда пробегал трусцой, не боясь людей.

Работы нам хватало на весь день: поиски, описание и измерение найденных птичьих гнёзд и их содержимого, кольцевание птенцов, отлов и кольцевание взрослых паутиной сетью и т.д. Днём экскурсии по окрестным пескам, иногда – на машине, а вечером – ночные учёты грызунов с фарой, которые проводил Володя Мурзов, а мы ему с удовольствием помогали. Так, при ночном учёте 29 июня Володя и Сергей Стариков «зафарили» семейство джеков (дроф-красоток) – одну взрослую и трёх птенцов, ещё маленьких. Одного из них удалось поймать, он был размером с голубя (длина крыла 26 см, хвоста – 14 см). Сидели у обочины дороги и попали под свет фары. А через 3 км наткнулись ещё на одного взрослого джека. Во время ночного учёта 4 июля насчитали 13 карликовых тушканчиков (*Salpingotus crassicauda*) на 10 км маршрута, причём в трёх местах было по 2 тушканчика вместе.

Не без сожаления покинули мы 6 июля 1985 г. это «злачное» для зоологов место. Дальнейший путь проходил по маршруту: с. Белая школа – предгорья хр. Монрак – Тополев мыс – Приозёрное – с. Каратал – пески Айгыркүм – р. Черный Иртыш – с. Буран – гора Карабирюк – с. Манукой на северном берегу озера близ дельты Черного Иртыша – город Зайсан (из Зайсана я улетел в Алма-Ату самолетом ЯК-40).

Следующим после Белой школы местом нашей 3-дневной стоянки (6-8 июля) стал район речки Тайжузген в предгорьях Манрака, вернее следующей за ней р. Кусты у Шорбаса. В этих местах лет 10 назад Рудольф Кубыкин (1937-2001) встретил легендарную селевинию (Кубыкин, 1977), и мне очень хотелось посмотреть эти места, а если повезёт – обнаружить хотя бы следы её пребывания здесь. Никаких признаков этого зверька мы не нашли, но гнездо сокола-балобана (*Falco cherrug*) с четырьмя слётками на скале рядом с ним (рис. 360) стало хорошей наградой за три дня поисков в этом месте.

Рис. 360 и 361. Слёток балобана на скале у гнезда (Манрак, 7 июля) и стая скворцов на берегу Зайсана.

Южный берег Зайсана на Тополевом мысе (18 км от пос. Приозёрный) вечером 8 июля встретил нас тысячными стаями молодняка скворцов (рис. 361) и сотнями береговых ласточек, большим количеством озёрных чаек и речных крачек. В меньшем числе здесь летали чайки-хохотуны, чегравы, малые крачки; на воде сидели огари и пеганки, а у её кромки на берегу бегали малые зуйки и травники.

Рис. 362 и 363. Места стоянки на южном берегу Зайсана (Тополев мыс). 10 июля 1985 г.

Рис. 364 и 365. Малый зуёк на гнезде с кладкой и южный берег Зайсана. Тополев мыс, 9 июля 1985.

Интересно было наблюдать за тысячными стаями скворцов, когда они влетали на минуту-другую в тростниковые заросли, поднимая там тучи комаров-звонцов (*Bibionidae*). Дважды они прогоняли пернатых хищников (в полдень – пустельгу и вечером – болотного луня), причём оба раза поступали одинаково: бросались на них всей своей огромной и плотной, круглой, как шар, стаей... Очень привлекало меня и поведение новой для меня птицы – чёрного жаворонка, даже их характерная походка: вперевалку, как рябки – не идут, а как будто ползут. Кормятся нередко распластавшись, почти лёжа (при этом становятся плоскими, как бы приплюснутыми сверху вниз). Никаких столкновений на кормёжке мне видеть не приходилось, но на водопое в пустыне (у Белой школы) не раз наблюдал их повышенную агрессивность...

Рис. 366. Лагерь экспедиции в восточной части Зайсанской котловины. Вдали гора Карабирик.

Рис. 367. Вид на Зайсанскую котловину с гор Тарбагатай. Конец июня 1985 г.

Очень оригинальными оказались пески Айгыркум, протянувшиеся вдоль границы Казахстана от Саура до Чёрного Иртыша. Эти высокие и крутосклонные бугры поросли не только кустарником, но и деревьями, чего раньше мне видеть не приходилось. Так, если островные песочки у села Белая школа поросли полыньё-эстрагоном (*Artemisia dracunculus*) и колосняком гигантским (*Elymus giganteus*), то в Айгыркумах мы наткнулись на целые рощи из серебристого тополя (*Populus alba*), ив и берёз (рис. 370).

Рис. 368 и 369. Лагерь экспедиции в песках Айгыркум (восток Зайсанской котловины). Июль 1985 г.

Рис. 370 и 371. Заросшие пески Айгыркум (восток Зайсанской котловины). Июль 1985 г.

Соответственно и состав птичьего населения здесь необычен для песков. Так, в числе доминантов вместо преобладающих в других песках жаворонков (серые, двупятнистые, хохлатые) здесь на первом месте оказалась славка-завирушка (*Sylvia curruca*), составившая почти половину (47.8%) отмеченных в наших учётах птиц; на втором – полевой конёк (*Anthus campestris*) – соответственно 23%. Только на третьем месте, и то с большим разрывом (2%) оказались жаворонки рода *Calandrella*. Для примера могу

сказать, что в песках юго-восточного Прибалхашья жаворонки этого рода составили 65.5% всех учтённых птиц; в песках Алакольской котловины больше половины (55.2%) птиц пришлось на степных жаворонков (*Melanocorypha calandra*), а в песках у Белой школы 41.7% всех птиц представлены малыми жаворонками рода *Calandrella* и 35% - чёрными жаворонками (*Melanocorypha yeltoniensis*). Кстати, на восточной оконечности песков Айгыркум, которые мы проехали вдоль – от Саура до Иртыша, уже на левом берегу Чёрного Иртыша оказалась довольно многочисленной сажка, составившая 35% всех встреченных птиц.

Рис. 372. Пески Айгыркум. На открытом песке хорошо виден заборчик с вкопанными цилиндрами.

Рис. 373. Трёхпалый карликовый тушканчик (*Salpingotus crassicauda*), пойманный в «Комаркумах».

В селе Буран мы взяли «на борт» Константина Павловича Прокопова – доцента Усть-Каменогорского пединститута, гостившего здесь у родителей. Будучи специалистом в основном по мелким млекопитающим, особенно грызунам (Прокопов, 1977, 1979, 1983), он как разносторонний зоолог попутно уделял внимание всем наземным позвоночным. Так, например, именно он встретил как-то близ сопки Ашутас монгольскую саксаульную сойку (*Podoces hendersoni*). И первое, о чём я его попросил, – вывезти нас на это место.

Ашутас оказался совсем недалеко от села на правом берегу Чёрного Иртыша. Место мне откровенно не понравилось тем, что здесь в немалой степени присутствовал антропоген – какие-то карьеры, разработки, трактора и машины. Кроме того, даже изначально местность вряд ли могла быть пригодной для жизни этого вида. Поэтому, скорее всего, это была просто ошибка в определении птицы, если только не какой-нибудь одноразовый сносшибательный залёт, во что я мало верю.

Став проводником нашей команды, Константин Павлович провёл нашу машину по правому берегу Чёрного Иртыша до села Манукой, откуда хорошо было видно всё устье этой реки с прилегающей акваторией озера Зайсан, на которой было довольно много уток, лебедей и пеликанов. Лагерь мы решили разбить в роскошной пойме Чёрного Иртыша, но как только на закате мы спустились в неё, то подверглись такой атаке гнуса, что смогли выдержать не более трёх минут и, не сговариваясь, повернули назад и выбрались наверх. Даже заядлый рыбак Губин забыл на время о своей страсти и торопил нашего водителя Виктора Капитоныча поскорее (и подальше) отъехать от злополучной поймы.

Наконец-то мы остановились на какой-то пустынной равнине без каких бы то ни было кустов. Наш гид объявил, что это очень интересный песчаный массив, который без ложной скромности, для себя, он окрестил «Прокоповские песочки», так как не раз занимался здесь грызунами. Стало быть, здесь должны быть интересующие нас карликовые тушканчики (*Salpingotus crassicauda*), пегие путораки (*Diplomesodon pulchellum*) и другие редкие виды Micromammalia. Трудно было поверить, что это пески, – ни одного холмика, ни одного кустика. Но стоило копнуть носком, как видно было, что это песок, только очень ровный, горизонтальный. Слухи о богатстве этого места живностью оказались несколько преувеличенными, зато по количеству комаров оно могло заткнуть за пояс многие другие пески! Уже на второй день мы переименовали этот песчаный массив в «Комаркумы».

Спасала нас только погода. Мало было того, что небо было чёрное и периодически проливалось дождём. Температура понизилась настолько, что мы в прямом смысле этого слова мёрзли в середине июля!

Это хорошо видно по фотографии, где мы сидим за «столом» в стёганных телогрейках и шапках (рис. 374). Другого такого холодного лета в пустыне я не припомню за все годы странствий по ним.

Но всё же несколько карликовых тушканчиков мы отловили. Двух из них я привёз живыми в Алма-Ату и полгода содержал у себя дома, ведя за ними наблюдения. Зверьки содержались в небольшом застеклённом ящике размером 40 x 20 x 25 см, разделённом на два одинаковых отсека. На дно ящика насыпали слой просеянного песка толщиной 5-6 см, в каждом отсеке имелся картонный домик-укрытие размером 7 x 4 x 5 см. С июля по ноябрь тушканчики содержались на так называемой смеси для попугаев (овсянка, конопля, рапс, семечки подсолнуха, канареечное семя, просо, щирица – *Amarantus* sp.) с добавлением манной крупы и зелёных листьев лебеды, птичьего горца и латука. Зверьки хорошо поедали коноплю, канареечное семя, просо и подсолнух, совершенно не притрагиваясь к семенам рапса и щирицы. О поедании манной крупы судить трудно, так как, смешиваясь с песком, она становилась недоступной для животных и к концу срока наблюдений составляла почти половину субстрата. С 29 ноября по 29 марта следующего года мы с дочерью Ириной (тогда ещё школьницей) проводили нормированное кормление тушканчиков и учёт поедаемости ими того или иного корма. Всё это подробно описано в заметке «О рационе трёхпалого карликового тушканчика в условиях неволи», которая была опубликована в очередном выпуске трудов Алматинского зоопарка «Содержание и разведение диких животных» (1986), посвящённом 50-летию Алматинского зоопарка.

Рис. 374. Холодное лето в «Комаркумах». 17 июля 1985 г. Капитоныч, Губин (стоит), Ковшарь. Фото С.В. Старикова

*****

В поисках места для выпуска лошади Пржевальского

(Зайсанская котловина, Манрак и Чиликтинская долина, 26 мая – 3 июня 1988)

Полевой сезон 1988 года для меня начался под знаком лошади Пржевальского. Сначала, отправив в долину Копы, где должны были продолжаться стационарные наблюдения за журавлями, своего напарника Николая Николаевича Березовикова (1956-2022), я в мае улетел в заповедник Аскания-Нова (на Украине) для ведения переговоров о приобретении у них лошадей Пржевальского для выпуска их в Казахстане. По плану мы должны были лететь втроём – с академиком Евгением Васильевичем Гвоздевым (1918-1012) и териологом нашей лаборатории Давидом Александровичем Бланком – но Давид заболел, а Гвоздева никак не отпускали его обязанности первого вице-президента Академии наук Казахстана, поэтому он распорядился: лети один. После возвращения из Аскании, где была достигнута договорённость о передаче Казахстану нескольких особей лошадей для научного эксперимента по репатриации их в степях Казахстана, мне удалось выбраться на Копу, где работал наш орнитологический отряд, всего на пару дней, так как в Алма-Ату прилетели члены комиссии по лошади Пржевальского Наталья Владимировна Паклина и Мария Кирилловна Позднякова, обе сотрудницы ИЭМЭЖ (ныне – ИПЭЭ) и специалисты по лошадям.

Вместе с ними и выздоровевшим Давидом Бланком 21 мая мы выехали в поездку по среднему течению р. Или в поисках мест, подходящих для выпуска лошади Пржевальского. Маршрут этой 5-дневной поездки: Алма-Ата – Капчагай – Чингильды – кордон Кылаус – Поющий бархан – урочище «Динозаврики» – Жапалаккум – Борохудзир – Чунджа – Чарын – Богуты. Сравнив условия разных пустынь: песчаной (Жапалаккум), щебенистой, или гамады (равнина на северном побережье Капчагая) и глинистой («Динозаврики» восточнее Поющего бархана), более или менее подходящие степные участки со столь необходимыми для существования лошадей злаками удалось обнаружить только в одной из седловин между холмистыми вершинами гор Богуты. Здесь поднятая на значительную высоту над щебенистой пустыней перемычка между Большими и Малыми Богутами представляла собой полынную степь с проективным

покрытием около 90% и очень редкими кустиками боялыча. Однако этот изолированный участок так мал по площади, что рассматривать его как место возможного выпуска лошадей было бы несерьёзно.

Поэтому сразу же после окончания этого кольцевого маршрута 26 мая мы в том же составе и с той же целью отправились в Зайсанскую котловину и Манрак. Прибыв в Усть-Каменогорск, мы обратились в областную госохотинспекцию, которую тогда только что возглавил зоолог и писатель Борис Васильевич Щербаков. При его помощи арендовали принадлежащий охотинспекции УАЗ-452 с водителем-инспектором с орнитологической фамилией Иволга и вместе с самим Б.В. Щербаковым и С.В. Стариковым в течение недели совершили 1200-километровый маршрут: Усть-Каменогорск – Кулуджунский заказник (Буконьские пески) – Казнаковская переправа – с. Курчум – гора Киин-Кириш – гора Карабирык – урочище Чакельмес – р. Чёрный Иртыш – с. Буран – урочище Май-Капчагай – город Зайсан – Дунькина дыра в горах Манрак – Чиликтинская долина (реки Чаганобо – Кандысу) – с. Чиликты – с. Акжар.

Должен сказать, что орнитологические наблюдения в этой поездке велись только попутно. Из них наиболее интересным для меня лично было нахождение гнезда центрально-азиатского канюка (*Buteo hemilasius*) на горе Карабирык, там же – гнёзд монгольских пустынных снегирей (*Bucanetes mongolicus*); встреча краснокрылых чечевичников (*Rhodopechys sanguinea*) в Манраке и сокола-балобана (*Falco cherrug*) в Чиликтинской долине. Очень запомнилась первая встреча со степным коньком (*Anthus richardi*), которого показал мне Боря Щербаков в долине речки близ Курчума, и я битый час пытался запомнить не только его внешний вид, но и песню, позывку и другие сигналы.

Конечно, незабываемое впечатление произвели пестроцветные ландшафты Киин-Кириша – особенно вечером, на закате, и во время ночёвки в этом фантастическом месте. В степи между Киин-Киришем и горой Кара-Бирюк, где основу растительности составляет полынь с терескеном (*Eurotia ceratoides*) и редким старым ковылём (*Stipa* sp.), помимо вездесущих малых жаворонков (*Calandrella brachydactyla*) нам часто попадались чёрные (*Melanocorypha yeltoniensis*), а однажды – белокрылый жаворонок (*Melanocorypha leucoptera*). Часто встречались парами саджи (*Syrrhaptes paradoxus*): за час пути мы насчитали с машины 23 пары, а в одном месте прямо на дороге поймали двух пуховичков весом 26 и 29 грамм.

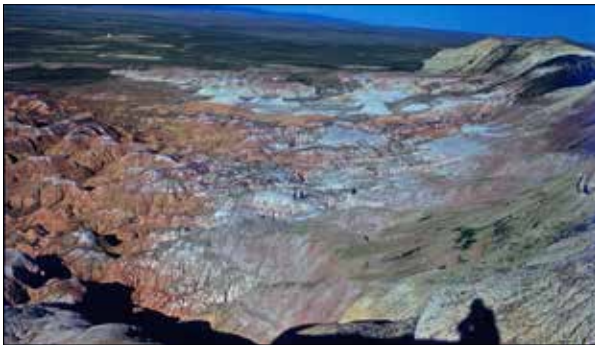

Рис. 375 и 376. Зайсанская котловина. Вечерний и утренний снимки пёстрых глин Киин-Кириша.

Рис. 377. Наша группа в урочище Чакельмес. Рис. 378. С.В. Стариков, Н.В. Паклина и Б.В. Щербаков.

Рис. 379 и 380. Пески Айгыркум и сосновый лесок у оз. Чаячье в долине р. Кулуджун. Конец мая 1988 г.

За посёлком Аманат (Манукой) мы поднялись в урочище Чакельмес, белые накипные обрывы которого напоминают соляные горы (хотя в действительности это пестроцветные глины ашутасской свиты), и на горе над Бакланьим мысом заночевали. Ночью был дождик, и в женскую палатку пришёл емуранчик (*Stylodipus telum*), который здесь переночевал, а утром спокойно ушёл – зверёк оказался почти ручным!

В последующие дни нас преследовала плохая погода и, когда в ночь на 1 июня мы остановились на высокой террасе прямо над заставой Май-Капчагай (за ней хорошо была видна китайская застава Зимунай), всё небо было забито грозными чёрными тучами, а холодный западный ветер не сулил ничего хорошего. Даже экскурсировать в такую погоду было бесполезно – разве что для ознакомления с заброшенными ДОТаи и ДЗОТаи, рядом с которыми мы остановились. Что же касается основной цели нашей поездки, то и эти места никак нельзя было считать подходящими для выпуска лошадей Пржевальского (нераспаханной здесь была только подгорная полоса шириной 6-7 км).

Вернувшись в город Зайсан, мы познакомились с его главной достопримечательностью – краеведческим музеем и стоящим рядом «домом Хахлова», где неоднократно останавливались русские путешественники, исследователи Центральной Азии. Именно отец орнитолога Виталия Андреевича Хахлова (1890-1983) помогал им всем снаряжаться в дальнейший нелёгкий путь. Об этом мне не раз говорил когда-то Игорь Александрович Долгушин (1908-1966), а сейчас подробно рассказала экскурсовод музея Ольга Фёдоровна Зайцева и кое-что добавил от себя знаток этого края Боря Щербаков.

В тот же день мы отправились через Манрак в Чиликтинскую долину и к вечеру достигли межгорной степной долинки, которую местные чабаны называли «Алтыбайдын-ой» (яма Алтыбая). Здесь мы заночевали и пол-дня 2 июня знакомились с её флорой и фауной – как с первым на нашем маршруте более или менее подходящим местом для выпуска лошади Пржевальского. Эта холмистая ковыльная степь, практически без каменистых обнажений, имела всего два недостатка: относительно небольшая площадь (но гораздо большая, чем в Богутах) и то, что здесь уже выпасают домашних лошадей. Кстати, на трупe лошади в полдень здесь собралось 9 белоголовых сипов (*Gyps fulvus*), часть из которых могли быть молодыми кумаями (*Gyps himalayensis*), 16 черных грифов (*Aegypius monachus*) и 12 воронов (*Corvus corax tibetanus*).

Спустившись в широкое (20-30 м) галечниковое русло многоводной речки Чаган-обо, мы вдоль неё вышли в место слияния её с рекой Керегетас, после чего она называется уже Кандысу – главная река Чиликтинской долины. Она очень полноводна: перед нами в ней утонул бензовоз. Дальше вниз мы ехали под сплошным дождём, который перестал только в Акжаре, где мы остановились на ночёвку у старожила этих мест Дмитрия Фёдоровича Горбушкина – давнего знакомого Бориса Щербакова. Дмитрий Фёдорович рассказал нам много интересного. Так, по его словам, ещё в прошлом году около 20 дроф (*Otis tarda*) жило за системой против совхоза Комсомол (т.е. там же, где мы видели их в 1980 году), но их сильно потравили гербицидами: знакомый прапорщик рассказывал, что за последние 3-5 лет нередко находил их трупы. Губительны гербициды и для журавлей-красавок (*Anthropoides virgo*), но за последние три года численность их в заказнике увеличилась с 10-15 пар до 50, причём много их стало в Чиликтинской долине вдоль Кандысу – как на целинных участках, так и на полях. Кстати, мы и в этот раз (2 июня

1988 г.) встретили пару под дождём. По словам Горбушкина, уларов (*Tetraogallus himalayensis*) здесь ловят волосяными петлями на искусственных солонцах (точно так же отлавливали их наши паразитологи на Большом Алматинском озере!), а архары (*Ovis ammon*), которых здесь около полусотни, а к осени – под сотню, переходят из Манрака через Чиликтинскую долину в Тарбагатай и обратно.

На следующий день, 3 июня, мы проехали машиной от Акжара до пристани посёлка Приозёрное на Зайсане, а оттуда на «Метеоре» через весь Зайсан и Бухтарминское вдхр. – до Аблакетки (Усть-Каменогорск) и уже в 19 час были на станции юннатов. Вечером того же дня, в 21 час 45 мин, рейсом № 7274 вся наша группа, за исключением местных Б.В. Щербакова и С.В. Старикова, улетела в Алма-Ату.

*****

Зайсанская котловина – конечный пункт экспедиции «Тарбагатай-2001»

Последний раз я посещал Зайсанскую котловину в июле 2001 г. в составе международной немецко-киргизской зоологической экспедиции «Тарбагатай-2001» под руководством проф. Герда Мюллера (Грайфсвальдский университет). Горная часть сложного маршрута этой экспедиции описана в первой книге «От Тянь-Шаня до Алтая», здесь же я попробую вычленить только дни, проведенные в пределах Зайсанской котловины и на Чёрном Иртыше. В этот раз, несмотря на самый жаркий месяц лета – июль – котловина встретила нас проливными дождями и плохими, труднопроходимыми дорогами.

Дождь начался вскоре после полудня 21 июля за городом Аягуз, где дорога развернулась на восток-юго-восток, в сторону поселка Тарбагатай, обходя западную оконечность Тарбагатайских гор. На мокрых лугах и посевах по обе стороны шоссе до села Кызылаксеке мы встретили два скопления журавлей-красавок (30-50 и 80); на столбах ЛЭП насчитали 10 одиночных степных орлов, трёх коршунов, курганника и одного рыжего канюка типа *Buteo buteo vulpinus*; а на проводах – 53 пустельги (скорее всего степных, судя по трупам одной, раздавленной на дороге). Примерно к 17 час вышли на равнину по пути к Аксуату, т.е. на начало Зайсанской котловины. Для примера приведу несколько строк записи учёта хищных птиц с автомобиля:

«Курганник (*Buteo rufinus*) – 1.1.1.1.1.1.1.

Коршун (*Milvus migrans*) – 1.1.6.1.2.1.1.1.1.5.1.1.

Степной орёл (*Aquila nipalensis*) – 1.1.1.1.1.1.

Степная пустельга (*Cerchneis naumanni*) – 1.2.1.1.1.1.1.1.2.2.1.1.1.1.1.1.2.1.1.1.

Центральноазиатский мохноногий курганник (*Buteo hemilasius*) – 1 крупный белый, всё брюхо белое, только отдельные пятна тёмные (гибрид?). 2 крупные – один красноватый, второй – почти чёрный!

Сарыч (*Buteo buteo vulpinus*) – 1. (маленький, тёмный). 1.1.1 (рыжий – аж красный!). 1.1.1.2.1.1.1.1.

Беркут (*Aquila chrysaetus*) – 1 сидит на земле».

Учёт окончен в 18⁴⁴ в селе Якпин перед Аксуатом. Здесь всё залито водой – сильный дождь был.

Первый чёрный жаворонок (*Melanocorypha yeltoniensis*) отмечен, не доезжая 33 км до села Якпин перед Аксуатом. Через 3 км от с. Якпин – село Аксуат. Здесь в 19¹⁶ – хороший солнечный закат, но везде – огромные лужи воды. На ночь мы поднялись на склон Тарбагатай и разбили лагерь напротив сел Шибунды и Аксуат. Всю ночь 21/22 июля – проливной дождь с грозой! Временами – ливень. Утром – тоже дождь, обложной. Горы затянуты облаками. Зайсанская котловина открыта, но и там солнца нет. Даже завтракали в перерыве между приступами дождя. В 8⁰⁰ снова дождь, уже моросящий.

Первая половина дня 22 июля ушла на поиски более или менее сносной дороги к Белой школе. Село Кызылжұлдыз (аул) среди чия на заболоченной равнине. Заросли софоры. До 15³⁰ пытались пробиться напрямую, потом объезжали через Кызылжұлдыз по ужасной дороге. И только за артезианской скважиной на участке 7 дорога вышла на каменисто-щебнистую степь, по которой можно было нормально ехать!

Под столбами ЛЭП вдоль этой дороги несколько раз встречались трупы погибших от электрического тока курганников и степных орлов, чаще – молодых птиц. Масштабы такой гибели бывают значительными, причём в Казахстане – именно в Зайсанской котловине и на противоположном, северо-западном конце страны – в уральских степях. Спустя 14 лет я наблюдал то же в Монгольской Гоби...

Рис. 381 и 382. Раскисшая после сильных дождей дорога на юго-западе котловины. 22 июля 2001 г.

Вечером 22 июля мы стали лагерем на один день на речке Кустты против Приозерного – там же, где стояли после Белой школы в 1985 г. (координаты: 47°38'04,8» с.ш.; 084°03'55,2» в.д., абс. высота 675 м). Биотоп: долина шириной 200 м, пологие сухие щебенистые склоны поросли низкой полынькой (но здесь же Маркус нашел где-то стебель полыни высотой 2 м!). Густые куртины таволги. Вдоль речки – узкий ивовый тугай среди обрывистых берегов. Это немного ниже нашей стоянки 1985 г. Самое интересное, что увидели здесь в первый же вечер – пара светлых балобанов, летавших в районе гнезда 1985 года, и 6 тёмных центрально-азиатских курганников (*Buteo hemilasius*), паривших над горами. Ночью слышали крики филина, а утром – обрывки песен южного соловья (хотя для его пения уже поздно – оно затихает к июлю) и песню зелёной пеночки (*Phylloscopus viridanus*), явно гнездящейся здесь в ивняках.

Утром 23 июля выехали на Тополев мыс, где пробыли всего пару часов (самое интересное, что здесь встретили – две семьи степных пустельг близ бетонных развалин, где эти птенцы и вывелись), а затем через город Зайсан направились на восток – к горам Сайкан, первой гряде Саурских гор, где работали до 25 июля.

Рис. 383 и 384. В восточной части Зайсанской котловины, дорога на Саур. Вечер 23 июля 2001 г.

В полдень 25 июля 2001 г., спустившись с перевала Сайкан, в селе Улькен Каратал закупили на базаре продукты, зарегистрировали свои машины и по такому же хорошему грейдеру, как на рис. 383, направились на восток – в пески Айгыркум. Стали восьмым по счёту лагерем в районе Кабыргатала. Биотоп: большая поляна среди заросших барханов. Сама поляна поросла редким тростником, с полынной площадкой посередине, размером 50 x 50 м – на ней-то мы и стали (47°42'20.7» с.ш.; 085°17'59.7» в.д., выс. 506 м).

Раскалённый песок пустыни, несмотря на то, что зарос растительностью, создал совместно с полным штилем такую невыносимую жару, что мне пришлось достать захваченное «на всякий случай» облачение

бедуина, приобретенное год назад в Иордании, дополнив его киргизской войлочной шляпой (рис. 386-387), и чаще обычного пользоваться самоваром, взятым напрокат для этой поездки у наших энтомологов... Даже птиц в эту жару не было видно и слышно (рано утром 26 июля – ни одной песни!), с трудом удалось мне увидеть нескольких малых жаворонков, деревенских ласточек, галку, сизоворонку и пустельгу.

Рис. 385-387. Лагерь в Кабыргатале; идеальная одежда и лучший напиток для знойных Айгыркумов.

Рис. 388 и 389. Заросшие пески Айгыркум в окрестностях лагеря. 26 июля 2001 г.

Рис. 390 и 391. Река Чёрный Иртыш (47°57'55.2» с.ш.; 085°03'16.4» в.д.). 26 июля 2001 г.

Рис. 392 и 393. Песчаные пляжи правого берега Чёрного Иртыша на том же месте, что рис. 390 и 391.

Пески Айгыркум были последней точкой нашей экспедиции, но всем её участникам хотелось хоть одним глазком посмотреть знаменитый Чёрный Иртыш. Поэтому вместо того, чтобы выезжать назад, на запад, мы в 9 час утра 26 июля, сняв лагерь, всё же направились через пески на восток и к полудню достигли берега Чёрного Иртыша в районе моста на Буран (рис. 390-391). Перебравшись на правый берег, мы примерно в 1 км ниже моста сделали двухчасовую остановку (с 12 до 14 час) на обширных песчаных пляжах (рис. 392-393), очень своевременно попавшихся после изнурительной айгыркумской жары. Обратный путь по хорошей трассе отдохнувшая команда проделала довольно быстро, всего с одной остановкой для сбора материала у солончака в 11 км от моста через Чёрный Иртыш. Из орнитологических наблюдений самой интересной в эту поездку была встреча орла-карлика (*Hieraeetus pennatus*) светлой фазы оперения, а также очень мелкого экземпляра чайки хохотуньи (возможно, это была *Larus barabensis*).

Уже в 17 час мы были в городе Зайсан, откуда направились в соседние горы Манрак, где стали на ночёвку на берегу водохранилища Уйдене. Дальнейший маршрут экспедиции, проходивший через Манрак в Чиликтинскую долину, далее по северным подножьям и склонам Тарбагатай, а затем – и по южным его склонам, описан в рассказе «Западный Тарбагатай, экспедиция 2001 г.» (книга «От Тянь-Шаня до Алтая»).

2 сентября 2023 г. – 11 апреля 2024 г.

08. Орнитологический стационар в долине реки Копы (1987 и 1988)

Рис. 394. Долина реки Копы ранней весной (вдали – станция Копы). Начало апреля 1987 г.

Рис. 395. Долина реки Копы в конце лета (вид от стационара на ст. Копы). Конец мая 1987 г.

Долина реки Копы разделяет северные предгорья западной части Заилийского Алатау и горы Серектас – южную оконечность Чу-Илийских гор; между ними проходит железная дорога «Алматы-Ташкент». Долина представляет собой глинисто-солончаковую равнину шириной 6-7 км, длиной несколько десятков километров, с полынно-солянково-эбелековой пустынной растительностью, практически лишённую кустарников, за исключением фрагментарных зарослей тамариска вдоль русла самой речки (ширина её всего 7-9 м) и карагачёвых лесопосадок вдоль железной дороги. Летом долина вся белая от высохшего солончака, который легко развеивается ветром. Издавна долина освоена под выпас скота. Она пересечена сетью грунтовых дорог и ЛЭП, здесь находится ряд самоизливающихся артезианских скважин (водопой для скота) и небольших мазанок-зимовок для пастухов. Прилегающие с юга холмисто-увалистые предгорья Заилийского Алатау распаханы под поля, а сохранившиеся степные участки используются как пастбища. Близ одной из овцеферм имеются два пруда и небольшое водохранилище, окружённые тростниками.

Ещё до начала занятий редкими и исчезающими видами птиц, включёнными в Красную книгу Казахстана, я не раз слышал о том, что в этой долине проходит интенсивный пролёт журавлей-красавок. Весной, выйдя через Чокпакские ворота в Западном Тянь-Шане к северным его подножьям, они не уходят на север в бескрайние полупустынные и пустынные просторы равнин, а сворачивают к востоку и далее следуют вдоль северных предгорий крайних хребтов Тянь-Шаня – Киргизского и Заилийского. И здесь их путь очень совпадает с направлением Копинской долины, биотопы которой вполне соответствуют тем, которые нужны этим журавлям для отдыха, кормёжки и, как выяснилось, – даже для гнездования. Мне же в Рабочей группе по журавлям СССР (РГЖ) была поручена роль куратора этого вида и предстояло выбрать место для изучения его биологии, включая гнездование и пути миграций. Копинская долина, находящаяся всего в 100 км от Алма-Аты, представлялась реальным местом для проведения стационарных работ.

Поэтому в середине апреля 1986 г. мы вместе с орнитологом нашей лаборатории Алтаем Жумакановичем Жатканбаевым предприняли двухдневный рекогносцировочный выезд в южную часть этой долины напротив одноименной железнодорожной станции, где, как нам сказали, уже наблюдали скопления журавлей-красавок. И здесь нам повезло: удалось не только увидеть скопление, но и найти гнездо красавки.

Рис. 396 и 397. Первый выезд 16 апреля 1986 г. и наша палатка на краю долины Копы.

Рис. 398 и 399. Скопления красавок в самой долине и на старой пашне. 16 апреля 1986 г.

Рис. 400 и 401. Гнездо красавки на старой пашне: расположение (слева) и кладка. 16 апреля 1986 г.

В этот день было принято решение об организации орнитологического (журавлиного) стационара в долине реки Копы. Однако организацию стационара пришлось отложить до весны следующего года.

Рис. 402 и 403. Стационар с юртами в конце марта; вид на Заилийский Алатау, апрель 1987 г.

Рис. 404. Учёт пролетающих журавлей и наблюдения за их гнёздами с крыши. 25 марта 1987 г.

Рис. 405. Демонтаж юрты и отъезд хозяев-животноводов. Конец марта 1987 г.

С 22 марта 1987 г. мы с недавно перешедшим в нашу лабораторию из Маркакольского заповедника аспирантом Колей Берёзовиковым начали двухлетний цикл по изучению журавля-красавки (*Anthropoides virgo*) в долине реки Копы, известной хорошим весенним пролётом этого вида и тем, что какая-то часть журавлей остаётся здесь на гнездование. Я очень надеялся, что удастся, наконец, захватить весь срок весеннего пролёта и провести полный количественный учёт пролетающих журавлей – поэтому и выехали так рано. Меня особенно радовало, что наконец-то наша лабораторная тематика совпала с планами Рабочей группы по журавлям, и мы начинаем конкретное изучение журавля-красавки.

Поселились мы в маленькой пустующей саманной мазанке (пункт для искусственного осеменения овец), расположенной у южного края долины, всего в 200-300 метрах от распаханых участков. В 100 м от мазанки была небольшая скважина для водопоя скота, а ещё через 100 м, уже за шоссе «Дегерес – Копы» – ещё одна. Обе они служили водопоем также для птиц, особенно чернобрюхих рябков, а в местах

крошечных разливов, где выросла зелёная травка, гнездились даже длинноногие кулики ходулочники (*Himantopus himantopus*), сюда же, к дальнему артезиану, прилетали и журавли.

Сама мазанка, которой мы сразу же дали гордое имя «Храм науки» (не подозревая, что так 20 лет спустя назовут здание бывшей Академии наук Казахской ССР), размером была не более 4 х 6 м и разделена на две половины с дверным проёмом между ними. Первая половинка служила кухней и столовой, а во второй едва помещались две наших раскладушки. В обеих комнатках было по одному окошку, выходящему на юг. С восточной стороны домика был огороженный проволокой «скотный двор», сильно унавоженный своими сезонными постояльцами, а избытки навоза образовали довольно внушительную кучу за пределами оградки; с этого бугра можно было обозревать окрестности. Однако гораздо лучший обзор был с плоской глиняной крыши мазанки, где как будто специально для этого были сложенные несколько тюков сена, на которых можно было сидеть. Прямо у двора стоял один из деревянных столбов ЛЭП, проходящей вдоль долины с востока на запад, вдоль этой линии через 1-2 км располагались сооружения, подобные нашему. На столбе был прикреплён небольшой трансформатор, дававший возможность пользоваться здесь различным инструментарием при осеменении или стрижке овец. Не рискуя самовольно подключаться к трансформатору, мы электричеством не пользовались, а как та бабка из «вороньей слободки» Ильфа и Петрова, доверялись свечке, которая и нужна-то была на очень короткое время.

Вокруг всей этой «усадьбы», благодаря удобрению и влаге, разрослись довольно высокие сорняки – лебеда, дурнишники и пр. Все описанные детали делали наш «Храм науки» местом, привлекательным для мигрирующих птиц, особенно пролетающих долиной – в основном мелких воробьиных.

Наша работа в течение марта и большей части апреля заключалась в почти непрерывных учётах пролетающих журавлей (поскольку лететь они могли в любое время суток). Обычно наблюдатели сменялись через 2-4 часа (рис. 404). Иногда в учётах нам помогали гости – чаще других Давид Бланк и Ерлан Ташибаев, приезжавшие из Алма-Аты. Кстати, из-за удаления от города, посетителей здесь бывало гораздо меньше, чем на высокогорном стационаре «Большое Алматинское озеро». Прямого транспорта до «Храма науки» просто не существовало, а знакомые собственники машин в те годы были большой редкостью.

От автотрассы «Алма-Ата – Бишкек» до нас было 26 км, а от железнодорожной станции Копы – всего 6 км, поэтому в город мы ездили поездом. Беда была лишь в том, что на этой маленькой станции пассажирские поезда не останавливались, а только один почтово-багажный «Ташкент-Новосибирск». Ходил он не каждый день, поэтому для поездок за продуктами или по другим срочным делам нам приходилось приспособливаться к определённым дням. Это значительно усложняло задачу для гостей, но, тем не менее, иногда на выходные они к нам приезжали. Чаще других бывал у нас Олег Белялов (рис. 407), а однажды, на День Победы 9 мая приехали мои дочери – Вика и Ириша, заставшие самое красивое время, когда долина полыхала распустившимися маками (рис. 406), а мы ещё смогли показать им токующих стрепетов (*Otis tetrix*), которых обнаружили сами за несколько дней до этого на степных увалах в 5 км восточнее лагеря.

Рис. 406. Долина Копы. Поле цветущего мака около стационара «Храм науки». 9 мая 1987 г.

Пролетающих журавлей считали при помощи обычного 8-кратного бинокля. В стаях до 50 птиц их пересчитывали поштучно, а в более крупных – либо пятёрками (иногда – по 10), либо экстраполировали на всю площадь стаи данные, полученные при точном пересчёте её части (обычно не менее 1/4). Многократная проверка самих себя показала, что оба мы при таком способе учёта немного занижаем истинную численность птиц. А если учесть, что некоторые очень высоко пролетающие стаи могли быть нами упущены, то можно быть уверенным, что полученные нами данные – минимальные. Кстати, при записи каждой пролетевшей стаи отмечалось не только число птиц, но и направление и высота полёта. При окончательном подсчёте обратно летящие стаи (бывало и такое!) из общей суммы изымались. Это исключало возможность повторного учёта одних и тех же птиц.

Первого журавля-красавку в 1987 г. мы увидели через три дня после приезда, а на следующий день на восток пролетело уже 320 птиц. Последние пролётные стаи отмечены 17 мая. За эти 53 дня через наш пункт в восточном и северо-восточном направлении пролетело более 40 тысяч журавлей-красавок (точная цифра – 40 427). Такие большие, а главное – достоверные цифры по этой птице в Казахстане получены впервые.

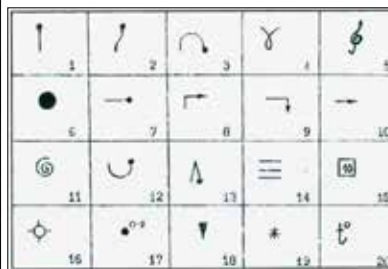
Интересные сведения удалось получить также о суточной активности пролёта. Рано утром, до 10 час (именно в это время велись ежедневные учёты на Чокпаке!), пролёт отсутствовал – всего 3% журавлей отмечено в это время; с 10 до 15 час пролетели 22% из 40 тысяч, остальные 75% журавлей летели после 15 часов. Поскольку в период массовой миграции крики пролётных стай слышны и в полной темноте (в 22-23 часа), я пробовал учитывать пролетающих журавлей и ночью, устроившись спать на тюках сена на крыше. Особых результатов такие ночные учёты не дали, кроме одного неожиданного – меня буквально заедали иксодовые клещи, которых оказалось очень много в тюках сена!.. В период пролёта мы наблюдали не только летящие транзитом стаи. Многие из них останавливались на кормёжку на всходах ячменя, образуя здесь сотенные, а то и тысячные кормовые скопления.

Ещё год назад, с 3 по 29 апреля 1986 г., здесь держалось скопление около 1000 журавлей. Первые суточные наблюдения за ними мы провели вдвоём с Алтаем Жатканбаевым 16 и 17 апреля. Ночь и середину дня журавли провели плотной стаей у водопоя (близ разливов артезиана), а утром, с 7 до 11 час, и вечером, с 16 до 20 час, они врасыпную кормились на всходах ячменя, где оказалось много не заделанных в почву семян ячменя (до 185 зёрен на один квадратный метр; а в среднем, по 10 измерениям, – 86). В 1987 г. по вечерам мы наблюдали лёт мигрирующих журавлей на ночёвку, а утром – с мест ночёвки на поля.

На лето в окрестностях нашего стационара осталось 6 пар журавлей, построивших гнёзда в 2-5 км одна от другой. В середине апреля они пытались строить гнёзда по окраинам целины, но везде были потревожены отарами овец, и 4 пары в конечном счёте загнездились на полях, где овцы их не тревожили. Наблюдения за этими парами и их гнёздами мы проводили также с крыши своего дома, но уже в 20-кратную подзорную трубу, что давало гарантию, что птицы ведут себя естественно, поскольку мы их совсем не тревожили. Так мы пронаблюдали и за «постройкой» гнёзд (хотя этот степной журавль часто откладывает яйца прямо на голую почву), и за насиживанием кладки обеими птицами по очереди (самка сидит на гнезде 57% светлого времени, а самец – 43%), и за вожделением выводка в первые дни после его появления. Подробно обо всём этом мы написали в двух совместных статьях, посвящённых гнездованию журавля-красавки и его весеннему пролёту (Березовиков, Ковшарь, 1991; Ковшарь, Березовиков, 1991).

Рис. 407. Олег Белялов (1960-2020) и Николай Берёзовиков (1956-2022) у Храма науки на Копе. 1988 г.

Значки для обозначения деятельности птиц и описания погодных явлений:
 1 – журавль насторожился; 2 – спокойно стоит; 3 – кормится; 4 – танцует; 5 – вокализация; 6 – чистка оперения; 7 – идёт; 8 – взлёт; 9 – посадка; 10 – летит; 11 – набор высоты кругами; 12 – сидит в гнезде; 13 – стоя переворачивает яйца; 14 – туман; 15 – облачность по 10-балльной шкале; 16 – солнце; 17 – дождь (цифрами обозначена интенсивность по 3-балльной шкале); 18 – ливневой дождь; 19 – снегопад; 20 – температура.

Рис. 408. Таблица условных значков, применяемых для записи наблюдений за журавлями у гнёзд (Ковшарь, 1993)

Рис. 409-411. Наши редкие гости (Д.А. Бланк, А.С. Левин) и трансформатор – место гибели пустельг.

Для подробного хронометрирования деятельности пары журавлей у гнезда, чтобы потом можно было рассчитать бюджет времени, затрачиваемого птицами на разные виды деятельности, надо было подробно записывать смену этих видов деятельности по часам. Записывать всё это словами невозможно: такая запись занимает много времени, которое необходимо, чтобы следить за птицей. Пришлось разработать систему значков, каждый из которых обозначает тот или иной род деятельности. Попутно для описания погодного фона я использовал значки, заимствованные у метеорологов. Получилась оригинальная система, которую нагляднее всего представить в виде таблицы (рис. 408). Запись многочасовых наблюдений за птицами при использовании таких значков выглядела как чередование самого значка и точного промежутка времени. Всё это подробно описано в специальной заметке в Трудах Института зоологии (Ковшарь, 1993).

О поведении журавлей-красавок у гнезда и о взаимоотношениях их с живущими по соседству хищниками я написал тогда же, по горячим следам, небольшой рассказ, часть которого хотел бы привести здесь. «Наблюдая за парой красавок в бинокль, я заметил, что журавли каждый раз садятся примерно в одном месте, около километра от водопоя и столько же – от меня. Приземлившись, птицы какое-то расстояние идут вместе, а затем одна из них остаётся, а вторая отходит и начинает кормиться или чиститься в 50-100 метрах. Наведя на оставшуюся птицу 60-кратную подзорную трубу, я убедился, что она сидит на гнезде. Это была большая удача: в первый же день и без всякого видимого труда найти гнездо такой редкой, осторожной, а главное — очень нужной нам птицы! Пронаблюдав за насиживающей красавкой около трёх часов, в течение которых птицы один раз сменились и один раз слетали на водопой, я как будто хорошо запомнил место расположения гнезда среди унылой однообразной равнины, поросшей скудной травкой.

Однако по опыту я знал, что вблизи местность будет выглядеть иначе, а тщательно выбранные ориентиры потеряют свой первоначальный облик. Поэтому, отправляясь к гнезду, я показал эти ориентиры товарищу и договорился, что он знаками будет показывать мне, в какую сторону я уклонился. Продолав всё это, я вышел в путь со спокойной совестью человека, который всё предусмотрел. Полпути я прошел, время от времени проверяя в бинокль, сидит ли на гнезде журавль. Всё шло хорошо: птица и не думала реагировать на человека, идущего на столь большом расстоянии – более полукилометра.

Но вот между мной и гнездом неведь откуда появился небольшой зверек и со всех ног пустился наутёк от меня, причём бежал он прямо на гнездо. Рассмотрев в бинокль зверька, я похолодел. Это был корсак (*Vulpes corsac*) – небольшая пустынная лисичка. Выходит, я сам направил его на гнездо несчастных журавлей. Сейчас он вспугнет самку и полакомится птенцами или яйцами. И ничем помочь птицам я не могу, так как в руках у меня только бинокль и фотоаппарат, да и не успею я добежать – ведь до гнезда ещё несколько сотен метров. Но не успел корсак приблизиться к гнезду и на двести метров, как навстречу ему вылетели один за другим оба журавля. Первый налетел на него и сильно ударил клювом, почти опрокинув, второй проделал то же, стараясь ударить еще и крыльями. После этого обе птицы сели в десяти-пятнадцати метрах от зверька, по разные стороны от него. Корсак, поджав хвост, кинулся в сторону и тут же получил удар от одной из птиц. Но он уже вырвался из их окружения и что есть духу мчался в сторону от гнезда. Журавли преследовали его ещё метров двести и только потом обратили внимание на меня. Отлетев на полкилометра, они стали кормиться, как будто ничего не произошло.

Очнувшись после столь впечатляющего зрелища, я попытался вернуться к поискам гнезда, но не тут-то было! Ориентиры, которыми служили, как мне казалось, пучки травы определенной формы, вблизи оказались целыми травянистыми полянками, и были они, как две капли воды, похожи одна на другую. Вдали, где-то у самого горизонта, товарищ делал мне какие-то знаки, но смысл их был непонятен даже при рассматривании в бинокль. Потоптавшись около часа, я понял, что гнезда мне сегодня уже не найти, и, чтобы не мешать больше птицам, убрался восвояси. Пока я дошел до лагеря, спустились сумерки, и даже в подозрную трубу нельзя было рассмотреть, вернулись ли журавли к гнезду.

Проклинаю себя за то, что так долго попусту тревожил птиц, я дал себе слово, что завтра поеду искать это гнездо на машине. Утром чуть свет я уже настроил трубу, но освещение было ещё очень слабое, чтобы в неё можно было что-нибудь увидеть. Только через час удалось убедиться, что птица, как ни в чем не бывало, сидит на гнезде. Решил понаблюдать за ней до полудня, а потом попробовать подъехать на автомашине. И вот мощный ГАЗ-66 медленно направился в сторону гнезда. Водитель Виктор Капитоныч также изучил ориентиры и по дороге рассказывал мне, как легко мы теперь найдем это гнездо. Однако на полпути вчерашняя история повторилась. Снова из того места выскочил корсак и снова оба журавля гнали его... Гнездо я обнаружил только через час, после того, как отправил машину, а сам, устроившись в скрадке (рис. 412) в 1.5 км от гнезда, пронаблюдал за очередным возвращением журавлей к нему. И все это время я не переставал удивляться, какими грозными для корсака оказались эти мирные птицы» (Ковшарь, 1988).

Однако не одними журавлями занимались мы на этом стационаре. Под «прицел» наших биноклей и подозрной трубы были взяты и другие обитавшие здесь птицы. Одной из самых интересных среди них оказалась авдотка (*Burhinus oedipnemos*). У меня уже был некоторый опыт работы с нахождением её гнёзд в Кызылкумах весной 1984 г. А вот напарник мой Коля Берёзовиков никогда эту птицу ещё не видел и, как он признался сам, мечтал её увидеть в поле. Помню его изумление, когда после его возвращения из недельной поездки на Алтай (куда он ездил улаживать семейные дела) я спросил, не хочет ли он увидеть авдотку. Он не поверил, а когда я её показал, да ещё совсем недалеко от нашего жилья, он простонал: «Ой, Авдотья!» Стационарные наблюдения за двумя парами в окрестностях нашего лагеря показали, что бытующее представление о том, будто у неё сугубо ночная активность, мягко говоря, не совсем верно. Нам удалось пронаблюдать смены самца и самки около гнезда с кладкой, поведение маленьких птенцов и др. Подробности этих наблюдений мы опубликовали в статье «Дневная жизнь авдотки в репродуктивный период», напечатанной в журнале «Бюллетень МОИП» (Ковшарь, Березовиков, 1992). Здесь же я впервые наблюдал токование стрепета (*Otis tetrax*), которого считал почти исчезнувшим, по крайней мере, в южной половине Казахстана. Очень интересные наблюдения удалось провести за гнездованием индийского жаворонка (*Alauda gulgula*), несколько гнёзд которого нашли мы прямо около стационара, среди более мезофильной растительности. Ещё по двум видам жаворонков (степному и малому) и по желчной овсянке также были опубликованы интересные сведения (Березовиков, Ковшарь, 1992, 1994; Ковшарь, Березовиков, 1995).

Рис. 412. Лёгкий переносной скрадок. Рис. 413. Босиком в поисках индийского жаворонка (Берёзовиков, Ковшарь).

Рис. 414 и 415. Коля Берёзовиков фотографирует пуховичка авдотки и едет на Мокик'е на трассу.

Ещё зимой, во время подготовки к этим длительным полевым работам, в которых нам придётся обходиться без транспорта, знающие люди посоветовали мне приобрести маленький мопед под названием «Мокик», который потребляет очень мало бензина, для езды на нём не нужны права, а вот за продуктами первой необходимости в соседнее село или на железнодорожную станцию на нём всегда можно съездить. Да и стоил он совсем недорого – наших командировочных с лихвой хватило для его приобретения.

Напарник мой Коля встретил эту новость в штыки: «Зачем он нужен? Столько денег потратили!». Однако первый освоил эту машину и проводил на ней большую часть свободного времени – то вдоль трассы почти каждое утро ездил собирать сбитых проходящими машинами птиц (впоследствии даже написал на этом материале статью!), то при всяком удобном случае уезжал на колхозные пруды за 4-5 км, где наблюдал за околотовной птицей, до которой был большим охотником. О первой своей реакции он забыл начисто... А я так ни разу и не сел на этот Мокик за весь сезон – намного привычнее и удобнее на своих двоих.

Рис. 416 и 417. Река Копя летом. На заднем плане станция Копя. Май – июнь 1987 г.

В середине июня, когда птенцы журавля уже значительно подросли и разбрелись от мест гнездовий, наши стационарные работы фактически завершились, и появилась возможность сделать маршрут в поисках журавлей в прилегающих местах предгорий и межгорных долин соседнего Анархия, а также равнины Жусандала севернее этого низкогорного массива – между ним и песками Таукум.

Поэтому мне пришлось съездить в город в поисках транспорта. Директор Института зоологии академик Евгений Васильевич Гвоздев, выслушав мои доводы, добавил в институтскую заявку на автобазу Академии наук ещё одну грузовую машину на срок 10 дней – для маршрутной поездки по Чу-Илийским горам и равнине Жусандала с последующим вывозом имущества Копинского стационара как закончившего свою работу в 1986 году. Такое решение, включая и саму продолжительность поездки, нас вполне устраивало, давая возможность попутно посетить и Серектасский стационар, где работали Ральф Пфедфер и Анатолий Левин.

Рис. 418. Место гнезда красавки. К концу мая, когда подрос ячмень, журавли уже увели птенцов.

Рис. 419. Подросшие посевы суданки с маком к июню тоже не годятся для гнездования красавки.

Рис. 420 и 421. Серектас, стационар. Сидят справа налево: Н. Березовиков, А. Левин и Р. Пфедфер.

На пришедшей из города машине ГАЗ-53 (водитель Андрей Крупа) мы 23 июня выехали на север, в горушки Серектас (Анархай), где на северной их оконечности стационарно работали наши товарищи – Анатолий Левин, изучавший рябков (*Pterocles orientalis*), и Ральф Пфедфер, изучавший сокола-балобана (*Falco cherrug*). За 7 дней мы сделали маршрут через горки (проезжая их в основном по долинам), побывали у своих коллег (но задержались здесь всего на часок) и вышли на равнину Жусандала между горами и расположенным севернее песчаным массивом Таукум.

Именно здесь мы надеялись встретить журавлей-красавок, а если повезёт – то и дрофу-красотку, или джека (*Chlamydotis undulata*). Однако вместо этого мы попали в целый лабиринт огороженных пастбищ (тогда как раз какой-то умник привёз эту моду, кажется, из Австралии!). Кое-как выбравшись из этого лабиринта, мы направились на восток и вышли к Курттинскому водохранилищу, на высоком берегу которого и заночевали. Место это оказалось очень живописным, а главное – здесь мы встретили и журавлей. Всего две или три пары. Потом, замыкая круг, проехали на юг к речке Джирен-Айгыр, от неё – на Копу и вышли к своей мазанке, на которой и переночевали в последний раз. По пути мы ещё в двух местах видели журавлей, а главное – эта поездка дала нам общее представление и о характере местности, и о распределении журавля-красавки на гнездовании в этом полупустынном районе. Помимо широкой полупустынной долины самой речки Копы отдельные пары красавок гнездились в долине её притока Жирен-Айгыр и в долине реки Куртты, в которую впадает сама Копы, а также в долинах внутри Чу-Илийских гор – там, где имеется хоть какая-то вода для водопоя.

Чтобы закончить об этом первом сезоне, надо упомянуть о том, что весной этого года в долине Копы довольно долго держалась группа сайгаков, задержавшихся здесь после зимовки. Впервые стадо около полусотни голов мы увидели ещё в марте. Что помешало им уйти в Бетпак-Далу – то ли плохие условия там, то ли слишком хорошие здесь – сказать трудно, но факт остаётся фактом: стадо это до самого мая периодически попадалось нам на глаза в средней части долины, между нашим стационаром и железнодорожной станцией Копы, на достаточно большом удалении от обоих пунктов.

Рис. 422. Группа сайгаков в долине Копы на фоне станции Копы. Весна 1987 г.

Следующий сезон с 23 марта до начала июня 1988 г. в долине Копы работал в основном Николай Берёзовиков с другими сотрудниками нашей лаборатории. Я же в связи с появившейся идеей репатриации в Казахстане лошади Пржевальского, большую часть сезона был занят этой тематикой, разъезжая от заповедника Акскания Нова (Украина) до Зайсанской котловины на востоке Казахстана. На Копинском стационаре появлялся изредка и на короткое время, завидуя тем, кто мог работать стационарно...

Наши с Колей стационарные работы в долине Копы по изучению журавля-красавки завершились в конце июня 1988 г., а уже в августе этого года мы с ним докладывали о результатах этих работ на Всесоюзном совещании Рабочей группы по журавлям (РГЖ), состоявшемся в городе Караганде, куда съехались специалисты-орнитологи, изучавшие журавля-красавку на обширном степном пространстве – от Херсонских степей (юг Украины) до Даурской степи (Забайкалье), а также в горах Внутреннего Тянь-Шаня (Киргизия) и Копетдага (Туркменистан). Материалы этого совещания опубликованы в вышедшем в Алма-Ате сборнике научных статей под названием «Журавль-красавка в СССР» (1991), ставшим своего рода поминальным для прекратившей в том же году своё существование огромной страны с этой гордой аббревиатурой.

А на Копе, начиная с 1989 года, мы с Колей бывали только кратковременно, наездами. Так же наездами бывал я в Копинской долине и в последующие годы. Из них наиболее памятным стало посещение нашего бывшего стационара весной 1993 года, когда мы с Борисом Михайловичем Губиным несколько дней работали в поисках стрепета в соседней долине Жирен-Айгыра (рис. 423-426).

Рис. 423 и 424. Полуразваленный «Храм науки». Начало мая 1993 г. А.П. Гисцов, Б.М. Губин, шофёр.

Рис. 425 и 426. Палатка в долине р. Жирен-Айгыр, в светлом – Б.М. Губин. 7 мая 1993 г.

С 1997 по 2002 год, проезжая в мае через долину Копы на Анархай и в Таукумы с группами бёрдвотчеров-иностранцев, я несколько раз останавливался с ними около бывшего «Храма науки», чтобы показать им с гарантией индийского жаворонка (*Alauda gulgula*). Попутно показывал развалины нашего бывшего стационара и рассказывал об эпопее изучения здесь журавля-красавки. В последний приезд в 2002 году от самого «Храма науки» даже следов не осталось...

5 сентября 2023 г. – 11 апреля 2024 г.

09. Илийская долина (периодические выезды, 1981-2008)

Рис. 427. Старая туранга (*Populus diversifolia*) в авандельте Или против Поющего бархана. Май 1999.

Рис. 428. Поющий бархан вечером. Среднее течение реки Или, ГНПП «Алтын-Эмель». 16 марта 2006.

Илийская долина ограничивает с севера западную половину Тянь-Шанской горной системы, отделяя её от пустынь Южного Прибалхашья и горных хребтов системы Борохоро. Впадающая в озеро Балхаш река Или (по водности третья река в Казахстане после Иртыша и Урала) начинается двумя истоками на границе Восточного и Центрального Тянь-Шаня: правый исток – Кунгес (на территории СУАР в Китае) и левый исток – Текес (на северных склонах хребта Терской Алатау в Казахстане), который севернее города Нарынкол также уходит на восток – в Китай, где сливается с Кунгесом восточнее города Кульджа, а оттуда уже под названием **Или** река течёт на запад, пересекая границу Казахстана в районе притока Хоргос восточнее города Джаркент. Общая протяжённость реки 1439 км от истоков Текеса (или 1001 км от истоков Кунгеса), из них в пределах Казахстана – 815 км. До слияния с Кунгесом Текес имеет характер горной реки, а после слияния река Или становится равнинной рекой, на большей части среднего течения она судоходна.

В восточной части Или течёт в пределах Илийской впадины – межгорного тектонического понижения между хребтами Борохоро и его продолжением Джунгарским Алатау с севера; Кетмень и Заилийский Алатау – с юга. Общая длина впадины, большая часть которой находится в Китае, около тысячи километров, в пределах Казахстана – 300-350 км с востока на запад, при ширине 100-120 км на востоке и 70-80 км на западе. В середине она сужается до 25-30 км подступающими к реке низкогорными массивами Катутау и Калканы на правом берегу и Богуты – на левом; они разделяют впадину на две котловины: западную (Алматинскую) и восточную (Джаркентскую). Абсолютная высота Илийской долины здесь 700 м на востоке и 500 м на западе, а подножия окружающих её хребтов находятся около 1000 м над уровнем моря.

Далее, чтобы не ошибиться, приведу цитату из справочника: «В структурном отношении Илийская впадина представляет собой крупную межгорную депрессию (синклиний), покрытую мощной толщей мезо-кайнозойских песчано-глинистых отложений типа молассы. Глубина залегания палеозойского фундамента 3000 м на западе и 5000 м на востоке. Тектоническое строение определяет её значительную сейсмичность (7-9 балльная зона). Климат резко континентальный, ср. температура января –5,8 –11,7°С; июля 21,3-25,4°С. Годовое количество атм. осадков возрастает от дна к бортам и с востока на запад. Чётко выделяются ландшафты подгорных полупустынь и равнинных пустынь» (Казахская ССР. Краткая энциклопедия, том 2. Алма-Ата, 1988. С. 211).

Западнее Илийской котловины и до самого Капчагайского ущелья река Или протекала по равнине и на всём этом протяжении была судоходной. После сооружения в 70-х гг. Капчагайской ГЭС и создания Капчагайского водохранилища последнее затопило значительную часть долины – до гор Калканы на востоке и курорта Аяк-Калкан на левом берегу, где образовалась своего рода авандельта реки Или – при «впадении» её в Капчагайское водохранилище. На выходе из узкого Капчагайского ущелья, приняв последний левобережный приток – речку Куртты, Или поворачивает на северо-запад и по всё расширяющейся долине течёт среди пустынной Прибалхашской равнины – песков Сарыишикотрау справа и Таукумы слева. Ниже Капчагайского ущелья вправо от Или отходят сухие русла – Баканасы (Шетбаканас, Ортабаканас, Нарынбаканас) – начало древней дельты Или. Современная дельта Или находится в 100 км ниже, длина её 130 км, площадь водосбора 9000 км². Ширина русла реки в среднем течении 150-300 м, в нижнем – от 500 до 1000 м, а ширина всей долины колеблется от полукилометра до 15 км.

Впервые долину реки Или я увидел в августе 1960 года, когда нас – участников проходившей в Алма-Ате Второй зоогеографической конференции – привезли сюда на экскурсию. Миновав посёлок Илийск (ныне – город Конаев), наш автобус перебрался на правый берег и остановился у песчаных барханов в 1 км выше моста. Река показалась мне совсем небольшой, метров 200 шириной, но по ней шёл против течения какой-то трудяга-катер. Что обратило на себя внимание – так это светло-коричневый цвет густой воды, как будто кто-то специально растворил в реке глину. День был солнечный и жаркий, поэтому все участники с удовольствием купались в этой тёплой воде, несмотря на её странный цвет, оседавший на купальниках. После городской жары это было настоящее наслаждение. Второе удовольствие – экскурсия по барханам, где было много разных ящериц, в основном круглоголовок и ящурок. Помню, как носился за ними с сачком тогда ещё совсем молодой, но уже всеми признанный лидер герпетологии Илья Сергеевич Даревский (1924-2009). Сейчас я очень сожалею, что от той поездки не осталось никаких фотографий.

Второй раз в Илийскую долину я попал только в мае 1981 г., посетив в среднем течении Капчагайское заповедно-охотничье хозяйство (ныне национальный парк Алтын-Эмель). Эту поездку и последующие (1982-1988 гг.) я описал в рассказе «Чулакские горы» (в книге «От Тянь-Шаня до Алтая»).

А вот поработать в Илийской долине, где часто бывали орнитологи В.Н. Шнитников (1973-1957), И.А. Долгушин (1908-1966), М.Н. Корелов (1911-1996), мне никак не удавалось, да и не виделось в этом особой нужды: что нового можно сделать после работы таких специалистов высокого класса... Но вот в 1991 г., когда в нашей стране закончился социализм (как и сама эта огромная страна), вдруг неожиданно-негаданно появилась потребность в стационарных орнитологических исследованиях в Илийской впадине.

*****

Орнитологические работы в Илийской впадине близ Нурлы (апрель-май 1991)

С 18 апреля 1991 г. начались полевые работы у села Нурлы на левобережье р. Или – в 140 км восточнее Алма-Аты. Здесь учёные Института физики высоких энергий Академии наук Казахстана запланировали создание полигона «ШАЛ-1000» (аббревиатура означает «Широкие Атмосферные Ливни») для изучения космических частиц, поступающих из атмосферы на землю без ведома человека или его участия. Планировалось на площади около 1-2 км² поставить определённое количество высокоточных приборов, заключённых в бетонированные тумбы (которые бы предохраняли приборы от разрушения пасущимся скотом, да и любопытным человеком тоже). Полученные этими приборами данные подлежали дальнейшей камеральной обработке уже в лаборатории.

Казалось бы, ничего непонятного – обычные научные исследования, проводимые при помощи высокоточной техники. Однако слово «полигон», очень быстро подхваченное «зелёной» прессой, сослужило науке плохую службу. Его восприняли чуть ли не как атомный реактор – и пошли выступления в духе «нам не нужны дети-калеки», причём среди противников этой работы особой активностью выделялся профессор Павел Иустинovich Мариковский (1912-2008), авторитет которого как учёного и писателя-натуралиста был очень высок. Поэтому на заседаниях Президиума Академии наук было принято решение провести комплексное биолого-почвенное обследование данной территории и дать своё заключение о возможных рисках для биоты от планируемых физиками исследований.

Рис. 429 и 430. Разновидности биотопов левобережья Или: глинистые и песчаные участки. Май 1991 г.

Рис. 431 и 432. Разновидности биотопов: щебенистые участки и тростники в понижениях. Май 1991 г.

Первый рекогносцировочный выезд на место предполагаемых работ совершили мы с Сергеем Складенко и водителем Виктором 18-20 апреля на машине УАЗ-469. В первый день мы проехали к с. Нурлы, оттуда через с. Бурандысу – к реке Или напротив Поющего бархана. Экскурсия по редкому саксаульнику с сарсазанником на солончаковой почве показала бедность авифауны, но, тем не менее, мы видели одну сажу и трёх журавлей-красавок, а приехавшие в Нурлы вечером Екатерина Ивановна Рачковская и Юрий Григорьевич Евстифеев (крупные казахстанские геоботаник и почвовед) рассказали, что в 19 час видели стаю из 60 красавок, пролетевших к Капчагаю вдоль реки Чилик.

На следующий день в районе Бурандысу мы наблюдали интенсивный пролёт журавлей: за 2 часа, с 10 до 12, насчитали 25 стай общей численностью более 2300 птиц, пролетевших в направлении восток-северо-восток; всё это были красавки (*Anthropoides virgo*). Утренние учёты в саксаульнике показали, что хохлатый жаворонок (*Galerida cristata*) преобладает над малыми (*Calandrella* sp.), а чернобрюхий рябок (*Pterocles orientalis*) – над сажей (*Syrrhaptes paradoxus*). Пустынная каменка (*Oenanthe deserti*), пустынный сорокопут (*Lanius pallidirostris*) и пустынная славка (*Sylvia nana*) встречены единично.

Средств на работу зоологов было отпущено очень мало – всего лишь на оплату командировочных расходов 3-4 человекам, и то на короткий срок. Поэтому после рекогносцировки 18-20 апреля мы попали в эти места только 21 мая и поработали 10 дней – до 1 июня. Втроём (со С.Л. Складенко и Р.А. Кубыкиным) добрались мы автобусом до села Чилик, а там нас «подобрали» соседи-почвоведы, которые работали на двух больших экспедиционных машинах. Спасителями этими оказались Юрий Григорьевич Евстифеев и Константин Михайлович Пачикин, с последним мне через несколько лет предстояло познакомиться очень близко. Привезя нас в посёлок Нурлы (нам выделили здесь двухэтажный коттедж!), они сказали, что остаются здесь на несколько дней. Пришлось остаться и нам, хотя делать в этом посёлке зоологу нечего – мы рассчитывали разбить свой маленький лагерь где-нибудь среди саксаульников. Однако коттедж, как основной базовый лагерь был очень кстати, отсюда можно было делать кратковременные выезды хоть на попутном транспорте. Вывезя свой скарб в Нурлы, мы совершили небольшую экскурсию по окрестностям, познакомились с местом, где уже были поставлены пробные бетонные тумбы физиков.

Здесь необходимо пояснить, что представляли собой Нурлы. Левобережье реки Или сразу за Чиликом – полого понижающаяся от гор Богуты к самой реке глинистая равнина с редкой пустынной растительностью. Саксаульники более или менее развиты восточнее села Бурандысу (в 5 км от Нурлы) и в них везде видны следы «лесопосадок» в виде распаханых полос из голой глины, долго не зарастающей вообще ничем. Единственная польза от этих распашек – защита для джейранов, которые могли теперь не бояться ночных браконьеров на машинах с фарами – ездить по этому бездорожью невозможно.

Рис. 433. Общий вид посёлка Нурлы в конце мая 1991 г. (через 10 лет от него остались развалины)

Рис. 434. Коттеджи в посёлке Нурлы, служившие базой географов и зоологов экспедиции. 1991 г.

Среди этой безжизненной глинистой пустыни посёлок Нурлы представлял собой оазис: здесь пробурили несколько десятков самоизливающихся скважин, около каждой из которых образовались лужи с зелёной растительностью. Сам посёлок напоминал городок из типовых двухэтажных коттеджей, центральная улица была асфальтирована, а вокруг возвышавшихся в центре клуба и огромного универсама

были разбиты клумбы – всё это с большой претензией на цивилизованность. При коттеджах имелись надворные постройки для скота, но зелени пока ещё не было – её ожидали от высаженных недавно хилых прутьев, которые берегли и регулярно поливали. Всё это очень напоминало столетней давности «потёмкинские деревни», которые были созданы с той же агитационной целью. В данном случае цель была очень высокой: смотрите, как человек делает из безжизненной пустыни цветущий сад! Такая благородная цель оправдывала, по мнению руководства, те масштабные денежные затраты, которые шли на содержание этого посёлка. Тем более, что это были целевые средства, направлявшиеся из Москвы (для агитации ничего не жаль). И никто не мог себе даже предположить, что жить этой прелести оставалось меньше года...

Рис. 435. Глинистая пустыня близ Нурлов. Первый лагерь и приезд ботаников. Май 1991 г. Фото Р.А. Кубыкина

Только в полдень 22 мая на пришедшей из Алма-Аты машине ГАЗ-53 ботаников (во главе с Борей Гельдыевым, поскольку Н.П. Огарь и Е.И. Рачковская были где-то далеко) мы выехали из Нурлов и стали лагерем в 7-8 км от Бурандысу среди редкого саксаульника со сведой (*Sveda physophora*) и низкорослыми солянками. Отсюда совершали экскурсии с учётами в радиусе до 5 км. В дополнение к апрельским наблюдениям в наших учётах появились позднеприлётные птицы – туркестанский жулан (*Lanius phoenicuroides*), южная бормотушка (*Hippolais rama*), желчная овсянка (*Emberiza bruniceps*), розовый скворец (*Pastor roseus*), сизоворонка (*Coracias garrulus*), обыкновенная горлица (*Streptopelia turtur*) и другие. По-прежнему саджа значительно уступала в численности чернобрюхому рябку.

В этом глухом пустынном уголке, в стороне от всяких дорог, трудно было ожидать гостей. Тем приятнее был для нас приезд на пару дней наших дорогих орнитологов – Олега Белялова и Володи Морозова, появившихся, как из-под земли, на выдавшем виды володиноме ЛуАЗ'е, на котором они исколесили весь равнинный Казахстан, фотографируя везде птиц, и забрались даже в Узбекистан и на юг Туркменистана. За несколько лет после ухода из лаборатории они стали настоящими ассами в фотографии, и Володя показал мне, как можно снять самый обычный закат (рис. 439).

Рис. 436. Второй лагерь зоологов. **Рис. 437.** Рудольф Кубыкин и С. Складенко готовят ужин. Май 1991 г.

Рис. 438 На ЛуАЗ'е приехали наши гости – орнитологи Володя Морозов и Олег Беялов.

Рис. 439. Закат в пустыне, май 1991. Фото В.А. Морозова

Через два дня переместили лагерь ближе к реке Или, став на границе песков. Отсюда легче было совершать экскурсии в долину реки, где напротив Поющего бархана была прекрасная туранговая роща. Здесь мы имели удовольствие наблюдать таких замечательных птиц как серая синица (*Parus bokharensis*), саксаульный воробей (*Passer ammodendri*), белокрылый дятел (*Dendrocopus leucopterus*), бурый голубь (*Columba evermanni*) и даже орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*), гнездо которого с двумя пуховыми птенцами нашли на вершущке одной из старых туранг. Здесь же, в долине реки, мы встречали таких не свойственных для пустыни птиц как фазан (*Phasianus colchicus*) и серый журавль (*Grus grus*), а на берегах реки и на воде – многих куликов, чаек, крачек, уток.

Третий лагерь, воспользовавшись приехавшей за нами машиной ГАЗ-66 (водитель Дмитрий Фёдорович Попандопуло), разбили мы уже за два дня до отъезда восточнее двух предыдущих – среди саксаульника с большими полянами, поросшими тасбиюргуном (*Nanophyton erinaceum*). На этом месте мы надеялись найти побольше саж, но они и здесь встречались изредка отдельными парами. Зато зайцев-толаев было довольно много, а кроме того, всё было испещрено свежими следами джейранов. Из птиц самая интересная встреча – тугайный соловей (*Erythropygia galactotes*), певший в зарослях тамариска.

Рис. 440-441. Туранговники на песках левобережья Или на фоне Поющего бархана. Май 1991 г.

Через два года я привёл в эти места первую группу орнитологических туристов.

*****

Первая группа орнитологических туристов из Швеции в пустыне Илийской котловины (июнь 1993 г.)

Ещё весной 1993 г. охотовед Александр Тагирович Пивоваров (1946-2014), с которым мы познакомились летом 1980 г. на озере Тенгиз, написал мне из Акмолинска (ныне Астана), что хотел бы приехать к нам в горы с группой шведов. Они прибыли в конце июня прямо на Большое Алматинское озеро

на двух УАЗ-452 (таблетка, или батон). Преодолев более 1000 км по степям и пустыням, эта небольшая группа представляла собой уже настоящий полевой коллектив (насколько последнее слово применимо к жителям свободного мира), а один – какой-то сельский учитель, маленького роста, но самый шустрый – уже почти изучил русский язык. Насколько лихо у него это получилось (имея в виду такого яркого преподавателя, как А.Т. Пивоваров), я убедился в первый же вечер. Выйдя на крыльцо нашего домика, я увидел этого самого маленького шведа, который воевал с дверцей машины, никак не хотевшей закрываться. В очередной раз хлопая ею изо всех сил, он в сердцах выкрикивал: «Ну, ты меня зае...л» и смачно заканчивал площадной бранью. Судя по тому, как он смутился, увидев меня, не оставалось никакого сомнения в том, что он понимает смысл сказанного.

Взаимоотношения в группе были дружеские. Пивоваров, успевший показать им всё богатство водоплавающих птиц Тенгиза и Кургальджина во главе с фламинго, считал, что главное в экотуризме – гостеприимство, и на водку не скупился. А кроме того, угощал их песнями в своём исполнении, за что они называли его «Паваротти», которого он и в самом деле напоминал своей высокой полной фигурой, а также громкостью голоса (пел он действительно хорошо) ...

Поскольку времени у группы было уже в обрез, а они хотели ещё посмотреть и птиц пустыни, а также водоёмов (Сорбулак, Балхаш), мы на следующий день посмотрели серпоклюва и других птиц верхней границы леса, после обеда поднялись на Космостанцию для беглого знакомства с птицами альпийского пояса, а оттуда *без остановки* уехали вниз и, минуя город Алматы, направились в Нурлы.

Прибыли туда уже ночью и, проехав километров 7-8 к северу от Бурандысу, остановились на полянке среди саксаульника. Кое-как поставив палатки при свете фонариков, все завалились спать. А утром все прибывшие имели возможность убедиться в различиях температурного режима альпийского пояса (10-15°C днём) и глинистой пустыни (35-37°C в тени). Однако никто не отказался от экскурсии к реке Или, до которой было около 10-15 км. В лагере остался лишь хозяин экспедиции А.Т. Пивоваров и водители, которые должны были накормить нас обедом после возвращения с экскурсии.

Поскольку вышли мы не рано (сказалась усталость предыдущих дней и резкий спуск с высоты 2500 м до 500 м), идти в жару было нелегко. Через каждые 5-10 минут то один, то другой спрашивали жестами – далеко ли ещё? А к полудню, когда осталось преодолеть неширокую полосу песочков, я понял, что моё войско не дойдёт до желанной цели – реки Или. Вскоре они подтвердили мою догадку, пожелав вернуться.

К лагерю мы добрались едва живые. Даже у меня, привыкшего к жаре, темнело в глазах и подкашивались ноги. Добравшись до лагеря, все полезли в палатки, но тут же стремглав выскочили из них – там было настоящее пекло! Стали искать убежища в призрачной «тени» под кустами саксаула. Обеспокоенный их состоянием, я подошёл к Пивоварову и спросил, скоро ли будет обед. И вдруг из-под куста саксаула раздался громкий голос, чётко выговаривающий слова: «Саша! Мороженое, пожалуйста!». Это наш знаток русского языка нашёл лучший способ подать признаки жизни...

На следующий день мы всё же подъехали на машинах к туранговой роще, где наши гости посмотрели, наконец, таких желанных для них птиц, как бурый голубь (*Columba eversmanni*), белокрылый дятел (*Dendrocopos leucopterus*), князёк (*Parus cyaneus*), бухарская синица (*Parus bokharensis*), саксаульный воробей (*Passer ammodendri*), орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*), а попутно – и многих других. Одним словом, уезжали дальше они с большим энтузиазмом. Поскольку на водоёмы я с ними поехать уже не мог, я нашёл им в качестве гида одного нашего орнитолога (фамилию называть не буду), который хорошо знал водных и околоводных птиц.

После их возвращения из Сорбулака мы все снова встретились – уже в городе, где по установившейся традиции они пригласили меня в ресторан на прощальный банкет. Так я получил первый практикум по работе с группой бёрдвотчеров в качестве гида – от их встречи до прощального банкета. Как и положено на такого рода мероприятиях, все пришли в своих лучших одеждах (насколько это возможно для полевиков) и были приятно удивлены, увидев меня «при параде». Весь вечер делились впечатлениями от поездки, обменивались визитками и сувенирами.

А под конец от имени всей группы Александр Тагирович выразил мне благодарность и крепко пожал руку; при этом я ощутил в этом рукопожатии что-то твёрдое. Догадавшись, что эту тайную передачу обнародовать не положено, я сунул её в карман и вскоре о ней забыл. Тем более, что при этом Саша

негромко сказал мне: «А Вы знаете, Ваш товарищ слабенько подготовлен». Фраза эта немало меня удивила, поскольку в своём протезе я был полностью уверен. Пришлось переспросить, в чём дело. Оказалось, что этот знаток околотовных птиц несколько раз «прокололся» в определении сухопутных воробьиных! Это послужило мне уроком на будущее – с бёрдвотчерами всегда надо держать ухо востро...

Дома я рассмотрел «передачу». Это оказались свёрнутые в очень тугую трубочку и многократно перетянутые резинкой (такое я раньше видел только в кино!) мелкие долларовые купюры на общую сумму 43 доллара! Это был мой первый честно заработанный гонорар гида орнитологического тура...

11 лет орнитологического туризма в Илийской долине (1997-2008)

В апреле 1997 года меня пригласил Даурен Валиев, брат знаменитого казахстанского альпиниста Казбека Валиева (с ним я познакомился в 1983 г.), и предложил долгосрочное сотрудничество. Я должен разработать постоянные маршруты для туров бёрдвотчеров, по которым сам же со своими сотрудниками буду затем ежегодно водить организованные группы орнитологических туристов.

Маршруты у меня были готовы ещё 4 года назад – историю эту я описал в одном из рассказов предыдущей книги (От Тянь-Шаня до Алтая) – и чтобы не повторять её здесь, укажу лишь вкратце основные точки. Суть в том, что из Алма-Аты хорошо доступны на машине как горы с их высокогорьями, так и пустынные участки Илийской долины. А именно в горах и пустынях обитают самые интересные птицы. Поэтому, чтобы за короткий срок (неделя-полторы) можно было увидеть и тех, и других, были выбраны четыре места: в горах – Большое Алматинское ущелье и сухие среднегорья в районе Сюгатинской долины и Чарынского каньона; в пустыне – Илийская котловина в районе Нурлы и низовья реки в районе Топарских озёр и Джельтуранги. Вместе они вполне покрывали потребность бёрдвотчеров в редких видах птиц, кроме одного – саксаульной сойки (*Podoces panderi ilensis*), обитающей в Южном Прибалхашье в 500 км к северу от Алма-Аты. Для того, чтобы её увидеть, нужна специальная поездка на несколько дней.

Тогда же, в апреле 1997 г. мы с Дауреном прошли все три маршрута на дауреновском джипе, засекая километраж и время его прохождения, выбирая места для постановки палаточных лагерей. Фирма Валиевых называлась «МАЛ Хан-Тенгри» – Международный альпинистский лагерь Хан-Тенгри. Сам МАЛ располагался в долине реки Каркара, и я вспомнил, как мы в 1989 г., проводя учёт серпоклюва с вертолётки, внезапно вышли на красочные, современного зарубежного покроя палатки этого международного лагеря. Располагая достаточным количеством лагерного снаряжения и рабочей силой в виде молодых ребят, туристов и альпинистов, фирма серьёзно взялась за новый вид бизнеса.

Мне очень нравился грамотный подход к организации столь сложного дела. Даурен сам разработал рацион для туристов, тщательно выверяя количество калорий и учитывая вкусы современных иностранных туристов (непрерывный йогурт, сыр, фрукты и т.д.). Организационные дела держались на нём и его помощнице, молоденькой девушке Юле Екимсевой, которая вела телефонные переговоры, электронную переписку, работу по оформлению виз и бронированию мест в гостиницах. А когда начали приезжать группы, то именно Юля встречала их в аэропорту, размещала в гостиницах и руководила водителями автобусов, загружающими провиант на очередной многодневный маршрут. Даурен решал вопросы с пропусками в пограничную зону, доходя до высших чинов КГБ и МВД, лично договаривался с Институтом иностранных языков о поставке их студентов для работы переводчиками и командовал строителями бивуаков, поварами и прочей рабсилой. Они с Казбеком завели дружбу с представителями австрийских авиалиний в Казахстане, обещая им преимущество в перевозке своих туристов, наладили рекламу за рубежом по всем доступным каналам, в том числе и выезжая в Англию на сборища бёрдвотчеров.

Надо сказать, что орнитологический туризм был только частью их бизнеса, всего лишь новинкой – так же, как и цветочные туры. Одновременно, помимо альпинизма и спортивного туризма, они занялись организацией так называемого «фишинга» в дельте реки Или, где водились рекордных размеров сомы, а также делали попытки вывоза в горы на вертолётах горнолыжников (так называемые «Heli-Sky»). Реклама всего этого была красочно записана на компакт-диске, который они усиленно распространяли. Лишь некоторое время спустя я узнал, что всю эту рекламную продукцию им сделал Олег Белялов.

Рис. 442 и 443. Дождевой сель с гор Богуты достиг трасы «Нурлы – Чарын» в долине Или. Апрель 1997 г.

Рис. 444. Левобережная старица в авандельте Или. Рис. 445. Трасса в Топар через Таукумы. Вдоль трассы видна ЛЭП, которая исчезла уже через пару лет – сначала провода, а затем – и столбы. Апрель 1997.

Когда подготовка к орнитологическим турам была закончена, Казбек и Даурен сказали мне, что наступил решающий момент – вывоз на пробный маршрут туроператоров, представителей крупных европейских клубов бёрдвочеров. От того, понравится ли им наш недельный маршрут (включая высокогорье на Космостанции, пески Таукум с туранговой рощей, Сорбулак с его водоплавающими птицами и Чарынский каньон), будет зависеть дальнейшая судьба нашей орнито-туристической деятельности.

В начале мая 1997 г. мы с представителями английских фирм («Naturetrek» David G.H. Mills; «Sunbird» Steve Rooke; «Ornitholidays» Simon Boyes; «Birdline East Anglia & Wildlife Tourism» David Holman) и руководством австрийских авиакомпаний (которые тоже оказались любителями птиц) на целой веренице машин выехали по указанному маршруту. Рацион в этот раз был повышен, изобилие фруктов дополнялось местными винами и крепкими напитками, которые хорошо оттеняли орнитологические впечатления каждого дня. Удалось показать им практически всё из намеченного – от серпоклюва (*Ibidorhyncha struthersii*), темнобрюхого улара (*Tetraogallus himalayensis*) и расписной синички (*Leptopoeile sophiae*) в высокогорье до джека (*Chlamydotis undulata*), рябков (*Pterocles orientalis*, *Syrrhaptes paradoxus*), белокрылого дятла (*Dendrocopos leucoptera*) и бурого голубя (*Columba eversmanni*) в пустыне.

Рис. 446 и 447. Барханчики в среднем течении р. Или и одно из Топарских озёр дельты. Май 1997 г.

Рис. 448 и 449. С туроператорами в Джельтуранге. Автор (2-й слева), Даурен (3-й) и Steve Rooke (2-й справа). Май 1997.

Туроператоры были в восторге, а вместе с ними радовались и мы. Особенно оценили англичане то обстоятельство, что они смогли не только увидеть этих птиц, но и о каждой из них получить полную справку о распространении, характере пребывания на данной территории и биологических особенностях. Попутно они много расспрашивали о млекопитающих, пресмыкающихся и даже растениях. Словом, общение оказалось взаимно интересным и полезным (я, например, получил много поправок по части английских названий птиц, которые мы с Викторией поначалу брали из наших советских словарей и справочников). Немало интересного рассказывали некоторые из них о том, где встречаются и как ведут себя наши птицы на зимовках за рубежом.

На месте последней ночёвки, на берегу реки Чарын, в знаменитой роще реликтового ясеня (*Fraxinus sogdiana*) было устроено что-то вроде прощального банкета, на котором хорошо было видно, что поездка наша удалась. Но ещё лучше это проявилось в гостинице, куда мы вернулись лишь к ужину, а ночью гости уже разлетались. Многие из них сразу же после ужина изъявили желание подписать контракт с Хан-Тенгри сейчас же, не откладывая! Счастливый Даурен охотно взялся за это дело и отправил меня на машине домой, говоря, что дальнейшая рутинная канцелярская работа мне уже не интересна. Услышав от кого-то слова «август, сентябрь», я едва успел предупредить Даурена, что в эти месяцы мы им ничего толком показать не сможем, и что оптимальным временем для орнитологических туров у нас остаются май-июнь, а для цветочных – даже апрель-июнь. На прощанье наши новые друзья подарили мне со своими автографами великолепный определитель птиц Среднего Востока, которым я пользуюсь до сих пор.

Во второй половине мая 1998 г. началась сезонная служба гида орнитологических туров, проводимых фирмой «МАЛ Хан-Тенгри» – работа, продлившаяся 11 лет (по 2008 г. включительно). Первая группа Birdwatchers оказалась смешанной орнитолого-цветочной, в качестве ботанического гида в ней участвовала Анна Андреевна Иващенко. Алматинская часть этого тура началась на Б. Алматинском озере (конечно, с посещением Космостанции) и продолжалась по маршруту: река Копя – урочище Тамгалы – Таукумы (палаточный лагерь у Каншенгеля) – Топарские озера – Джельтуранга – Алма-Ата (ночёвка в гостинице «Отрар») – Нурлы – Коклекское ущелье – Сюгатинская долина – Чарынский каньон – Чарынская ясеневая роща. В пустыне больше всего их привлекали: дрофа-красотка (*Chlamydotis undulata*), рябки (*Pterocles alchata*, *P. orientalis*), особенно – саджа (*Syrrhaptes paradoxus*), каспийский зуёк (*Charadrius asiaticus*), пустынная славка (*Sylvia nana*), бурый голубь (*Columba eversmanni*), белокрылый дятел (*Dendrocopos leucopterus*), бухарская синица (*Parus bokharensis*), саксаульный воробей (*Passer ammodendri*).

Вторая часть этого двухнедельного тура приходилась на Западный Тянь-Шань, где с 28 мая по 2 июня мы посетили заповедник Аксу-Джабаглы, озеро Бийликоль и ущелье Беркара в Малом Каратау. По результатам этой поездки я представил фирме «Хан-Тенгри» свои рекомендации по улучшению дальнейшей работы: «Не объединять орнитологические и ботанические группы (разные интересы, разные места, зачастую – разное время сезона и суток). Так, орнитологам обязательно вставать рано (5-6 час), а ботаникам это ни к чему, в это время как раз роса. В Аксу-Джабаглы ботаникам лучше всего ездить в апреле-мае, когда идёт массовое цветение наиболее интересных видов растений, а для орнитологов лучше в июне и даже июле, когда доступны высокогорья и населяющие их птицы.

Рис. 450. Терескенники Каншенгеля у лагеря. Июнь 1998. **Рис. 451.** В песках Таукум, июнь 1998.

Рис. 452. Или в Капчагайской теснине. **Рис. 453.** Река Или в низовьях, июнь 1998.

Рис. 454. Роща Джельтуранга. Июнь 1998.

Рис. 455. Рисовые чеки близ Баканаса. Июнь 1998.

Со второй группой (турлидер Дэвид Холман) мы, помимо обычного маршрута «горы – пустыня» 10-13 июня совершили поездку по Южному Прибалхашью в поисках саджи (*Syrrhaptes paradoxus*) в Тортайкудуке и саксаульной сойки (*Podoces panderi ilensis*) в Баканасской лесной даче на правом берегу низовьев р. Или. Несмотря на то, что нам удалось и встретить саджу, и найти два пустых гнезда сойки, пришлось признать этот маршрут нерациональным: «Баканасское место для показа саксаульной сойки не годится: хотя оно и ближе, чем Карой, но езда по рисовым чекам ненадёжна и утомительна, в случае дождя оттуда можно и не выбраться вовремя. К тому же увидеть там сойку более проблематично, чем в Карое». И ещё несколько соображений представил я фирме по результатам первого сезона: «а). В пустыне желательно разбивать лагерь как можно ближе к местам экскурсии (идеально – Каншенгель, ясеновая роща). Лагерь в 23 км от саксаульной сойки не дал возможности съездить к ней второй раз – утром на следующий день, когда шанс увидеть её был больше. б). Кухонную палатку и КамАЗ в лагере надо располагать как можно дальше от спальных палаток, чтобы клиенты могли выспаться». Последнее замечание было вызвано тем, что обслуживающие лагерь молодые ребята, туристы и альпинисты, считали себя хозяевами лагеря и никак не могли понять, что настоящими хозяевами являются оплатившие всё гости, которые за свой 20-часовой день в непривычных климатических условиях уставали так, что нуждались в полноценном отдыхе – сужу по себе.

Рис. 456 и 457. Лагерь Хан-Тенгри среди терескенников в Каншенгеле. Май и июнь 1999 г.

Рис. 458 и 459. Артезиан у лагеря и летящие к нему на водопой белобрюхие рябки. Май 1999 г.

Рис. 460 и 461. Наскальные рисунки урочища Тамгалы (Анархай, Чу-Илийские горы). Май 1999 г.

Рис. 462. Лепное гнездо скального поползня. Тамгалы. Рис. 463. Пролётные журавли-красавки. Май 1999 г.

В следующем 1999 г. в мае-июне я провёл два тура с группами Birdwatchers из английских клубов «Ornitholidays» и «Naturetrek». Параллельно группы из других клубов водила моя дочь Виктория. Особенно она сдружилась с клубом «Sunbird», постоянный представитель которого Steve Roock в своих рекламных изданиях даже поставил её вторым турлидером.

Поскольку опыт первого года, когда мы разбивали палаточный лагерь прямо в Чарынской ясеновой роще, оказался не совсем удачным и даже рискованным (помню, как пришедшие за туристами вездеходы не смогли преодолеть 100 м солончака, и всем нам пришлось переносить на руках лагерное снаряжение наверх каньона), то Даурен Валиев ещё 18 апреля 1998 г. отправлял нас с Викой и Олега Гриднева с водителем красного «Форда» Димой в каньон Чарына на поиски более подходящего варианта. В процессе этих поисков Вика нашла на ясене долгожданное гнездо чёрного аиста (*Ciconia nigra*), которое так нужно было мне для совместных работ с чехами.

Тогда же мы встретили в ясеновой роще директора Уйгурского лесхоза Камильжана Абдрашитовича Юлдашева, который подтвердил, что здесь два года назад появились два гнезда чёрного аиста на деревьях. Кстати, он же решил и нашу проблему с ночёвкой в Чарынской ясеновой роще, предложив для двухдневных

ночёвок пустующую «Кунаевскую дачу» – великолепную усадьбу прямо в роще, с вполне приличной кухней и двухэтажными спальными помещениями. И в 1999 г., как и в нескольких последующих, мы так и делали, даже несмотря на то, что для заезда на территорию дачи приходилось проезжать через мост с пограничным КПП (пригодилась дружба с генералами). И лишь через несколько лет, когда условия обслуживания здесь заметно ухудшились, как и отношения с руководством лесхоза, нам пришлось переносить лагерь на Баратагойское вдхр.

В самые первые годы (1998-1999) мы старались обязательно свозить каждую группу на берег реки Или в районе её авандельты (напротив Поющего бархана), где в туранговой роще можно было показать им целый набор пустынных раритетов (белокрылый дятел, бурый голубь, саксаульный воробей, бухарская синица и др.). А так как проехать туда можно было только на вездеходе или тракторе, то делалось это так: группу привозили на обычном автобусе до села Бурандысу, где её ожидал КамАЗ, который и проделывал последние 22 км. Конечно, езда в этой «вахтовке» была, мягко говоря, не комфортабельной, но поскольку расстояние было коротким, а ожидаемое удовольствие – очень большим, то привычные к путешествиям туристы воспринимали это как своего рода приключение. Хотя случались и нарекания.

Рис. 464. Авандельта реки Или с Поющим барханом на её правом берегу. Май 1999 г.

Всего на недельном маршруте первой группы мне удалось показать им представителей 162 видов птиц, в том числе практически всех тех, ради которых они в основном и приезжали. А пристрастия были самые разные. Одному главное было – увидеть бурого голубя (*Columba eversmanni*), другому – саксаульного воробья (*Passer ammodendri*), третьему – серпоклюва (*Ibidorhyncha struthersii*). Но две птицы были вне конкуренции – ими «болели» абсолютно все. Это саджа (*Syrrhaptes paradoxus*) и каспийский зуёк (*Charadrius asiaticus*), последний по-английски называется Caspian Plover. Никогда не забуду, как один из турлидеров на вопрос туриста-новичка, усомнившегося в достоинствах Caspian Plover (что в нём особенного?), ответил так: «В жизни есть три высших удовольствия: *первое* – вкусная еда (он поднял горизонтально левую ладонь), *второе* – секс (он поднял правую ладонь над левой) и *третье* – Caspian Plover (левая ладонь – выше правой)»! После такого наглядного объяснения вопрос был исчерпан...

Что касается моих впечатлений как гида, то недельная поездка с людьми, которые влюблены в птиц, чрезвычайно интересна. Но в то же время – это неделя постоянного напряжения, когда ты практически не принадлежишь себе (за исключением 5-6 часов сна). Всё остальное время ты с группой и должен отвечать на все вопросы – вплоть до тех, которые касаются этнографии, лингвистики, истории края, экономики и политики. Я уже не говорю о вопросах по любым животным, помимо птиц, а также по растениям. Хорошо, когда тур смешанный и ботанические вопросы сами собой отпадают. Зато за неделю вот такого напряжения я чувствовал себя подтянутым, как после очередных армейских сборов...

Рис. 465. Наблюдения за птицами у разливов артезиана близ села Каншенгель, май 2001 г.

Рис. 466. Поиски неуловимого каспийского зуйка на глинистой равнине. Каншенгель, май 2001 г.

Поцелуй щитомордника (май 2000)

Начало третьего сезона (2000 год) оказалось для меня неудачным. Первые пять дней в низовьях Или прошли успешно, группа была прекрасной и нам сопутствовала удача. Но в пасмурный день 21 мая (таки пролившийся дождём) на обратном пути из Каншенгеля в город через Анархай и Копу мне крупно не повезло: желая показать туристам очень большую самку щитомордника (*Agkistrodon halys*), я взял первую подвернувшуюся палочку, чтобы прижать голову змеи к земле, но предательская палочка сломалась в самый ответственный момент, когда я уже брал змею сзади головы. Укус был моментальным и боли я не почувствовал – только изумление, что со мной такое могло случиться (до этого случая я переловил не один десяток змей и был в себе уверен). Случилось это 21 мая близ станции Копы.

Мы всей группой покинули автобус и ожидали под дождём, когда водитель накачает спустившее колесо. Здесь-то это и произошло. Колесо было уже накачано, и мы поехали в город. Но едва отъехали 50 м, как спустило второе, и мне пришлось 120 км до города добираться на попутных машинах, поскольку рука сильно отекала и надо было что-то срочно делать. Один из предприимчивых туристов, американец, предложил мне ром, другой – виски, но старушка-англичанка умоляла этого не делать. Я и сам знал, что спиртное в таких случаях только ухудшает состояние.

Вместе со мной до города отправили Анну Андреевну Иващенко (тур опять был смешанный), а подобравший нас водитель легковой машины, оказавшийся священником православной церкви из города Токмак в Киргизии, смог доехать только до бишкекской трассы, где он поворачивал на запад, а нам оставалось ещё 102 км на восток. Но он проявил настойчивость, высадив нас около поста ГАИ и потребовав, чтобы дежурный этого поста обязательно отправил нас в город с первой же машиной.

В городе я обратился в свою привычную «совминовскую» больницу, к которой был приписан уже 20 лет, но они сразу же отправили в специализированный токсикологический центр. И вот здесь на мой невинный вопрос, есть ли у них сыворотка против змеиного яда, принимавший меня врач прочитал мне целую лекцию о том, что змеиный яд имеет белковое происхождение и т.д., и т.п., а закончил её гениальными словами: «Именно поэтому мы не применяем противозмеиную сыворотку, тем более, что её у нас и нет». После чего отправил меня под капельницу, пообещав, что через день-два я уже буду дома. Однако он ошибся – продержали меня они почти неделю! То ли очень уж постаралась эта щитомордиха, то ли я был

нужен им как экспонат «первого укушенного в этом сезоне» (как я ни отказывался, они умудрились даже организовать видеосъёмку для городского телевидения, пообещав, что лицо снимать не будут, а только руку), но наш герпетолог Зоя Карповна Брушко (1931-2023) умудрилась узнать меня и по руке (а скорее всего – по голосу).

Как бы там ни было, моя группа заканчивала свой тур без меня...

*****

Наступил XXI век, и полевой сезон каждого года начинался майскими поездками с бёрдвотчерами. И несмотря на то, что из года в год они проходили по накатанным маршрутам, где, казалось бы, ничего нового не увидишь, всё равно это было прекрасно, потому что денег на научные экспедиции нам уже давно не отпускали или же это были такие крохи, что их едва хватало на один кратковременный выезд. А так любая недельная поездка давала хоть какой-то (иногда – очень существенный) материал полевых наблюдений.

Рис. 467. А.А. Иващенко и автор около чудо-кара на базе вахтовки, наверху Олег Гриднев. 2005 г. *Фото Олега Белялова*

Рис. 468. Три поколения казахстанских гидов (автор, дочь и внука). Лагерь в Каншенгеле. 2005 г. *Фото Олега Белялова*

Организаторы орнитологических туров в «Хан-Тенгри» постоянно старались совершенствовать даже технику. Так появился чудо-кар – огромная машина на базе вахтовки с хорошей проходимостью и обзором за счёт высокого положения пассажира и больших окон (рис. 467). Менялись (иногда просто упрощались) и организационные моменты, что не всегда было заметно постороннему глазу, но всегда – на пользу делу. Поэтому мне было интересно и комфортно работать с ними, а во время этих «стандартных» недельных поездок, помимо птиц, постоянно удавалось наблюдать и многое другое (рис. 469-472).

Рис. 469 и 470. Среднеазиатская черепаха и её фотографирование. Май 2005 и 2006 гг. *Фото Э. Мальцевой и автора*

Рис. 471 и 472. Быстрая ящурка (*Eremias velox*) и круглоголовка Алфераки (*Phrynocephalus alpherakii*). Глинистая пустыня, Илийская котловина в районе Нурлы – Бурандысу. Май 2005 г. Фото Элины Мальцевой

Рис. 473 и 474. Массовая гибель рыбы (сазана) на Большом Сорбулаке. 15 мая 2006 года.

Удручающую картину массовой гибели рыбы, в основном сазана, в водоеме-отстойнике сточных вод Сорбулак (рис. 473-474) мы наблюдали только раз за 11 лет – видимо всё же явление это очень редкое.

Зато орнитологические новинки среди мигрирующих птиц (в мае летят многие поздне-пролётные виды) – отнюдь не редкость. Так в **2007** году 11-17 и 19-25 мая я провёл по стандартным кольцевым маршрутам две группы туристов английского клуба «Naturetrek», с которыми мы отметили около 200 видов птиц, почти треть из которых были мигрантами. По некоторым видам определенный интерес представляют даты и места встреч. Самые интересные встречи: в полдень 24 мая над Жельтурангой – стая из 96 взрослых кудрявых пеликанов (*Pelecanus crispus*); над Топаром – два малых баклана (*Phalacrocorax pygmaeus*); над низкими горами между Тамгалами и равниной Жусандала 23 мая – три хохлатых осоеда (*Pernis ptilorhynchus*); большой подорлик (*Aquila clanga*) – один над Тамгалами 15 мая, еще два над Каншенгелем 24 мая. После неоднократных регистраций буланой совки (*Otus brucei*) по голосу мне, наконец, удалось 24 мая встретить одну в Джельтуранге. Птица сидела неподвижно среди сухих веток в кроне старой туранги и позволила всей группе рассматривать и фотографировать себя в течение получаса. Пустынный сорокопут (*Lanius pallidirostris*) – практически перестал встречаться в песках Таукум вдоль трассы от Каншенгеля до Топара, где ещё 10 лет назад (когда здесь проходила высоковольтная линия электропередач), мы насчитывали до 10-15 взрослых птиц, а случалось – и находили гнёзда в кустах на обочине дороги. Теперь за 4 поездки по этой трассе 16 и 24 мая 2007 г. (около 100 км в один конец, до Жельтуранги) мы не встретили **ни одного**, даже при специальных поисках во время остановок.

Рис. 475. Утро, у водопоя рябков. Каншенгель. **Рис. 476.** Массовое цветение маков. 15 мая 2006 г.

Рис. 477. Полдень в лагере, сиеста. Каншенгель, май 2005 г. **Рис. 478.** Закат в пустыне, конец наблюдений.

*****

Эти поездки настолько увлекательны, что иногда, когда выбиралось свободное время, я охотно брался за сопровождение других орнитологических групп. Из них особенно запомнились две поездки – в июне 2005 и в мае 2006 г., и обе группы прибыли к нам из Киргизии. Группу орнитологических туристов из Дании направили ко мне мои новых знакомые Люба и Александр Даничкины, турфирма их располагалась на юго-восточном берегу Иссык-Куля, в Тамге, где мы встретились и познакомились в конце лета 2004 г.

С 10 по 15 июня **2005** г. с группой орнитологических туристов датского клуба «Miksture» в составе 9 человек (в их числе – одна француженка и один бельгиец) во главе с директором фирмы Michael Westerbjerg Andersen, мы проехали по маршруту: Алматы – Сорбулак – Каншенгель – Топарские озера – Джельтуранга – Баканас – Малайсары – р. Или ниже Капчагайского вдхр. – Новоалексеевка – Чилик – Нурлы – Бурандысу – Кокпекское ущелье – Сюгатинская долина – Бартагойское вдхр. – Кокпекское ущелье – с. Чилик – Красный каньон Чарына – Кегень – Каркара – Тюпский залив – город Каракол (бывший Пржевальск).

Группа приехала на мощной «вахтовке» на базе ЗИЛ (рис. 479), возглавляли её Майкл Андерсен и Люба Даничкина, которая сама готовила пищу и кормила гостей. Обстановка в группе была очень благожелательная, особенно приятно было работать с Майклом Андерсеном, который, будучи не только директором фирмы, но и прекрасным орнитологом, имел покладистый, общительный характер. За 6 дней этой поездки по пустынным, полупустынным и низкогорным ландшафтам нам удалось наблюдать птиц 126 видов, многие из которых были новыми для членов этой группы. Для меня же самыми интересными были встречи птиц в неожиданных местах или в необычные сроки.

Рис. 479 и 480. Группа Майкла Андерсена за работой и за обедом. Каншенгель, июнь 2005 г.

Рис. 481 и 482. Лагерь датской группы М. Андерсена и восход солнца в Джельтуранге. Июнь 2005.

Так, вечером 11 июня над рощей Джельтуранга, где мы ночевали, летал взрослый орёл-карлик (*Hieraeetus pennatus*) белой морфы и здесь же, на старой туранге, обнаружено гнездо – возможно, принадлежавшее этому виду. Утром того же дня у южной кромки песков Таукум встречены 4 одиночные дрофы-красотки (*Chlamydotis undulata*) и два полуоперённых птенца величиной с перепёлку (когда торопятся убежать, то падают на грудь); около обоих птенцов было по одному взрослому. В Джельтуранге мы насчитали аж 23 бурых голубя (*Columba eversmanni*). Воркование этого голубя – издаваемые с нарастающей экспрессией звуки «пугу-пугу-пугу». Они напоминают миниатюрную копию голоса филина и могут быть приняты за голос пустынной совки, что необходимо учитывать при их регистрации. Поющий самец сидит неподвижно на сухой ветке туранги, обычно грудью к восходящему солнцу, и при пении хорошо видно, как раздувается его зоб и движутся блестящие зелёные перья по бокам шеи. Здесь же утром 12 июня Майкл Андерсен и другие члены группы отметили по голосам трёх пустынных совков (*Otus brucei*).

В Кокпекском ущелье явно стало больше овсянок Стюарта (*Emberiza stewarti*) – 14 июня мы отметили 8 птиц, в т.ч. четырёх поющих самцов. В том же ущелье 14 июня яркий самец и самка соловья-белошейки (*Irania gutturalis*) носили корм в один из кустов, растущих на дне узкой каменной теснины – в том же месте, где в 2003 г. их встретил Алтын Джаныспаев. В Тюпском ущелье мы наблюдали трёх поющих самцов белошапочной овсянки (*Emberiza leucocephalus*) в том же месте, где М. Андерсен встречал их год назад – на открытом луговом склоне юго-восточной экспозиции с редкими кустарниками. Песня у всех трёх была стандартной: начало её – 5-6-кратный писк, больше всего напоминающий сигнал автоспуска у фотоаппарата (пипипипи), только ещё более частое, почти непрерывное, а заканчивается песня рюмлением на высокой ноте – «цззззюююииии» (звук несколько грубее, чем концовка песни у обыкновенной овсянки).

Интересно, что, несмотря на середину лета, на маршруте были встречены и явно пролётные птицы. Так, 13 июня над долиной Или, в районе Поющего бархана, кружились на большой высоте два хохлатых

осоода (*Pernis ptilorhynchus*). Широкая вершинная чёрная полоса на хвосте была хорошо видна у обоих, а ближе к основанию имелись ещё две полосы поуже; снизу одна из птиц была поперечно-полосатой, вторую рассмотреть не удалось. Кружась, осоеды улетели через Калканы на восток-северо-восток. На карагачах Каншенгеля, у южной кромки песков Таукум, ещё 11 июня отмечены тусклая зарничка (*Phylloscopus humei*), серая мухоловка (*Muscicapa striata*) и малая мухоловка (*Ficedula parva*). Последняя, взрослая самка, была хорошо рассмотрена с близкого расстояния всеми членами группы, а Майклу Андерсену удалось её даже сфотографировать.

*****

В 2006 г. 7 мая из Киргизии на своей машине прибыли Сергей Кулагин, Анара и водитель Володя с двумя туристами из Германии – Фритьофом и Антье; с которыми мы проделали 4-дневный маршрут. С нами поехала также наша новая аспирантка Гюльнара Мухтар, которая только начала заниматься среднеазиатской черепахой и должна была в этой поездке овладевать азами герпетологии. Проехав из Алматы через Сорбулак, Каншенгель и Топар в Жельтурангу, мы по кунаевскому мосту перебрались на правый берег Или и вышли в пустыню Сарыишикотрау, где заночевали у бугра Кокдомбак.

Несмотря на холодную погоду с дождями, птиц мы видели немало. Так, на Топарских озёрах 8 мая мы насчитали 11 белоглазых нырков (*Nyroca nyroca*), в тот же день над Жельтурангой несколько раз встречен орел-карлик (*Hieraaetus pennatus*) светлой фазы, а на Сорбулаке 7 мая – целая стая из 77 журавлей-красавок (*Anthropoides virgo*). Пустынный ворон (*Corvus ruficollis*), ставший в последние годы большой редкостью, встречен 9 мая у бугра Кокдомбак близ села Коктал. Самыми интересными орнитологическими встречами были саджи (*Syrrhaptes paradoxus*), саксаульные воробьи (*Passer ammodendri*), белокрылые дятлы (*Dendrocopus leucopterus*) и зелёные шурки (*Merops persicus*); немало встретили и степных черепах.

Рис. 483 и 484. Расположение гнезда ласточки-касатки в колодце. 7 мая 2006 г. Каншенгель.

Рис. 485 и 486. Розовые скворцы на фоне машины с «гробиком» и полевой обед. 9 мая 2006 г.

Все дни шёл массовый пролёт розовых скворцов (*Pastor roseus*) стаями до 100-200 особей, но колония в каменной дамбе Сорбулака 7 мая ещё не была занята. На кромке песков Таукум в одном из сухих колодцев нашли гнездо деревенской ласточки, или касатки (*Hirundo rustica*), прилепленное к округлой бетонной поверхности вертикальной шахты колодца (рис. 483-484) примерно в 1-1.5 м ниже уровня земли. Здесь было явно прохладнее, чем на поверхности, среди раскалённого песка. А пустыня только начала местами полыхать красными полянами расцветающих диких маков (рис. 476); это самое лучшее здесь время года.

На обратном пути запомнился комический случай. Наш водитель Володя всё время переживал, что при пересечении границы не поставил на свой путевой лист **две** печати, что означало бы регистрацию транспортного средства на месяц, тогда как при одной печати он мог находиться на территории Казахстана всего 5 дней. И вот на мосту через р. Или в Капчагае нас остановила дорожная полиция. Пока люди в форме не спеша подходили к нашей машине, Володя, достав документы, ругал себя последними словами. Но выручил «гробик» – небольшой похожий на гроб плоский закрытый прицеп, который когда-то подарил им Торстен Хардер; в нём помещалась часть лагерного имущества. Как только полицейские увидели его, старший тут же обругал младшего по званию: «Зачем ты остановил? Ты что не видишь – это груз-200!» и махнул нам – «можете ехать дальше». Так я узнал, что такое «груз-200» (как объяснил Володя – это покойники на войне). В тот же день вечером эта мини-группа улетела самолётом в Астану – смотреть фламинго и других водоплавающих и околоводных птиц.

*****

Очень много впечатлений вместили эти 11 лет поездок по Илийской долине: прекрасные ландшафты, незабываемые встречи с птицами и интересными людьми. Так, например, знаменитую рощу Джельтуранга в дельте Или нам удалось застать ещё в её лучшем виде. Жаль, что в другие сезоны года практически не приходилось работать в Илийской долине. У меня сохранились лишь пару фотографий за декабрь 1983 года, когда мы проводили учёт джейранов с вертолёт (рис. 487-488).

Рис. 487. Слева – Д.А. Бланк, Р.Г. Пфедфер, А.Ф. Ковшарь, Б.М. Губин. Баканас, декабрь 1983. Фото А. Жатканбаева

Рис. 488. Заснеженные саксаульники Баканасской равнины зимой. Декабрь 1983 г. с вертолёт МИ-8

7 октября 2023 г. – 11 апреля 2024 г.

10. Экспедиция на Устюрт через Узбекистан (апрель-май 1990)

Рис. 489. Западный чинк Устюрта, урочище Тузбаир. *Фото Олега Белялова*

Рис. 490. Западный чинк Устюрта и останцы. *Фото Олега Белялова*

В длинной череде событий 1990 года самым главным из них для меня была экспедиция на Устюрт и Мангышлак, о которой я мечтал с первого дня создания лаборатории, но как самую дальнюю и сложную непроизвольно откладывал каждый год. Теперь пришло время осуществить эту мечту, тем более, что на работу в нашу лабораторию перешёл Костя Плахов, который ряд лет проработал в Устюртском заповеднике после окончания КазГУ (я хорошо помнил его ещё студентом на занятиях по спецкурсу «орнитология»). Вторым участником нашего коллектива стал наш герпетолог Рудольф Кубыкин (1937-2001).

Таким «тройным» составом – орнитолог, териолог, герпетолог – и выехали мы 18 апреля 1990 г. из Алма-Аты на автобазовской ГАЗ-66 № 60-73 АТП с новым водителем – молодым парнем по имени Беказат. И, как у любимого мною Джерома Клапки Джерома, в нашей команде была и собака – любимчик Кости по имени Снаб. Нам предстояла грандиозная поездка – через Узбекистан и Каракалпакию на Устюрт и Мангышлак, а затем вокруг северного берега Аральского моря и вдоль Сырдарьи. Правда, обратный путь мне был уже недоступен: директор института А.М. Дубицкий (1932-1998) категорически не согласился отпустить меня на весь двухмесячный срок, сказав: «Месяц – и ни одного дня больше. Ты мне нужен здесь».

Это единственное, что омрачало поездку, но я успокаивал себя тем, что месяц – это тоже не так уж мало, тем более, что Устюрт и Мангышлак я всё же увижу. Пришлось по телефону попросить мангышлакского облохотинспектора Виктора Георгиевича Ракитина взять мне обратный билет на самолёт из города Шевченко (ныне – Актау) на 19 мая. Только тогда я получил долгожданное командировочное удостоверение и смог ехать. В Алма-Ате 18 апреля с ночи и весь день лил дождь, под которым мы только в 16 часов выехали из города. Дождь сопровождал нас до самого Курдайского перевала, лишь на Актереке на короткое время выглянуло солнышко. На ночь стали в лесополосе почти на окраине Георгиевки (ныне – с. Кордай), где дождь поливал нас и всю ночь... Странно было слышать под дождём голоса журавлей, летящих в полной темноте в половине десятого!

Рано утром мы свернули на р. Чу и дальше дорога шла полупустыней. Светило яркое солнце после дождя, и на восток большими стаями летели журавли-красавки: 300, 100, 100 – всего около полутора тысяч. По пути до Аспары встретили ещё 10 журавлиных стай. Шёл массовый пролёт журавлей. Минувя по объездной дороге город Джамбул (ныне Тараз), мы прошли восточными предгорьями Малого Каратау и на закате были удостоены зрелищем Джамбулского новofосфорного завода, извергающего в небо клубы дыма и пара (рис. 491). Поздно вечером остановились на ночь у Евгения Михайловича Белоусова в Новониколаевке (заповедник Аксу-Джабаглы). Утром увидели, что все горы занесены снегом – до самых подножий (рис. 492). Но сверху сияло ясное весеннее солнце, и мы отправились в свой дальний путь.

Рис. 491 и 492. Контрасты нашего времени: фосфорный завод в Таразе и белоснежные вершины Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы), расположенные всего в 40-50 км к югу; на их фоне – станция Абаил. 19 апреля 1990.

Следующая ночь застала нас перед Самаркандом, где мы под проливным дождём никак не могли найти места для ночёвки, а спать надо было обязательно хотя бы водителю, который находился бессменно за рулём уже более 10 часов подряд. Мои надежды дотянуть до Зеравшанского заповедника пошли прахом: посёлок Джамбай, где находится его центральная усадьба, мы проезжали в полночь...

Поэтому свернули на первую же просёлочную дорогу, которая увела нас на полкилометра в гору от трассы и уткнулась в какое-то селение. Не доезжая до него метров 100, мы остановились и решили поспать прямо в машине. Но не тут-то было! Едва только я перелез из кабины в кузов, где все уже дрыхли, включая собаку (а Беказат стал разворачивать свой гамак – очень удобное приспособление в кабине ГАЗ-66!), как услышал гул приближающихся голосов. Из-под тента смутно видна была какая-то толпа, окружавшая нашу машину. Голоса нарастали и, наконец, кто-то оттуда крикнул по-русски: «Кто такие? Почему здесь стали?».

Беказат стал говорить, что мы экспедиция из Алма-Аты, едем на Устюрт и остановились на ночёвку. В ответ послышалось угрожающее: «Что ты нам зубы заговариваешь – где Алма-Ата, а где Самарканд? Признавайся, зачем приехал в наше село?!». Испуганный Беказат закричал: «Правда, из Алма-Аты, мамой клянусь!» и заговорил по-казахски. Ему ответили: «Ты маму оставь в покое» и стали зажигать спички, чтобы рассмотреть на борту номер машины. А у нас в кузове к заднему борту была привязана полная бочка с бензином. Спички только и не хватало! Пришлось подавать голос из кузова. Сразу переспросили: «А сколько вас там? Оружие есть?». Про экспедицию снова не поверили и, наконец, выложили причину своего переполоха: «Вы, наверное, турки-месхетинцы – хотите сжечь наше село. Днями к соседнему селу на такой же машине приехали месхетинцы и сожгли несколько домов». Тогда в Узбекистане как раз начались межэтнические разборки, и слова «турки-месхетинцы» были всем знакомы из газет.

Дело явно принимало скверный оборот: страсти толпы накалялись, и от угроз она могла перейти к действию. Пришлось заявить, что под дождём ночью мы никуда не поедem, а если они нам не верят – пусть вызывают милицию! Гул толпы начал потихоньку стихать – может, действительно, пошли за милицией. Постепенно усталость взяла верх, и в ожидании милиции я уснул, как убитый. Разбудил меня Беказат, который уже свернул свой гамак и предлагал, пока ещё не совсем рассвело, убираться отсюда. Стоило мне перелезть в кабину, как он тут же дал газ. Уже через несколько минут мы вышли на трассу и на предельной скорости понеслись на запад. Спящий Самарканд проскочили без остановки.

Рассвело, погода улучшилась и после 9 час даже стало припекать солнце. А вскоре раздался стук в заднее стекло кабины, и высунувшаяся из-под переднего тента небритая физиономия Рудольфа зло спросила: «А жрать мы будем? Или так и будем мчаться по дороге?». Это привело нас в себя, и около первой же придорожной чайханы мы остановились, привели себя в порядок и позавтракали. Здесь же в маленьком соседнем магазинчике я увидел продающиеся тюбетейки и одну купил – чтобы быть, как узбек!.. На первых порах это действительно помогало, но через пару дней, когда мы уже начали подъём на южный чинк Устюрта, водитель встречной машины, которую мы остановили, чтобы уточнить дорогу, сказал мне: «А ты, дед, сними тюбетейку – здесь узбеков не любят». Оказывается, мы въехали в зону проживания кочевников – казахов и туркмен...

Густонаселённая трасса за Самаркандом пестрела непривычными названиями населённых пунктов: Мирбазар, Голаба, Иттифок, Пулатчи, Зиадин, Сулув, Джалаир; а за городом Навои – Дурмен, Хазара, Гиждуван, Гаждумак, Лабируд, Вобкент, Шафиркан. Последний был мне знаком по прошлой поездке 10 лет назад в Джейраний питомник. В бесчисленных лавчонках у трассы чего только не продают. И при этом, как будто наслушавшись шуток-рассказов Михаила Задорнова, продавцы изошряются в названиях товара. Так, «басанечка» и «бостоношок» написаны крупными корявыми буквами около босоножек.

Птицы по пути встречались самые обычные – чаще всего майны, реже – шурки, грачи, галки. Лишь на месте ночёвки в зарослях тамариска за Бухарой удалось увидеть высоко в небе какого-то орла. Но за городом Газли 22 апреля мы вышли к Амударье (рис. 493) и дорога пошла вдоль песков с редким саксаулом; здесь стали встречать саксаульных соек (*Podoces panderi*), которые были хорошо видны как на верхушках кустов саксаула, так и бегущими по песку. На протяжении 90 км мы насчитали с автомобиля 8 соек.

Рис. 493 и 494. Амударья в низовьях и Южный (Каракалпакский) Устюрт у ст. Акшолок. 23 апреля 1990.

Вечером 22 апреля, миновав города Урткуль и Беруни, мы стали на ночь в небольших горюшках Султан-Увайс. Это пологие холмы из пестроцветных глин, покрытые галечниковым плащом и редкой полынью. Здесь токовали полевые коньки (*Anthus campestris*) и пели пустынные каменки (*Oenanthe deserti*). В полдень следующего дня миновали территорию заповедника Бадай-тугай и через час были в Нукусе – столице Каракалпакии. К вечеру приехали в Кунград, где отправили почту, заправились питьевой водой и поднялись на южный чинк Устюрта. Здесь у железнодорожной станции Акшолок (рис. 494) асфальт закончился – дальше пошла грунтовая дорога (глина, местами со щебёнкой).

На ночь стали на полынной равнине, мокрой после дождя. И здесь перевели часы на 2 часа назад – с зимнего на летнее декретное время. Мы ещё не успели привыкнуть к этому модному нововведению – менять время, как перчатки – а к тому же в нашей работе это было и не безболезненно, ведь любое научное исследование, связанное с суточной активностью животных, ставилось под удар, так как невозможно было установить, по какому из режимов проводил свои исследования ваш коллега (или, что ещё хуже, – информаторы, сообщавшие очень интересные сведения для сопоставления с вашими... Здесь в моей книжке записано: «Лёт термитов (более ½ бескрылые)», но более подробных записей, как и впечатлений, не сохранилось...

Рис. 495 и 496. Юго-Восточный (Каракалпакский) Устюрт, вдали виден чинк. 23 апреля 1990 г.

Рис. 497. Стрела-змея. Устюрт, Байшагыр, 26 апреля 1990 г. **Рис. 498.** Центр. Устюрт. Поилка для скота.

Утром 24 апреля солнце, взошедшее в 6 час 10 мин по новому летнему времени, возвестило, что пора начинать работу на Устюрте! Вокруг расстилась голая равнина. Растрескавшаяся глина с очень редкими маленькими камешками на поверхности всего лишь на 40-50% поросла кустиками какой-то полыни, караганы и курчавки; карагана уже покрылась листьями, а курчавка только начинала цвести.

Первой нас приветствовала перевязка (*Vormela peregusna*). Этот изумительно ярко раскрашенный хорёк, прячась за кустиками полыни и трижды становясь столбиком, подбежал прямо ко мне и минут 10 рассматривал с расстояния всего 12-13 м! Я счёл это хорошим знаком – значит, звери здесь не пуганные. Из птиц в этом месте и при движении на запад встречались в основном серые жаворонки (*Calandrella pispoleta*; сейчас – *rufescens*) и чернобоюхия рябки (*Pterocles orientalis*); реже – каспийские, или азиатские зуйки (*Charadrius asiaticus*), пустынные каменки (*Oenanthe deserti*) и пустынные славки (*Sylvia nana*). И только по одному разу встретили мы сажу (*Syrhaptes paradoxus*) и джека (*Chlamydotis undulata*), а в одном месте испугнули с земли даже чирка-трескунка (*Anas querquedula*), явно отставшего от пролётной стаи.

К вечеру на пути стали попадаться небольшие микро-чинки. Это был увал Карабаур, где мы остановились на ночёвку. Ночь была очень ясной и, я бы сказал, сверхзвёздной – давно уже я не видел, чтобы таким чётким был Млечный путь.

Утро 25 апреля выдалось ясным, тихим и с обильной росой (температура была где-то около нуля). Экскурсия по биюргунникам с редкими кустами саксаула, оказалась для меня очень интересной: помимо вчерашних видов я встретил вертлявую славку, или скотоцерку (*Scotocerca inquieta*), которую видел впервые! Появились пернатые хищники – курганник (*Buteo rufinus*) и степной орёл (*Aquila nipalensis*). А на кусте тамариска в западинке сидел очень светлый, почти белый домовый сыч пустынного подвида (*Athene noctua bactriana*). Только в 16 час оставили это интересное место и направились на северо-запад. К вечеру кое-как, после нескольких расспросов у чабанов, разыскали колодец Байшагыр и стали на ночь в полукилометре от него, на обширном заросшем такыре с кустиками саксаула.

В полдень 26 апреля выехали из Байшагыра, почему-то на юго-запад. На громадном Байментакыре (рис. 500-502) мне запомнилась одиночная каравайка (*Plegadis falcinellus*), летящая не выше 10 м над растрескавшейся сухой землёй. Оказалось, что недалеко сохранилось полувысохшее озерко, на котором мы увидели различных уток (кряква, широконоска, пеганка, огарь, чирок-свистунок), куликов (ходулочник, малый и морской зуйки, травник, чернозобик). Здесь же встретились три группы сайгаков (*Saiga tatarica*) – всего 59 особей. В 20 час остановились на ночёвку на полынно-биюргуновой равнине между колодцами Самамбет и Тулеп, в окружении 6 табунов лошадей – разбросанных по горизонту.

Утром 27 апреля встретили первую стаю серых журавлей, штук 30-40, летевших на запад на высоте полукилометра. Вообще пролёт птиц через пустыню был в разгаре, мы встречали здесь явно пролётных горихвосток-лысушек (*Phoenicurus phoenicurus*), пеночек-весничек (*Phylloscopus trochilus*), а в посёлке Тулеп нашли труп самца кваквы (*Nycticorax nycticorax*) – по рассказам местных жителей, её привезли неделю назад с буровой вышки ещё живой. Этот посёлок геофизиков существует с осени 1989 года. Здесь же мы обнаружили трупы разбившихся о провода малого погоныша (*Porzana parva*) и ушастой совы (*Asio otus*). Интересно было встретить группу из 4-х джеков, а также каменных воробьёв (*Petronia petronia*), которые носили корм птенцам под крышу металлического вагончика; ещё одно гнездо этого воробья с пуховыми птенцами нашли мы в колодце Узын.

Рис. 499. Карстовая воронка, Байшагыр, 25 апреля. Рис. 500. Наша машина на Байментакыре. 26 апреля.

Рис. 501 и 502. Общий вид Байментакыра и структура его поверхности. 26 апреля 1990 г.

К вечеру равнина перешла в холмистую предчинковую полосу, где растительность гуще и выше, больше эфемеров и местами попадаются куртины цветущей караганы. В наступающих сумерках мы подъехали к самому чинку, дорога какое-то время шла вдоль него, потом свернула на крутой каменистый спуск и вывела нас к трём капитальным домикам – стоянке скотоводов в урочище Кендерли (рис. 503). Была пятница – все люди уехали. В урочище Кендерли мы простояли три дня – до 1 мая (рис. 505-506).

Эта почти параллельная основному чинку долина шириной от 400-500 до 1000 м, имеет высоту бортов (своего рода чинков) от 50 м в своей верхней части до 100-150 м в нижней. Левый отрог долины, по которому я экскурсировал на всём протяжении, имеет ширину днища 100-150 м и занят редким молодым саксаульником с полынью; сверху сужается и превращается в ущелье (днище 10 м, высота склонов 20-30 м), которое замыкается «каменным мешком» высотой 8-10 м. В долине есть немало привлекательных для птиц биотопов: кроме щебнистых подчинковых участков здесь имеются небольшие саксаульники, маленькое озерко и заросли тамарикса около него.

Рис. 503 и 504. Урочище Кендерли со стоянкой скотоводов; каменистый участок днища и чинки вдаль.

Рис. 505 и 506. Наше пристанище в Кендерли – с 28-30 апреля 1990 г. Рудольф и Беказат.

Рис. 507. Вид на Кендерлисор. 29 апреля 1990 г. **Рис. 508.** Гнездо скотоцеры – в центре куста. 29 апреля.

Рис. 509 и 510. Место гнездования филина и люди у гнезда. Устюрт, Кендерли, 29 апреля 1990 г.

Рис. 511 и 512. Два разных гнезда филина с пуховыми птенцами. Кендерли, 29 апреля и 1 мая 1990 г.

Очень разнообразно в этом месте птичье население. Здесь не редкость крупные пернатые хищники – беркут (*Aquila chrysaetus*), курганник (*Buteo rufinus*), чёрный гриф (*Aegypius monachus*), стервятник (*Neophron percnopterus*). Нередок филин (*Bubo bubo*), два гнезда которого с птенцами осмотрели мы в нишах конгломератовых чинков (рис. 511-512). В одном из гнёзд и в нише рядом с ним Костя собрал остатки пищи птенцов (в основном кости) и по ним определил животных, которые стали жертвами филина. Ими оказались: корсак (*Vulpes corsac* – 1), заяц-толай (*Lepus tolai* – 3), ушастый ёж (*Hemiechinus auritus* – 40), большая песчанка (*Rhombomys opimus* – 21), краснохвостая песчанка (*Meriones libicus* – 24), малый тушканчик (*Allactaga elater* – 21), тушканчик Северцова (*Allactaga severtzovii* – 1), серый хомячок (*Cricetulus migratorius* – 11), жёлтый суслик (*Citellus fulvus* – 7), слепушонка (*Ellobius talpinus* – 6).

Здесь же мне удалось поближе познакомиться с вертялкой (*Scotocerca inquieta*) и найти два её гнезда с птенцами. На чинках много кекликов (*Alectoris chukar*), чёрных стрижей (*Apus apus*), розовых

скворцов (*Pastor roseus*), каменок-пleshанок (*Oenanthe pleschanka*), дважды встречена белогорлая форма – *Oenanthe pleschanka vittata*. Вообще с каменками этой группы разобраться очень сложно. Мне дважды попадались пары типичных черношейных каменок (*Oenanthe finschii*), а у некоторых самцов, определённых как пleshанка, на спине была только маленькая чёрная перемычка; песня у таких белоспинных самцов показалась мне сочнее и звонче, а окраска самой птицы – ярче, контрастнее: голова белая, а не пепельная, как это бывает у пleshанки. Так как я никогда не видел испанской каменки (*Oenanthe hispanica*), то не исключаю, что это была она. Утром 29 апреля на кустиках пытались петь только что появившиеся самцы желчных овсянок (*Emberiza bruniceps*), а встреченная на чинке пара рогатых жаворонков (*Eremophila alpestris*) имела полностью окружённое чёрным белое горло – точь-в-точь как обитающие в Тянь-Шане представители подвида *E.a. albigula*! Кроме обычных здесь чёрных стрижей около чинков мы встретили несколько крупных белобрюхих (*Apus melba*). И здесь же несколько раз попадались группы уриалов, или устьюртских муфлонов (*Ovis orientalis arcal*) – диких баранов, занесённых в Красную книгу Казахстана.

Празднование дня Международной солидарности трудящихся **1 мая** (тогда это был действительно народный, а не только официальный праздник!) состоялось на краю Западного чинка Устьюрта в 5 км от урочища Кендерли, где мы остановились на ночь. Праздник открылся в 21 час песнями под домбру, которые исполнил наш Беказат. Это тоже была для нас новинка – водитель с домброй, к тому же хороший певец. Выступление его, кроме нас, приветствовали 56 устьюртских муфлонов (35+9+6+4+2), поднявшихся с мест дневного отдыха под чинками, а также роскошный филин, вылетевший на охоту и пролетевший прямо над нашим праздничным столом. Утром 2 мая, кроме яркого солнца, нас встретил сильный юго-западный ветер. Птиц наверху, на равнине, не было видно совсем. Учёты на чинке дали также не очень богатый «улов»: полевой конёк (*Anthus campestris*), два вида стрижей (*Apus apus*, *Apus melba*), два вида каменок (*Oenanthe pleschanka*, *Oenanthe finschii*), рогатый и серый жаворонки (*Eremophila alpestris*, *Calandrella pispoleta*), а также несколько пустельг (*Falco tinnunculus*, *Falco naumanni*) и степной орёл (*Aquila nipalensis*).

Рис. 513 и 514. Наш лагерь у колодца Кугусем, 2-4 мая. Р.А. Кубыкин, Беказат с домброй и Костя Плахов.

Рис. 515 и 516. Приезд В.Г. Ракитина и егеря Серика 5 мая, снятие лагеря и выезд в Ак-Саксаул.

К вечеру 2 мая мы достигли знаменитого колодца Кугусем, где простояли по 5 мая. Это место столь же неразрывно связано с понятием «Устюрт», как колодец Когашик – с понятием «Центральная Бетпак-Дала». Большинство наблюдений натуралистов сделано именно здесь. Секрет популярности этого места прост – здесь имеется единственный на всю округу пресный источник воды, причём высокого качества. К тому же с этой точки хорошо доступны как безбрежные просторы самого плато, так и чинк со всем подчинковым пространством – здесь имеется хороший спуск до самого его подножия. Большинство красивых фотографий Устюрта как «лунного ландшафта» также сделаны здесь, потому что Западный чинк Устюрта достигает здесь наибольшей высоты (300 м) и отсюда открывается великолепный вид на обширный Кендерлисор с его останцами (рис. 517-520).

Рис. 517 и 518. Западный чинк Устюрта. Вид на Кендерлисор и впадину Карынжарык. Май 1990 г.

Рис. 519 и 520. Западный чинк Устюрта, Ельшибек. Вид на Три брата и один из останцев. 8 мая 1990 г.

Рис. 521 и 522. Западный чинк Устюрта. Вид на Тузбаир из разных точек (видна Карамая). Май 1990 г.

Рис. 523. Одно из верховьев урочища Кендерли. **Рис. 524.** Вид на г. Карамая в Карынжарыкской впадине.

Верхний участок, пограничный между чинком и собственно равнинным плато, представляет собой глинисто-щебенистые всхолмления с частыми выходами плоских коренных пород, из которых сложен чинк. Рядом начинаются обрывы дальних окончаний глубоких врезок чинка (типа фиордов). Растительность – низкорослая полынь (*Artemisia terrae albae*) высотой 15-20 см, немного – биюргун (*Anabasis salsa*), изредка – ярутка (*Thlaspi arvense*), бурачок (*Alyssum gmelini*), луки разных видов. В западинках – злаки и кустарник высотой до 30-40 см. Здесь царство жаворонков – серого (*Calandrella piscoletta*), двупятнистого (*Melanocorypha bimaculata*) и в меньшей степени – рогатого (*Eremophila alpestris*). Так, на 9 км мы учли с автомобиля 28 серых, 15 двупятнистых и 6 рогатых жаворонков. В другом месте на 15 км автомаршрута это соотношение было 46/36/4. В гораздо меньшем числе встречались здесь хохлатые жаворонки (*Galerida cristata*), черношейные каменки (*Oenanthe finshi*) и каменные воробьи (*Petronia petronia*). Около самого колодца гнездилась пара воронов, но это был не пустынный ворон (*Corvus ruficollis*), столь характерный для казахстанских пустынь, а какая-то неизвестная мне разновидность обыкновенного ворона (*Corvus corax*) – хоть и небольших размеров, но без коричневого налёта на перьях мантии и передней части спины.

Рис. 525 и 526. Древнее и современное туркменское кладбища на юге Западного чинка Устюрта.

Днём 5 мая приехали облохотинспектор Виктор Георгиевич Ракитин и егерь Серик, а в 17 час мы свернули лагерь и покинули гостеприимный Кугусем, направившись через Кендерли в Ак-Саксаул. На первых 33 км пути соотношение двупятнистых и малых жаворонков было 46:100, причём среди последних встречались оба вида (*Calandrella piscoletta*, *Calandrella cinerea*). Встречен, наконец, первый балобан (*Falco cherrug*), а на кране заброшенной буровой обнаружено гнездо ворона (*Corvus corax*) с 5 яйцами (рис. 528), самец и самка беспокоились рядом. Здесь же – группа индийских воробьёв (*Passer indicus*).

Рис. 527 и 528. Гнёзда ворона (*Corvus corax* ssp.) на столбе и кране. Аксаксаул, утро 6 мая 1990 г.

Утром 6 мая проехали брошенный посёлок Ак-Саксаул, за которым остановились у колодца для текущего ремонта машины (благодаря В.Г. Ракитину ремонт прошёл быстро и без потерь) и около полудня достигли пещеры Бельсаксаул (рис. 529-530), где пробыли до 18 час. Спуск в пещеру, длиной около 300 м и глубиной до 70 м, оставил неприятные воспоминания. Я понял, что спелеолога из меня не получится, так как в узких и низких, круто спускающихся вниз каменных ходах я испытывал нечто вроде клаустрофобии, хотелось поскорее выбраться наверх, к солнцу и воздуху. Даже залы высотой 6-7 м и небольшой подземный водоём в конце пути не изменили этого впечатления.

Ночевали на краю чинка в урочище Сарыбулак, где к утру разыгрался сильный восточный ветер. Утренний учёт птиц мало что прибавил к уже виденному за эти дни, за исключением нескольких пролётных птиц (серая мухоловка, пеночка-весничка, горихвостка-лысушка, чечевица и др.). Чинк здесь сложен в основном из глины, камни встречаются редко. В одном из таких мест мимо меня молча и без единого взмаха крыльев спланировали вниз две каких-то куропатки с дерябу величиной и с однотонно-серой спиной. Искать их там, внизу, за поворотами чинка, было бесполезно. Но мне и до сих пор кажется, что это были пустынные куропатки (*Ammoperdix griseogularis*), которых я ещё ни разу в природе не встречал. Больше ничего подобного в эту поездку я не видел.

Следующую ночёвку и днёвку провели мы у пос. Кансу, в урочище Елшибек. Здесь нам удалось заправить три фляги питьевой водой, а в нише чинка обнаружить гнездо ворона с тремя оперёнными птенцами. В 16 час 8 мая выехали в сторону родника Унэрэ. Вокруг небольших разливов этого родника, расположенного среди полынно-биюргуновой пустыни, островками росли тамариск и тростник; здесь мы впервые встретили тугайного соловья (*Cercotrichas galactotes*) и целый ряд видов пролётных птиц.

Рис. 529 и 530. Окрестности пещеры Бельсаксаул; Костя со Снабом спускаются в пещеру.

О весеннем пролёте птиц через Устюрт я позже опубликовал отдельную статью (Ковшарь, 1995), причём многие из этих видов встречены именно в долине Унэрэ, где заросли тамариска и других кустарников давали мелким птицам приют после длительного перелёта над сухой пустыней. Из них упомяну только самых неожиданных для меня – малую мухоловку (*Siphia parva*), пеночку-трещётку (*Phylloscopus sibilatrix*) и зелёную пересмешку (*Hippolais icterina*), которых я не видел уже лет 30.

Рис. 531 и 532. Впадина Карынжарык, 8 мая 1990 г. и биюргуновая пустыня у родника Унэрэ, 9 мая 1990 г.

Рис. 533 и 534. Приготовление баурсаков – Беказат, Костя и Снаб. Родник Унэрэ, 9 мая 1990 г.

Здесь 9 мая, в честь Дня победы, наш Беказат, кроме игры на домбре, порадовал нас великолепными баурсаками (тесто к ним готовил Костя). К вечеру того же дня мы выехали на юго-запад. По пути среди солянковой равнины попадались участки слабо всхолмленных песочков с островками саксаула, цветущей ярко-жёлтыми цветами ферулой и большим количеством черепах (*Agrionemys horsfieldi*). На ночёвку остановились у самого края чинка Каясанирек, близ родника Уткунды (рис. 535). Под нами внизу, к югу и востоку, простирались обширные просторы впадины Карынжарык. А в небольшой нише чинка, наверху которого мы стояли, расположилось гнездо беркута (*Aquila chrysaetus*) с двумя пуховыми птенцами (рис. 536), начавшими покрываться тёмным пером.

Рис. 535 и 536. Уступ Каясанирек у родника Уткунды и гнездо беркута с птенцами. 10 мая 1990 г.

Утром 10 мая, когда я проводил учёты птиц на верхней террасе чинка, близ родника, от подножья чинка к роднику стала подниматься волчица (*Canis lupus*). Появилась она совершенно неслышно – как тень, хотя и шла по осыпи! Поскольку я сидел неподвижно в тени, да ещё против солнца, она не могла меня видеть и подошла метров на 90. Долго всматривалась в мою сторону и, видимо, уловив моё движение, повернула назад и медленно стала уходить, останавливаясь и оборачиваясь через каждые 20-30 м. А отойдя на 300 м, она вообще легла на открытом месте, явно ожидая, когда я уйду от родника. Это была старая худая самка с отвисающими сосками, за счёт худобы казавшаяся очень высокой на ногах. Окраска в целом светлая, но вся передняя часть морды и бока конечностей – красно-рыжие; тёмный цвет имелся на крестце и перед самым концом узкого хвоста, свисающего чуть ниже скакательного сустава. Она явно линяла. Когда я стал открыто расхаживать, волчица поднялась и медленно затрусила прочь по равнине.

Вечером мы спустились во впадину и стали на ночь в песках Карынжарык, поросших саксаулом и ферулой вонючей (*Ferula assa-foetida*), листья которой уже начали желтеть (самое большое впечатление произвела именно эта ранняя осень в мае!). Второе для меня откровение – большое количество в песках кекликов (*Alectoris chukar*), этих «каменных куропаток», так хорошо знакомых мне по Тянь-Шаню.

Рис. 537 и 538. Устюрт. Пески Карынжарык, 13 мая 1990 г. и сухой стебель ферулы вонючей.

Вообще песочки эти оказались довольно богаты жизнью. Кроме трёх видов жаворонков (хохлатый, двупятнистый и серый), здесь было немало желчных овсянок (*Emberiza bruniceps*), пустынных серых сорокопутов (*Lanius pallidirostris*), жуланов (*Lanius phoenicuroides*), малых бормотушек (*Hippolais caligata*), пустынных славок (*Sylvia nana*). Здесь была также масса саранчи, черепах и зайцев-толаев.

На следующий день, 11 мая, мы выехали на юг, в урочище Шагаласор, и переночевали на его южной окраине, у родника Туши-Шагала. Местность вокруг довольно безрадостная – голая глинистая равнина, местами между всхолмлениями – сухие русла, по которым весной, видимо, идёт вода, но сейчас всё сухо. Сам родник изливается из трубы в металлическую купалку для скота, которого сейчас здесь нет. Рядом – старые развалины домов, а большое количество труб и битого стекла явно свидетельствует о том, что здесь работали геологи. Около родника – заросли тамарикса и тростника. А ещё в окрестностях видны «чукалаки» – до 1 м высотой бугорки, на которых пучками растут кустики саксаула или тамариска.

Птичье население столь же скудное: мелкие жаворонки (*Calandrella* sp.), полевой конёк (*Anthus campestris*), пустынная славка (*Sylvia nana*) и скоточерка (*Scotocerca inquieta*). И совершенно не вяжется с этой местностью пролётная зелёная пересмешка (*Hippolais icterina*), изумительно звонко распеваящая целую серию нежных дрожащих трелей попеременно с «фить»-каньем. А кроме неё в той же густой куртине тамарикса, размером всего 30х50 м, кричит, поёт и перепархивает ещё с десятка мелких пролётных птичек: зелёная пеночка (*Phylloscopus trochiloides*), серая славка (*Sylvia communis*), какие-то мелкие камышевки (*Acrocephalus* sp.). Совершенно неожиданной была встреча в сухой глинистой долинке с одиночной рыжей цаплей (*Ardea purpurea*).

Рис. 539 и 540. Крайний юго-запад Устюрта – урочище Шагаласор, родник Тущи-Шагала. 12 мая 1990 г.

Вечером 12 мая мы вернулись в пески Карынжарык, переночевали в 8 км от Унэрэ в брошенной зимовке и следующие полдня провели здесь учёты птиц в саксаульнике на песках. Здесь впервые я встретил большую бормотушку (*Hippolais languida*) и наблюдал как пара их строила гнездо в развилке саксаула. Здесь же, недалеко от кошары, нашел гнездо авдотки (*Burhinus oedicephalus*) с двумя яйцами, а в саксаульнике впервые за последние дни встретил зелёных шурок (*Merops persicus*) и обыкновенных горлиц (*Streptopelia turtur*).

Рис. 541. Гнездо авдотки. Пески Карынжарык, 13 мая 1990 г. Рис. 542. Гнездо пустынного сорокопута.

Рис. 543 и 544. Пустынная славка и пуховичок большесклявого зуйка. Каясанирек, 9 мая 1990 г.

Под вечер 13 мая отправились дальше по пескам на северо-восток и к 20 час прошли центральную часть песков Карынжарык – высокие барханы, а за ними как бы выровненная часть холмистых песков, заросшая злаками (!) – и выйдя к восточной кромке песков, остановились на ночь у добротной пустой зимовки. Пески здесь слабо бугристые и поросли редким саксаулом, вонючей ферулой, полынью и даже живокостью (*Delphinium* sp.). Утром к своему удивлению я увидел на крыше нашей зимовки яркого самца плешанки (*Oenanthe pleschanka*), которой совсем не место в песках. Непривычно было встретить здесь

и чеглока (*Falco subbuteo*). Остальные птицы на учётах были те же, что и на предыдущих стоянках – жаворонки трёх видов, сорокопуты, желчные овсянки. На мокром песке впервые обнаружили свежий след джейрана (*Gazella subgutturosa*).

Рис. 545 и 546. Такыр, где мы откапывали машину после дождя 14 мая 1990 г. Предзакатные облака.

Надо сказать, что погода в эти дни нам не очень благоприятствовала: пасмурно, как осенью, холодный ветер, частые дожди (тепла, а тем более жары мы ещё не видели). И, как сказал мне В.Г. Ракитин, здесь вообще не бывает тепла: до 20 мая холодно, а с 21 мая – жарко. Вот и здесь: ночью прошёл хороший дождь, и стоило нам отправиться дальше уже по такыру, как мы засели в залитой водой колее (рис. 545)! А ГАЗ-66 – это не легковая машина, которую можно вынести на руках. Пришлось поработать лопатой, наносить веток саксаула, и через 40 минут мы выбрались. Однако впереди была такая же дорога и единственным выходом было – ехать непрерывно на одной и той же небольшой скорости. Любая остановка могла грозить повторением только что пройденного буксования. Как же мне было обидно, когда я из кабины увидел сидящего на гнезде у дороги каспийского зуйка (*Charadrius asiaticus*), а останавливаться Беказат отказался. Да я и сам не стал настаивать, прекрасно осознавая, чем может закончиться такая остановка. Лишь отметил, что в гнезде три яйца, когда наседка взлетела уже перед самой машиной.

Очередная ночёвка, с 14 на 15 мая, – в 40 км от предыдущей. Здесь зимовка была не просто пустая, а заколочена досками, хотя во дворе бегала брошенная хозяевами собачонка, сразу же ставшая дружить с нашим Снабом. А внутри зимовки оказалась гармошка, на которой наш Беказат также сумел сыграть несколько песен. Утро 15 мая выдалось ясным и тихим, на мокром песке вокруг зимовки – много следов джейранов, а в стае индийских воробьев оказался один яркий самец испанского (*Passer hispaniolensis*). Мне удалось провести три часа учётов птиц в саксаульниках на песке, а Рудольф провёл за это же время герпетологическую экскурсию.

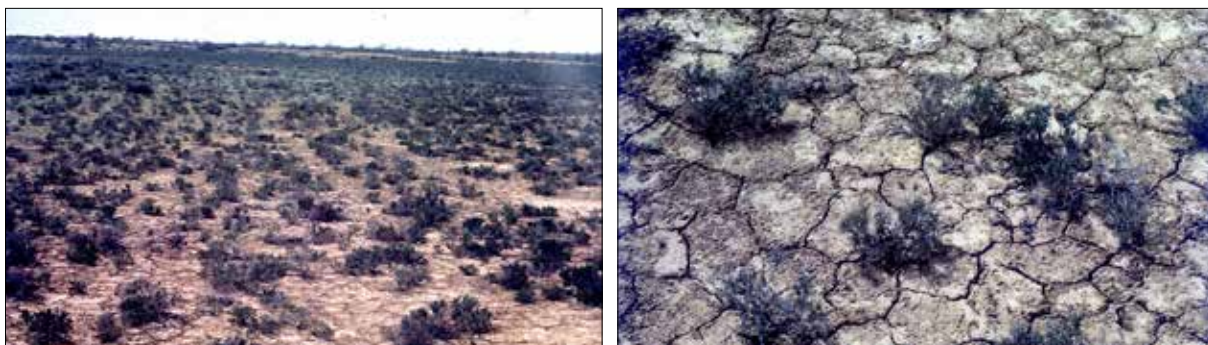

Рис. 547 и 548. Зарастающие солянками такыровидные глины и настоящий такыр. Бельсаксаул, 6 мая.

Около полудня мы выехали на Новый Узень. Выйдя на дорогу Аккудук – Сенек, мы встретили первую за последние полмесяца машину! Тоже своего рода событие. Но гораздо интереснее было, что среди всхолмленных песков перед Сенekom нам всё время попадались рогатые жаворонки (*Eremophila alpestris*) – тоже отнюдь не псаммофилы! И малые жаворонки здесь были настолько светлые, что вполне могли быть солончаковыми (*Calandrella leucophaea*). Но самое удивительное для меня здесь – это развеваемые пески в окрестностях посёлка Сенек. Они явно антропогенного происхождения (перевыпас!), потому что уже в 5-6 км от Сенека пески хоть немного, но заросли кустарником. А здесь они просто развеваемые!

К окончанию рабочего дня мы добрались до центральной усадьбы Устьюртского заповедника в городе Новый Узень. Здесь нас встретил директор заповедника Хасен Едыгеев и его заместитель – герпетолог. Сразу же позвонили в город Шевченко (ныне Актау) В.Г. Ракитину и узнали, что заказанный на 19 мая в Алма-Ату для меня билет уже выкуплен, а завтра сюда приедет сам Ракитин и мы с ним вдвоём продолжим путешествие по Мангышлаку. Закончился этот нелёгкий день товарищеским ужином в заповеднике, где Батыр угощал нас рыбой, икрой – деликатесами, особенно бесподобными после нашей однообразной пищи в пустыне... Из птиц в Новом Узене мне запомнилась только кольчатая горлица (*Streptopelia decaocto*), распевающая на деревьях в центральной усадьбе заповедника. Здесь закончилась устьюртская часть моего путешествия, и я расстался со своими спутниками.

Рис. 549. Западный чинк Устьюрта (фрагмент), май 1990 г. **Рис. 550.** Холодное небо Устьюрта, 6 мая 1990 г.

Рис. 551. Боялычники на плато Устьюрт. **Рис. 552.** Центральная усадьба Устьюртского заповедника. 15 мая.

Утром 16 мая экспедиция вернулась на Устьюрт, а мы с В.Г. Ракитиным на его УАЗ-469 направились на север. Проехав через пески Бостанкумы, мы к полудню вышли на каменисто-глинистую степную равнину с редкой полыньей. По дороге встречались всё те же жаворонки (малый, серый, двупятнистый, рогатый и хохлатый) а также каменка-плясунья (*Oenanthe isabellina*), которой здесь оказалось немало. Лишь в песках попалась группа из 5 зелёных шурок (*Merops superciliosus=persicus*) да одиночный чернобрюхий рябок (*Pterocles orientalis*). На первой же короткой остановке в степи близ с. Сазды бросились в глаза термитники – до 1 м высотой земляные «столбики». На одном из них грелась на солнце крупная степная агама (*Agama sanguinolenta*). Полная экзотика! Из скважины Аусары, около которой мы остановились

пообедать, вытекала целая река, залившая водой огромный сор, длиной около километра. На берегах и на воде этого временного водоёма за час, потраченный на обед, мы видели довольно много птиц: две пары морских зуйков (*Charadrius alexandrinus*), по паре ходулочников (*Himantopus himantopus*) и огарей (*Tadorna ferruginea*), группу из 6 круглоносовых плавунчиков (*Phalaropus lobatus*), а также несколько грязовиков (*Limicola falcinellus*) и краснозобиков (*Calidris ferruginea*). Над водой кормилась пара береговых ласточек (*Riparia riparia*), а к берегу на водопой прилетел чернобрюхий рябок. Здесь же запела жаба (*Bufo viridis*?)!

Миновав покрытую боялычем (*Salsola arbuscula*) равнину и небольшие песочки, мы вышли к скважине перед белым чинком, который назывался Каскыржол (волчья дорога); по пути встретили только одного джейрана (*Gazella subgutturosa*) и такого же одиночного самца сайгака (*Saiga tatarica*). Зато в юго-восточных подножьях Каратау, где мы в 18 час сделали короткую остановку, мы видели двух одиночных самок джейрана, маячивших на пологих склонах – явно стороживших своих запрятанных «чебышат», а в отдалении три джейранихи паслись даже среди верблюдов. Здесь пологий каменистый предгорный шлейф зарос кустиками боялыча и курчавки (*Atraphaxis* sp.), наполовину занесенными песком и с верхушками, объединенными скотом. Из птиц здесь преобладали серые и двупятнистые жаворонки в соотношении 17:24, нередко были плешанки, плясуньи и желчные овсянки. Высоко в небе летал молодой беркут (*Aquila chrysaëus*). Интересную информацию об орлах сообщил мне В.Г. Ракитин. Кроме беркута, по словам чабанов, здесь обитает и могильник, или каракус (*Aquila heliaca*), которого они называют «екінші бүркіт» (второстепенный беркут). В отличие от настоящего беркута он не годится как ловчая птица, и они его отстреливают (!). Зачем – Ракитин не знал.

Стали на ночь мы в 20 час среди камней у самой вершины пологого хребта. Здесь допоздна пели двупятнистые жаворонки – среди голых камней и полыни (!), меньше было рогатых жаворонков, которым здесь – самое место. На кустиках пели желчные овсянки. Горы здесь сглаженные, автомобильная дорога проходит по понижениям самого хребта, петляя между крупными каменными обнажениями. Щебенистая поверхность поросла довольно высокими, до полуметра, темно-зелёными кустами боялыча, не менее густыми, чем на Байгоре или Джамбулгоре. Выше боялыч уступает место низкорослой полыни, растущей отдельными кустиками. На дне долинки в месте нашей ночёвки – полоса чия (*Lasiagrostis splendens*) и какие-то кусты высотой до 2 м. Камни на склоне на 100% обросли лишайниками, придающими всему склону серый вид. Везде – следы перевыпаса, масса помёта, да и самого скота предостаточно: лошади, коровы, верблюды. Однако, несмотря на это, здесь немало муфлонов (*Ovis orientalis*) – за утро насчитали 15 самцов и 9 самок; внизу по подножью – джейран (*Gazella subgutturosa*), а рано утром в одном месте меня долго облаивала лиса (*Vulpes vulpes*) – видимо, рядом было логово. Население птиц уже отличалось от предыдущих мест: много кекликов (*Alectoris chukar*), розовые скворцы (*Pastor roseus*), плешанки (*Oenanthe pleschanka*), камненные воробьи (*Petronia petronia*), славки-завирушки (*Sylvia curruca*) и желчные овсянки (*Emberiza bruniceps*); но и жаворонков немало, особенно двупятнистых (*Melanocorypha bimaculata*) и рогатых (*Eremophila alpestris*).

Рис. 553 и 554. Мангышлак (Мангистау). В горах Каратау, путешествие с В.Г. Ракитиным 16-18 мая.

Около полудня 17 мая мы направились дальше на запад-северо-запад и через полчаса спустились с гор на центральную усадьбу совхоза «Комсомольский» (пос. Онды), расположенную на пухляке, заросшем солянками. Среди этой явной пустыни меня поразил старый абрикосовый сад с небольшим прудом (диаметром менее 100 м), на берегу которого стояла одинокая большая белая цапля (*Egretta alba*), а в воздухе летали чёрные и белобрюхие стрижи (*Apus apus*, *Apus melba*).

Через 10 км, за селом Жармыш, снова начался подъём в горы, а наверху оказался лагерь талды-курганских геологов, добытчиков горного хрусталя: пять фанерных кибиток, машина УАЗ-469 и гора высохших панцирей черепах (*Agtrionemys horsfieldi*). В.Г. Ракитин тут же приступил к исполнению своих инспекторских обязанностей и составил акт, а я по его просьбе сфотографировал это безобразие. Однако гораздо хуже, чем добыча черепах, был сам способ добычи хрусталя – методом взрывов, превращающих эту красоту в мелкие осколки. Один из таких осколков я взял на память, он и сейчас лежит в моём кабинете вместе с камнями из Бетпак-Далы и Джунгарии.

После длительных объяснений с геологами мы направились дальше по верху, по щебнистым всхолмлениям с редкой полынькой и хилым боялычем. Везде преобладали жаворонки – двупятнистый и малые (*Calandrella cinerea* + *Calandrella pispoletta*). После обеда у подножия гор мы вышли на трассу и, миновав сёла Аулсары и Шетпе, приблизились к горе Айракты и Жаман Айракты, здесь же слева – гора Ширкала. Миновав сор Ир, мы вышли на край гор Актау и здесь, на перемычке между Актау и Каратау, мы остались на ночь, устроив засаду на браконьеров, преследующих здесь джейранов на сорах.

Эти ночные бдения были насыщены разговорами, но браконьеров мы не видели. Вспоминая прошедший день, я старался записать хотя бы самое интересное из виденного: например, как пустельга (*Falco tinnunculus*) лакомялась раздавленной на шоссе черепахой, то и дело взлетая от проходящих автомашин; или как уже после заката совершал брачный полёт чернобрюхий рябок (*Pterocles orientalis*), издающий при этом особый крик «коу», с ударением на первом слоге. Утром 18 мая у подножья горы Айракты встретили одного джейрана и беркута. Место очень живописное: косо поставленные пласты скал, повороты узкого ущелья временами напоминают каменный мешок. Дорога долго идёт по дну ущелья шириной 20-30 м, затем оно сужается до 1-2 м и занято полоской цветущего боярышника высотой 5-6 м, издающего дурманящий запах. Здесь же – несколько старых деревьев ивы высотой более 15 м!

Здесь Ракитин остановился для текущего ремонта машины, а я использовал эту остановку для экскурсии по ущелью. Оказалось, что по дну ущелья протекает скрытый кустами ручёк и местами имеются куртины тростника. Трёхчасовая экскурсия по ущелью показала, что население птиц здесь такое же, как и в других местах, разве что гораздо чаще встречались малые бормотушки (*Hippolais caligata*), распевające почти на каждом кустике. Через Шетпе мы прошли без остановки, а за р. Акэспе свернули с асфальта к егерю Актау-Бузачинского заказника Шырғышпау Аманжолову. Здесь же был старший егерь Меделбай Адыров. По их рассказам, джейрана здесь немало. Так, 8 июля 1989 г. на побережье моря за Турлепом они видели на солонце около тысячи (!) джейранов; были там и сайгаки, но немного и маленькими группами.

Джеков (*Chlamydotis undulata*) в заказнике не менее 20 пар, а больших дроф, дудаков (*Otis tarda*), видели только на пролёте около Керегемолла (северо-восточнее Кияктов) в мае 1989 года; местность там – помесь песков с солонцами, поросшими редкой полынью и ковылём. Кеклики (*Alectoris chukar*) живут в песках повсеместно, особенно в районе Красный Долгинец (там был рыбачий посёлок того же названия ещё до революции!). Рядом – море и пресная вода. Сейчас пески эти окружены морем, а посередине их есть пресная вода – всего полметра от поверхности. А в заливе Актумсык, севернее Красного Долгинца, большие скопления фламинго (*Phoenicopterus roseus*). По словам Аманжолова, есть они там и сейчас. В феврале 1990 г. в заказнике в разных местах они насчитали 146 муфлонов и 45 джейранов. А ещё меня заинтересовали их слова о том, что беркута (*Aquila chrysaetus*) здесь мало, а вот могильника (*Aquila heliaca*) много – иногда даже невозможно сосчитать в полёте; гнездятся они на скалах.

Оба егеря в один голос утверждали, что главный враг дичи в их условиях – мотоциклист! А ещё необходимо убрать пустующие зимовки, дающие приют браконьерам. Но главное – надо преобразовать Актау-Бузачинский заказник в заповедник! И это говорили егеря, а не какие-то городские зоологи, которых можно было бы обвинить в теоретизировании... Тут я вспомнил рассказы Володи Мурзова о том, как в этом заказнике всюду отстреливали куланов сразу же после их выпуска. Стыдно и больно было слышать, как оба

егеря просили передать в Алма-Ату «привет» большому начальнику Савинову, который при американских туристах-охотниках обещался построить здесь два жилых дома, но егерь Аманжолов с большой семьёй и маленькими детьми до сих пор живёт в землянке... При этом я чувствовал себя причастным к тем столичным штучкам-обещателям, которые тут же забывают о своих обещаниях. Привет от Аманжолова я передал по адресу, но не думаю, что это возымело хоть какое-то действие и имело свои последствия...

Проехав 15-км маршрут по территории заказника от кордона к морю, мы убедились в том, что рассказы егерей о богатстве зверем – не вымысел: в предвечернее время на этом расстоянии мы насчитали 29 муфлонов и 9 джейранов. Пеший маршрут по «речке», от которой остались только отдельные бочаги, подарил мне встречу с ходулочниками (*Himantopus himantopus*), парой малых зуйков (*Charadrius dubius*) и даже серой цаплей (*Ardea cinerea*). Здесь же были кеклики, пустельги и жаворонки. Вечером, в 20 час проехали мы удивительно загаженный посёлок Таучик и к полуночи приехали в город Шевченко (Актау).

В последний день, 19 мая, с утра мы съездили во впадину Карагие и на озеро Караколь. Во впадине (глубина – 132 м ниже уровня моря) было много каменок-плясуний (*Oenanthe isabellina*), немного меньше – каменных воробьёв (*Petronia petronia*), а по километровым столбикам вдоль шоссе гнездились индийские воробьи (*Passer indicus*). Встретили мы здесь также трёх чернобрюхих рябков (*Pterocles orientalis*) и одного курганника (*Buteo rufinus*). На искусственном водоёме Караколь, образовавшемся от термальных вод атомного опреснителя, видели большую колонию речных крачек (*Sterna hirundo*), 25 лебедей-шипунцов (*Cygnus olor*) и 8 больших бакланов (*Phalacrocorax carbo*). Зимой тут фауна намного богаче – кроме большого числа уток и лебедей, здесь проводят часть зимы фламинго (*Phoenicopterus roseus*). Даже султанку (*Porphyrio porphyrio*) здесь добыл В.Г. Ракитин именно в зимнее время.

К обеду мы вернулись в город, познакомились в госохотинспекции с её начальником Онгарбаем Шандыгереевичем Кадановым, побеседовали на темы охраны и учёта фауны. А вечером я улетел в Алма-Ату. Провожали меня своим «хохотом» египетские и кольчатые горлицы (*Streptopelia senegalensis*, *Streptopelia decaocto*), которые, по словам Ракитина, жили здесь всегда... Всего за 26 дней экспедиции на автомобильном маршруте протяжённостью 1870 км мне посчастливилось наблюдать птиц более ста видов, среди которых были и такие, которых ни до того, ни после этого мне встречать больше не приходилось. А что касается красот Устюрта, его «лунных» ландшафтов, то они остались в памяти навсегда...

Вот на этой высокой ноте и хотелось бы мне закончить рассказ о незабываемой экспедиции на Устюрт, если бы не одно «но» – та самая ложка дёгтя, которая так часто всё портит. Прилетев в Алма-Ату, я пришёл на работу в институт, чтобы доложить начальству, что я прибыл вовремя, как было велено. Но отмечавшая мне командировочное удостоверение секретарша сказала, что Анатолия Михайловича Дубицкого, нашего директора, сейчас в Казахстане нет – он где-то за границей...

Это была даже не ложка, а целая бочка, и не дёгтя, а чего-то явно похуже! Значит, мой досрочный приезд никому не нужен, и я мог бы сейчас спокойно продолжать путь по Северному Устюрту и вокруг Аральского моря!!! Эта неоправданная перестраховка трусливого начальства испортила всё настроение...

11 октября 2023 г. – 12 апреля 2024 г.

11. Две недели в Северном Прикаспии и в дельте Волги

Рис. 555. Приморская полоса Северного Прикаспия восточнее дельты Волги. 9 апреля 1999 г.

Рис. 556. В дельте Волги (Астраханский заповедник). Массовые скопления лебедей-кликун в лотосе во время осеннего пролёта. Фото с самолёта Г.М. Русанова

Поездка «Атырау – Астрахань» в поисках стерха (31 марта – 12 апреля 1999)

Весной 1999 г. мне предстояли две экспедиционные поездки по стерху – на Северный Каспий и в Наурзум. Вдвоём с орнитологом Анатолием Петровичем Гисцовым, уже несколько лет работавшим в Северном Прикаспии, 28 марта мы вылетели в Гурьев (ныне Атырау), где надеялись арендовать машину с водителем, чтобы проехать до дельты Волги, в том числе на российскую её часть – в знаменитый Астраханский заповедник, через который регулярно мигрируют стерхи западной популяции.

В аэропорту нас встретил Александр Николаевич Ивасенко – старый знакомый Гисцова, работающий в областном управлении экологии. Это был первый день *летнего времени* (в Алма-Ате перевели часы на час вперед сегодня ночью, но в Гурьеве переводить не стали!). Теперь между Атырау и Алматы стало 2 часа разницы! Сколько же вреда принесла эта чересполосица с летним и зимним временем! Особенно, когда каждый областной аким норовил сделать по-своему. Разместились мы в лучшей здесь гостинице «Акжаик» и сразу же начали заготовки продуктов на дорогу (кстати, цены на рынке были почти алматинские: картошка 30-35, капуста 25, морковь 25 тенге – по тем временам очень большие деньги!).

Погода стояла солнечная и сухая, ветер гнал пыль, снега не было и в помине (говорят, что и зимой его практически не было). Вечером в гостях у Саши Ивасенко мы в принципе договорились, что он сам на своей машине повезёт нас в Астрахань (аренду машины и горючего мы оплачивали) – лишь бы отпустил начальник. На следующий день, в понедельник, начальник областного управления экологии Махамбет Кудайбергенович Джексенов, от которого зависело – поедет с нами Ивасенко или нет, отфутболил нас до 31 марта (некогда, надо встречать американского посла и вообще дел по горло...).

Образовавшееся таким образом время я использовал для пропаганды нашего стерха по телевидению. Главный редактор ТВ Георгий Васильевич Трухин сразу же ухватился за наше предложение и на 18 часов назначил запись моего интервью для завтрашней передачи в программе «Тет-а-тет», что и было выполнено в точности. На следующий вечер мы с чувством выполненного долга посмотрели эту передачу...

Только утром 31 марта наше дело в управе было решено положительно и, загрузив зелёный УАЗ-469 провиантом, палатками и спальными мешками, к полудню мы отбыли из гостеприимного Гурьева-Атырау. Степь сухая, пыльная, без следов снега, лишь кое-где около города – лужи в засолённых местах. На городском сточном водоёме с тростником (местный Сорбулак) – масса гоголей (*Bucephala clangula*) и более 200 лебедей-кликунов. На автобусной остановке у с. Новобогатное сидели, похоже, две майны (очень похожи, но рассмотреть не успел – уж очень быстро мы проскочили мимо).

Рис. 557. Пустынно-полупустынная приморская полоса Северного Прикаспия. 9 апреля 1999 г.

По обе стороны дороги – глинистая пустыня с седыми низкорослыми солянками (рис. 557). Ни облачка, ярко светит солнце, но на улице – холодный западный ветер. Около 17 час проехали Забурунье (до Астрахани осталось 123 км) и вскоре уже довольно близко к трассе подошли с севера песочки – сначала довольно тонкий слой, а потом бугры, поросшие кустарничком. На границе Курмангазинского района – присады для хищников на столбах ЛЭП. Это меня порадовало, потому что в этих местах Валентин Шевченко описывал массовую гибель на проводах степных орлов (*Aquila nipalensis*).

Вскоре прибыли в село Ганюшкино, где заночевали у председателя районного охотобщества Жумажана Дюсенгалиева, знакомого Саши Ивасенко. Мне особенно интересно было посмотреть это село, где столько лет прожил мой друг Толя Пославский (1937-1994). Сейчас оно было со всех сторон окружено водой. Отсюда до Астрахани – всего 90 км. Выехали утром 1 апреля, в 6³⁵, едва заалел восток.

Впереди, на западе, была полная луна, а сзади нас подгонял сильный восточный ветер. На трассе раза три встречались зайцы. Перед рекой Шароновка напротив ж-д. станции Ганюшкино – замечательное кладбище, очень оригинальное – настоящие памятники! А дальше пошли волжские протоки – много, широкие и частые, с хорошими мостами через них (вода то справа, то слева, а то и с обеих сторон). Здесь – масса грачей (*Corvus frugilegus*): сначала несколько сотен, а потом тысячи грачей стелятся низом навстречу нам – летят на восток. Уже в 8 час утра мы были на российской таможне. Здесь очень долгая процедура – простояли почти два часа! Любопытная деталь: курс рубля к тенге был 1:4 – почти такой же, как в 2012 г.

В Астрахань прибыли к 11 часам. Долгие поиски набережной Царев и конторы заповедника увенчались успехом только к 13 час. Директора Нины Александровны Литвиновой (месяц назад в Москве она приглашала меня в заповедник) не было. Она уехала, но нас принял её заместитель – Александр Константинович Горбунов (гидробиолог), которого она предупредила, что мы вот-вот можем появиться. Мы чуть было не уехали сами на Дамчик, но после полуторачасовой беседы с Горбуновым отложили поездку на завтра: оказывается, туда поедет орнитолог Николай Николаевич Гаврилов с корреспондентом радио. Правда, как он сам сказал, орнитолог он недавний, до этого был ихтиологом (даже своего однофамильца Э.И. Гаврилова не знает). Полдня мы с А.П. Гисцовым погуляли по Астрахани и Кремлю. Погода была не из лучших – пасмурно, ветер несёт пыль, начинается дождь. Кремль древний, интересный, а в городе мне запомнился крупный гастроном с названием: «Астрахань без Америки». Многозначительно...

Вечером встретились с Германом Михайловичем Русановым. Задушевная беседа орнитологов завершилась ночёвкой в кабинете А.К. Горбунова. Утром следующего дня мы выехали на Дамчикский участок заповедника с Николаем Николаевичем Гавриловым и корреспондентом областного радио Сергеем Павловичем Студенским, направляющимся собирать материалы к юбилею заповедника. Так вот в чём причина и отсутствия директора, и повышенной активности местных СМИ: 11 апреля, т.е. всего через 9 дней (!), этому заповеднику грядёт 80 лет!

Через город Камызяк, село Чаган и два парома (рис. 558 – в сёлах Таврино и Полдневом – как подробно объяснила нам Нина Александровна Литвинова, успевшая повидаться с нами утром), и преодолев 80 км, мы к 11 часам прибыли на участок Дамчик, на 3-й кордон (рис. 559) на протоке Быстрая. Это одна из протоков Волги, ширина её у посёлка – около 50-70 м. Разместили нас, по распоряжению Нины Александровны, в гостевом финском домике – с кухней, сауной и цветным телевизором! В 11⁴⁰ были уже на месте. Здесь: Левченко Дмитрий Броняльдович (таксидермист, зав. музеем), Жмыхов Алексей Иванович (лесничий) и Литвинов Василий Павлович (териолог, муж директора). Солнце, тепло и первые комары!!!

Приняли нас радушно, а кто-то даже спросил – из какого мы заповедника? После такого вопроса мне стало как-то особенно легко – как будто вернулся в знакомую, но давно забытую заповедную жизнь. И не имело значения, что мой заповедник был в горах, а здесь – море и прибрежные джунгли. Думаю, что и Толя Гисцов, поработавший пару лет в заповеднике Барсакельмес на Аральском море, чувствовал то же самое. Чувство это можно назвать заповедным братством – это тот дух, который витал во всех наших старых заповедниках, где всех «научников», как нас обычно называли, и других сотрудников, работавших «за копейки», объединяла одна цель – сохранение природы и всего живого в ней.

Рис. 558 и 559. Паром по пути на Дамчик и протока Быстрая, на которой стоит Дамчик. 2 апреля 1999 г.

Рис. 560 и 561. Участок Дамчик, протока Быстрая и наш дом с нашей машиной. 3 и 4 апреля 1999 г.

Рано утром 3 апреля на моторной лодке мы с А.П. Гисцовым и Н.Н. Гавриловым отправились к местам прежних регулярных остановок стерхов. Западный ветер обещал, что погода будет меняться, но пока ещё было ясно, свежо – и без комаров!

Астраханский заповедник не зря называют орнитологическим. Дельта Волги – место массового гнездования и массовой зимовки водоплавающих и околоводных птиц. Ещё больше их останавливается здесь на весеннем и осеннем пролёте (рис. 562), в том числе и наши стерхи – по пути из Западной Сибири на иранское побережье Каспия. Наша задача была – собрать максимум сведений об их пребывании здесь.

Рис. 562. Скопление гусей, лебедей и других водоплавающих птиц на пролёте в Дамчике. Фото Г.М. Русанова

В этот день за 4 часа езды по протокам мы насмотрелись разных птиц, из которых больше всего было озёрных чаек (*Larus ridibundus*) – более 600, лебедей-шипунцов (*Cygnus olor*) – 104, серых цапель (*Ardea cinerea*) – 32, орланов-белохвостов (*Haliaeetus albicilla*) – 27. Пролетевшие на восток 50 лебедей-кликунцов (*Cygnus cygnus*), по словам Н.Н. Гаврилова, были последними пролётными, а группа из 10 чирков-трескунцов (*Anas querquedula*) – первыми в этом году. Во многих местах тростниковых зарослей вовсю распевала широкохвостка (*Cettia cetti*), а у нашего домика – зелёная пеночка (*Phylloscopus trochiloides*) и голубая лазоревка (*Parus caeruleus*). Однако стерхов за весь день мы так и не видели, хотя в полдень целый час обедали на микро-островке с вагончиком, где раньше наблюдали стерхов (*Grus leucogeranus*). В качестве компенсации хозяева угостили нас великолепной ухой из сома, линя, карасиков и краснопёрки.

Рис. 563. Северный Каспий, открытое море. 4 апреля 1999 г.

Утром 4 апреля Д.Б. Левченко вывез нас на лодке в новое место, где также встречали стерхов. Отплыли по протоке Быстрой, а потом пошли по Дубной (здесь когда-то дубили лодки!) и к 9 часам вышли в открытую большую морскую лагуну (рис. 563). Здесь из-за высокой волны птиц не видно, даже если они и есть. Поэтому мы развернулись и ушли обратно в протоку – на сей раз по имени Средняя Мартышка. Птиц насмотрелись разных (широкохвостки пели в 27 местах!), но журавлей так и не видели – ни белых, ни серых.

В полдень около нашего домика наблюдал интересную картинку – как разыскивал корм малый пёстрый дятел (*Dendrocopus minor*). В одной крошечной куртинке тростника на сухом месте он более 5 мин подряд долбил стебель сухого тростника, продвигаясь по нему, как по стволу дерева, снизу вверх, а затем спускаясь вниз и снова поднимаясь. Я не утерпел и снял это на видео.

Рано утром 5 апреля мы вернулись в город, а оттуда Герман Русанов повёз нас на запад, чтобы показать лиманно-бугровой участок дельты западнее заповедника (это территория заказника). Здесь ландшафт напоминает казахстанский – большие водоёмы среди довольно высоких (до 20-30 м высотой) степных бугров. Несмотря на то, что сильный ветер гнал пыль и поднимал волну, мы всё же насчитали около 150 лебедей-шипунцов (*Cygnus olor*), осмотрели часть из 12 закартированных Русановым гнездовых участков орлана-белохвоста (*Haliaeetus albicilla*) и наконец-то увидели журавлей, правда, не стерхов, а красавок (*Anthropoides virgo*): 10 птиц с трудом летели с запада на восток против сильного ветра, затем сели в 50 м от шоссе и сразу стали кормиться под начинающимся дождём.

Обратно мы ехали под дождем, а в городе он закончился, но стало очень холодно. У ботаника заповедника Александра Фёдоровича Живогляд взяли семян лотоса, а потом Русанов предложил показать город. Прямо посреди экскурсии пошёл дождь, перешедший в мокрый снег, а затем – и в настоящий снегопад! Русанов говорит, что для Астрахани это аномально, тем более, что снега не было всю эту зиму...

Рис. 564-566. Директор Астраханского заповедника Н.А. Литвинова, А.П. Гисцов и Г.М. Русанов. Фото 564 – из архива Н.А. Литвиновой; фото 565 – автора; фото 566 – А. Нестерова (снято в Дамчике)

Утром 6 апреля в Астрахани был морозец -4° (воду из радиатора на ночь сливали!). Через Володарское, Марфино и Калинино мы направились в Обжоровский участок Астраханского заповедника. До с Калинино добрались за 2 часа. Машину оставили у председателя колхоза Галимжана Шайманова. От Калинино до Обжоровского участка добрались на лодке за 18 мин (промокли и замёрзли на ледяном ветру). Начальник Обжоровского участка – Анатолий Алексеевич Кашин. Сам участок – длинный островок между протоками Волги (въезд – только на лодке!), с деревьями и тростниковыми участками. И на этом островке уместился целый посёлок из 5-6 домов.

Утро 7 апреля выдалось ещё более холодным (ночью было -6°). В 7 час. вышли на взморье на лодке-казанке – холод неимоверный (отказали аккумуляторы видеокамеры!). Ни одного облачка. Идём против солнца, оно слепит глаза, ничего не видно (солнце и отблеск от воды). Вышли в открытое место – в эстуарий, где стерхи раньше встречались. Всё так же залито водой – только верхушки тростника видны. Журавлей нет. Посетили смешанную колонию больших (*Phalacrocorax carbo*) и малых (*Phalacrocorax rugosus*) бакланов. На старых высоких деревьях на узком островке в р-не реки Каменной – несколько сотен гнёзд, на которых шумят и кричат большие бакланы, малых здесь намного меньше. К сожалению видеокамера отказывается работать на таком холодном ветру, приходится прятать её за пазухой, доставая лишь на короткие секунды. К 10 часам погода окончательно испортилась, и нам пришлось возвращаться в Обжорово, срочно грузиться на лодку. Кое-как в 11 час мы успели ещё сухими добраться до с. Калинино (ветер только набирал силу). Так же поспешно перегрузились в машину, подкачали шины и в 11²⁰ выехали из Калинино на восток. Только в 15⁵⁰ у с. Котьявка пересекли границу Казахстана. Близ с. Сафоновка – разливы, громадные, как море. Здесь мы переночевали в доме знакомого Саши Ивасенко, директора лесхоза Сунгадуллы Мухамбеткалиевича Мендыханова.

Утром 8 апреля после небольшой экскурсии по р. Кигач у с. Утеры мы направились в обратный путь и в полдень стали лагерем у Белужьего мостика, где и заночевали на высоком валу среди разливов и тростников. Здесь помимо больших веретенников (*Limosa limosa*), которых мы видели более 150; нередко встречались каравайки (*Plegadis falcinellus*) и малые белые цапли (*Egretta garzetta*), обе они занесены в Красную книгу Казахстана.

Рис. 567-570. Приморские ландшафты Северного Прикаспия западнее дельты Урала. 9 апреля 1999 г.

К вечеру 9 апреля достигли Севрюжьей косы, а утром 10 апреля уже проводили учёты птиц в районе охотничьего хозяйства «Золотёнок» южнее Атырау. Здесь мы насчитали более 300 чирков-свистунков (*Anas crecca*), 77 пеганок (*Tadorna tadorna*), несколько десятков озёрных чаек (*Larus ridibundus*) и десяток черноголовых хохотунов (*Larus ichnhyætus*).

Закончилась ужасная дорога с Пешного, и мы повернули вправо – по открытому берегу, объезжая огромное водное зеркало. Здесь тоже дамба, но вода только справа (а слева обширная низменность, в которой только вчера была вода, а сейчас грязь). Дорога идет по довольно высокой (3–4 м) дамбе и сама по себе довольно сносная. Это дорога к Зарослому. Местами справа «морская гладь» разнообразится тростниковыми зарослями. Здесь – масса чаек, в том числе черноголовых хохотунов (150+100+50+10), а также хохотуний (*Larus cachinnans*): 100+100+60+100+10. Среди них есть очень темноспинные, прямо черноспинные (может быть клуши?). Таких около 10. Заночевали на Зарослом посередине дороги в тупике (на дамбе). Это примерно в 25 км к югу от города Гурьев (Атырау). Утром 11 апреля на обратном пути к Атырау на воде насчитали более 500 черноголовых хохотунов, больше тысячи чирков-свистунков (*Anas crecca*), а малых белых цапель (*Egretta garzetta*) насчитали 41 особь, тогда как больших белых (*Egretta alba*) – лишь 13. Всего отметили здесь птиц 35 видов.

С утра 12 апреля мы посетили Атырауский университет и познакомились с деканом естественно-географического факультета Адильбеком Зейналиевичем Сапаровым; заведующими кафедрами: зоологии и общей биологии; экспериментальной биологии; ботаники и географии. А всё вместе это называлось тогда «Атырауский казённый университет им. Хали Досмухамедова» (сейчас это Атырауский государственный университет имени Х. Досмухамедова, или АТГУ). После небольшой лекции для преподавателей и студентов состоялась запись на телевидении с Георгием Васильевичем Трухиным о кратких результатах нашей поездки в дельту Волги. Утром 13 апреля улетели в Алма-Ату.

Уже через день, 15 апреля, я выступал в Ташкенте официальным оппонентом на защите докторской диссертации моего друга Даниила Юрьевича Кашкарова (1937-2003). Нечего и говорить, насколько приятно было вновь встретиться с ним, его семьёй, а также многими ташкентскими коллегами-орнитологами.

*****

А короткая, мимолётная поездка в дельту Волги, кроме ярких впечатлений от природы этого старейшего заповедника, оставила желание вернуться и более подробно познакомиться с этими местами... Однако, как известно, человек только предполагает и далеко не всё от него зависит. По ряду причин мне так больше и не удалось побывать в дельте Волги, хотя связи с орнитологами этого заповедника сохранились с той самой памятной поездки 1999 года – особенно с Германом Михайловичем Русановым, который много раз печатался в нашем зоологическом журнале «Selevinia» и переписка наша с ним продолжается по сей день. Особенно активной была она через 20 лет после той поездки, когда не только Россия, но и все наши страны отмечали 100-летие Астраханского заповедника, а мы с Германом Михайловичем в том же журнале опубликовали целую летопись под названием «Орнитологи в дельте Волги» (Selevinia-2019, с. 151-162).

И даже в последнем из вышедших номеров (Selevinia-2023) напечатана статья Г.М. Русанова и В.А. Стрелкова «Мониторинг птичьего населения в дельте Волги в 2022 году». Сегодня, 21 декабря 2023 г., в ответе на мой запрос об авторстве фотографий Герман Михайлович написал мне: «К сожалению, у нас есть горькие потери. 10 декабря 2023 г. умер Николай Николаевич Гаврилов. Умер ночью, во сне. Он лет пять уже не работал, но навещал нас, не жаловался особенно. Ему было 82 года». Это же тот самый Николай Николаевич, который 24 года тому назад студёными утрами «катал» нас с Толей Гисцовым на моторной лодке по протокам дельты Волги на Дамчике в поисках стерхов, показывая попутно колонии больших и малых бакланов, гнёзда орланов-белохвостов и скопления лебедей-шипунов... И я разыскал среди материалов, присланных нам в редакцию к 100-летию Астраханского заповедника, фотографию, на которой Николай Николаевич Гаврилов кольцует птенцов чаек, и помещаю её здесь как дань памяти коллеге, много лет своей жизни отдавшему изучению рыб, а потом птиц Астраханского заповедника...

Рис. 571. Н.Н. Гаврилов кольцует птенцов чаек в Астраханском заповеднике (автор снимка не известен)

Рис. 572. Скопление лебедей-кликун в Астраханском заповеднике. 12 ноября 2008 г. Фото из архива Г.М. Русанова

21 декабря 2023 г. – 12 апреля 2024 г.

12. Заповедник Барсакельмес – бывший остров среди бывшего моря...

Рис. 573. Общий вид глинистой пустыни западной части заповедника Барсакельмес. 6 мая 2007 г.

Рис. 574. Бывшее дно Аральского моря у восточного берега бывшего острова. 3 мая 2007 г.

История этого заповедника с не совсем обычным названием, означающем в переводе с казахского «Пойдѣшь – не вернѣшься», интересна и поучительна. Будучи пятым по возрасту в семье казахстанских заповедников (Аксу-Джабаглы – 1926, Наурзумский – 1930, Алматинский – 1931, Боровое⁴ – 1935), этот островной заповедник был создан в 1939 году на базе охотничьего хозяйства Союзпушнины, которое существовало на острове Барсакельмес с 1929 года и занималось разведением и промыслом суслика-песчаника (*Spermophilus fulvus*), которого специально для этого завезли на этот остров (!). В 1929 году, одновременно с сусликом-песчаником, на остров завезли джейранов, а в 1953 году – куланов туркменского подвида (из Бадхыза на юге Туркменистана). Поучительна акклиматизация на острове джейранов, которых первоначально (в 1929 г.) выпустили в числе двух самцов и 7 самок. Через 20 лет численность джейранов на острове достигла почти 1000 голов (Заповедное дело в Казахстане, 1982), но после массового падежа в суровую зиму 1948/49 г. их остались единицы и к концу 60-х гг. здесь обитало 30-40 особей (Банников, 1969). Последний значительный падеж джейранов на острове был зимой 1979/80 г., и к 1982 г. выжило не более 100 голов этих редких газелей. С 1969 по 1977 год на острове Барсакельмес проведено изучение биологии джейрана (Жевнеров, 1973, 1975, 1977), завершившееся выходом монографии (Жевнеров, 1984).

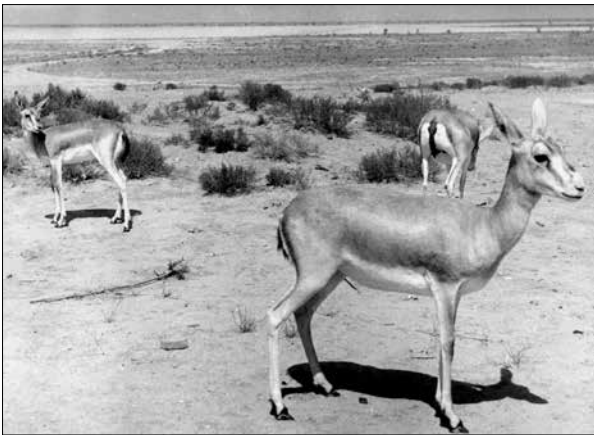

Рис. 575 и 576. Джейраны на острове Барсакельмес летом и в зимнее время. 1974-1975 гг. Фото В.В. Жевнерова

Рис. 577. Самка с новорожденным, май 1974. Фото В.В. Жевнерова Рис. 578. Куланы. 1982 г. Фото М.Н. Бикбулатова

Куланы, завезенные на остров в 1953 г., стали размножаться с 1958 г. после выпуска второго самца. К 1964 году их насчитывалось 45, а к 1982 г., даже после суровой многоснежной зимы 1979/80 г., на острове обитало 205 куланов. Справедливости ради надо сказать, что выживали здесь зимой куланы только за счёт регулярной подкормки человеком, причём известны годы, когда корма (тюки сена) завозили из заповедника Аксу-Джабаглы, расположенного далеко в горах Западного Тянь-Шаня (вот тебе и «эталон природы» ...).

⁴ Заповедник Боровое просуществовал всего 15 лет, но успел в 1948 г. издать Первый выпуск научных трудов – АК

Сайгаки, в отличие от куланов и джейранов, всегда жили на этом острове, только численность их ко времени создания заповедника была мизерной. Последний самец был убит в 1922 г. и к 1929 году на острове осталось всего 5 самок. В том же году на остров завезли двух самцов, а на следующий год – четырёх самок. Сайгаки стали размножаться: в 1935 г. на острове было уже 60 голов, а в 1937 г. – около 200. Численность их резко менялась по годам – от 50 до 2000 голов. Учитывая ограниченность территории острова (площадь всего 18,3 тыс. га при длине 27 км и максимальной ширине западной части 11,5 км, а восточной – всего 2,5 км), нетрудно понять, к какой перегрузке пастбищ приводил в этих условиях **одновременный** рост численности всех трёх видов крупных копытных, серьёзным конкурентом которым (при общей скудности пустынной растительности) является суслик-песчаник, численность которого в благоприятные годы достигает многих тысяч особей (а средняя плотность до 5 зверьков на гектар).

Но главную угрозу для крупных млекопитающих представлял растущий дефицит питьевой воды! К концу 70-х гг. XX ст. вследствие прогрессирующего усыхания Аральского моря солёность его воды у берегов Барсакельмеса достигла 16,5 г/л, тогда как предельно допустимой для копытных считается 20 г/л.

И хотя предпринятые поиски подземных вод на острове увенчались успехом (в 1980 г. на глубине 760 м нашли слабо минерализованную воду с содержанием солей всего 6 г/л), куланы и джейраны по-прежнему продолжали пить морскую воду (см. рис. 578), что в конечном счёте и вынудило людей заняться отловом и переселением части поголовья куланов на материк. Произошло это весной 1982 г., и активное участие в этой работе, организованной Главным управлением охотничьего хозяйства и заповедников (Казглавохота), принимали сотрудники нашей лаборатории охраны диких животных Кирилл Павлович Ушаков (1920-1983) и Владимир Николаевич Мурзов (1955-2005): первая партия завезена в Капчагайское заповедно-охотничье хозяйство (ныне национальный парк Алтын-эмель), вторая – в Андасайское охотхозяйство (Бетпак-Дала) и третья – в Актау-Бузачинский заказник (Мангистау).

В заключение приведу краткое описание природных условий Барсакельмеса того времени, когда он был ещё островом, составленное для первого справочника-монографии о заповедниках Казахстана.

«Остров представляет собой участок суши, не покрываемый водами моря по крайней мере с раннечетвертичного периода. Образовался он примерно 20 млн лет назад, одновременно с самой впадиной Аральского моря. Однако окончательная изоляция острова произошла около 50 тыс. лет назад, когда впадина Арала наполнилась водами Сырдарьи и Амударьи. Основной массив острова сложен олигоценowymi глинами, песчаниками и мергелями, изредка встречаются известняки. Южная часть острова – плато с абсолютной высотой около 100 м. Самая высокая точка острова – 117 м над уровнем моря (гора Чайка). К северу расположена волнистая равнина, пересечённая балками и неглубокими бессточными впадинами, в которых образуются такыры или пухлые солончаки. Северные берега острова более пологие, с песчаными отмелями и косами, растущими по мере намыва песка; южные берега, напротив, образуют обрывы высотой до 50 м, которые время от времени обваливаются. В результате обмеления моря в этих местах берег постепенно отступает, образуются обширные пляжи.

Почти 9/10 острова представляют собой глинисто-солончаковую пустыню, которая с трёх сторон окаймлена песками шириной от 200 м до 2 км. Хорошо выраженные песчаные гряды высотой до 6-7 м идут параллельно берегу.

До 1965 г. на острове существовали солёные озёра лагунного происхождения. Их наибольшее имело длину около 6 км, ширину 700 м, глубину 1,5-2 м. Благодаря интенсивному испарению уровень воды в нём был почти на 1 м ниже уровня моря, и в годы высокого уровня Аральского моря через песчаную гряду шириной 100-200 м постоянно шла фильтрация морской воды. В настоящее время⁵, в связи с резким падением уровня Аральского моря, вот уже более 10 лет как нет лагунных озёр. Исчезли и жившие на них лебеди, пеликаны, бакланы.

В понижениях глинисто-солончаковой пустыни и на такырах в некоторые годы образуются временные водоёмы. Глубина их не превышает 60-70 см и, как правило, к концу мая они пересыхают. В сухие годы их вообще нет.

Единственный постоянный источник питьевой воды на острове – колодец в песках северной его части. Вода в нём слегка солоноватая, поступает из подземного пресноводного озера шириной около 200-300 м и длиной 1 км. В зимнее время для снабжения питьевой водой жители острова заготавливают лёд. Сейчас [в 1980 г. – АК] пробурена скважина со слабо минерализованной водой.

Климат острова – типичный для северных пустынь. Жаркое лето (средняя температура июля +24,2°C) длится более 4 мес., абсолютный безморозный период 204-223 сут., абсолютный максимум температуры воздуха +39°C. Зима короткая (с ноября по февраль), но довольно суровая: среднемесячные температуры января и февраля колеблются

⁵ Написано в 1981 году (Заповедное дело в Казахстане, 1982) – АК

от минус 1.5 до минус 12°C; абсолютный минимум минус 25°C. Снежный покров высотой 6-9 см обычно держится только в январе и феврале, сильные ветры сдувают снег в ложбины. Весна короткая, со стремительным нарастанием температуры. Осадков выпадает всего от 24.9 (1950 г.) до 207.2 (1957 г.), в среднем 107.6 мм/год, причём за один ливневой дождь может выпасть треть этой суммы, после чего 2-3 месяца осадков вообще нет (максимум их приходится на весну и осень). Дождевые тучи часто обходят остров из-за сильных восходящих потоков нагретого воздуха; причём летом бывают так называемые «сухие дожди», которые испаряются, не достигая раскалённой поверхности почвы.

Для разреженной растительности глинистой пустыни характерны три ассоциации: биюргуново-полынная, биюргуновая и пырейная... Саксаул в начале XX века покрывал почти всю юго-восточную часть острова, но уже к середине столетия был практически уничтожен и к 80-м гг. сохранился только в грядовых песках и в виде отдельных кустов среди биюргуново-полынных ассоциаций... В центре острова сохранились заросли караганы, в которых зимой скапливается много снега, поэтому здесь более влажно, чем в открытой пустыне» (Заповедное дело в Казахстане, 1982).

Даже этого краткого введения вполне достаточно, чтобы понять, какой живой интерес вызывал у биолога, в частности – зоолога, этот загадочный остров среди небольшого моря, окружённого пустыней. А если учесть, что за прошедшие десятилетия средства массовой информации были переполнены публикациями об участии Аральского моря, об «Аральской катастрофе», завершившейся фактически исчезновением самого моря (тот маленький водоём, который удалось сохранить под названием «Малого моря» – не в счёт) и появлением на его месте нового обширного пустынного пространства, то интерес этот многократно усиливается, и возникает непреодолимое желание увидеть всё это своими глазами...

Поездка в заповедник Барсакельмес (Аральское море)

28 апреля – 7 мая 2007 г.

Ещё в 1963 г., когда одновременно вышло два путеводителя – мой по Аксу-Джабаглы (Ковшарь, 1963) и супругов Рашеков по Барсакельмесу (Рашек В.Л., Рашек В.А., 1963) – возникло желание посмотреть Барсакельмес. Оно ещё больше укрепилось после выхода книжки «Остров куланов» (1973) Мусы Исаевича Исмагилова (1911-1993), прожившего на острове не один год. Ещё позже, когда появилась Аральская проблема и пришло время переселять на материк размножившихся на Барсакельмесе куланов (*Equus hemionus*), много интересного об острове узнал я из рассказов Кирилла Павловича Ушакова (1920-1983), участвовавшего в отлове куланов, используя своё изобретение – особый шприц для обездвиживания...

И вот в полдень 28 апреля 2007 г. актюбинским поездом мы вместе с герпетологом Мариной Чириковой, ботаником Лилей Димеевой и тремя японцами из университета Киото (профессор Норико Ишида, Харикава и девушка Макика Ичихара) выехали из Алматы в Аральск по приглашению заместителя директора заповедника «Барсакельмес» по науке Зауреш Ж. Алимбетовой. Она же и встретила нас поздно вечером 29 апреля на вокзале Аральска, поселила у себя дома, устроила званый ужин с участием директора заповедника Магжанбая Абдуллаевича Туранбаева и Алмата Аскарва из Института географии.

Рис. 579 и 580. В гостеприимном доме Зауреш Алимбетовой. Слева – бешбармак из сазана «по-аральски», справа – тост произносит профессор Норико Ишида, правее директор заповедника М.А. Туранбаев. Аральск, 29 апреля.

Полным откровением для меня стал рыбный бешбармак из сазана (рис. 579). Однако здесь, как заверила нас Зауреш, это самое популярное блюдо. Печальной неожиданностью была новость о трагической гибели 16 января Давида Давидовича Пирюлина (1955-2007), изучавшего беспозвоночных на острове Барсакельмес, и о предстоящих похоронах его на этом острове (тело Д.Д. было кремировано и, согласно воле покойного, 22 сентября 2007 г. захоронено на кладбище заповедника Барсакельмес). Далеко заполночь затянулись разговоры о предстоящей завтра поездке машиной по бывшему морскому дну, что представлялось мне чем-то из области фантастики...

Поневолe вспомнилась мне наша знаменитая аксу-джабаглинская пара лошадей со странными кличками – Рябый и Аральский. Обоих привезли в 50-х гг. из Барсакельмеса (куда из Аксу-Джабаглы возили тюки сена для подкормки куланов). Эта неразлучная пара всегда ходила в одной упряжке, для верховой езды они были, мягко говоря, тяжеловаты. Первый получил свою кличку из-за пегой масти в виде крупных ярко-рыжих и белых пятен, а вот второй, весь светло-рыжий, был обязан своим необычным прозвищем случаю: когда его в Барсакельмесе погружали на корабль, он упал за борт и едва не утонул в Аральском море. Так он и остался на всю жизнь Аральским (как пан Гималайский в кабачке «13 стульев»). Давно уже нет не только этих лошадей, но и тех кораблей, с которых они падали, и даже самого моря...

Рис. 581 и 582. На окраине города Аральска в районе усадьбы заповедника утром 30 апреля 2007 г.

Город Аральск в районе усадьбы заповедника запомнился лужами и свалками (рис. 581-582), при полном отсутствии зелени – лишь кое-где чахлые карагачи (вяз листоватый, или *Ulmus foliacea*). При всём при том птицами он отнюдь не был обделён. Часовая утренняя экскурсия по улице Ломоносова показала, что помимо вездесущих домовых воробьёв здесь довольно много голубей, кольчатых горлиц (*Streptopelia decaocto*), деревенских ласточек (*Hirundo rustica*), нередко встречаются буланные вьюрки (*Rhodospiza obsoleta*), а около луж – малые зуйки (*Charadrius dubius*), удоы (*Upupa epops*) и жёлтые трясогузки (*Motacilla flava*), а на одном карагаче были даже две запоздалые пролётные пеночки-теньковки (*Phylloscopus collybitus*).

После вечернего знакомства утренний приём у директора заповедника М.А. Туранбаева (рис. 583) прошёл как-то по-домашнему, с просмотром фотографий, в т.ч. Аксу-Джабаглы, что мне было особенно приятно. Сделав необходимые закупки на рынке (рис. 585), выехали после полудня. К нашей машине, в которой помимо нас троих приехавших разместились ещё Зауреш и герпетолог заповедника, молодой парень по имени Гаухарбек, добавилась ещё одна машина – из Института экологии и климата (Олег Ефимович – с 80-х гг. занимается исследованием солевых выносов со дна Аральского моря).

Рис. 583 и 584. Л.А. Димеева и М.А. Чирикова в кабинете директора и около ЦУ. 30 апреля 2007 г.

Рис. 585 и 586. Продукты закуплены (фото М. Чириковой), отъезд от усадьбы заповедника. 30 апреля.

В 15 час выехали на Каратерень. По пути регулярно встречались каменки двух видов – обыкновенная (*Oenanthe oenanthe*) и плясунья (*Oenanthe isabellina*), причём вторая часто токовала у трассы. Через час проехали Аралкум и пошли по трассе на юг, яркое солнце припекает! Вокруг – антропогенные барханчики, заросшие солянкой на 50%. Свернули с трассы вправо на песчаную дорогу среди слабых всхолмлений.

Здесь цвели жёлтые тюльпаны Борщова (рис. 587) и ещё что-то жёлтое, типа сурепки. Вскоре встретили первую степную агаму. Стали часто попадаться жаворонки – мелкие и очень светлые, скорее всего – серые (*Calandrella rufescens*) и крупные куцы – двупятнистые (*Melanocorypha bimaculata*). За 10 минут насчитали 18 первых (поют, причём в песне нередко – трелька пустынной славки!) и только два двупятнистых. Вскоре показались озёра Сарыколь (Сорколь) и Косжар (рис. 590); оба из озёрной системы Камышлыбаш. На зеркале Сорколя видны две пары лебедей-шипунцов (*Cygnus olor*), около сотни красноносых нырков, или краснобашей (*Netta rufina*), в основном самцы; несколько десятков других нырковых уток, среди которых преобладали голубые чернети (*Aythya ferina*); пара огарей (*Tadorna ferruginea*), три пары пеганок (*Tadorna tadorna*) и полтора десятка грачей (*Corvus frugilegus*) на берегу, над которым низко летал самец болотного луня (*Circus aeruginosus*). Отъехав от озера, мы попали в «зелёную пустыню» – полностью задернованную полынню песчаную равнину, слабо всхолмленную, с отдельными кустиками солянок. Фоновые птицы здесь – серый жаворонок (*Calandrella rufescens*) и грач (*Corvus frugilegus*), изредка встречаются плясуньи (*Oenanthe isabellina*), полевые коньки (*Anthus campestris*), жёлтые трясогузки (*Motacilla flava*), золотистые шурки (*Merops apiaster*) и два вида ласточек – деревенская (*Hirundo rustica*) и береговая (*Riparia riparia*).

Рис. 587 и 588. Весенняя пустыня, покрытая цветущими тюльпанами Борщова. 30 апреля 2007 г.

Рис. 589 и 590. Наш выдавший виды транспорт и общий вид экспедиции на фоне озера Косжар. 30 апреля.

Впереди – посёлок Бугунь, который постепенно заносит развеваемым песком, а левее его – озеро Тущи, что значит «пресное». Бугры на окраине села поросли гребенщиком, который вот-вот расцветёт, а на въезде – большой портрет писателя Зейнеллы Шукирова, которого называли казахским Островским (по аналогии с ослепшим Николаем Островским). Это Новый Бугунь, а старый – где-то рядом. К уже виденным сегодня птицам здесь прибавились: колония золотистых щурок (*Merops apiaster*) в норах на обрыве, первый хохлатый жаворонок (*Galerida cristata*), пара саж (*Syrrhaptes paradoxus*). А на небольшом такырчике в пустыне стоят 8 крупных чаек, очень похожих на сизых (*Larus canus*), и над ними ещё три летают.

Рис. 591 и 592. Сооружение «Аквак» для регулирования поступления воды в Сырдарью. 30 апреля 2007.

Это около сооружения «Аквак» (рис. 591-592) – огромной стройки с плотиной и понтоном внизу для регулирования поступления воды в протекающую рядом Сырдарью. После понтона по буграм идёт наш грейдер. Перед селом Каратерень благоустроенный посёлок – представительство российской компании «Зарубежводстрой», которая и возводит этот самый «Аквак». Резкий контраст с этим посёлком представляет с. Каратерень, расположенное на голом ровном месте, на песке. Ветер!!! Ни дерева, ни кустика. Но везде лежат большие вязанки хвороста – целые кучи тамариска и саксаула, привезенные откуда-то. Село дворов за 50. Целый ряд домов – новые, под шифером. Попили чай у японцев и пошли есть рыбный бешбармак к соседям, у которых и ночевали потом.

Рис.593-595. Наши герпетологи в с. Каратерень и их добыча – черепаха и стрела-змея. 30 апреля 2007.

Экскурсия у крайних домов показала, что помимо обычных воробьёв, деревенских ласточек и грачей здесь живут удоны (*Upupa epops*), кольчатые горлицы (*Streptopelia decaocto*) и каменки-плешанки (*Oenanthe pleschanka*), а кроме того, встречаются чайки: обычные озёрные (*Larus ridibundus*) и сизые (*Larus canus*), о которых стоит рассказать подробнее, поскольку встретил я их впервые и долго разбирался – что же это за чайка. Чернохвостый молодняк этих чаек, штук 20, кормился на рыбных отходах около дома, в котором варили уху! Все пёстрые, черноклювые, белогловые и примерно в полтора-два раза больше грача, который ходит рядом. Среди них одна взрослая: белохвостая (лишь крайнее правое рулевое черное!), клюв чёрный и тонкий. Вся шея белая (на затылке – мелкая рябь пестрин). Верх тёмно-сизый, очень ровный, а по заднему краю крыла – тонкая (узкая) белая каёмка. А сами крылья чёрные (первостепенные маховые). Голос – визг, переходящий в хохот. Гаухарбек подтвердил, что это сизая чайка и что их в заповеднике много.

Следующий день – 1 Мая, праздник международной солидарности трудящихся – мы отдали поездке на Кокарал и Малый Арал, о которых я уже столько слышал. Солнце здесь, как оказалось, всходит довольно поздно – только в 6³⁰ по астанинскому времени, которое ввели здесь уже 2-3 года назад! Утром в окрестностях села помимо встреченных вчера птиц, я видел также огарей (*Tadorna ferruginea*) и большого кроншнепа (*Numenius arquata*), на глинистой равнине с низкой полынькой – малого жаворонка (*Calandrella brachydactyla*) и снова в нескольких местах – плешанку (*Oenanthe pleschanka*). В одном месте самец порхал в воздухе, зависая в 15-20 м над землёй, и при этом «циркал» – как малый жаворонок! Гаухарбек говорит, что она здесь обычна и по обрывам гнездится. На север постоянно летели одиночные деревенские ласточки (*Hirundo rustica*) – видимо, ещё не закончился их пролёт. А грачи (*Corvus frugilegus*), наоборот, летели на юг от долины Сырдарьи, где, по словам Гаухарбека, есть их колония на ивах.

К началу нашего выезда солнце светило сквозь мглу и раздувался восточный ветер – начиналась пыльная буря (рис. 596-597). Поехали на юг через село, оказавшееся большим, чем показалось вчера (250 дворов), но совершенно без зелени, удручающе голым. В селе больше всего деревенских ласточек и... летающих одиночных сизых чаек (*Larus canus*); здесь же, на куче глины среди села – пара плешанок.

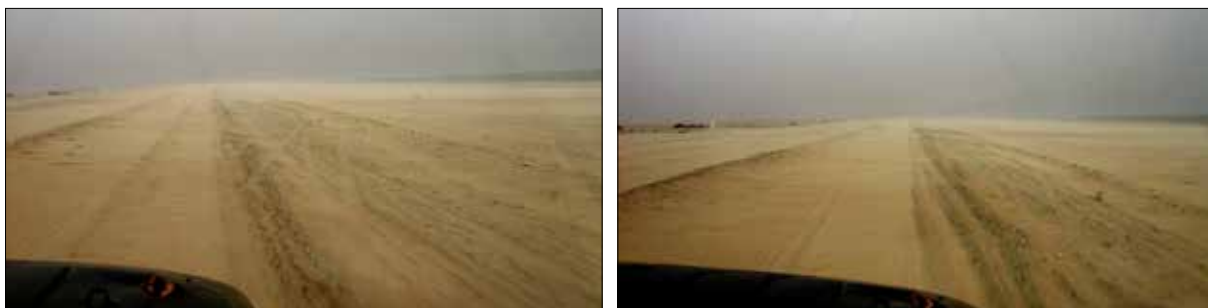

Рис. 596 и 597. Начало пыльной бури на пути к Малому морю. 1 мая 2007 г. 10 час 09 – 12 мин.

Сразу же за селом дорога сворачивает на запад и вскоре выходит на глинистую равнину, заросшую редкими кустарниками, – бывшее дно Аральского моря. Но это старая осушка 80-х гг., и она уже заросла с проективным покрытием более 50%!!! Глина с солью. В воздухе масса береговых ласточек (*Riparia riparia*). Вскоре начинается дамба между Большим и Малым морем. Слева параллельно, метрах в 150, идет старая плотина; по ней тоже ходят машины. Вода где-то близко, справа даже появилась небольшая полоска воды и на ней – много птицы: пеганки (*Tadorna tadorna*), хохотуны (*Larus cachinnans*), озёрные чайки (*Larus ridibundus*), речные крачки (*Sterna hirundo*), нырковые утки, среди которых выделяются голубые чернети (*Aythya ferina*); 8 лебедей-шипун (ов) (*Cygnus olor*), болотный лушь (*Circus aeruginosus*). Здесь же – один очень светленький серый жаворонок (*Calandrella rufescens*), который может оказаться и солончаковым (*C. leucophaea*). В 10 час 30 мин после пыльной позёмки начался дождик. Всё затянуто. Луужицы справа от нас закончились и появилась открытая вода – это и есть Малый Арал!!!

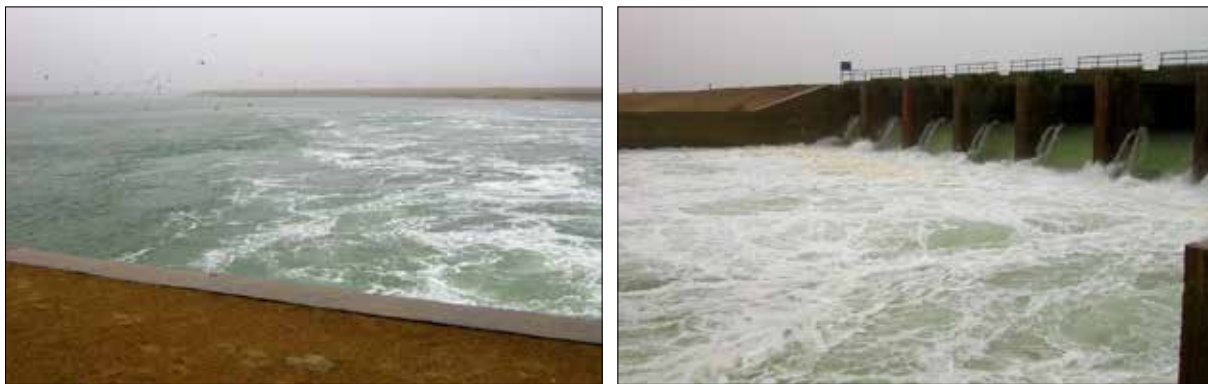

Рис. 598 и 599. Малый Арал. Справа – шлюзы для регулирования уровня воды в нём. 1 мая 2007.

Рис. 600 и 601. Наблюдения за птицами на мелководье с кустарником. 1 мая 2007.

Рис. 602 и 603. Открытый плёс Большого Арала и окружающая его глинистая пустыня. 1 мая 2007.

Мы как раз подъехали к шлюзу, по которому спускается избыток воды из Малого Арала, когда дождик перешёл в сильный дождь с ветром! Пришлось ожидать здесь, сидя в машине. С 11¹⁵ дождь перешел в затяжной-обложной. Из машины я наблюдал за птицами, которые охотились над водой ниже шлюза: около 15 озёрных чаек, 20-30 сизых (*Larus canus*), не менее полусотни чайконосых крачек (*Gelochelidon nilotica*) и столько же речных (*Sterna hirundo*), а среди них – даже три крупных чегравы (*Hydroprogne caspia*), один большой баклан (*Phalacrocorax carbo*).

Когда дождь поутих и перешёл в морось, мы поехали дальше. Везде видим деревенских ласточек (*Hirundo rustica*) – от 5 до 10 особей одновременно в воздухе! Очень похоже на то, что это ещё продолжается весенний пролёт. В 2 км от шлюза, ближе к морю – низинка с разливами и на ней – масса птиц. Помимо перечисленных здесь на воде 7 кудрявых пеликанов (*Pelecanus crispus*), все три вида чаек (озёрная, сизая, хохотунья) в количестве более сотни особей, несколько чеграв и даже один огромный черноголовый хохотун (*Larus ichthyaetus*). На берегу суетится куличье – с полсотни турухтанов (*Phylomachus pugnax*), устраивают на мелководье даже турниры; несколько пар малых и морских зуйков (*Charadrius dubius*, *Charadrius alexandrinus*), луговая тиркушка (*Glareola pratincola*); серая (*Ardea cinerea*) и большая белая (*Egretta alba*) цапли в числе 4 и 7 птиц стоят в воде, как изваяния; сотенная стая пролётных жёлтых трясогузок (*Motacilla flava*) попеременно с черноголовыми (*Motacilla feldegg*), одиночные серые жаворонки (*Calandrella rufescens*), поющий самец варакушки (*Cyanosylvia svecica*) и летающий болотный лушь (*Circus aeruginosus*).

В 12²⁰ пришлось развернуться назад, так как дальше не проехать – всё залито водой (рис. 604-605). На обратном пути пеликанов уже нет, но вместо них – шесть пар куликов-сорок (*Haematopus ostralegus*), три пары ходулочников (*Himantopus himantopus*), группками по 10-15 шт. подлетают к воде различные песочники (*Calidris* sp) и турухтаны (*Phylomachus pugnax*). На суше поют два самца серого жаворонка (*Calandrella rufescens*), на кустике на берегу – яркий самец пустынной каменки (*Oenanthe deserti*).

Рис. 604 и 605. Дорога в пустыне, затопленная водой Малого моря. 1 мая 2007 г.

Выбравшись на дамбу, мы поехали к появившемуся из тумана полуострову Кокарал. К его высокому берегу подъехали в 14 час. Здесь нас встретили голоса полевых коньков (*Anthus campestris*), летающие чёрные стрижи (*Apus apus*) и степные пустельги (*Cerchneis naumanni*). А когда в 14⁴⁰ вышло солнце и одновременно с сильным южным ветром на голубом небе появились белые барашки, я не мог оторвать глаз от этой красоты: яркая свежая зелень этого утёса-острова (не зря его назвали Кокарал!) контрастирует с прочими серыми и жёлтыми тонами окружающей его местности (рис. 607). Очень яркое впечатление!

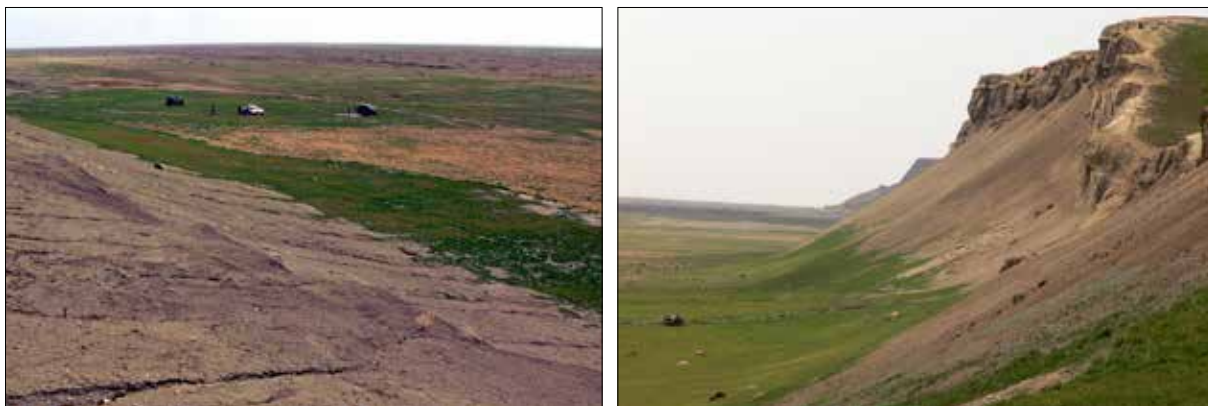

Рис. 606 и 607. На бывшем полуострове Кокарал (Аральское море) после дождя. 1 мая 2007 г.

На обратном пути к шлюзам мы снова встретили кудрявых пеликанов (*Pelecanus crispus*) – стая из 23 грузных белых птиц медленно летела на восток. И тут же с высохшего дна моря взлетела пара чернобрюхих рябков (*Pterocles orientalis*), а среди кустарника, которым зарастает это самое бывшее дно, – стайка из 10-15 индийских воробьёв (*Passer indicus*) и здесь же – одиночные серые жаворонки (*Calandrella rufescens*).

Искупавшись у шлюзов, мы поехали обратно в Каратерень. Сильный ветер несёт песок – началась настоящая пыльная буря (рис. 608). Невозможно идти против ветра: по рукам – как иголками колет, с такой силой ударяет по ним песок! Такая пыльная буря сопровождала нас до самого Каратереня (рис. 609): в 16 час солнце совсем скрылось за пыльной бурей. Ветер всё крепчал и уже стал очень холодным. И в такой обстановке мы встретили три пары уносимых ветром пеганок (*Tadorna tadorna*), а на земле у дороги – 5 прятавшихся от ветра степных тиркушек (*Glareola nordmanni*). В село въезжали, не видя его домов в серо-жёлтой пелене.

Рис. 608 и 609. Начало пыльной бури на Малом море и разгар – при въезде в с. Каратерень. 1 мая 2007 г.

Второй день мая мы посвятили поездке на Каскакулан. Этот обширный участок бывшего морского дна, или как сейчас принято говорить по-научному «постаквальной суши», теперь принадлежит заповеднику, значительно увеличив его территорию. И здесь, по рассказам работников заповедника, держится часть оставшихся на острове после вывоза на материк куланов.

Холодным ранним утром мы выехали из села Каратерень на юг. Сразу же за селом – почти голая глинистая равнина, ещё недавно бывшая заливом Аральского моря, слабо заросшая кустиками итсигека (он же карабарак). Дальше от села этих кустиков больше и сама глина постепенно покрывается эфемерами.

Этот залив назывался Акколь. После того, как Аквак вступит в строй, это место опять будет залито водой. На всём пути пели серые жаворонки и встречались летевшие в сторону села, явно на кормёжку, одиночные молодые сизые чайки. Так же поодиночке встретили мы каменок-плясуний, пустынного серого сорокопута и желчную овсянку – видимо, первую прилетевшую. А в одном месте прямо с дороги взлетели 6 каспийских зуйков (*Charadrius asiaticus*) – тех самых, за которыми так охотятся наши бёрдочеры.

Рис. 610 и 611. Дорога на Каскакулан по глинистым участкам дна Аральского моря. 2 мая 2007 г.

Рис. 612 и 613. Песчаные участки осушки морского дна по дороге на Каскакулан. 2 мая 2007 г.

Закончилась площадь бывшего залива, пошла гривка с саксаулом. Кстати, это уже новая территория заповедника – материковая (рис. 610-613), которая соединяет полосой бывший остров с берегом нового участка Каскакулан. Вдоль дороги – густой молодой саксаульник и в нём сразу же увидели славку-завирушку (*Sylvia curruca*). Затем пошла сплошная полоса метровой поросли саксаула, которая через несколько километров превратилась из полоски в широкие поле. Высота саксаула до 2 м, а местами встречаются и настоящие деревья до 3 м высотой.

Когда саксаульник кончился, началась равнина Ахат – нечто горизонтальное, такыровидное, с мелкими кустиками солянок. Из птиц везде доминирует серый жаворонок, возможно, что местами есть и малый (*Calandrella brachydactyla*), только с машины его не рассмотреть; изредка попадаетея плясунья, а в саксаульнике – славка-завирушка и однажды – три буланных вьюрка (*Rhodospiza obsoleta*). Здесь же и пролётные белые трясогузки (*Motacilla alba*), отдыхающие и кормящиеся прямо на дороге.

Вскоре мы подъехали к коренному берегу около Каскакулана. Выглядит этот коренной берег, как бугорок метровой высоты! Недалеко от места нашего выезда – развалины села Токпан (когда-то здесь были школа и магазин), здесь же – след кабана и пение перепела (*Coturnix coturnix*), а в кустах – пустынный

сорокопут (*Lanius pallidirostris*), пустынная славка (*Sylvia nana*) и варакушка (*Cyanosylvia svecica*). Из саксаульника дорога вышла на солянковую равнину (типа биюргунника). Впереди показался бугор Каскакулана. Опять участок какого-то полузасушенного биюргунника, а впереди – заросли тамариска. Здесь заросли тростника около скважины (место водопоя копытных).

Выехали на песчаный бугор Каскакулана и первое, что увидели – это старое кладбище! Здесь раньше было большое село, последний человек, как объяснил нам Гаухарбек, покинул его в 1976 году. За три часа (10-13 час) экскурсии по бугру Каскакулан и на развалинах бывшего села мне удалось познакомиться с птицами этого интересного места. Фон птичьего населения, как и везде вокруг, составляли поющие жаворонки (*Calandrella rufescens*), им в саксаульнике вторили самцы бормотушек (*Hippolais rama*) и славков-завирушек (*Sylvia curruca*).

Рис. 614 и 615. Каскакулан. Наша машина остановилась у старого заброшенного кладбища 2 мая 2007.

Рис. 616 и 617. Каскакулан. Развалины села Токпан и заросли саксаула. 2 мая 2007.

В одном месте я увидел славку, очень похожую на мельничка, но подхвостье и бока охристые. С «усами» я не разобрался, но горло и бока головы (щёки) белые. Чёрная уздечка выражена, но голова не чёрная, а весь верх буроватый. Маленькая и прогонистая (удлиненная), она кажется не больше теньковки, которая кормится на соседнем саксауле. Очень юркая, часто шныряет между веток саксаула вниз головой. На месте не сидит. Кажется, это она издает короткую мелодичную песню – вроде «или-ли», иногда с коротким цикающим росчерком. Издает не более 2-3 таких песен подряд, после чего умолкает надолго. Звук можно сравнить с тихой песней пустынной каменки, которая так же мелодична и так же коротка (но чаще повторяется). Всё это говорило в пользу того, что передо мной – та самая белоусая славка (*Sylvia mystacea*), которую я никогда живьём ещё не видывал.

В одном месте прилетела стайка из 12 буланых вьюрков (*Rhodospiza obsoleta*), в другом тревожно «фить»-кал явно пролётный яркий самец горихвостки-лысушки (*Phoenicurus phoenicurus*), а рядом кормилась такая же пролётная теньковка (*Phylloscopus collybitus*) и пролетела на юг береговая ласточка

(*Riparia riparia*). Несколько раз слышал голоса пролетающих саж (*Syrhaptes paradoxus*), а орнитолог заповедника Берик и Гаухарбек здесь же видели 5 взлетевших чернобрюхих рябков (*Pterocles orientalis*).

На развалинах села Токпан десяток пролётных индийских воробьёв (*Passer indicus*) объедали семена на кусте саксаула. На смену им прилетели ещё 30, сели на селитрянку, но сразу же перебрались на саксаул. Значит, это их пища? Это для меня было полной неожиданностью! Здесь же – серая славка (*Sylvia communis*) и хохлатый жаворонок (*Galerida cristata*), а из-под густого куста селитрянки то и дело выбегают и резвятся два молодых зайчика-толайчика (*Lepus tolai*), которые прячутся под куст при первой же опасности. А она тут как тут – в небе летают канюк (*Buteo buteo*) и два ястреба-перепелятника (*Accipiter nisus*).

На обратном пути, как только пошло открытое травянистое пространство с мятликом на мягкой глине (глубокая колея дороги), наша машина села на дифер – еле выскочили! Заехали к знаменитому в этих местах памятнику – каменной башне Бегим-ана, остановились около домика. На мемориальной доске написано: «Башня Бегим-ана, памятник X-XI века. Охраняется законом». Женщины лечатся здесь от бесплодия. Пар 10 индийских воробьёв (*Passer indicus*) кричат на каменной Бегим-ане, а также живут и под крышей стоящего рядом домика охранника.

Рис. 618 и 619. Каскакулан. Башня Бегим-ана, памятник X-XI века, и степная агама. 2 мая 2007.

Обратный путь на Каратерень пролегал по такырчикам с низкими кустиками типа терескена, местами поросшими редким саксаульником. Запомнились тёмные бугры отмирания (рис. 620), из которых торчат коряги и корни (это и есть знаменитые фитобугры). В 17 час остановились здесь же на такыре – в том месте, где идет заброшенный канал из бывшего залива Акколь, а всего в 200 м от него – старое русло Сырдарьи, которое смотрится как глубокая канава-рытвина среди такыра (рис. 621).

Рис. 620 и 621. Тёмные бугры отмирания на бывшем дне моря и старое русло Сырдарьи. 2 мая 2007 г.

Здесь несколько раз крики «таргак-таргак-таргак» пролетающих кречёток (*Chettusia gregaria*), поёт серый жаворонок (*Calandrella rufescens*), а пара каменок-плясуний (*Oenanthe isabellina*) выбирает место для гнезда! А может, уже и выбрали, так как одна зашла в норку и долго оттуда не выходила.

Рис. 622 и 623. Гнездо курганника (*Buteo rufinus*) с тремя яйцами на саксауле. 2 мая 2007 г.

На саксауле, в 2 м от земли (рис. 622) – гнездо курганника. Лоток выложен корой саксаула. В гнезде 3 яйца со слабым пятнистым рисунком. Берик говорит, что в прошлом году в гнезде были птенцы (это то самое гнездо, о котором директор и Зауреш рассказывали мне как о гнезде балобана!). В стенках его, как и «положено», – два гнезда индийских воробьёв (*Passer indicus*), обе пары держатся здесь же.

Завершили маршрут этого дня мы вечером в селе Каратерень, проехав за день около 130 км. В 21 час солнце только садилось, но было ещё светло и птиц рассмотреть можно. Долгожданная поездка на сам «остров куланов» всё откладывалась. Даже утром 3 мая мы не смогли выехать, поскольку Зауреш и Лиля Димеева должны были полить свои экспериментальные посадки саксаула. За это время на проводах у дома появилась первая зелёная щурка (*Merops persicus*), а с неба слышались голоса других щурок. Это всегда так приятно – встречать весной прилетающих с юга птиц, а таких красивых – особенно.

Около 15 час мы выехали на Барсакельмес на ГАЗ-69 вшестером. Солнце тускло просвечивало сквозь мглу, абсолютно ни одного облачка и по-настоящему жарко. Выезд почти прямо на юг-юго-запад, через село Старый Каратерень, в сторону бывшего залива Акколь. Интересно, что помимо глины здесь довольно много песка, он покрыт сухими солянками. В основном это всходы гребенщика, а светлое пушистое – это, по словам Лили, климакоптера. Вокруг равнина с надувами песка, с большими кустами селитрянки и маленькими – карабарака, или соляноколосника каспийского. Все это задувается песком. Через 10 мин – уже голая равнина с 20% покрытием солянками! Какая же частая смена растительных ассоциаций!

Рис. 624 и 625. Дорога по морскому дну (к вопросу о переносе соли ветром). 3 мая 2007 г.

Зато с птицами – полная стабильность: везде преобладает серый жаворонок (*Calandrella rufescens*), гораздо реже встречается похожий на него малый (*Calandrella brachydactyla*), а там, где появляются кустики – пустынный сорокопут (*Lanius pallidirostris*). Погода стала меняться: облачность уже 1-2-3

балла и, хотя всё равно солнце светит сквозь мглу, но теперь оно ещё и периодически совсем исчезает за облаками. Какой-то обширный солончак, на котором ветер делает смерчи-вихри. Похожая на полынь сухая солянка – это сведа! Вчера вечером тоже была она (а я был готов принять её за пырей!). Это участок совсем голого дна, но не плотный такыр, а какое-то засоленное место, светлого цвета, явно солёное. Серый жаворонок встречается с завидным постоянством – 2.1.1.1.1.2.1.1.1.2.1.1.1. А вот и невесть откуда появившаяся, явно пролётная деревенская ласточка (*Hirundo rustica*)!

В 16⁵⁵ остановились около вышки на абсолютно голом морском дне, чтобы сделать памятную фотографию (рис. 626). Птиц здесь нет, а солнце зашло за тучи и, кажется, что вообще ничего нет! Жутковато. Только на редких фитогенных буграх кое-где кустики карабарака...

Рис. 626 и 627. Члены экспедиции на бывшем морском дне и фитогенные бугры там же. Дно Арала, 3 мая 2007 г.

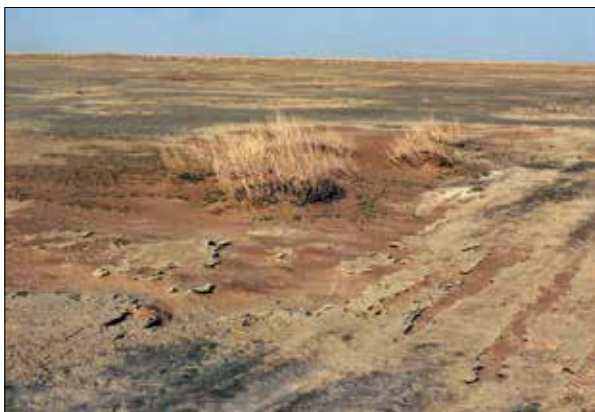

Рис. 628 – 631. Разнообразные участки бывшего морского дна по пути на Барсакельмес. 3 мая 2007 г.

Вот уже более получаса едем по такому абсолютно голому дну Аральского моря. И лишь кое-где едва заметная дорожная колея занесена тонким слоем песка. Абсолютную равнину разнообразят только фитогенные бугры, которые то идут в ряд, как копны сена, то разбросаны редкими точками. И мгла – освещения никакого! Птиц тоже нет. В 17 час 30 мин равнина уже покрыта сухой сведой, благодаря чему она напоминает степь. Одновременно со сведой появились мелкие жаворонки *Calandrella* sp.

«Тербери-2» – это остатки древнего города XIII в., обнаруженного на дне Аральского моря. Только что мы пересекли дорогу, ведущую к остаткам этого города (ушла вправо от нас). В местах, где кусты *Atriplex prateri* (по словам Лили Димеевой – это неозндемик дна Аральского моря) перевеяны песком, мы ненадолго остановились, и тут я встретил пустынную славку (*Sylvia nana*). После этой остановки (18 час 30 мин) поехали на солнце (т.е. на запад) и прямо по курсу стала видна узенькая тёмная полоска – это бывший остров Барсакельмес!!!

Рис. 632 и 633. Образователь фитобугра тамарикс и обитающая на его цветах бабочка. 3 мая 2007 г.

Высокие фитобугры образованы здесь в основном крупными кустами тамарикса; в этих густых кустах масса насекомых, в том числе бабочек (рис. 633), и часто встречаются птицы. Координаты: 45°39'53.9"с.ш.; 60°14'57.3"в.д. Высота – 28 м над уровнем моря! Здесь немало мелких пернатых мигрантов – какие-то камышевки и пеночки, среди которых явно есть зелёная пеночка. Здесь же – южная бормотушка (*Hippolais rama*) и какая-то тёмная, явно пролётная славка-завирушка (*Sylvia curruca*), а также луговой чеканчик (*Saxicola rubetra*) и яркий самец горихвостки-чернушки (*Phoenicurus ochrurus*). С земли поднялся чёрный коршун (*Milvus migrans*). Дальше по пути на запад всё больше и больше песчаных надувов, но постепенно *Atriplex prateri* сменила сведу и участились фитобугры – местами просто как на кладбище! Едем прямо на солнце, к «острову» Барсакельмес. Птиц нет совсем. В 19 час въехали в участок, где среди частых надувов песка (почти как микро-барханчики) появились кусты саксаула – явный самосев. И здесь сразу же появились оба жаворонка и пустынный сорокопут. Здесь же поёт пустынная славка (*Sylvia nana*). Отсюда уже хорошо виден сам Барсакельмес с ГМС и Маяком на нём.

Рис. 634 и 635. У шлагбаума при въезде в заповедник и дорога по заповедной земле. 3 мая 2007 г. Фото М.А. Чириковой

Рис. 636 и 637. Щитомордник (*Agkistrodon halys*) и палатка посреди бывшей центральной усадьбы. 3 мая.

В 19 час 30 мин мы въехали на остров через небольшой подъёмчик, всего 2 м высотой! Наконец мы на острове! Сфотографировались у шлагбаума (рис. 634). Дальше по острову наш путь продолжался также прямо на солнце (рис. 635). Слева – открытые пространства, справа – саксаульник (как лес). 20 час, урочище Карагансай. Это небольшая, но очень зелёная балочка с зарослями караганы. Влажная – можно не проехать. И в этом удивительно влажном месте, среди густой и высокой травы – крупный щитомордник (рис. 636), которыми когда-то славился этот остров. Птицы здесь тоже другие: кукушка (*Cuculus canorus*), полевой жаворонок (*Alauda arvensis*) и самец желчной овсянки – похоже, что первый прилетевший.

Через 10 мин езды мы уже на бывшей центральной усадьбе заповедника!!! Но поскольку от неё осталось в основном только название (здесь как раз работала ремонтная бригада) то нам пришлось ставить палатку прямо во «дворе» бывшей усадьбы (рис. 637). Зато утром нас разбудили песни серого жаворонка (*Calandrella rufescens*), запевшего в 5²⁵, когда было ещё темно (солнце взошло около 6 час). Дувший всю ночь и утром холодный северо-западный ветер вместе с чёрным небом и всходящим за пеленой солнцем сделал это первое утро незабываемым. Кстати в 6-7 час активность пения жаворонка упала.

Поскольку для нас, зоологов, эта поездка была просто ознакомительной, а ботаники приехали сюда работать на своих постоянных площадках, нам приходилось максимально использовать возможности попутных выездов с ними. В это утро мы поехали в западную часть острова. Уже через пару километров машина остановилась и дальше пошли пешеходные экскурсии, что меня больше всего устраивало. Ботаники ушли на свои площадки, герпетологи – Марина и Гаухарбек – бросились в пески ловить ящериц, а я был предоставлен сам себе – и птицам. Наконец-то можно не спеша осмотреться.

Рис. 638 и 639. Глинистая пустыня: заросли ревения и зарастающий кустарником такыр. 4 мая 2007.

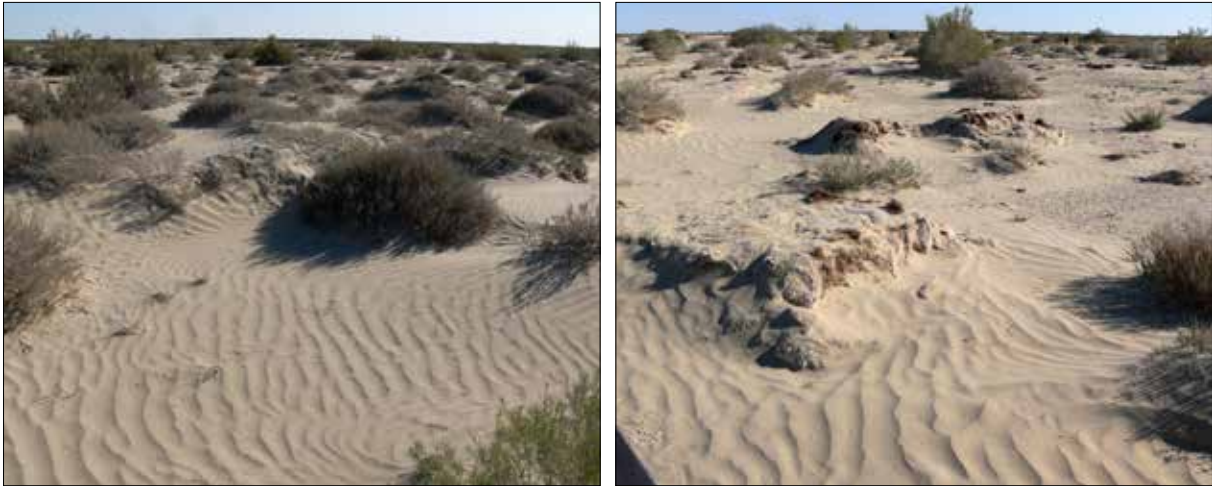

Рис. 640 и 641. Песчаные участки в местах осушки морского дна, зарастающего кустарником. 4 мая.

В небе гонялись друг за другом два степных орла (*Aquila nipalensis*), а поодаль кружил курганник (*Buteo rufinus*), в саксаульнике запела южная бормотушка (*Hippolais rama*) и сюда же села пролётная стая чечевиц (*Carpodacus erythrinus*), снова запели серые жаворонки (*Calandrella rufescens*), пролетели одна за другой две пары садж (*Syrrhaptes paradoxus*) – словом, жизнь в пустыне была ключом.

Это была старая береговая линия и начало так называемой «осушки», а проще говоря – бывшего морского дна. Сейчас уже только опытный глаз мог бы провести между ними границу. Саксаульник на песчаных буграх протянулся неширокой (100-200 м) полосой с востока на запад. За ним – равнина с редким кустарником (в т.ч. курчавкой), редкими сухими солянками и полынькой; общее проективное покрытие примерно 50%. Почва – супесь, потрескавшаяся, с мелкими морскими ракушками. Через 300-400 м этот биотоп сменили песчаные выдувы с фитобуграми, на которых сухие солянки, жузгун, очень редко – кустики саксаула, а в понижениях – цветущий колючий астрагал. Следующая полоса – песчаные бугры, густо поросшие высокой (до 20-30 см) прошлогодней травой и ещё более высокой (30-40 см) сухой чёрной полынью. Редкие кусты саксаула, тамариск, джузгун. Несмотря на появившееся солнце, было по-настоящему холодно, так как всё время дул сильный северный ветер. Самыми поющими и здесь оказались серый жаворонок (*Calandrella rufescens*) и южная бормотушка (*Hippolais rama*). Пустынная славка (*Sylvia nana*) и славка-завирушка (*Sylvia curruca*) держались в основном молча, так же как пустынная каменка (*Oenanthe deserti*) и жулан (*Lanius karelini*). Основная масса желчных овсянок (*Emberiza bruniceps*) ещё, видимо, не прилетела, так как я не встретил ни одной.

Нашёл первое гнездо серого жаворонка (*Calandrella rufescens*) с пуховыми птенцами (рис. 643). А на центральной усадьбе в полдень появились первые 3 самца желчной овсянки (*Emberiza bruniceps*). Под крышами сараев здесь живут не менее 30-40 пар домовых воробьёв (*Passer domesticus*) и две или три пары пleshанок (*Oenanthe pleschanka*). Стая более сотни пролётных розовых скворцов (*Pastor roseus*) буквально облепила кусты тамариска, а потом – и провода; вскоре она улетела на восток. Там же держатся пеночка-теньковка (*Phylloscopus collybitus*) и садовая камышевка (*Acrocephalus dumetorum*), а на крыше поёт удо́д (*Upupa epops*). Здесь всё вегетирует раньше, чем у нас: маки во дворе бывшей центральной усадьбы уже отцветают (близ Алматы разгар их цветения – середина мая)!!! Щитомордники живут и здесь, во дворе, даже рядом с нашей палаткой... Но как ни странно, об этом я ни разу не думал, забираясь в палатку на ночь. И это несмотря на то, что 8 лет назад получил укус этого дальнего родственника гремучей змеи. Видимо, сказывалась многолетняя привычка работать и жить рядом с этими созданиями – ведь они обычны и в Аксу-Джабаглы (Западный Тянь-Шань), где я отловил (для науки!) не одного, даже встречал их в гнёздах птиц, гнездящихся в норах. А на острове Барсакельмес щитомордник был всегда многочислен, о чём писал ещё первый его исследователь здесь Д.И. Папоротный (1950).

Рис. 642 и 643. Для этого ревеня 4 мая 2007 г. – начало осени, а птенцы жаворонка только вылупились.

Утром 5 мая мы выехали на южный берег острова. Провожала нас появившаяся ночью серая мухоловка (*Muscicapa striata*), деловито кормившаяся во «дворе». Там же держалась группка только что прилетевших самцов и самок желчных овсянок (*Emberiza bruniceps*), три чайки-хохотуньи (*Larus cachinnans*), а с востока на запад пролетели 8 саж (*Syrrhaptes paradoxus*). По дороге, среди биюргуновой равнины, в которой полно сусликов, два степных орла (*Aquila nipalensis*) сидят в тени единственного здесь чахлого деревца. Один долго поедает суслика. Оба подпустили машину на 10 м!

Вскоре биюргуновая равнина перешла в полынную, полынь эта (типа *Artemisia austriaca*) низенькая, высотой всего 10 см, а проективное покрытие – 70%. И здесь, наряду с серыми жаворонками всюду встречаются караулящие сусликов степные орлы (рис. 644). Сусликов здесь много! А главное – они изрыли всю колею, так как все норы они стараются рыть именно в колее!!! Может, потому, что это бугорок? Или потому, что здесь плотнее земля и лучше сохраняется вход в нору? Но для нас это было сущим наказанием – приходилось объезжать каждую нору или терпеть эти постоянные ухабы!

Рис. 644. Степной орёл высматривает сусликов. 5 мая 2007 г. **Рис. 645.** А Марина ищет в бинокль море.

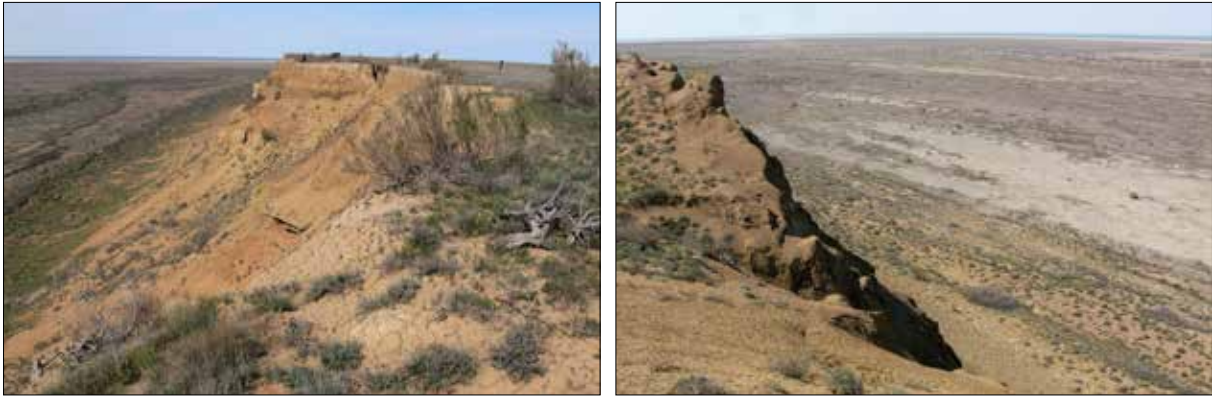

Рис. 646 и 647. Чинк южного берега Барсакельмеса в двух местах (море на горизонте). 5 мая 2007 г.

Рис. 648 и 649. Полоса осушки отступившей части моря, вид с южного чинка. 5 мая 2007 г.

В 10 час мы достигли чинка южного берега. Здесь степь подходит к самому чинку. На его краю – узкая полоска саксаула. Сам чинк, сложенный жёлтой глиной, по словам нашего гида Гаухарбека, высотой до 96 м. От его подножья до виднеющейся вдали полоски моря – более 10 км равнины, занятой солянками и рыжими пятнами тамариска (рис. 649). Голых мест близ чинка мало, но дальше они есть в виде тёмных и светлых полос различной ширины. Остатки баржи видны у самого чинка. Здесь, в чинке, колония чёрных стрижей (*Apus apus*), которые летают над нами в количестве десятка-двух. На его обрыве поют два самца плешанки (*Oenanthe pleschanka*), а на саксауле сидят самец и самка горихвостки-лысушки (*Phoenicurus phoenicurus*), обыкновенная чечевица (*Carpodacus erythrinus*) и пара индийских воробьёв (*Passer indicus*).

Дальше на запад дорога идет по полыньникам, отклоняясь подальше от чинка. Постепенно эти полыньники сменяются биюргунниками на такыровидной почве, а затем добавляются ещё и редкие кустики саксаула. На юго-западной оконечности острова – мыс Бутакова с табличкой. На металлической пластинке начертано, что установлено сие в честь капитана А.И. Бутакова, начальника Аральской экспедиции 1848-1849 гг., а Гаухарбек рассказал, как они зимовали здесь вместе с Т.Г. Шевченко. Сама эта стела установлена здесь в 1989 году. Здесь же написано название урочища: «Кеберсай».

Совсем рядом с табличкой про Бутакова – гнездо серого жаворонка, и взрослая птица, сгорбившись, усиленно отводит (само гнездо мы так и не стали искать, чтобы не беспокоить птиц). Кроме жаворонка здесь только плешанки и чёрные стрижи, да высоко в небе реют два степных орла. Отсюда мы на машине поехали через Кеберсай на северную сторону острова (рис. 650). Дно Кеберсая – практически голая глина с эфемерами, так же, как и один из его склонов (на другом есть островки саксаула). Из Кеберсая выехали в местность Жаман. Здесь развалины кордона и старый саксаул. Потом проехали в Петькин-куль – это небольшая дамбочка, в результате которой образовался бугут. Здесь – редкий саксаульник, цветущий тамарикс, злаковые поляны.

Среди других, уже примелькавшихся птиц увидели тугайного соловья (*Cercotrichas galactotes*), коротко спевшего на саксауле. Здесь же в траве кормится зелёная пеночка (*Phylloscopus viridanus*) и яркий самец горихвостки-лисушки (*Phoenicurus phoenicurus*), а буквально из-под ног Марины и Гаухарбека взлетела серая куропатка (*Perdix perdix*), видели это также Зауреш и Лиля. Судя по коллективному рассказу, скорее всего это она (крупнее и темнее саджи, круглая, сверху есть красный цвет, взлетела с криком хлопающим полётом и улетела по-куриному: 2-3 взмаха и планирование). До 18 час герпетологи остались работать на развалинах дома в ур. Жаман, пытаюсь найти здесь гекконов, а я сделал экскурсию по Кеберсаю (голая растрескавшаяся глина), где ничего нового так и не встретил.

Рис. 650. На северной части бывшего острова. 5 мая 2007.

Рис. 651. Старый бугут для полива огородов.

Рис. 652. Пролётная стая розовых скворцов заночевала 5 мая.

Рис. 653. Наглядная агитация (для кого?).

Рис. 654 и 655. На центральной усадьбе, фото на память с сотрудниками заповедника. 5 мая 2007 г.

Домой возвращались другим путём. На заброшенных огородах – небольшая водичка из тростников (рис. 651 – остатки бугута, сделанного для полива огородов сотрудников заповедника). И здесь-то, наконец, увидели мы сайгаков (*Saiga tatarica*) – рогача и трёх безрогих (видимо, приходили на водопой).

На территории бывшей центральной усадьбы вечером кормились около 50 розовых скворцов (*Pastor roseus*), остались на ночь (рис. 652). А Гаухарбек видел, как через центральную усадьбу заповедника пролетели на север около 100 каких-то гусей (*Anser* sp.). Уже в полночь Марина и Гаухарбек, ловившие гекконов на такыре у аэродрома, снова слышали гогот гусей, летевших на север.

Последний день на острове (6 мая) мы посвятили поездке на запад, в сторону бывшей метеостанции, где за годы существования заповедника проведено так много наблюдений не только за погодой, но и за животным миром. Утро выдалось ясным, тихим и тёплым, с жемчужными облаками на востоке. В разных местах биюргунника мы насчитали восемь степных орлов, много серых (*Calandrella rufescens*) и меньше – малых (*C. brachydactyla*) жаворонков. Далее пошли почти чистые полынные (*Artemisia terraealba*) на глинистых буграх. И среди полыни – много ревеня, причём здесь он почти весь ещё зелёный, тогда как на осушке уже вчера и позавчера пожелтел. Основные пешие экскурсии мы провели в урочище Сегизсай, в 1 км к западу от ГМС. Здесь глинистые холмы коренного берега, поросшие на 90-100% мортуюком и мятликом (по 10-15 см высотой), с островками молодых редких саксаульников. Бугры спускаются к берегу оголёнными глинистыми грядами, с густой зелёной растительностью в балочках между ними. Ниже, вдоль края коренного берега, идёт широкая (местами до 100 м шириной) полоса густого саксаульника; за ней – тёмная узкая полоса, как бруствер – некоего подобия валика, поросшего более высоким саксаулом и тамариксом. Видимо, это и есть коренной берег. За «бруствером» – полоса более мелкого и редкого саксаульника с другим кустарником (её ширина 100-200 м); за ней – жёлтая песчаная полоса с редкими пятнами тамарикса, а за ней – светло-зелёная солянковая равнина, также с тёмными пятнами тамарикса. Всё это достаточно хорошо видно на фотографиях общего плана местности (рис. 661).

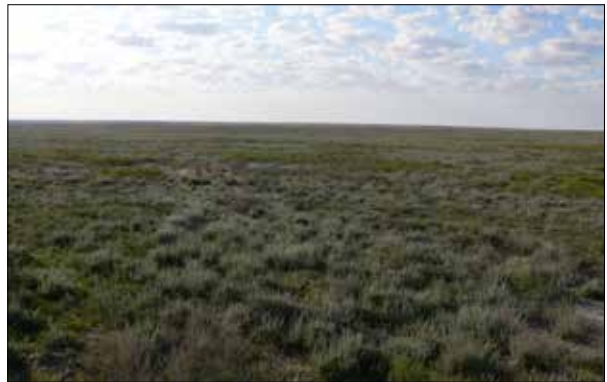

Рис. 656. Зелёная жаба во дворе заповедника. 6 мая 2007. Рис. 657. Биюргуновья равнина по пути на запад. 6 мая 2007

Рис. 658 и 659. Ландшафт западной половины заповедника по пути на ГМС. 6 мая 2007 г.

Рис. 660 и 661. Гидрометеостанция и вид с западного чинка на бывшее дно Аральского моря. 6 мая 2007.

Орнитологическая экскурсия с количественным учётом птиц, проведенная мной с 10 до 13 час, показала, что состав птичьего населения здесь примерно такой же, как и в других участках острова. На первом месте по численности – серые жаворонки (*Calandrella rufescens*), которые сейчас уже поют редко и неподалеку – явно кормят птенцов. На втором месте по численности в открытой степи – малый (*Calandrella brachydactyla*), а на последнем – хохлатый (*Galerida cristata*) жаворонки. Из трёх видов каменок (*Oenanthe pleschanka*, *Oenanthe deserti*, *Oenanthe isabellina*) чаще других встречается первая. В кустарнике на первом месте – часто поющая южная бормотушка (*Hippolais rama*), реже поёт славка-завирушка (*Sylvia curruca*), ещё реже видны молчаливые пустынная славка (*Sylvia nana*), тугайный соловей (*Cercotrichas galactotes*) и только что прилетевшая желчная овсянка (*Emberiza bruniceps*).

Рис. 662и 663. Подчинковая полоса с цветущим астрагалом коротконогим (*A. brachypus*). 6 мая 2007 г.

Рис. 664 и 665. Наверху западного чинка и фоновая птица этих мест – каменка плешанка. 6 мая 2007 г.

Рис. 666 и 667. Общий вид западного чинка снизу и обратный вид с чинка на бывшее дно Арала. 6 мая.

Большой процент составляют пролётные птицы: зелёные пеночки (*Phylloscopus viridanus*), серые мухоловки (*Muscicapa striata*), кукушки (*Cuculus canorus*), горихвостки-лысушки (*Phoenicurus phoenicurus*), обыкновенные чечевицы (*Carpodacus erythrinus*). А в одном месте я наткнулся даже на двух пеночек-трещоток (*Phylloscopus sibilatrix*) – тёмно-зелёных сверху и желтоватых снизу, с жёлтой бровью и без крыловой полосы; горло и зоб желтоватые. Присмотревшись к другим пеночкам повнимательнее, я увидел, что таких порхает штук 5-6. Низко над степью в одном месте пролетел молодой лунь, похожий на самку лугового (*Circus pygargus*?), а из полуразрушенного здания метеостанции вылетел домовый сыч (*Athene noctua bactriana*). Возвращаясь вдоль чинка (он здесь не более 10 м высотой) к оставленной машине, я наблюдал красивую картину, как ветер поднимает и уносит вверх на 100-200 м огромные сухие листья ревеня (*Rheum tataricum*), и они летают, как крупные жёлтые птицы...

В этот тёплый и ласковый последний вечер вокруг нашей палатки на центральной усадьбе как-то особенно активно кричали в сумерках суслики (*Citellus fulvus*), летали нетопыри-карлики (*Vespertilio pipistrellus*?) и раздавались обрывки песен жаворонков (*Calandrella rufescens*). Завершил всё прощальный ужин, на котором, как всегда, было немало речей, но нет-нет да и подчёркивалось, что успех завтрашнего возвращения будет зависеть *только от погоды*. В устах местных старожилов для нас это звучало серьёзно...

Похоже, что этими предупреждениями накликали беду. Всю ночь был сильный ветер и дождь, сменяющие по времени друг друга. Иногда казалось, что палатку вот-вот сорвёт! К утру – холодище! Ветер немного притих, и дождь прекратился, но чёрные тучи (рис. 668) как-то угнетали.

Рис. 668 и 669. Грозные тучи утром 7 мая 2007 г. и начало пыльной бури в виде «позёмки». Барсакельмес.

Рис. 670 и 671. Пыльная буря всё усиливается, после часа езды дорогу практически уже не видно.

Утром 7 мая в 7⁵⁰ выезд, напоминающий бегство, – без завтрака и умывания! В машине поместились вшестером: Тулубай (водитель), Зауре, Лиля, Марина, Гаухарбек и я. На песчаных участках осушки– «позёмка» (рис. 669)! На голых участках бывшего морского дна – уже целая «метель» (рис. 670, 671). Более часа ехали мы по оголенному дну Аральского моря под ветром и пыльной бурей. Не видно ни зги! ...

Впервые попав в такие условия, я находился в состоянии странного возбуждения, более всего близкого к неопишуемому восторгу. Больше всего от этого досталось бедному фотоаппарату, которым я пытался снимать всё подряд, хотя и понимал, что при таком почти полном отсутствии освещения вряд ли что получится, зато пыли в фотоаппарат набьётся с лихвой! За это время ни одной птицы не встретили...

Но, как только пересекли полосу закрепления (появилась хоть какая-то растительность), – сразу же встретили серого жаворонка и каспийского зуйка!!! Меня больше всего занимало – как можно без всякой видимости (и без приборов!) найти дорогу в этом сплошном бездорожье. И я с тревогой поглядывал на Тулубая, который невозмутимо крутил баранку. Правда, в одном месте и он дрогнул, остановил машину и вышел, а после осмотра местности сдал назад (видимо, всё-таки проскочил одному ему ведомый ориентир).

Рис. 672. В разгар пыльной бури – земля и небо одного желтовато-серого цвета. Утро 7 мая 2007 г.

И снова поехали впотьмах, как в невесомости. Только временами, когда чуть ослабевала желто-серая пелена, сквозь неё проникали слабые лучи солнца, светившего нам навстречу и окрашивающего окружающее нас пространство в тёплые тона. Иногда из этой тьмы вырывалась летящая куда-то одиночная чайка (один раз – озёрная, другой – хохотунья) и сразу же пропадала, другой раз так же пролетели три малых зуйка. Опять выехали на оголенное дно в районе бывшего залива Акколь, и птицы исчезли! Лишь видно, как несёт по земле белую пыль-соль сильный ветер! И всё...

В 9³⁰ были уже около вышки, где фотографировались, когда ехали сюда, – доехали за 2 часа 10 мин! В 9⁵⁰ снова зарастающее отдельными кустиками дно – и здесь снова появились жаворонки!!! А вместе с ними – одна сизая чайка (*Larus canus*), каменка-плясунья (*Oenanthe isabellina*), каспийский зуёк (*Charadrius asiaticus*) и даже стая из 15 больших кроншнепов (*Numenius arquatus*). Чайки и кулики все летели на запад – против ветра. Прямо из появившейся колеи стали взлетать малые жаворонки (*Calandrella brachydactyla*): 1.3.5.3.1.3.2.3.1.1 – видимо, прячутся там от ветра.

Село Каратерень встретило нас в 10³⁰ таким же ветрищем. Добрались за три часа... Машина Тулубая осталась здесь, а мы выехали обратно в Аральск в 15³⁰ на «таблетке» УАЗ-452 с группой рейнджеров-охранников. По пути отметили на берегу Сарыколя День защитника Отечества (это недавно появившийся аналог 23 февраля!). Наблюдать что-либо из этого «воронка» с его пьяной компанией было просто невозможно. Из птиц чудом удалось увидеть только степного орла и чернобрюхого рябка.

В 19⁰⁵ прибыли в Аральск, а так как Зауреш с Лилей остались в Каратерене, то время до поезда мы скоротали в доме Берика Куандыкова – зоолога заповедника, ездившего с нами на остров. Его отец Куандык Бакирович (метеоролог) вместе с сыном и посадил нас ночью в поезд на Алма-Ату...

Так завершилась эта поездка, уместившая за короткий срок столько впечатлений... На обратном пути в поезде и уже потом, в городе, я много думал об этом неординарном месте и о его удивительной судьбе. Как из обычного охотничьего хозяйства, пройдя длительную стадию «Ноева ковчега», на который завозили различных копытных, создавая при этом искусственное перенаселение, вынуждавшее подкармливать животных привозной травой; он, *перестав быть островом*, избавился от этого перенаселения и приобрёл черты настоящего заповедника (как говорится в поговорке: не было бы счастья, да несчастье помогло...).

И вот 20 сентября 2023 г. на расширенной 45-й сессии Межправительственного комитета по охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО, проходящей в столице Королевства Саудовская Аравия Эр-Рияде, принято решение: «включить в Список всемирного наследия территории национального парка Алтын-Эмель и *заповедника Барсакельмес* как части транснациональной номинации «Холодные зимние пустыни Турана», внесённой совместно Республикой Казахстан, Туркменистаном и Республикой Узбекистан». Надо сказать, что Комитет первоначально отклонил кандидатуру Барсакельмеса, и мне вдвойне приятно, что повторный доклад 20 сентября в Эр-Рияде с доказательствами о *необходимости* включения Барсакельмеса сделала моя внучка Элина Мальцева (рис. 673), после чего Комитет изменил своё прежнее мнение и принял правильное решение...

Рис. 673. На заседании Комитета по охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО 20 сентября 2023, город Эр-Рияд. Фото с сайта Центра Всемирного наследия ЮНЕСКО: <https://whc.unesco.org/en/statesparties/kz>

Это лучший подарок к предстоящему в 2024 г. 85-летию юбилею этого заповедника – бывшего острова среди бывшего моря, а ныне хорошо сохранившегося и очень характерного представителя северных туранских пустынь Средней Азии, вполне заслуженно получившего право называться одним из объектов Всемирного природного наследия. И вовсе не исключено, что со временем, при очередном восстановлении Аральского моря (что уже было не раз в его далёкой истории), восстановится и остров Барсакельмес, оставаясь при этом объектом Всемирного природного наследия...

А для тех, кто заинтересуется историей Барсакельмеса, я бы очень рекомендовал появившийся в июне этого года очерк известного алматинского литератора и странствователя Андрея Вячеславовича Михайлова «**Аномальный Барсакельмес**. 1976. Каким был остров, которого больше нет» (Газета «Московский комсомолец» 21.06.2023. <https://mk-kz.kz/social/2023/06/21/anomalnyy-barsakelmes.html>), в котором красочно и художественно рассказывается о студенческой практике на острове Барсакельмес в 1976 году...

16 октября 2023 г. – 12 апреля 2024 г.

13. Кургальджинские степи и озёра (1970, 1980)

Рис. 674. Кургальджинские степи в конце лета. Август 2005 г. *Фото Виктории Ковшарь*

Рис. 675. Пеликаны, бакланы и утки на одном из плёсов озера Кургальджин. Август 2005 г. *Фото Виктории Ковшарь*

Знакомство моё со степной зоной Казахстана началось с территории Кургальджинского заповедника. Этот озёрно-степной заповедник, созданный в 1958 году (в 1962 г. преобразован в лесохозяйственное хозяйство и только в 1968 году восстановлен как заповедник), занимавший первые три года территорию всего 15 тыс. га степи *без озёр*, а восстановленный на 177 тыс. га озёрных акваторий (*практически без степи*), к 1982 году занимал уже 237.1 тыс. га, в т. ч. 37.9 тыс. га степной территории и 199.2 тыс. га акватории (Заповедное дело в Казахстане, 1982, с. 57). В этой первой монографической сводке о заповедниках Казахстана дана и наиболее подробная характеристика его природных условий, которую я привожу ниже для понимания особенностей этого участка, расположенного почти в центре Казахстана – на стыке центральной и северной его частей.

«Тениз-Кургальджинская впадина протянулась с запада на восток на 200 км, с севера на юг – на 70-120 км. Находясь на стыке степной и полупустынной ландшафтных зон, она отделяет Казахский мелкосопочник от Кокчетавской возвышенности. Местность в ней почти ровная, немного всхолмленная, относительная высота холмов не более 30-40 м. К югу степь постепенно повышается, переходя в невысокий мелкосопочник с абсолютными высотами 300-426 м, сложенный кристаллическими породами, разрушенными длительным выветриванием... Территория заповедника относится к зоне каштановых почв. По характеру рельефа, почв и растительности её выделяют в особый Тенгиз-Кургальджинский район луговых и засоленных почв и солонцов... Климат района заповедника, расположенного почти в центре евразийского материка, характеризуется резкой континентальностью и сухостью. Короткое, но жаркое и сухое лето обусловлено выносом сухих перегретых масс воздуха из пустынь Средней Азии. В период продолжительной суровой, но малоснежной зимы через Западно-Сибирскую низменность сюда вторгаются холодные арктические массы воздуха. Потоки влажного воздуха из Атлантики этих мест практически не достигают. Здесь большая сумма часов солнечного сияния – 2370 в году, соответственно радиационный баланс летом достигает 25 ккал/см² поверхности почвы. Ясных дней около 150 в году. Характерны резкие температурные контрасты... Разность между средней летней и средней зимней температурой более 38°, а годовая разница абсолютных температур достигала даже 88°: в январе 1948 г. было минус 44°, а в июле плюс 44°. Холодная, с сильными юго-западными ветрами и частыми метелями зима начинается в середине ноября и длится около 5 мес, а на самом юге заповедника она на 1-2 мес короче. Средняя многолетняя температура января –16.4°, в отдельные зимы морозы бывают – 40°...– 45°. Во время буранов скорость ветра достигает 32 м/сек. Снежный покров здесь неустойчив, он устанавливается в середине ноября в среднем на 140 дней; наибольшая высота его к концу зимы на открытых местах 10-15 см, в западинах – до 60 см и выше... Преобладающим ландшафтом являются всхолмленные безлесные равнины и степные озёра. Древесной растительности нет. Ближайшие берёзовые колки расположены в 140, а сосновые боры – в 250-300 км к северу. Только в сопках южнее заповедника имеются небольшие участки низкорослых осинничков. Гидрологическая сеть представлена тремя реками (Нура, Кон и Куланутпес) и несколькими озёрами, в том числе такими крупными как Тенгиз и Кургальджин...

Озеро Тенгиз – крупный горько-солёный водоём с площадью зеркала 1590 км² и длиной береговой линии 488 км. Озеро мелководное, глубина его редко превышает 2-2.5 м, хотя в литературе имеются указания на глубины 8 м. Берега озера пологие, местами топкие, лишённые околводной растительности. На озере свыше 60 больших и малых островков сконцентрированных в восточной его части; большинство из них настолько пологие и низкие, что легко перемываются при сильном шторме. Площадь озера Кургальджин, когда-то составлявшего единое целое с Тенгизом (об этом свидетельствуют сохранившиеся древние террасы) – 330 км², протяжённость береговой линии – 187 км. Западные и южные берега его пологие, а северные и восточные образуют обрывы высотой до 4-6 м. Глубина озера 0.5-3 м, дно глинистое, покрытое слоем ила. Более 70% водного зеркала занято зарослями тростника и рогоза, которые делят его на несколько самостоятельных плёсов, получивших названия озёр: Султан-Кельды, Есей, Кокай, Жаманколь и др. На озере имеется до 40 небольших островков. Все они, за исключением Жартюбе, который выделяется обрывистыми берегами, скрыты зарослями тростника. Характерной особенностью гидрологического режима озёр Тенгиз-Кургальджинской впадины, как и всех водоёмов Центрального и Северного Казахстана, являются сезонные и многолетние колебания уровня воды. В середине-конце апреля он бывает наивысшим, летом постепенно снижается и к концу года достигает межennaleго... В многолетних изменениях режима озёр отмечается чередование наполнения и падения уровня воды вплоть до полного пересыхания мелководных плёсов. Такое усыхание наблюдалось в 1940 г., после чего с 1941 г. по 1949 г. длилась фаза обводнённости. В 1950 г. снова началось усыхание, а в 1970 г. – прогрессирующее наполнение... Главную угрозу Тенгиз-Кургальджинским озёрам представляет бесконтрольное строительство водохранилищ, плотин и дамб на питающих их реках, что резко ухудшает водный режим конечных водоёмов» (Заповедное дело в Казахстане, 1982, с. 57-61). Хорошей иллюстрацией к описанию климатических (особенно зимних) и иных условий работы в заповеднике зимой 1959/60 г. могут служить фотографии (рис. 676-678) моего друга, первого орнитолога этого заповедника Игоря Кривицкого (1935-

2008), с которым мы в один день 17 августа 1959 г. выехали из Харькова на работу в заповедники: он – в Кургальджинский, а я – в Аксу-Джабаглы. Третий наш друг – Юра Шибаев – ехал с нами в одном поезде до Москвы (где начиналась 2-я Всесоюзная орнитологическая конференция), а оттуда – аж на Дальний Восток, в Судзукхинский заповедник...

Рис. 676-678. Игорь Кривицкий в Кургальджинском заповеднике. Осень и зима 1959/60 г. *Фото из архива автора*

В своих письмах ко мне Игорь, бывший страстным любителем гор и поклонником горного туризма, язвительно описывал осенне-зимнее однообразие степной равнины и демонстративно заканчивал письмо горизонтальной линией, изображающей этот самый не понравившийся ему рельеф. И только там, где текст письма касался птиц, тон его преображался, особенно когда речь шла о знаменитом чёрном жаворонке или о встреченном в открытой степи клесте-еловике – обитателе хвойных лесов. А уж погоня на мотоцикле за браконьерами, которые на полном ходу сбрасывали ему под колёса пустые ящики (только успевай от них увернуться!) описывалась в лучших традициях ковбойского жанра... Можно себе представить, как мне тогда хотелось хоть одним глазком посмотреть на эти степи, не говоря уже об озёрах... Но первый случай представился только через 10 лет, когда Игорь уже преподавал в родном Харьковском университете...

Первая экспедиция в Кургальджино (июнь 1970)

На июнь 1970 года в лаборатории орнитологии Института зоологии Академии наук Казахстана была запланирована экспедиционная поездка в Кургальджинский заповедник, который я давно мечтал посмотреть и сравнить с описаниями Игоря Кривицкого. Конечно, цель экспедиции была несколько иная: налаживание массового кольцевания птиц в рамках господствовавшей в лаборатории миграционной тематики.

А поскольку с конца мая я был на Алаколе, где с Эрнаром Ауэзовым наблюдали вылупление птенцов в колонии реликтовой чайки, то заведующий лабораторией Эдуард Иванович Гаврилов (1933-2011) решил заехать за мной туда на экспедиционной машине и оттуда, обогнув с востока Балхаш, через Аягуз и Казахский мелкосопочник пробираться к цели нашей экспедиции. Захватив с собой младшего сына Андрея (которому шёл 13-й год) и приехавшую из Саратова Лию Алексеевну Лебедеву (она давно хотела посмотреть Казахстан), Гаврилов с Юрием Николаевичем Грачёвым (1936-2020), Анатолием Максимовичем Семей и молодым лаборантом Саней Филимоновым, уехавшим осенью в армию, приехали в Ушарал, где остановились в гостеприимном доме Владимира Александровича Грачёва (1926-2016), а Толю Сему на экспедиционной машине отправили за мной в село Жарбулак, что на восточном берегу Алаколя.

В те годы сотовые телефоны ещё не изобрели, поэтому мы с Эрнаром знали только обговоренный день прибытия машины. И когда ближе к вечеру этого дня с нашей моторки стал виден восточный берег, то на его обрыве близ Жарбулака (который и переводится как «обрывистый родник») уже стояла грузовая экспедиционная машина – почти в том же месте, где месяц назад Анвар утопил лодку с имуществом. Расспросы и рассказы плавно перешли в ужин тут же, на берегу. Как водится, выпили за встречу – и раз, и два (тем более, что Эрнара не надо было упрашивать, а мы с Толей не возражали).

В быстро наступивших сумерках решили, что ночуем здесь, прямо на берегу, а рано утром выезжаем в Ушарал. Но когда Сема сказал, что будет спать в кузове, опьяневший водитель вдруг заявил: «Не подходите к машине! Машина моя, и я за неё отвечаю». Такого в нашей практике ещё не было. Конечно, на автобазе Академии наук, которая выделяла нам экспедиционные машины, было около двухсот шоферов и среди них попадались всякие... Но нам до сих пор эти всякие не попадались. Не обращая внимания на водителя, Сема забрался в кузов. Однако водитель не шутил. Он сел в кабину и стал сдавать назад прямо к обрыву, высота которого в этом месте была метра два! Сему как ветром сдуло с машины, но выпрыгнул он вместе со спальником и тут же пробормотал: «Такому больше наливать нельзя!». На следующий день об инциденте доложили Гаврилову, и он всю дорогу следил, чтобы водителю не наливали.

А дорога была очень интересной – после Аягуза каменистые южные степи чередовались с мелкосопочником, где к царству мелких жаворонков (род *Calandrella*) примешивались петрофилы – каменка-пleshанка (*Oenanthe pleschanka*), скальная овсянка (*Emberiza buehanani*) и так называемый монгольский пустынный снегирь (*Bucanetes mongolicus*), два пустых, но уже готовых гнёзда которого под камнями нашёл я в урочище Кайнар. Как и сам этот «снегирь», они были похожи на знакомые мне по Аксу-Джабаглы гнёзда краснокрылого чечевичника (*Rhodopechys sanguinea*), только заметно меньше, а устроены были практически так же – неглубоко под нависающим камнем. Всё чаще попадалась степная пустельга (*Falco naumanni*), гнездившаяся здесь же, в камнях. А я всё искал индийскую пеночку (*Phylloscopus griseolus*), о которой мне рассказывал Вадим Капитонов, что она обычна в Казахском мелкосопочнике – как и пёстрый каменный дрозд (*Monticola saxatilis*). Ни того, ни другого за короткие (максимум – часовые) экскурсии во время остановок найти не удалось, но зато в крохотной рощице на дне миниатюрного каменистого ущелья в мелкосопочнике встретилась иволга (*Oriolus oriolus*)!

Запомнились Каркаралинские горы с их лиственными и хвойными лесами (рис. 679-682), а также удивительным образованием – Чёртовым озером, расположенным почти на вершине горы. Сначала меня удивило обилие синиц в берёзовых лесах, а потом – белошапочная и красноухая овсянки (*Emberiza leucocephalos*, *E. cioides*) с выводками на вершине горы. И здесь инцидент с водителем повторился – не уследили! Пришлось его утихомиривать всей командой, а он вырывался и грозился сжечь машину. На следующий день ему прямо объяснили, что до конца экспедиции он ни грамма спиртного не получит.

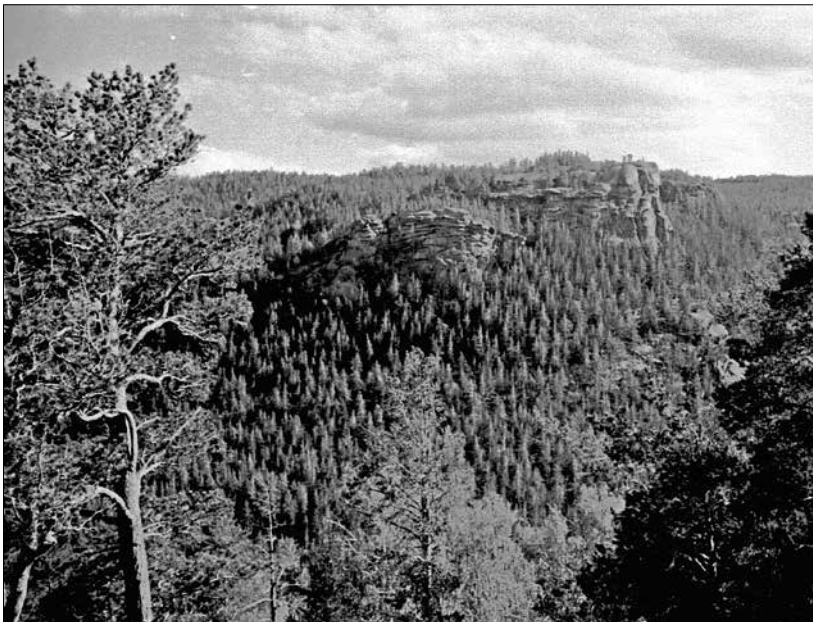

Рис. 679 и 680. Каркаралинские горы: общий вид и молодой сосновый лес вблизи. Июнь 1970 г.

Рис. 681-682. Члены экспедиции у машины на месте ночёвки и скалы над Шайтан-озером у вершины.

Рис. 683. Степная дорога на подъезде к юго-восточной окраине заповедника. Июнь 1970 г.

Кургальджинские озера, сильно заросшие тростником, буквально кишели мелкой птицей, из которой меня больше всего поразила усатая синица (*Panurus biarmicus*), которую я видел в природе впервые. На открытых плёсах было немало уток и лебедей. А в тростниковых займищах Камышзавода мы в первые же полчаса отловили камышевок двух видов – тростниковую (*Acrocephalus scirpaceus*) и индийскую (*A. agricola*), и обе оказались новинками для этих мест, т.е. встречены севернее известной границы ареала.

Рис. 684-685. На плёсах оз. Кургальджин на шестах: Е.Н. Волков, Ю.Н. Грачёв, А.М. Сема. Июнь 1970 г.

Рис. 686-687. Перевозка лодки из Нагумана в Камышзавод и переезд всей группы. Июнь 1970 г.

В поселке Нагуман мы встретились с орнитологом заповедника Валерием Хроковым, уже два года изучающим здесь куликов. Он продемонстрировал нам оригинальный скрадок для наблюдения и фотографирования куликов, который он называл почему-то «сортир». Это удлиненное низенькое сооружение из камуфляжной ткани было натянуто на лёгкий каркас и рассчитано на то, что человек с фотоаппаратом может по-пластунски подползать к птицам на брюхе, удерживая скрадок на спине, как черепаха панцирь. С его помощью Валерий уже сделал ряд хороших фотографий куликов. Мне же особенно понравилась сама идея передвижного скрадка (до сих пор я его крепил к земле, как палатку).

Больше всего запомнилась поездка на колонию фламинго. Тенгиз своими размерами действительно напоминал безбрежное море, что значит это имя в переводе с казахского. Как и положено морю, воды его на горизонте смыкались с небосводом и противоположный берег не просматривался. Птиц на безбрежной водной глади не было, хотя в период миграций здесь бывают скопища пролётных уток (рис. 688).

Рис. 688. Утки над Тенгизом, август 2005 г. *Фото В.А. Ковшарь* **Рис. 689.** Наши следы на отмелях Тенгиза.

Пологие берега Тенгиза имели грязевые отмели шириной 200-300 м, в которых ноги утопали почти по колено, оставляя за собой цепочки рваных следов (рис. 689). А лодку-плоскодонку приходилось нести на руках (рис. 690-691), и даже на воде она приводилась в движение не веслами, а длинными шестами. Почти в любом месте можно было встать на дно, и вода доставала лишь до пояса, редко – по грудь. Такое однообразие довольно быстро утомляло, тем более, что и живности на воде было очень мало – чаще всего небольшие группки маленьких куличков – круглоносых плавунчиков (*Phalaropus lobatus*), плавающих, как миниатюрные уточки, и часто вертящихся вокруг своей оси в погоне за водными беспозвоночными. Иногда пролетали чайки – обычные озёрные (*Larus ridibundus*), побольше – хохотуны (*Larus cachinnans*), а то и крупные, грузные, с медленными взмахами крыльев черноголовые хохотуны (*Larus ichnhyætus*). Время от времени та или другая хохотунья разражалась истерическим хохотом «ииии...ииии... ииии... хахахаха!», но черноголовые хохотуны всегда солидно молчали, лишь изредка и негромко бормоча: «говговговговгов... говговговгов...».

Рис. 690-691. Тенгиз: наши способы доставки лодки к открытому плёсу. Июнь 1970.

Рис. 692-693. А. Сема, Е. Волков, Э. Гаврилов у колонии черноголового хохотуна.

Но вот вдаль показалась цепочка летящих фламинго. На большом расстоянии это были просто горизонтальные прямые палки с машущими крыльями. Но когда эта цепочка облетала нашу лодку на расстоянии метров 50, поражала чистая белизна птиц с нежно-розовыми крыльями, а в бинокль хорошо видны были и плавный изгиб лебединой шеи и даже нелепо изломанный крупный клюв на маленькой головке. Звуки, напоминающие гусиное гоготание, фламинго издавали редко, обычно же пролетали молча. Конечно, нам очень хотелось посмотреть их колонию, но мы уже знали, что посещение её может закончиться гибелью яиц или птенцов, поэтому согласны были на то, чтобы посмотреть на неё хотя бы издалека. И вот впереди по курсу, почти на горизонте, появилась ярко-белая полоска среди призрачного марева более темной по цвету воды. «Это – колония» сказал Женья Волков, орнитолог заповедника, изучающий именно фламинго. И как ни хотелось нам подобраться поближе, пришлось довольствоваться наблюдением с расстояния почти в километр, глядя на цепочки фламинго, подлетающие и отлетающие от этой яркой белой полосы, в которой даже в бинокль сложно было выделить отдельных птиц... А поскольку увидеть и сфотографировать колонию фламинго вблизи мне так и не удалось, привожу фотографии, подаренные мне Эрнаром Ауэзовым, которые он снимал здесь же, на Тенгизе, в 1971 году (рис. 694-697).

Рис. 694-695. Типичная колония фламинго на островке Тенгиза и молодняк на мелководье. 1971 г. Фото Э.М. Ауэзова

Рис. 696-697. Гнездо фламинго на обломке ракеты и общий вид колонии. Тенгиз, 1971 г. *Фото Э.М. Ауэзова*

Потом мы часто видели группы фламинго, пролетающие над степью или кормящиеся на мелководье недалеко от берега. Однажды я даже присутствовал на «охоте» – Вале Родионову надо было добыть для Музея КазГУ нескольких фламинго (разрешения на отстрел были оформлены по всем правилам). Я напросился к нему ассистентом с фотоаппаратом. Сначала днём мы выкопали на берегу небольшой окопчик на двоих, всего по пояс глубиной; по словам Валентина, который уже не раз так делал (и даже угощал членов экспедиции деликатесом – варёными мясистыми языками фламинго!), вполне достаточно сидеть в этом окопчике так, чтобы над землёй возвышалась только твоя голова – тогда фламинго на тебя не реагируют. Предвкушая, какие будут снимки летящих над нами фламинго, я устроился в окопчике рядом с другом, который спокойно курил, держа в руках охотничье ружье. Сели мы на свой «номер» перед закатом, когда жара уже спала, и фламинго должны были лететь со степи к озеру. И они полетели – небольшими цепочками. Но почему-то облетали нас метров за 300 и садились не на нашем участке берега, а поодаль – правее или левее. Вскоре выяснилась и причина: у «нашего» берега собирала материал по паразитологии Александра Павловна Максимова. Она бродила по самому урезу воды и что-то собирала. Прошло полчаса, час, а она и не думала уходить. Мое предложение сделать предупредительный выстрел Валентин решительно отверг: «Пусть работает, ей же тоже надо работать». Так и просидели мы безрезультатно до сумерек. А фламинго так и продолжали пролетать в стороне от нас. Пришлось любоваться на них издали.

Три недели пролетели быстро. И вот уже прощальный вечер в Каражаре – улетали мы с Эдиком и кто-то из ребят, а остальные оставались ещё почти на месяц. Расслабились так, что забыли о водителе, а он этим воспользовался... Поняли свою оплошность только утром, когда выяснилось, что водитель – никакой, «лыка не вяжет». Нам было не до смеха – вечером самолёт (билеты у нас на руках), а до целиноградского аэропорта (ныне – столица Казахстана город Астана) более 200 км!

Пришлось Гаврилову вспомнить молодость и сесть за руль, а спящего водителя посадили в кабине рядом – и, как выяснилось, зря! Не проехали мы и 20-30 км, как он проснулся и стал отбирать руль: как это так, ЕГО МАШИНУ кто-то ведёт. Кроме руля он хватал также ручной тормоз, ручку скоростей, и в результате этой борьбы машина взвыла, некоторое время мотор ревел, как самолет на взлёте, а потом заглох. И больше не заводился. Наши «спецы» определили, что расплавился какой-то подшипник.

На попутную машину в этой глухомани рассчитывать было нечего. Кто-то сказал, что из соседнего совхоза, до которого километров 20, должен ходить автобус – по крайней мере, до посёлка Кургальджино, а там уже – цивилизация. Пошли пешком, оставив машину с пьяным водителем – проспится, разберётся, тем более что обратно до Каражара ему столько, сколько нам до совхоза.

Нам повезло – где-то с полпути нас подобрал трактор с тележкой, который шёл как раз в то село. Автобус, на наше счастье, ещё не ушел: сначала обедал водитель, потом собирали по селу людей. Так что на самолёт мы успели и домой прилетели уже без приключений.

*****

Поездка в Кургальджинский заповедник 10 лет спустя (июнь 1980)

В июне 1980 года мы с Э.И. Гавриловым участвовали в очередном выездном заседании Научного Совета «Животный мир Казахстана, его развитие, преобразование и охрана», проходившем на сей раз в Кургальджинском заповеднике. Накануне здесь случилось крупное ЧП – погибла колония фламинго (*Phoenicopterus roseus*), занесенного в Красную книгу Казахстана и СССР. Там же, на заседании, была образована комиссия для расследования причин этого происшествия в составе: Гаврилов, Ковшарь и заместитель начальника Казглавохоты Иван Савельевич Сидоров. Надо было срочно выезжать на озеро Тенгиз и на лодках добираться к острову, где погибла колония. Это обстоятельство так подействовало на тучного пожилого чиновника, что у него тут же поднялось давление – хоть скорую помощь вызывай.

Пришлось нам с Эдиком ехать вдвоём, что было единственно верным решением, учитывая, что сопровождали нас два орнитолога заповедника – Евгений Николаевич Волков и Николай Николаевич Андрусенко – оба уже не первый год работающие в этом заповеднике и занимавшиеся именно изучением фламинго. Поездка оказалась очень интересной, и её не смогло испортить даже то обстоятельство, что оба названных орнитолога уже давно и очень сильно враждовали друг с другом (и в этом конкретном случае они обвиняли друг друга в случившемся!). Уже в УАЗ'ике, по пути на Тенгиз, они так сцепились, что нам с Эдиком пришлось сесть между ними, и он как научный руководитель всю дорогу пытался их вразумить. Однако застарелую вражду одними разговорами не погасишь и, когда распределялись в байдарки, в каждой из которых могли разместиться только два человека, то их пришлось разделить: Женя сел в одну лодку с Эдиком (вернее, взял его к себе), а Николай посадил меня в свою лодку. Это гарантировало мир, да и дорогу к колонии знали только они, так что других вариантов размещения и быть не могло.

Погода была очень ветреной, волны перехлёстывали через край лодки, и уже через полчаса мы были мокрыми. Глядя на управлявшегося с мотором Николая, которого я едва знал (а в деле видел впервые), я видел, как намок его чёрный бушлат, как посинели щёки, а капли воды свисали не только с шапки, но и с рыжей щетины небритого подбородка, с кончика тонкого носа и даже с бровей. Но он, не обращая на это внимания, всматривался в однообразную водную даль, ища только ему известные приметы, чтобы не сбиться с пути (рис. 698, 699). Промокшая насквозь одежда охлаждала всё тело, и вскоре я убедился, что и сам замёрз основательно. Оставалось только надеяться на то, что до пневмонии дело не дойдёт.

Рис. 698-699. Е.Н. Волков, Э.И. Гаврилов и Н.Н. Андрусенко. Озеро Тенгиз, июнь 1980 г.

Место погибшей колонии оказалось узкой песчаной косой, шириной не более 30 м, едва возвышающейся над водной гладью. На рыхлом песке лишь кое-где валялась яичная скорлупа – остатки пиршества ворон. Птиц не было видно – не только фламинго, но и других. Побродив по песку, я в одном месте носком сапога выковырнул целое яйцо, потом – второе. Стали вдвоем с Эдиком искать целенаправленно и выкопали около 50 яиц! Собрали их для коллекции Института и отбыли восвояси. Ясно было одно – колония была просто смыта волнами. Сильные нагонные ветры унесли в «море» часть яиц, а оставшиеся

были погребены волной под слоем песка. Чудом уцелевшие на поверхности яйца были тут же расклёваны воронами, завершившими эту трагедию...

Обратный путь ночью с Тенгиза в Кургальджино запомнился «охотой» на браконьеров. Дело в том, что за рулём нашего УАЗ'ика, принадлежавшего госохотинспекции, был облохотинспектор Александр Тагирович Пивоваров (с ним мы здесь и познакомились), и он не мог проехать мимо блуждающих в степи огоньков. «Вот и опять фарят!» – говорил он и, поддав газу, с выключенными фарами собственной машины, в полной темноте буквально вылетал куда-то наперерез перемещавшемуся по степи огоньку. Загнав машину в низинку, он глушил мотор, и мы молча ожидали, когда на нас выйдет браконьерская машина. Пару раз мы так и не дождались – видимо, браконьеры знали степь лучше инспектора и легко объезжали опасные места.

Но в третий раз прямо на нас из темноты выехали два светящихся «глаза» фар. Александр Тагирович уже стоял во весь свой солидный рост с полосатым жезлом в руке, которым он отдал приказ остановиться. Это была закрытая легковая машина, так называемый «пирожковоз». Рядом с перепуганным бледным водителем-казахом средних лет сидела не менее испуганная молодая женщина. Представившись, Александр тоном, не допускающим возражений, попросил открыть машину для досмотра. Водитель сбивчиво пытался объяснить, что у него нет с собой ключа от фургона. На это Саша невозмутимо сказал, что тогда поедem вместе в инспекцию – там откроют. Ключ тут же нашёлся, фургон был открыт, и там оказался... живой баран. Надо было видеть разочарование инспектора! Раздосадованный, он резко сказал водителю: «То, что ты ночью везёшь куда-то чужую бабу и ворованного барана, меня не касается. Можешь ехать дальше». Событие это нас так развеселило, что сон сняло, как рукой. И всю дорогу до Кургальджино мы вспоминали и рассказывали друг другу подобные охотничье-инспекторские истории.

На следующий день предстояла малоприятная работа – выдувание такого большого количества крупных яиц. С твёрдой их скорлупой я легко справился, соорудив из большого строительного гвоздя некое подобие сверла, как учил меня когда-то ещё Игорь Александрович Долгушин, не признававший специальных свёрл. Но как только была пробурена первая дырка, в нос ударил отвратительный зловонный запах! Яйца успели протухнуть, причем вонь они издавали пронзительную – похожую на ту, что исходит от заморного водоёма с массой разложившихся мелких рачков типа *Artemia salina*.

Второе непреодолимое препятствие к выдуванию яиц предстало в виде двух наших орнитологов – Володи Березовского и Толи Гисцова, которые как раз подъехали в посёлок с трассы Иртыш-Караганда, где они были в экспедиции. Они позвали Эдика в помещение (я выдувал яйца на улице, где ветер хоть немного относил вонь), и по доносившимся оттуда громким весёлым голосам я понял, что напарника в деле выдувания яиц у меня не будет. Время от времени то один, то другой выходили покурить и, чертыхаясь от вони, советовали мне бросить это дело, что я, в конце концов, и сделал, выдув менее 10 яиц, – понял, что на большее меня не хватит. Тем более, что до самолёта оставались уже считанные часы.

Яйца кое-как упаковали в картонную коробку, переложив их газетами и сверху положив более легкие выдутые. И на экспедиционном УАЗ'е наших ребят уехали в аэропорт города Акмолинск (ныне Астана). Развеселившийся Эдик велел мне садиться в кабину, а сам полез в кузов, чтобы хоть немного поспать в дороге – нам предстояло проехать около 200 км. Однако, когда поздним вечером машина остановилась в акмолинском аэропорту, мы с водителем едва смогли его разбудить. Видимо, совместное воздействие выпитого, дорожной тряски и жары сделало свое чёрное дело – он был невменяем. Проводив нас в здание аэропорта, водитель уехал обратно, а я всё пытался привести своего друга в чувство, пока не обратил внимание на то, что рядом с нами нет людей – все вошедшие стараются сесть подальше. Нетрудно было догадаться, что их отпугивал запах, исходящий от нашей большой картонной коробки с яйцами. Понюхав, я убедился в этом. Видимо, лежащие сверху выдутые яйца были плохо промыты и благоухали вовсю.

Растормошив кое-как Эдика, я рассказал ему об этой новой проблеме. Сначала он хохотал до слёз (как умел только он). Но когда я высказал опасение, что нас могут не пустить в самолёт, он посерьёзnel и сразу протрезвел. До самого взлёта мы не были уверены, удастся ли нам вывезти свой «клад». Даже когда уже сидели в самолёте, видели, как люди спереди и сзади нас вдруг начинали как-то принюхиваться и, с подозрением покосившись на нас (коробку мы спрятали под сидение), пересаживались подальше. «Хотя бы поскорее он взлетел» – молили мы, понимая, что в полёте никто нас уже не ссадит.

И лишь когда взревели моторы, и самолет оторвался от земли, мы дали волю своему веселью: мы летим, наш «клад» с нами, а рядом – никого... Только бескрайние кургальджинские степи внизу (рис. 700).

Рис. 700. Прощайте, прекрасные кургальджинские степи! До новых встреч! Август 2005 г. *Фото Виктории Ковшарь*

13 декабря 2023 г. – 12 апреля 2024 г.

14. Семипалатинские степи (1987)

Рис. 701. Кустарниковая степь на родине Абая, вдали мелкосопочник Дельбегетей. Июль 1987 г.

Рис. 702. Речка среди мелкосопочника в кустарниковой степи. Июль 1987 г.

Поездка в Семипалатинскую степь (июль 1987)

В этих исторических местах, на родине великого Абая, мне довелось побывать только раз – летом 1987 года, когда у нас был разгар работ по изучению журавля-красавки (*Anthropoides virgo*). Отработав весну и раннее лето стационарно в долине Копы, после поднятия на крыло журавлят в тамошних местах мы с Николаем Берёзовиковым совершили кратковременную заранее запланированную поездку в поисках этого журавля в район степи на левобережье Иртыша, в пределах Семипалатинской области.

Этому полевому выезду предшествовало очередное выездное заседание Научного Совета «Животный мир Казахстана, его развитие, преобразование и охрана», состоявшееся в Семипалатинске 1-3 июля 1987 г. На нём я познакомился с начальником областной госохотинспекции Василием Павловичем Новиковым и договорился, что он обеспечит нас транспортом для поездки по территории области.

Рис. 703 и 704. В центре города Семипалатинск (ныне Семей). Начало июля 1987 г.

Рис. 705 и 706. Памятник Чокану Валиханову и Фёдору Михайловичу Достоевскому. Семипалатинск.

На основании этой нашей договорённости мы с Колей Берёзовиковым 19 июля поездом прибыли в Семипалатинск, где В.П. Новиков поселил нас у себя на Красном кордоне. Буквально за полдня была готова к выезду машина с водителем-охотинспектором; с нами выехали также охотовед В.А. Шведов и преподаватель пединститута Виктор Хромов, когда-то заканчивавший кафедру зоологии КазГУ и посещавший мой спецкурс по орнитологии. Это был уже третий случай встречи на территории Казахстана со своим бывшим студентом (первый был в Кургальджинском заповеднике в 1980 году, когда Володя Тарантул давал мне свои сухие сапоги после нашей «мокрой» поездки по Тенгизу на колонию фламинго).

Рис. 707 и 708. Река Иртыш в районе Семипалатинска; баржа на Иртыше. Июль 1987 г.

Маршрут экспедиции по Семипалатинской области был следующим: Семипалатинск – Чапаевское оз. – село Репинка – р. Мукур (21/22.07, комары!!) – мимо гор Семейтау – с. Крупское в пойме Иртыша – Семипалатинск, Красный кордон (22/23) – с. Булак – р. Чар – с. Климентьевка – оз. Кызылчилик – хоз-во УМР (23/24) – станция и озеро Дельбегетей (объезд вокруг) – Почтовые озера – с. Жайма – оз. Ащиколь – озеро Жамбас (Кезенсуйское приписное ГОХ) – с. Бурли – оз. Канай – оз. Травяное – оз. Каскабулак – река Ащису – озеро Ирсайколь (24/25) – с. Репинка – Семипалатинск (25/26 июля).

Рис. 709 и 710. Учёт водоплавающих птиц на Почтовых озёрах и закат там же. Июль 1987 г.

Рис. 711 и 712. Бескрайняя злаковая равнина и разнотравная степь у мелкосопочника. Июль 1987 г.

Рис. 713 и 714. В поисках журавлей, учёт с открытого кузова УАЗ-452. Июль 1987 г.

Рис. 715 и 716. Гнездо степного орла на небольшом холмике в степи. Июль 1987. Фото автора и Н.Н. Берёзовикова

Всего на маршруте 667 км (при ширине учётной полосы по 200 м с каждой стороны дороги мы покрыли площадь около 267 км²) насчитано 109 журавлей-красавок, в среднем – одна пара на 5 км², что не так уж мало для вида, занесенного в Красную книгу! Кроме того, мы отметили птиц ещё 67 видов и среди них – 20 степных орлов (*Aquila nipalensis*). В целом поездка была очень познавательной: я впервые близко познакомился с чудесной кустарниковой степью среди грядовых возвышенностей Дельбегетей и Семейтау – родиной Абая; посетил такие памятники казахской старины как Козы Корпеш.

Рис. 717 и 718. Древняя кладка в степи и место нашего лагеря у лесного колка. Июль 1987 г.

Рис. 719 и 720. В лагере: Виктор Хромов и Коля Берёзовиков готовят обед. Июль 1987 г.

Рис. 721. Около одной из мазар в степи. **Рис. 722.** Памятник Козы Корпеш. Степь Абая, июль 1987 г.

Рис. 723 и 724. Речная старица в степи у мелкосопочника и обсуждение маршрута. Июль 1987 г.

17 декабря 2023 г. – 12 апреля 2024 г.

15. Степи Павлодарского Заиртышья (1989)

Рис. 725-726. Павлодарское Заиртышье: ковыльная степь у озера и на опушке соснового бора. Июнь 1989.

Птицы среднего течения Иртыша у северо-восточных границ Казахстана долгое время не были предметом исследований орнитологов. Если в верхнем течении этой реки (призайсанском) с самого начала XX столетия работал Виталий Андреевич Хахлов (1890-1983) и его ученики (томская орнитологическая школа), а потом – ученики его ученика Валерьяна Семёновича Бажанова (1907-1984), преподававшего в 60-х гг. в Усть-Каменогорском пединституте, а также преподавателя того же института Ивана Фёдоровича Самусева (1914-2001), а ниже по течению, в районе Семипалатинска, с 1923 по 1935 год около 40 статей и заметок опубликовал Виктор Алексеевич Селевин (1905-1938), в 50-х гг. ряд работ опубликовал преподававший в Семипалатинском пединституте бывший аспирант Игоря Александровича Долгушина (1908-1966) Сергей Григорьевич Панченко (1929-2011); то ещё ниже, в пределах Павлодарской области, орнитологи, по меткому выражению И.А. Долгушина, долгое время бывали только проездом из Омска в Семипалатинск или обратно (А. Брем и О. Финш в 1976, С. Алфераки в 1979, В. Елпатьевский в 1898, Г.Э. Иоганзен в 1902) и только орнитолог-любитель казачий офицер В.Н. Плотников в 1898 г. опубликовал статью о птицах окрестностей посёлка Ямышевского, основанную на многолетних наблюдениях (1872-1896), но страдающую многими погрешностями, в т. ч. и по части определения птиц (Долгушин, 2004, с. 39).

Единственное продолжительное орнитологическое обследование этого района осуществил в 1939 г. И.А. Долгушин, который вместе с препаратором Н.И. Грачёвым и рабочим О.А. Зейфертом с 9 мая по 6 июня на лодке спустился из Семипалатинска в Павлодар, а затем с 10 июня по 31 июля на конных телегах (частью – на лодках) совершил сложный маршрут по всей области; завершилась эта экспедиция переездом 4-5 августа в Новосибирск – Барнаул – Рубцовск, откуда поездом участники вернулись в Алма-Ату. Богатые результаты этой экспедиции содержали материалы по **196** видам птиц (!) и вошли впоследствии в сводку «Птицы Казахстана» (1960-1974), однако сама бесценная рукопись объёмом 71 машинописных страниц не была опубликована из-за начавшейся вскоре Великой Отечественной войны (1941-1945) и пролежала в архивах лаборатории орнитологии более 60 лет, увидев свет только в 2004 г. (Долгушин, 2004).

Все мы, авторы очерков в 3-5 томах сводки «Птицы Казахстана», пользовались этой рукописью при составлении очерков «своих» видов птиц и каждый мечтал попасть когда-нибудь в эти места Павлодарского Прииртышья, увидеть их своими глазами. Мне повезло только на исходе 80-х гг. XX ст., хотя и пришлось расплатиться за это везение очередным переломом ...

Экспедиция в Павлодарское Заиртышье (июнь 1989)

В июне 1989 г. нам с Валерием Васильевичем Хроковым, вернувшимся в институт после неудачного старта на чиновничьем поприще (несколько месяцев он проработал начальником отдела заповедников в Госкомприроде КазССР), предстояла экспедиционная поездка по хозяйственной теме «Мероприятия по охране и воспроизводству животного мира Павлодар-Экибастузского территориально-промышленного комплекса». Проще говоря, надо было провести фаунистическую рекогносцировку района, где орнитологи работали очень давно – полвека назад здесь вёл наблюдения И.А. Долгушин с Н.И. Грачёвым, но даже их наблюдения ещё не были опубликованы (мы сделали это только 15 лет спустя).

Нам предстояло как-то добраться до Павлодара, где заказчики должны были дать нам автотранспорт для проведения экспедиции. По логике вещей это казалось даже более удобным: местная машина (нет проблем с заправкой!), местный водитель, хорошо знающий дороги. Всё это мы восприняли с энтузиазмом. В.В. Хроков прилетел в Павлодар самолётом почти на два дня раньше нас. А мы с Рашидом Капановым и двумя студентками-практикантками КазПИ им. Абая (Милана Левина и Юлия Янушевская) 1 июня выехали из Алма-Аты поездом и в полдень второго дня были уже в Целинограде (ныне – Астана). Здесь наш вагон почему-то отцепили и только через 4 часа прицепили к поезду «Днепропетровск-Барнаул», поэтому в Павлодар мы прибыли лишь 3 июня. И тут начались наши хождения по инстанциям.

Рис. 727 и 728. Река Иртыш у города Павлодар, начало июня 1989 г.

Начали с облысполкома, где первым нас принял Владимир Павлович Пожинайло. Принял хорошо, всё пообещал, и направил в областную Госкомприроду, к закоренелому бюрократу Николаю Михайловичу Хлыстуну; тот отфутболил к своему зам'у Такболату Канышевичу Исакову; тот – к «биологу» Болату Зейнатуловичу Кусаинову; тот – к инспектору отдела охраняемых территорий Неониле Игнатьевне Жоландз (прямо как у Ильфа и Петрова!). Этот перечень занял у нас два дня – 4 и 5 июня. Хорошо, что хоть удалось поселиться в гостинице. Такая же канитель продолжалась и 6-го, и 7-го, и 8-го июня. Менялись только названия инстанций. Теперь мы обивали пороги более конкретных учреждений – треста «Агропромтранс», какого-то АТП-4 и т.д. Менялись и фамилии: А.Ф. Лещенко, В.К. Негрудский – всех и не упомнишь. Сначала нервничали, а потом успокоились: плетью обух не перешибёшь...

Только утром 9 июня пришла к нам, наконец, долгожданная машина – бортовой УАЗ-452, и в 14 часов мы покинули границы гостеприимного города. Однако перед этим пришлось испытать «развлечение» совсем иного типа. Когда мы в день отъезда пришли на железнодорожный вокзал за своими экспедиционными вещами, которые оставили в автоматических камерах хранения, то оказалось, что одна ячейка не открывается – на неё наложила арест дорожная милиция, которая вскрыла мой чемодан, из которого шёл очень подозрительный запах! Пришлось писать заявление и объяснение: «Жена приготовила мне в дорогу самодельную копчёную буженину, завернутую в полиэтилен, который надо было снять через сутки. А поскольку вещи пролежали в камере хранения целых 8 дней, то отсюда – тот невыносимый, почти трупный запах». Инцидент был исчерпан, но пакет нам вернули, сказав, чтобы мы унесли его подальше... Мы закопали его в песок в ближайшем сосновом бору.

Дальнейший наш маршрут проходил по правому берегу Иртыша: сёла Ямышево, Лебяжье, Тузагаш – оз. Шошканы (9-11.06) – сёла Казантай, Майкарагай – Чекинский бор (11/12) – сёла Шалдай, Щербакты, разъезд 128 (12/13) – сёла Малиновка, Арбигень – Шалдайский бор (13/14) – сёла Щербакты, Сосновка, Красиловка, Таволжан (14/15) – сёла Равнополь, Константиновка (заказник, 15/16.06) – сёла Успенка, Ильичёвка, Ковалёвка, Лозовое (16/17) – оз. Б. Ажбулат (17/18) – с. Маяк (18/19) – с. Лозовое – берёзовые колки (19/20.06) – сёла Богатырь, Каратай, М. Березняки, Берёзовка, Трофимовка, Жолтаптык, Мынколь, Михайловка, Благодатное (20/21) – с. Петропавловка, Искара, Новокузьминка – оз. Белое (заказник «Утичье», 21-23.06) – сёла Новокузьминка, Озёрное, Новокузьминка – Екишок – Алаколь – Валиханово – Обозное – Кузьмино – Башмачное – берег Иртыша (23/24) – сёла Железинка, Качиры – озеро Карасук – снова Качиры – сёла Воскресенка, Ивановка, Львовка, Фрументьевка – оз. Жамантуз (24/25) – с. Тимирязево – оз. Светлица (25/26) – опять Тимирязево, сёла Наташино, Борисовка, Карашилик – болотце близ артезиана – с. Пресновка – город Павлодар (27.06).

В этой поездке я впервые познакомился с природой северной половины Казахстана. Основой всего ландшафта Павлодарского Заиртышья, как я для себя назвал правобережную часть области, служит чередование настоящей ковыльной степи с островными сосновыми лесами. Это сочетание, которое я увидел в первый же день, совершенно очаровательно! Конечно, дальше пошли и участки сухой степи (как на юге) и даже солонцы, но не они составляют лицо этого края. Основных слагаемых всё-таки два – ковыль и сосна!..

Рис. 729-730. Первый день с машиной!!! 9 июня 1989 г. Бор у с. Щербакты и опушка другого бора.

Рис. 731-732. Наш лагерь в сосновом бору у с. Чека и участок молодого леса. 12 июня 1989 г.

В первый же день близ села Щербакты мы столкнулись с удручающей картиной: мириады личинок саранчи на опушке соснового бора, растущего на песке (рис. 729). Все плешины жёлтого песка были серыми от ползущей по нему сплошным потоком саранчи!!! Очень сильное, пугающее впечатление производили эти несметные полчища насекомых... На ночёвку мы остановились в сосново-берёзовом лесу у озера Шошкалы, в лагере гидробиологов нашего института, работающих здесь с начала лета, определяя в здешних озёрах запасы рачков *Artemia salina*, ставших вдруг популярными в последние годы среди деловых кругов как корм для рыб. Основная часть их отряда за день до нашего прибытия уехала на время в Алма-Ату, а в лагере остались только дежурные – Ира и Миша. Старый сосновый лес рос здесь на песке, задернованном ковылём и тимopheевкой; отдельные поляны размером до 100х100 м были чисто ковыльные, а открытые участки в понижениях заняты зарослями таволги, рябины и ивы (рис. 733-734). В течение двух дней мы провели здесь учёты птиц типичного лесного сообщества, без особых фаунистических находок.

Рис. 733 и 734. Бор на берегу оз. Шошкалы, мы в лагере гидробиологов. 11 июня 1989 г.

Рис. 735-737. Гнездо балобана на сосне (у «ведьминой метлы») и самый старший и младший птенцы.

Самым интересным оказалось гнездо сокола-балобана (*Falco cherrug*), расположенное у самой верхушки мощной 25-метровой сосны, которое показал нам гидробиолог Миша Шишченко. Мастерски забравшись в гнездо, Миша крикнул нам, что в нём 5 разновозрастных птенцов, и спустил в мешочке на верёвке двух из них – самого старшего и самого младшего, которых мы измерили и взвесили. Взрослая птица вела себя точно так же, как и в Бетпак-Дале: прилетев на крик птенцов, молча сделала один круг на высоте 70-100 м и так же молча исчезла. Больше она не появлялась до нашего ухода. Птенцы же всё время – до самого возвращения их в гнездо – сидели и слитно орали «кикикикики». Это гнездо произвело на меня большое впечатление. Ведь на юго-востоке Казахстана, в Тянь-Шане и даже по южной горной кромке Бетпак-Далы, где обитает другой подвид, балобан гнездится только в нишах скал и вся обстановка в месте расположения гнезда совсем иная.

Утром 11 июня мы оставили это гостеприимное (если не считать полчищ комаров) место и через село Тузагаш отправились в соседний Чекинский бор, где остановились на ночь. В ковыльной степи преобладали полевые жаворонки (*Alauda arvensis*), нередко встречались белокрылые (*Melanocorypha leucoptera*), а иногда – большие кроншнепы (*Numenius arquata*) с их замечательным заунывным свистом-песней. В сосновом бору был обычный набор лесных птиц: зяблик (*Fringilla coelebs*), горихвостка-лысушка (*Phoenicurus phoenicurus*), скворец (*Sturnus vulgaris*), иволга (*Oriolus oriolus*), синица-гаичка (*Parus montanus*), обыкновенная овсянка (*Emberiza citrinella*), большой пёстрый дятел (*Dendrocopos major*), козодой (*Caprimulgus europaeus*). Непривычным было большое количество чёрных стрижей (*Apus apus*). А в одном месте меня поразила славка-завирушка (*Sylvia curruca*) – и своим необычным пением и манерой держаться в верхней части кроны дерева, что вообще для славок не свойственно (скорее всего, это был подвид *Sylvia curruca blythi*).

Рис. 738 и 739. Шалдайский бор: опушка и контражур внутри бора. 14 июня 1989 г.

Рис. 740. Степь у оз. Туз, 11 июня 1989 г. **Рис. 741.** Трамвай севернее с. Тузагаш, 11 июня.

Но самое памятное для меня событие произошло 17 июня в берёзовых колках близ села Лозовое. Увидев неожиданно для себя зелёную пеночку (*Phylloscopus trochiloides*), залетевшую в крону берёзы, я бросился за ней через высокотравную поляну и тут же упал, почувствовав, что моя левая нога (опять она!) попала в какой-то капкан. Им оказался обычный старый обруч от бочки: правой ногой я наступил на него, а левой с размаху попал в петлю. Скорость была приличная и, падая, я сломал себе малую берцовую кость левой ноги. Идти не мог, но к счастью, наши люди были недалеко и довели-донесли меня до машины.

Рис. 742 и 743. Берёзовый колоч близ села Лозовое и гнездо зяблика в этом колке. 17 июня 1989 г.

Пришлось ехать в ближайшее село, искать медпункт. Нашли в селе Лозовом, в небольшой комнате сельской хаты. Пожилой врач Иван Иванович зафиксировал ногу лангетой, сделал укол и уложил меня, приговорив к полному покою хотя бы на несколько дней. А ребята уехали работать на озеро Ажбулат. Лёжа на кровати с панцирной сеткой (!!!), я пытался расспрашивать Ивана Ивановича о птицах и узнал немало интересного. Так, журавли-красавки (*Anthropoides virgo*) гнездятся здесь на посевах зерновых и, когда поля пашут, у них уже яйца. Иногда трактористы, заметив кладку, опахивают её вокруг – тогда яйца уцелевают. Когда же яйца переносят в другое место, то идущие за трактором вороны расклёвывают яйца. Бывает, что яйца раздавливает сеялка (когда около них не поставлен «тычок» – воткнутая в землю палка). Яиц у журавля всегда два, а птенец чаще один. Ещё он рассказывал о лосях (*Alces alces*), которые здесь обычны в колках, а одна лосиха даже ходила с коровами. Потом я сам убедился, что лоси здесь – не редкость.

С трудом я выдержал в этом «госпитале» двое суток. Когда 19 июня ребята заехали проведать меня, я попросил забрать меня отсюда, и к вечеру распрощался с больницей и добрым Иваном Ивановичем. Было это в самый разгар экспедиции – и по времени, и по намеченному маршруту. А с другой стороны – оставалось всего-то 8-9 дней! И я решил, что ничего со мной не случится, если я с гипсом поезжу недельку по таким замечательным местам. Териолог Виктор Иванович Шубин (тоже мой бывший студент), присоединившийся к нашей экспедиции ещё 12 июня в с. Щербакты, сумел сделать для меня самодельные костыли – один берёзовый, с удобной естественной развилкой, а второй – сосновый, к которому пришлось прибить перекладину. Это были настоящие произведения искусства (я до сих пор храню их среди старых экспедиционных вещей), и я привык к ним уже в первый день. Правда, гипс и костыли заметно усложнили и без того непростые для современного горожанина условия полевой жизни, но, как выяснилось, – ко всему можно привыкнуть, даже если для этого придётся сделать унитаз из раскладного стульчика...

Рис. 744 и 745. Озеро Таволжан и гнездо ходулочника с кладкой на его берегу. 15 июня 1989 г.

Рис. 746 и 747. Озеро Белое около села Новокузьминка. 22 июня 1989 г.

Рис. 748 и 749. Шилоклювка на озере Белое (22 июня) и её гнездо с кладкой, 15 июня, Таволжан.

Следующий наш лагерь, у села Благодатное, подарил мне несколько интересных орнитологических встреч. На обширном солёном озере с голыми берегами держались группой в 15 особей шилоклювки (*Recurvirostra avosetta*), около 60 сизых чаек (*Larus canus*), 11 малых чаек (*Larus minutus*), несколько пеганок (*Tadorna tadorna*) и чаек-хохотуний (*Larus cachinnans*). Но самое интересное для меня – 7 морских голубков (*Larus genei*), которых я видел впервые. При общем сходстве с озёрной чайкой (*Larus ridibundus*) они всё же достаточно хорошо отличаются своей острокрылостью, лёгким полётом, напоминающим полёт крачек, и даже голосом – более мягким и односложным.

Очень приятно было встретить пару настоящих кобчиков (*Falco vespertinus*), хорошо знакомых мне с детства, но которых, работая постоянно на юге, я давно уже не видел (там в народе кобчиками зовут всех мелких соколов, включая пустельгу и дербника). На противоположном берегу озера, недалеко от наполовину высохшего колка, долго паслась лосиха с двумя лосятами. И над всем этим – непрерывная песня полевого жаворонка (*Alauda arvensis*) ...

Рис. 750. Учёт птиц у с. Арбигень, 13 июня 1989. **Рис. 751.** Оз. Зеркальное, Константиновский заказник.

Рис. 752. Павлодарская саванна, 11 июня 1989 г. **Рис. 753.** Сверхвысоковольтная ЛЭП в степи. 11 июня.

Рис. 754-755. В редкие минуты отдыха Витя Шубин пропагандирует трезвый образ жизни...

Рис. 756-757. Быт экспедиции: головомойка на оз. Белое и первое мясо в конце срока, 25 июня 1989 г.

На озере Белое (Константиновский заказник) 21 июня при обычном видовом наборе уток, куликов и чаек мы наблюдали скопление из 300 больших веретенников (*Limosa limosa*), а местные охотники И.М. Лихаченко и В.Ф. Прищепа рассказали, что осенью здесь скапливается до 3 тысяч серых гусей (*Anser anser*). По их словам, серый журавль (*Grus grus*) здесь гнездится, но редко, а журавль-красавка (*Anthropoides virgo*) в июле-августе образует линные скопления до 300 птиц.

На этом озере удалось понаблюдать за гнёздами шилоклювок (*Recurvirostra avosetta*), устроенными близко друг от друга. Здесь же я испытал чувство зависти, когда ребята купались в теплой скважине (первой встреченной на всём маршруте!), а я со своими костылями мог только фотографировать...

Первые степные тиркушки (*Glareola nordmanni*) также попались нам здесь, на озере Белое, 23 июня. И в тот же день, у северной точки маршрута, впервые встречена овсянка-дубровник (*Emberiza aureola*): яркий самец распевал на берёзке, растущей у небольшого болотца среди зарослей ивы. Недалеко от этого места пел самец белошапочной овсянки (*Emberiza leucocephalus*). Это было в 8 км от села Валиханово, у колхоза с очень оригинальным названием – «Память Кирова». Вечером того же дня мы достигли поймы Иртыша у села Башмачное, где остановились на ночёвку на самом берегу реки.

Пойма Иртыша здесь представлена разреженным старым ивово-тополевым лесом в болотистой низине и выглядит очень красиво, как и сама полноводная река. Всё было бы прекрасно, если бы не полчища мошки и комаров. Спать можно было только под марлевыми пологами («масакхан»), а вне их спасали такие же марлевые маски на обручах, напоминавшие оборудование пчеловода (мы их предусмотрительно взяли с собой, но только здесь использовали в полную меру!). Приём пищи при этом представлял собой нечто цирковое: ложку с кашей надо было быстро просунуть под маску, а потом так же быстро извлечь оттуда пустую; подобным же образом приходилось изворачиваться и с чаем. Мы даже сфотографировались в таком наряде – на память...

Утро 24 июня выдалось пасмурным и душным, а мошка и комары донимали, как и вечером. Поэтому мы спешно покинули эту красивую, но негостеприимную пойму и поскорее выскочили на трассу, где на большой скорости машины гнус не так нас донимал. В жаркий полдень проехали село Качиры, к 17-18 час оказались в типчаковой степи с небольшой примесью полынки и ковыля севернее озера Жамангуз, а в 19 час стали на ночёвку в этой степи недалеко от озера.

Рис. 758-759. На озере Жамангуз в конце экспедиции, вторая неделя на костылях. 25 июня 1989. Фото В.В. Хрокова

Прошёл дождь, и после его окончания вокруг лагеря стоял мощный хор полевых жаворонков (*Alauda arvensis*). Утренняя экскурсия 25 июня подтвердила абсолютное преобладание здесь полевых жаворонков, а степь при более близком знакомстве оказалась типчаково-разнотравной, с примесью не только полыни и ковыля, но и зопника (*Phlomis* sp.), цветущего чабреца (*Thymus* sp.), с почти 100%-ной задернованностью и массой *Parmelia* sp. на прогалинах. К полудню озеро приобрело красивый розоватый оттенок, и со степи к нему прилетели 11 красавцев-кроншнепов (*Numenius arquatus*); зрелище, достойное кисти художника...

Рис. 760-761. Лесотундра близ сёл Валиханово и Обозное, 22 июня. Слёток ушастой совы, 13 июня.

Но именно в это время мы покинули озеро и направились на юг, в сторону Павлодара. К вечеру мы проехали село Тимирязево и остановились на ночёвку на берегу солёного озера с красивым названием Светлица. На голых берегах его видны следы соледобычи. Окрестности его представляли собой бывшую типчаково-полынную степь после скотобоя – осталась только «подстриженная» полынка высотой не более 5 см. Зато на закате, уже в светлых сумерках, мы сподобились наблюдать незабываемую картину – пролёт низко над водой большой плотной, овально вытянутой стаи кроншнепов (*Numenius arquatus*): не менее 200 крупных птиц с длинными изогнутыми книзу клювами летели молча, сосредоточенно, в сторону заката. Через 7 минут (22-37) следом за ними так же пролетели ещё 80 кроншнепов. И сразу же за ними, как будто по команде, в том же направлении, но уже с криками, небольшими группами стали лететь сизые чайки (*Larus canus*); всего их пролетело более 500. Ясно было, что и те, и другие летели куда-то на ночёвку.

Рис. 762. Закат на озере Светлица во время пролёта крупных стай кроншнепов. Вечер 25 июня 1989 г.

Утром 26 июня, после сильной ночной грозы с дождём и ветром, мы отправились дальше в сторону Тимирязево (на заправку), а оттуда – на юг. Здесь уже всё распаханно – везде хлеба и люцерна с сурепкой. Но именно здесь мы увидели первого самца чёрного жаворонка (*Melanocorypha yeltoniensis*), которого я давно тщетно высматривал. А вскоре, также среди хлебов, встретили и белокрылого жаворонка (*Melanocorypha leucoptera*). Около следующего села – Наташино – встретили ещё нескольких чёрных жаворонков, но белокрылые больше не попадались.

Последняя ночёвка была у артезианской скважины за селом Карачилик, на участке угнетённой типчаково-полынной степи между шоссе и небольшим болотцем. Рано утром 27 июня здесь наряду с полевыми пели и чёрные жаворонки, а около полудня более тысячи скворцов (*Sturnus vulgaris*) вереницей летели к артезиану, у которого оседали по спирали, образуя подобие крупной воронки. Это было последнее яркое впечатление под занавес экспедиции, так как вечером этого дня мы уже уехали поездом домой.

19 декабря 2023 г. – 13 апреля 2024 г.

16. Поездки по Наурзумским степям и саванне (1974, 1998, 1999)

Рис. 763. Наурзумская степь у озера с полосой обсыхающего сора. Осень 1999 г.

Рис. 764. Наурзумский бор на песках, ур. Котантал. Красный цвет – молодые осины. Осень 1999 г.

Немного географии и истории Наурзумского заповедника. Третий по возрасту заповедник Казахстана – Наурзумский – расположен почти в центре Тургайской меридиональной депрессии, соединяющей Западно-Сибирскую равнину с Туранской низменностью. «В центре её на снесенных сюда водами Сибиро-Аральского протока олигоценовых песках, подвергшихся затем вторичной эоловой переработке, лежит один из самых южных сосновых боров Казахстана – Наурзум-Карагай или Наурзумский бор. Вся прилегающая местность называется Наурзумом». Так характеризовал Наурзум один из лучших его знатоков доктор географических наук Александр Михайлович Чельцов-Бебутов (1922-1978) в своём очерке об этом заповеднике (Чельцов-Бебутов, 1969). «По обе стороны депрессии выделяются массивы двух плато, приподнятых над днищем ложбины на 180-200 м. Наивысшая точка восточного плато – 304,5 м, наиболее низко расположено днище Сарымоинской низины у северного берега оз. Аксуат, где высота над уровнем моря составляет всего 123 м... Согласно «Карте растительности азиатской части СССР», Наурзумский заповедник расположен в зоне ковыльных степей, точнее – в её южной части бескрасочного ковыльника, а по И.М. Крашенинникову (1924) – в зоне сухих ковыльных степей. Типичная зональная растительность лучше выражена в западном участке заповедника. Центральный участок распадается на две части: песчаную, на которой расположен Наурзумский бор и окружающие его степи, и глинистую низину с озёрами. Днище Тургайского пролива представляет собой мозаичное сочетание солонцов, песчаноковыльных красочных степей и пырейных луговин, небольших пресных озёр и покрытых соляной коркой соров ... Для ландшафта заповедника характерно сочетание трёх основных элементов: целинной ковыльной степи, островных сосновых боров и озёр с буйной околородной растительностью» (Заповедное дело в Казахстане, 1982, с. 43).

Большинство исследователей подчёркивают однообразие безбрежных равнинных зональных степей из ковыля Лессинга и ковыля-волосатика (он же тырса) с примесью типчака, тонконога, пырея, кермека и полыни; высота разреженного травостоя этих степей не более 30-40 см.

«Леса заповедника представлены тремя участками: сосновыми борами Наурзум-Карагай и Терсек и берёзовыми колками Сыпынагач. Основным из них является Наурзум-Карагай, протянувшийся на 24 км с востока на запад и до 10 км – с севера на юг. В 1930 г. его площадь составляла 13 077 га, в том числе под лесом 9 300 га, однако в дальнейшем лесные пожары значительно сократили её. Только в 1962 г. сгорело 2 077 га Наурзумского бора. Наурзумский бор расположен в основном на песчаных дюнах. Основная порода, сосна, растёт куртинами и преимущественно по междюнным понижениям, уступая вершины дон степной растительности, покрывающей их местами на 35-40%. В котловинах выдувания кое-где образуются значительные участки открытого песка. Чаше всего сосны растут на верхних участках склонов, нижние части заняты березняками с густым кустарниковым подлеском, а днище котловин занимают непроходимые заросли шиповника и спиреи, реже – боярышника, шиповника или жимолости. В самых увлажнённых котловинах отдельными куртинами растёт осина... Ленточный бор Терсек, на северо-западе заповедника, представляет собой узкую полосу обособленных сосновых колков длиной около 20 км. Растут они на песчаных гривах, вершины которых заняты степью с преобладанием ковыля-волосатика... Лес Сыпынагач, площадью около 12 тыс. га, расположен к западу от Наурзумского бора. Это преимущественно берёзовые (редко осиновые) колки, растущие на дюнообразных всхолмлениях олигоценовых песков. Располагаются они узкими полосками вдоль нижней части склонов и окаймлены сверху как бы бордюром из таволги с примесью кустарниковых ив, шиповника, татарской жимолости...

Наурзум – край степных озёр, представляющих собой часть великого пролётного пути водоплавающей птицы, соединяющего западносибирские гнездовья со среднеазиатскими зимовками. Озёра занимают наиболее пониженные участки днища Тургайской депрессии. Среди них выделяются своими размерами солончатые озёра Аксуат (площадь около 200 км²) и Сарымоин (176 км²), им уступают озёра Жарколь, Байназаркопа, Чушкалы, Кансуат. Все они мелководны, наибольшая глубина их не превышает 2-2,5 м. По берегам большинства озёр развиваются мощные тростниковые крепи. Характерная особенность озёр Наурзума – резкие колебания их уровня, вплоть до полного усыхания в отдельные годы» (Заповедное дело в Казахстане, 1982, с. 43-44). Далее в этом тексте много информации о закономерностях этих периодических пересыханий, которые ведут к омоложению ложа озера и не дают им либо полностью зарости тростником и камышом, либо превратиться в безжизненные сильно минерализованные соры. К этому можно добавить, что изучение закономерностей *естественной ритмики* озёр и является одной из основных задач Наурзумского заповедника как научного учреждения.

Возвращаясь к истории заповедника, далеко не безоблачной, как и у многих других советских заповедников, надо сказать, что, хотя он учреждён в 1930 году, но фактически стал существовать со второй половины 1933 г., а научно-исследовательская работа в нём началась летом 1934 г. Общая площадь заповедника составляла в те годы 320 тыс. га (50 тыс. га – лес и 270 тыс. га – степь и озёра).

«Однако уже в 1951 г. вместе со многими другими заповедниками Наурзумский заповедник был **ликвидирован**, лесные его участки переданы Кустанайскому обллесоуправлению, а степи и озёра – окрестным колхозам и совхозам. Только через 8 лет постановлением Совета Министров Казахской ССР № 843 от 17 сентября 1959 г. Наурзумский заповедник был восстановлен на площади 180 тыс. га, но уже в 1961 г. площадь его была уменьшена на 80 тыс. га за счёт степных участков. Затем постановлением Совета Министров Казахской ССР № 524 от 31 июля 1961 г. заповедник был передан в ведение Целинного крайисполкома, который своим решением № 14/453 **реорганизовал** его в **заповедно-охотничье** хозяйство и подчинил Целинному Крайлесоуправлению. Почти 5 лет бывший заповедник был охотничьим заведением с таким компромиссным названием. Следующим постановлением Совета Министров Казахской ССР № 19 от 11 января 1966 г. уже в статусе **лесо-охотничьего** хозяйства Наурзум был передан в Главное управление заповедников и охотничьего хозяйства при Совете Министров КазССР, которое приказом № 246 от 18 ноября 1966 г. на основании действующего постановления Совета Министров КазССР № 843 от 17 сентября 1959 г. в **третий раз** вернуло Наурзуму **статус заповедника**. В июле 1968 г. Наурзумский заповедник был передан в ведение Гослескомитета КазССР (позже – Минлесхоз КазССР), которое руководило им до 1982 г. Таким образом, за первые 50 лет со дня основания Наурзум был заповедником всего 37 лет, с двумя перерывами – в 8 и 5 лет. Ещё чаще менялась его подчинённость. Последняя передача заповедника Гослескомитету (1968 г.) привела его к фактическому подчинению Кустанайскому обллесоуправлению» (Заповедное дело в Казахстане, 1982, с. 15-16).

До начала реорганизаций, в довоенные годы, начиная с 1935 г., Наурзумский заповедник служил базой для проведения полевой практики студентов и аспирантов Географического факультета Московского университета под руководством профессора Александра Николаевича Формозова; на его территории работали такие известные московские орнитологи как Алексей Васильевич Михеев, Василий Фёдорович Рябов, Александр Михайлович Чельцов-Бебутов, Варвара Ивановна Осмоловская и др., изучавшие авифауну степей и степных озёр, а также Наурзумского бора. После реорганизаций, уже в 60-х гг., здесь работали орнитологи Александр Осипович Соломатин, Ким Фёдорович Ёлкин; последний для прохождения практики привлёк талантливую студенческую молодёжь – Владимира Азарова и Эрнара Ауэзова, занимавшихся утками, гусями и другими водоплавающими птицами. В 70-х гг. орнитологами в заповеднике работали Надежда Сергеевна Гордиенко (с 1970 по 1989), изучавшая поганок, и Наталья Михайловна Сметана (1970-1977), изучавшая врановых птиц; обе защитили на наурзумских материалах кандидатские диссертации.

Но больше всего для изучения птиц Наурзумского заповедника сделал Евгений Александрович Брагин (1954-2020), проработавший в заповеднике практически всю свою творческую жизнь – с 1976 года (после окончания Ростовского университета) и до самой кончины. Начав с изучения хищных птиц колковых лесов Кустанайских степей, по которым в 1989 г. он защитил кандидатскую диссертацию, Евгений Александрович вырос в крупного специалиста по таким редким птицам как сокол-балобан, орёл-могильник, степной дербник и другие пернатые хищники. Участвуя в международных проектах, он смело привлёк к научным исследованиям в заповеднике иностранных специалистов вместе с иностранным капиталом и новыми методиками, а круг объектов своих исследований расширил и включил в него также журавлей и другие виды птиц. Итог его творческой деятельности – более 250 научных работ, в т.ч. изданных за рубежом, и монография «Птицы Наурзумского заповедника» (Брагин, 2022), изданная посмертно его вдовой и соратницей Татьяной Михайловной Брагиной, работавшей с ним в Наурзуме все эти годы.

Первое знакомство с Наурзумской саванной (7-12 сентября 1974)

В сентябре 1974 г., после окончания сезона на высокогорном стационаре в Заилийском Алатау, мне пришлось предпринять инспекторскую поездку в Наурзумский заповедник по линии Центрального Совета Казахского общества охраны природы. Этот заповедник уже 6 лет находился в ведении Министерства лесного хозяйства, которое перепоручило его Кустанайскому областному лесоуправлению. Начальник этого управления Владислав Иванович Мац произвел на меня впечатление делового, энергичного человека. Невысокого роста, очень подвижный, он трезво смотрел на положение с заповедником, его нужды и задачи. Сев за руль старенького ГАЗ-69, он сам отвёз меня в заповедник и три дня возил по его территории, показав посадки, проводимые многочисленной армией временных рабочих во главе с тогдашним директором заповедника молодым лесоводом Дмитрием Угрениновым.

Рис. 765-766. Опушка Наурзумского бора и забуксовавшая здесь машина В.И. Маца. 8 сентября 1974 г.

Рис. 767-768. Наурзумский бор – окраина с молодой порослью и внутренний участок. 8 сентября 1974 г.

Наурзумский заповедник, единственный из всех 5 существующих в то время заповедников Казахстана (Аксу-Джабаглы, Алматинский, Барсакельмес, Наурзумский, Кургальджинский), оказался в ведении лесников. Главную задачу они видели в восстановлении Наурзумского бора, который после многочисленных пожаров сохранился на мизерной части своей былой площади. Поэтому заповедник был обеспечен техникой для тушения пожара так основательно, что мне, привыкшему к единственной машине в Аксу-Джабаглы, странно было видеть целый автопарк на хозяйственном дворе заповедника в Докучаевке. Причем все в один голос говорили, что и этого недостаточно! Вторая задача – *восстановление* бора, причем сосной засаживались обширные площади открытых песков, на многих из которых вряд ли рос лес когда-либо в прежние времена.

Рис. 769-770. Скворцы в Старом Наурзуме и оз. Аксуат здесь же. 9 сентября 1974 г.

Об этом мне в деталях рассказал Николай Григорьевич Сметана, почвовед заповедника, муж моей первой аспирантки Натальи Михайловны Сметана. Сопровождая меня в самые отдаленные уголки, включая лес Сыпынагаш и бор Терсек, он во многих местах показывал, как прекрасно идёт естественное возобновление сосны под пологом леса, тогда как на открытых участках песков выживаемость посадок была минимальной, а на больших площадях саженцы вообще не приживались – большая часть бюджета заповедника просто закапывалась в песок... Это расточительство имело и обратную сторону: на остальную научную работу денег практически не оставалось. И, что меня особенно поразило, так это отсутствие постоянного транспорта у научных сотрудников заповедника, которые каждый раз должны были выключивать машину для поездки – и это при таком обилии техники!..

Тем не менее, орнитологи работали – и Наташа Сметана, изучавшая врановых (лишь на время её беременности по соснам вместо неё лазал муж Коля – он то и показал мне все эти места), и Надежда Сергеевна Гордиенко, выполнившая интересное исследование биологии поганок Наурзума. Обе они сейчас живут и работают в России и в Украине. Только Николай Григорьевич Сметана, работавший всегда, не покладая рук (за двоих, а то и за троих), защитив кандидатскую и докторскую диссертации, надорвал свой организм и в 2010 году его не стало...

Первая поездка в Наурзум на поиски стерха (апрель – май 1998)

На обоих совещаниях по сохранению стерха (Москва, 1995 и Кеоладео, Индия, 1996) шла речь о пути пролёта особей западной популяции этого редкого вида через Казахстан, и каждый раз я вынужден был констатировать, что данные по этому виду из Казахстана очень давние, в том числе и из района Наурзума, где несколько десятилетий тому назад он встречался регулярно. Причина отсутствия сведений крылась как в редкости птицы, так и в том, что никто специально стерха здесь не искал, а у орнитологов заповедника была своя тематика, не всегда совместимая с поисками этого редкого журавля (Н.М. Сметана изучала врановых в сосновых борах; Н.С. Гордиенко – экологию поганок; Е.А. Брагин с 1976 г. изучал хищных птиц).

Необходимо было предпринять специальные поиски журавля. Поэтому на крошечные средства, которые получила наша лаборатория в этом году, я запланировал две короткие поездки в Наурзумский заповедник с целью поисков стерха, а попутно – и установления численности других журавлей (красавки, серого). Весной 1998 г. мы с Н.Н. Березовиковым провели в Наурзуме 20 дней – с 22 апреля по 12 мая.

Зима в этом году выдалась многоснежная, а весна – поздняя. Поэтому, когда мы выехали из Кустаная на УАЗ'ике, который дал нам главный охотовед области Григорий Васильевич Поставной (когда-то работавший в Наурзуме), близившееся к закату солнце освещало заснеженную степь, почти без проталин. На прудах близ некоторых сёл нам попадались пары лебедей-шипун (*Cygnus olor*), которым чаще всего негде было выйти на заснеженные берега. К Докучаевке (ныне с. Караменде) мы подъехали уже в темноте, и водитель долго не мог найти улочку, где находится дом орнитолога заповедника Евгения Брагина. Сама контора заповедника давно уже была закрыта, и сторож сказал нам, что Евгений Александрович дома.

Кое-как разыскав занесенную снегом улицу, мы долго не могли найти нужного нам дома: из-под снега торчали только верхушки деревьев и крыши домов! Наконец, водитель узнал знакомую крышу и остановил машину. К дому вниз вели крутые ступеньки, вырубленные в твёрдом, спрессованном снегу! Впечатление было очень сильное... Только через два дня мы смогли на старой «Ниве» Брагина выбраться к озёрам Большой и Малый Аксуат близ посёлка Старый Наурзум, где раньше была центральная усадьба заповедника. Здесь он оставил нас у егеря на неделю, в течение которой мы проводили наблюдения на этих озёрах, где раньше останавливались пролётные стерхи. В ожидании журавлей мы с Колей ежедневно проводили учёты численности водоплавающих птиц на акватории этих озёр (рис. 777, 778).

Учёты проводились методом сплошного пересчёта с берега в трубу с 20-50-кратным увеличением всех сидящих на воде птиц. Озеро Малый Аксуат почти круглое, с чистым открытым плёсом диаметром 1 км и глубиной более метра в центре, в момент наших наблюдений было наполнено только наполовину;

Степи зональные

усохшая береговая полоса шириной 50-100 м интенсивно зарастала солеросом, но местами было немало и песчано-грязевых отмелей, удобных для куликов. Большой Аксуат, наоборот, был очень мелководным (большие веретенники *Limosa limosa* свободно кормились в его центре) и тянулся на несколько километров в виде цепи плёсов шириной 100-500 м; берега заросли тростниковыми бордюрами с отдельными участками открытых отмелей. Оба названных озера разделены между собой лишь небольшой перемычкой, что давало возможность проводить учёты в один день на обоих водоёмах.

Рис. 771-772. Наурзумский бор весной. Видно, как «юбкаобразные» кроны касаются земли. Май 1998 г.

Рис. 773-774. Степь на песках у бора и цветущие тюльпаны Шренка. Начало мая 1998 г.

Рис. 775-776. Гнездо кречётки (*Chettusia gregaria*) в наурзумской степи. Начало мая 1998 г.

Рис. 777-778. Н.Н. Берёзовиков с окраины бора учитывает уток, пролетающих над Малым Аксуатом.

Рис. 779. С Татьяной Михайловной и Евгением Александровичем Брагиными около их дома. *Фото Н.Н. Берёзовикова*

Погода была холодной и ветреной: остатки мощного снегового покрова в тени деревьев и кустарников стаивали до самого нашего отъезда из Старого Наурзума 3 мая! Хорошо хоть осадков в период наших наблюдений не было. С 25 по 30 апреля мы ежедневно насчитывали здесь 4-6 тысяч водоплавающих птиц, среди которых преобладали речные и нырковые утки, лишь к 1 мая их несколько потеснили кулики и чайки. Пролёт гусей и лебедей был замечен в первые два дня, а поганки стали лететь в значительном числе только с 27 апреля. Журавлей, а тем более стерхов, за эту неделю мы так и не увидели.

После нескольких экскурсий в районе Докучаевки и озера Сарымоин мы смогли выбраться подальше в район бывшего совхоза «Буревестник», куда нас свозил на своём стареньком ГАЗ-69 Владимир Георгиевич Парастатов, председатель местного коллектива охотников, хорошо знающий и эти места, и повадки зверей и птиц. На протяжении всего маршрута (более 100 км), он рассказывал об охотничьих птицах и зверях здешних мест, значительно повысив нашу осведомлённость в знании местной фауны и местных природоохранных проблем. Поведал он, в частности, и о сайгаках, которые в последние годы достигали этих широт, но посевов зерновых не вытаптывали, как об этом писали-жаловались руководители хозяйств, а наоборот, избегали их. Дважды встречал он на пролёте и стерхов, в том числе и пару лет назад по дороге в Кустанай.

Ещё больше интересной информации получили мы от Алексея Громова – егеря, у которого мы ночевали в районе «Буревестника». Этот прирождённый и очень азартный охотник, прекрасно владеющий охотничьим ружьём, несмотря на отсутствие одной руки (он это наглядно продемонстрировал, застрелив с машины на большой скорости барсука, неведь откуда появившегося среди бела дня в степи!), знал здесь буквально всё, но и он белых журавлей не встречал в этих местах уже много лет.

На вторую ночь оставаться у Лёхи Громова Парастатов не стал и, несмотря на изрядное количество выпитого «под барсука», повёз нас обратно в Докучаевку в полной темноте, по тряской дороге и практически без фар, которые у него почти не работали, только иногда зажигаясь самопроизвольно. А если учесть то, что и тормоза у этой изношенной машины были не идеальными, то дорога нам запомнилась...

Обратно в Кустанай нас отвозил тоже Парастатов, с которым мы успели за это время сдружиться. Уезжали мы, так и не увидев стерха и увозя с собой твёрдую уверенность в том, что он уже перестал бывать здесь, по крайней мере, на весеннем пролёте. Отъехав не более 20-30 км от Докучаевки, Парастатов предложил объехать расположенное невдалеке длинное полузаросшее озеро Байтума – а вдруг там нам повезёт на стерха? И точно, уже вскоре он сказал: «Смотрите – вон там, не они ли это?».

В бинокль были видны 3 больших белых птицы, однако очертания их расплывались в исходящих от нагретой мокрой земли потоках тёплого воздуха. Стали подъезжать ближе, время от времени останавливаясь и пытаясь рассмотреть птиц в бинокль. Когда до них оставалось меньше километра, мы с Колей решили пойти пешком, скрадываясь за куртинами тростника и другой высокой растительности. А когда тростник закончился и началась открытая пашня, наконец, удалось рассмотреть загадочных птиц!

Ими оказались три лебедя-шипуна (*Cygnus olor*), бродившие по этому полю и время от времени застывавшие с поднятой вверх шеей!... Этот курьёз заставил меня всерьёз задуматься над достоверностью так называемых «опросных данных», которым многие склонны были доверять без проверки, удивляясь при этом: «А с кем же можно спутать стерха? Разве что с белой цаплей»...

В Кустанае нас уже ждал встревоженный начальник облохотинспекции, которому было приказано доставить нас к самому... С.А. Медведеву! Оказывается, бывший министр экологии сейчас заведовал в Кустанае областным архивом. Святослав Александрович встретил нас радушно у себя на даче, на окраине города, где всё было сделано его руками. Хозяином он оказался хлебосольным, угощал какими-то особенными грибочками, и мы не заметили, как большая гранёная бутылка водки наполовину опустела, а стрелки часов угрожающе приближались ко времени отправления поезда. Заметив моё беспокойство, хозяин сказал, что нас отвезут вовремя, водитель у него дисциплинированный. Мне по-человечески жаль было расставаться с хорошим человеком, а ещё больше было жаль, что энергия и ум этого совсем ещё молодого человека тратятся на какой-то архив – не его это уровень!..

Вторая поездка в поисках стерха – озеро Кулаголь (сентябрь 1998)

В конце августа 1998 г., только что возвратившись из Южной Африки, где на XXII Международном орнитологическом конгрессе я получил от руководителя Международного журавлиного фонда Джорджа Арчибальда ясные указания о дальнейших поисках стерхов западной (обской) популяции в районе Наурзума и реальную финансовую базу для этой работы, я спешно стал готовиться к поездке в Наурзум. Надо было торопиться, потому что Клер Миранде (координатор проекта) по электронной почте сообщила мне о помеченном передатчиком в Западной Сибири стерхе, который передавал сигналы уже из района Наурзума (были приложены координаты!). Поскольку времени для приобретения и освоения цифровой видеокамеры не было, пришлось брать с собой старенькую аналоговую – портативный «Panasonic».

Помощник мой по весенней поездке был занят, другие сотрудники также были в разъездах. Работать в одиночку вдали от всякого жилья нечего было и думать. Тогда я предложил поехать со мной Валентине Исмаиловне Тороповой (1943-2013), с которой мы всего месяц назад ездили по Западному Тянь-Шаню в составе международной немецко-киргизской экспедиции под руководством Герда Мюллера (1941-2009) из Грайфсвальдского университета. Она согласилась, и поздно вечером 10 сентября мы выехали из Алматы в Кустанай поездом. Надо было постараться, во что бы то ни стало, успеть разыскать стерха там.

В полдень 12 сентября в Кустанае нас встретил уже хорошо знакомый мне Владимир Георгиевич Парастатов на своей «Ниве». Закупив продукты, мы выехали в Наурзум. По дороге поразила сильно выгоревшая степь. По словам Парастатова, жара летом была до 47°, сгорело много степи и колков. Почему-то развелось много волков. Птиц очень мало, только сотенные стаи грачей попадались нам да сороки вдоль дороги собирались до 20-30 вместе! В бору Аман-Карагай озёра высохли, превратились в соры; птиц на них нет. Байтума, где весной мы встречали лебедей и много другой птицы, вся высохла, лишь кое-где в кюветах – остатки тростника на сухих местах. И на проводах также нет птиц.

Вечером у Брагиных по карте выяснили, что на присланных Клер координатах находится небольшое озерко Кулаголь у юго-западной границы заповедника, но уже за его пределами. В полдень 13 сентября выехали на Кулаголь через Старый Наурзум. Оба Аксуата, где мы весной с Колей учитывали уток, оказались высохшими. Но попытка проехать к Кулаголлю левее Б. Аксуата не прошла, потому что протока заполнена водой – как речка шириной около 10 м. Пришлось объехать, поднявшись на чинк с берёзовыми колками, часть их пестрит свежими спилами: повсюду здесь следы пребывания людей (это не заповедник!).

Спустившись с чинка, вышли к нужному нам озеру. Озеро Кулаголь (Молочное) – небольшой водоём 400x150 м, окаймлённый почти со всех сторон плотным бордюром из высокого тростника. Расположено в 2 км северо-западнее чинка. Озерко довольно мелкое – видимо, также значительно усохло за это лето. Ещё издали в бинокль мы видели на небольшом плёсе группы водоплавающих и голенастых птиц.

Рис. 780. Наурзумские степи 12 сентября 1998 г.

Рис. 781. Краски осеннего Наурзума, 1998.

Рис. 782. Большие веретенники. Малый Аксуат у посёлка Старый Наурзум, 1 мая 1998.

Рис. 783. Сор на месте высохшего озера прошлого года. Старый Наурзум. 13 сентября 1998 г.

Рис. 784-785. Озеро Кулаголь: илистый берег у нашего лагеря и стаи пролётных гусей. Сентябрь 1998 г.

Когда же в 17⁻³⁰, остановившись в 300 м от берега, стали осматривать акваторию в бинокль, то сразу же – о, чудо! – увидели среди прочих птиц двух стерхов!!! Вот дословная запись из моего дневника, сделанная здесь же, на берегу: «В 17⁻³³ пара взрослых кормится у самой дальней кромки тростника, совсем недалеко от лебедей-кликунов и различных уток. «Пасутся» на мелководье, доставая что-то со дна. Ходят парой, очень редко расходясь не более чем на 10 м друг от друга. В 17⁻⁴⁰, когда мы стали объезжать озеро, оба стерха взлетели и, сделав круг, сели в самом дальнем углу озера, на фоне высоких и густых тростников. 17⁻⁴⁶ один кормится, второй стоит, но спокойно, не напряженно. С новой точки мы наблюдали их с расстояния менее 500 м до самого захода солнца (см. видео). Спокойно кормятся, отдыхают. Перед закатом один раз прокричали тихонечко. После этого оба кормятся. Интересно, что при кормёжке голову погружают в воду полностью – до затылка (а то и с ним вместе). 19⁻⁵⁷ солнце уже практически скрылось за горизонт, и мы уехали, а стерхи продолжают кормиться, время от времени поднимая клювы вверх и замирая так на 1-2 секунды».

Рис. 786. Пара стерхов (*Grus leucogeranus*) в месте их первой встречи. Вечер 13 сентября 1998 г.

На этом же небольшом плёсе держались пять лебедей-шипун (*Cygnus olor*), три кликуна (*Cygnus cygnus*), две пеганки (*Tadorna tadorna*), 13 серых цапель (*Ardea cinerea*) и около 50 речных уток (*Anas* sp.). По берегу бродили чибисы (*Vanellus vanellus*) и какие-то более мелкие кулики (сейчас нам было не до них!), а в одном месте взлетела стая штук 200 пролётных белых трясогузок (*Motacilla alba*).

Не задерживаясь у озера, чтобы не вспугнуть стерхов, мы уехали в Докучаевку за своим лагерным оборудованием, чтобы завтра вернуться сюда уже на несколько дней (это была рекогносцировка). На следующий день, 14 сентября, В.Г. Парастатов привёз нас на Кулаголь другой дорогой, через село Карамайши (оно же Смолокур, Октябрь, колхоз Ворошилова). Здесь удручающее впечатление производили остатки некогда большого села, от которого сохранились лишь отдельные деревья и развалины домов среди степи; рядом торчал остов недостроенной (скорее – едва начатой) животноводческой фермы, а вокруг – брошенная сельхозтехника, ржавеющая под открытым небом.

Запомнилось чаепитие у бывшего зоотехника Бауржана, единственного оставшегося здесь с семьёй. Хороший знакомый Парастатова, он встретил нас как дорогих гостей и тут же устроил прямо на полу «дастархан», а я фотографировал и снимал на видео его семью – жену и четверых детей. По традиции в углу стоял ещё телевизор, хотя никакого электричества уже не было, о чём красноречиво свидетельствовал разгромленный трансформатор. Сколько горечи было в словах этого простого, но достаточно грамотного человека: «Хорошо евреям – они уехали в Израиль; хорошо немцам – они уехали в Германию. Но куда же уеду я? Я ведь казах и это моя земля». Я тогда очень жалел, что этих слов не слышат те, кто допустил такое запустение в этом некогда богатом, хлебном краю...

К вечеру мы приехали на Кулаголь и поставили палатку на его берегу под прикрытием высокой стены тростника и всего в 30-40 м от мелководья (рис. 784). Ширина плёса здесь была не более 200 м, что позволяло надеяться на наблюдения за птицами вблизи. В 16⁻²³ оба стерха были на месте –

под противоположной стеной тростника, также на мелководье. Привожу свои дневниковые записи дословно, поскольку это единственные мои наблюдения за этой редчайшей птицей – больше никогда такого везения у меня не было! «Обе птицы на месте, всего в 300 м от первоначального места встречи (там же, где мы оставили их вчера вечером). Кормятся. У самки (она явно меньше) на правой ноге выше сустава жёлтая метка, хорошо заметная на розовом фоне ноги, правая нога свободна. У самца обе ноги свободны от меток и колец. 16⁻³⁵ стоят в 5-6 м друг от друга. Погода: пасмурно, солнце за тучами и заметный сев-зап. ветер, слабый до умеренного, тёплый. В 16⁻⁴⁴ начали кормиться. Прекрасно видна жёлтая метка на правой ноге самки. 18⁻¹⁴ стерхи всё ещё кормятся, не обращая внимания на летающего рядом болотного луня. Уехал В.Г. Парастатов. СЗ ветер крепчает, пасмурно. Стерхи вышли ближе к лебедям и кормятся среди них, не обращая на них внимания. Здесь на мелководье вода не достигает и середины их цевки (глубина её не более 10-15 см). 19⁻⁰⁰ хронометраж кормления стерхов (число погружений клюва в воду) по минутам: самец – 25+26+20+23=**94**/4 мин. У самки та же частота: 20+26+22+24=**92**/4 мин, хотя визуально кажется, что самец кормится интенсивнее. Впрочем, различия в добывании корма у них имеются. Самец погружает голову в воду вместе с затылком прямо перед собой и так же прямо перед собой поднимает её с тиной в клюве и что-то заглатывает один раз в 4-5 погружений. Голову под водой держит не более 1-2 сек. Самка погружает голову в воду надолго (2-3-4 сек) а вытащенный кусок тины отбрасывает в сторону (вправо, влево), заглатывает также не чаще раза в 4-5 погружений. В 19⁻²² на взлёт (с гоготом) 10-15 лебедей-кликунов стерхи не обратили никакого внимания. В 19⁻²⁵ опять лебеди раскричались после приземления, но стерхи и на это не обратили внимания. [запись *Валентины Исмаиловны*: «Самка питается более энергично, вытаскивая и как бы отбрасывая водоросли, а самец перебирает их в воде, потом что-то заглатывает, вытащив клюв из воды. Она чаще задерживает клюв под водой, иногда делает движения, как клюющая курица»]. 19⁻³⁰. Продолжение хронометража (в скобках – число заглатываний): Самец – 13(4)+19(6)+23(4)=**55(14)** за 3 мин. Самка – 20(5)+23(8)+33(9)=**76(22)** за 3 мин. Продолжение (19⁻⁵²-20⁻⁰⁴): Самец – 18(7)+45(11)+39(11)=**102(29)** за 5 мин (2-й и 3-й подсчёты – по 2 мин). Самка – 21(6)+23(6)+11(3)+18(4)=**73(19)** за 4 мин. В 20⁻¹¹ стерхи кормятся там же, всего в 1 м друг от друга. Уже светлые сумерки (солнце село), но журавли ещё видны. Продолжение хронометража: Самец – 24(12)+23(6)+21(7)+20(6)=**88(31)** за 4 мин Самка – 26(5)+22(4)+23(6)+21(7)=**92(22)** за 4 мин. 20⁻³⁰ сумерки. Стерхи кормятся. 20⁻³⁴ журавлей уже плохо видно. Они стоят рядом, чистят оперение».

Ясным утром 15 сентября на траве был иней, и весь день было холодно. Уток, которые подлетали всю ночь, утром было явно больше, чем вечером. Около 8 час утра через озеро на северо-восток пролетели 14 белолобых гусей (*Anser albifrons*). Стерхи были почти на том же месте. Они спокойно кормились, и ничто не предвещало, что наблюдать за ними оставалось всего полчаса с небольшим. Привожу последнюю запись.

«9⁻³⁰ хронометраж кормёжки: самец – 38(9)/2 мин + 15(4)+13(1)+15(4)+24(8) = **105 (26)** за 6 минут; Самка – 20(4)+13(5)+21(3)+17(4)+21(5)+16(2) = **108(23)** за 6 минут (закончен учёт в 9⁻⁴²). У самца другой тип кормления: поскольку место очень мелководное, он погружает в воду только клюв (или даже ½ его) и заглатывает, видимо, что-то мелкое, незаметно.

9⁻⁵⁶. Вдруг самец и самка секунд 10 прислушивались, подняв клювы, и взлетели, при этом раза 3 крикнули. Стали кружить над озером, набирая высоту. Минут через 5 они оказались западнее озера, уже на высоте около 100 м. В это время здесь же, чуть левее и ниже, появились 4 серых журавля (*Grus grus*), тоже кружат. Всё время серые и стерхи кругами набирают высоту, не приближаясь друг к другу. Уже высота более 500 м, но стерхи всё кружат, планируя сначала по 5-10 сек, а потом – и по 20-30 сек без единого взмаха крыльев. Серые тоже набирают высоту, но под стерхами, гораздо ниже их. 10⁻⁰⁸. Набрав высоту более 1000 м (уже едва различимы в бинокль), стерхи ушли на запад (совсем рядышком, самец чуть впереди). Под ними, почти вдвое ниже их, ушли в том же направлении 4 серых журавля. Направление – запад, м.б. 1-5° склонение к югу».

На этом сказка закончилась, и нам ничего не оставалось, как до приезда Парастатова наблюдать за другими птицами в надежде, что стерхи ещё вернутся. В это время начался пролёт белолобых гусей (здесь их называют белолобая казарка, или рябопузы). Летели они в направлении на юго-восток (рис. 785), сначала небольшими стаями (12+16+16+21+40+40). Однако в 11⁻⁵² более 100 гусей прилетели с запада, но за озером развернулись и улетели обратно. Голос в целом мелодичный, но иногда вблизи напоминает щенячий визг, что характерно для очень похожего вида – гуся-пискульки (*Anser erythropus*), который меньше по размерам, но издалека это трудно бывает установить. В отличие от массового белолобого гуся пискулька очень редок и занесён в Красную книгу Казахстана. Его считают глобально угрожаемым видом, и многие иностранные орнитологи, особенно финские, ведут по этой птице масштабные международные проекты, привлекая к участию в них и наших (российских и казахстанских) орнитологов.

Рис. 787-790. Озеро Кулаголь: лебеди и стаи гусей на воде и в полёте. Сентябрь 1998 г.

Весь день шёл массовый пролёт-прилёт гусей, и к 17 час в северном углу озера под тростниками на подсохшей грязи сидело уже около 2 тысяч гусей, в основном белолобых (*Anser albifrons*), но среди них были и пискулька (*Anser erythropus*) и краснозобая казарка (*Rufibrenta ruficollis*), которая занесена в Красные книги СССР, России и Казахстана. Днём, около 14 час, на воде появилось 48 краснозобых казарок, а через полчаса их было уже 207; перед закатом я насчитал их уже 394. А в 19⁰⁹ с севера прилетели и сели ещё 374 краснозобых казарки (среди них – только один белолобый гусь!).

На закате гуси и казарки начали взлетать большими (до тысячи особей!) стаями и низом улетать на поля (рис. 788). Большую часть ночи из палатки были слышны голоса гусей, иногда – шумные взлёты целой стаи с криками (вполне возможно, что отдельные стаи улетали дальше). Из других птиц в этот день в небольшом числе встречались журавли (серый и красавка), лебеди (шипун и кликун), множество куликов, из которых наиболее интересными для меня были золотистая ржанка (*Pluvialis apricaria*), тулес (*Pluvialis squatarola*) и каспийский зуёк (*Charadrius asiaticus*); а также чайки – озёрная (*Larus ridibundus*), сизая (*Larus canus*) и морской голубок (*Larus genei*) и даже короткохвостый поморник (*Stercorarius parasiticus*). На следующий день картина оставалась примерно такой же (мы провели сплошной учёт птиц на воде) и лишь к вечеру появилось 12 кудрявых пеликанов (*Pelecanus crispus*). Стерхи так и не вернулись.

Наконец, приехал В.Г. Парастатов и 17 сентября в 10⁻¹⁷ мы выехали на оз. Сонкебай через село Сарычеганак (это бывшее отделение свх. «Наурзумский»). И здесь полное запустение: из 60 дворов, имевшихся в 1997 г., в 1998 году осталось всего 13). Озеро Сулы сухое совершенно, озеро Кемель – тоже, как и озеро Каражар у с. Сарычеганак.

В полдень прибыли на озеро Большой Сонкебай (4х0.8 км), которое со всех сторон заросло тростником, но проходы к воде имеются практически на всех берегах – видно 5 таких проходов в виде солончаковых отмелей. Издалека на середине обширного плёса мы насчитали 479 лебедей (скорее всего –

кликуны), и это, видимо, были не все! На другой оконечности озера, подъехав поближе, насчитали 107 взрослых и 4 молодых кликунов (*Cygnus cygnus*). На соседнем озере Малый Сонкебай, очень красивом, в обрамлении красного солероса (*Salicornia europaea*) и ярко-белого солонца, сидело 62 лебедя-кликуна – явно шёл пролёт этого редкого вида, также занесенного в Красную книгу Казахстана.

Рис. 791-792. Озеро Малый Сонкебай с лебедями-кликунами и пара кликунов в полёте. Сентябрь.

По пути в Докучаевку, проезжая лес Сыпсынагаш, я обратил внимание, как начинают «гореть» красным цветом листья молодые осины, тогда как берёзы стоят ещё зелёные (рис. 764) ... Утром 18 сентября из Докучаевки я созвонился с Москвой (что было не так-то просто по тем временам, когда ещё не было мобильной связи), и Саша Сорокин пообещал вечером прислать нынешние координаты самца стерха, а пока только подтвердил, что сигналы были отсюда, но самец уже переместился. В 10⁻²⁰ мы снова выехали на Б. Сонкебай по ясной, совершенно безоблачной погоде. И в этот раз мне снова повезло. Когда в 12⁻²⁰ мы подъехали к северному берегу Б. Сонкебая и взлетела целая армада лебедей и уток, среди них была и пара стерхов (*Grus leucogeranus*)! Журавли стали молча набирать высоту, кружась и сдвигаясь к западу. За 5 мин они поднялись на несколько сотен метров и удалились в направлении «запад – юго-запад». На сей раз сказка оказалась ещё короче. Но мы не теряли надежды, что стерхи сели где-то недалеко, и продолжали поиски.

И наше упорство было вознаграждено. Снова обращаюсь к своим документальным дневниковым записям: «17⁻⁰² пара стерхов в северном углу-заливчике озера среди массы лебедей, уток и гусей. Стоят в этой компании совсем недалеко от берега – всего 50-70 м. Заметил их случайно, когда вышел из-за тростников сделать снимок этого скопления и оказался в 100-150 м от него. Стерхов удалось снять ещё на воде (чуть мельче, чем по колено), хотя они и взлетели самыми первыми (см. видеозапись!). Молча взлетели и сразу же стали кругами набирать высоту! Через 4 мин перестали набирать высоту – похоже, что они раздумали улетать. И ещё через минуту стали спускаться к противоположному берегу. Сели примерно в том месте, где мы вспугнули их утром!!!».

Мы сразу же поехали в Докучаевку, чтобы дать птицам успокоиться, а завтра приехать пораньше с ночёвкой и понаблюдать за ними, не вспугивая их. Вечером от Сорокина пришло электронное послание с координатами взрослого стерха. Вот его «послужной список»: окольцованный 11 августа на гнездовье в Увате (низовья Оби), он 31 августа был ещё там, а с 6 по 16 сентября – в районе озёр Кулаголь и Сонкебай.

Утром 19 сентября мы снова были на Б. Сонкебае, где к 510 лебедям (из них 440 – кликуны) присоединились ещё 700 серых гусей (*Anser anser*) и около двух тысяч уток, однако стерхов мы так и не увидели. Вечером, около 20 часов, уже после захода солнца (светлые сумерки) я наблюдал с расстояния 100 м потрясающее зрелище. На песчано-солонцовом берегу скопилось более 200 лебедей-кликунов, взлетевших при моём появлении. Весь этот «пляж» (примерно 70 x 30 м) был изрыт круглыми ямами диаметром около метра и глубиной до полуметра. Это были ямы лебедей, служившие им, видимо, «купалками» для борьбы с паразитами (мелкая солёная пыль кого угодно убьёт). Кстати, помимо 440 кликунов и 63 шипунов на озере появилось 10 малых, или тундровых лебедей (*Cygnus bewickii*) – пролётных гостей из далёкого Севера.

Поскольку и на следующий день никаких следов стерха на озере не удалось обнаружить, нам пришлось вернуться в село. Здесь, в Докучаевской средней школе, по настоянию и благодаря кипучей активности

Татьяны Михайловны Брагиной, возглавлявшей созданную ею общественную организацию «Наурзум», днём 22 сентября я прочитал ученикам и учителям школы лекцию о стерхе с демонстрацией видеозаписи. Запомнилось почему-то, что молодая завуч школы по воспитательной работе Дамеш Вагановна Абдуллина закончила Полтавский пединститут (!). Вот уж действительно – мир тесен...

Рис. 793 и 794. Рассказ о стерхе на уроке в Докучаевской средней школе. У окна Т.М. Брагина. Сентябрь 1998 г.

А утром 23 сентября по электронной почте от Насти Шилиной (Москва) пришли новые координаты стерха, который 19 сентября подавал сигналы из точки $61^{\circ} 45'$ с.ш. и $50^{\circ} 50,7'$ в.д., а 20 сентября – $57^{\circ} 20,9'$ с.ш. и $49^{\circ} 53,7'$ в.д. Эти точки находятся уже в Актюбинской области, за пределами наших карт и наших транспортных возможностей. Журавль этот уже явно направлялся к Северному Прикаспию.

Последнее обследование 23-24 сентября озёр Кулаголь и Б. Сонкебай никаких новых данных по журавлям не принесло, и 25 сентября мы с Е.А. Брагиным на его «Ниве» выехали к северу, на Жарсор, в надежде встретить новых стерхов. Вместо них мы наблюдали там на ночёвке около 500 серых журавлей и красавок. Утром 26 сентября непрерывный хор журавлей с места ночёвки у озера начался ещё до восхода, но в течение часа после восхода все журавли разлетелись. Последняя стая из 50 шт. улетела на запад в 9³⁵. Все журавли уходили на запад невысоко, не выше 200 м. Возможно, это был просто разлёт на кормёжку.

Дальнейший путь на северо-восток вывел нас на северный берег озера Кулыкколь – огромного водоёма, известного массовым пролётом «гуся и казары». Встреча с егерем Камышинского района Иваном Сиротенко подтвердила, что стерх в последние годы здесь – исключительная редкость. По его словам, десятки тысяч журавлей-красавок в августе скапливаются на соляных коях и озерке Булюк, откуда все они летят на запад; а в сентябре эти места занимает серый журавль.

Не нашли мы стерха и на озере Айка – огромном водоёме уже на границе с Россией. Здесь хорошо запомнилась встреча с чёрным жаворонком (*Melanocorypha yeltoniensis*) – сотни на стерне и непрерывно взлетают перед нашей машиной. А в небе везде – белолобый гусь, и трудно сказать, кого из них больше... Перед посёлком Восточный, недалеко от Айке, – большие скопища чёрного жаворонка, в основном самцы, с дороги взлетают – как цепная реакция. Озеро Айка – это не озеро, а море, простирающееся до горизонта. Берега открытые, высокая волна из-за сильного и холодного северо-западного ветра. Объезжаем его с севера в поисках места, пригодного для ночлега (ставить палатку на открытом месте под таким ветром нечего и думать – сорвёт!). Скотник Сатыбалды пригласил ночевать в вагончик, но его волкодавы были другого мнения, и нам пришлось ставить палатки в заброшенном глиняном карьере, где ветер был хоть чуточку послабее. Всё равно ночь была холодная... А на берегах Айке везде гремели выстрелы: пришла «казара», и все достали ружья. Рано утром 27 сентября, едва попив чайку, мы уехали из этих холодных мест.

На обратном пути встретились уборочные комбайны «Нива» и «Енисей». На наш вопрос о журавлях мужики ответили, что на одной клетке у них журавли полностью съели урожай. Стали убирать – а зерна нет. Так и назвали её журавлиной. Не гуси, а именно степные журавли. Это рядом. Мы поехали искать эту клетку и действительно наткнулись на журавлей: тысячи красавок (*Anthropoides virgo*) взлетели с убранных и неубранных полей; большинство из них улетели на юго-запад.

Ещё одна запомнившаяся встреча. На озере Батпакты вместо посёлка, обозначенного на карте, оказался единственный домик, в котором проживает казах, выращивающий стадо свиней (!!!) на продажу, но мусульманское кладбище в 300 м от этого места говорит о том, что карта не обманывает. Озеро всё заросшее, виднеется только один маленький плёс среди тростников. Журавлей здесь хозяин не видел.

Весь день 28 сентября в Докучаевке мы пытались разобраться с информацией об окольцованных стерхах. Звонили в Москву, Кустанай, Тюмень. По данным В.И. Азарова (Тюмень), 4 молодых стерха ещё 14 сентября держались в месте мечения среди серых журавлей, а 21 сентября все журавли вдруг снялись и улетели. Сведениями о радио-трансммиттерах располагает только А.Г. Сорокин (он получает их каждые 2 дня), но от него самого Володя не получал вестей уже 5 дней... В полдень удалось дозвониться до ВНИИПрироды и поговорить с Настей Шилиной (оказывается, она в эти дни не была на работе – болел ребёнок; всё по-житейски просто...). По её словам, взрослый самец 23 сентября был уже на Каспии!! А от молодых с 18 по 24 сентября не было сигналов (какой-то сбой). Как оказалось, помечено 6 птенцов стерха (окские и из США). Данных о них пока нет, но Настя обещала прислать их в ближайшее время...

Через такие вот тернии шли наши поиски. После отъезда 29 сентября В.И. Тороповой мы с Е.А. Брагиным на его «Ниве» утром 30 сентября выехали на озеро Жарколь, где в мае егерь видел одного стерха. Оба плёса этого обширного озера оказались высохшими, лишь в самом центре одного из них было небольшой водное зеркало, на котором мы насчитали 113 лебедей-кликун, около 400 белолобых гусей и более тысячи речных и нырковых уток. Не только стерхов, но и других журавлей здесь не оказалось. На обратном пути в бору Наурзум-Карагай встретили лосиху с лосёнком, а на окраине бора вспугнули нескольких тетеревов (*Lyrurus tetrrix*).

Рис. 795-796. Урочище Жарсор: общий вид и Женя Брагин от «Нивы» ведёт наблюдения. 1 октября 1998.

Рис. 797. Обрывы и солонцы Жарсора. Рис. 798. Автор на Жарсоре. 3 октября 1998. Фото Е.А. Брагина

Выезд 1-3 октября на солёное озеро Жарсор (рис. 795-798), с обследованием по пути других озёр, не подарил нам встречи со стерхом, как и поездка 5 октября в Терсек – самый северный бор заповедника. На Жарсоре мы обнаружили массовую ночёвку журавля-красавки, на так называемом Корейском озере – три запоздалых выводка лебедей-кликун (с 3, 4 и 5 птенцами), а по пути в Терсек осмотрели степное озерко, откуда 11 сентября поступали сигналы передатчика со стерха. Это естественная балочка в голой степи, перегороженная дамбой высотой 2 м и длиной около 100 м. Площадь зеркала этого озера 30 x 40 м, а тростниковых зарослей вокруг – 300 x 100 м. В этот день здесь не было никаких птиц. Так завершилась эта почти месячная погоня за стерхом, давшая первые результаты...

Третья – самая короткая и самая неудачная – поездка в Наурзум в поисках стерха (26 апреля – 9 мая 1999)

Вечером 26 апреля 1999 г. мы вместе с Н.Н. Березовиковым и С.Н. Ероховым выехали поездом в Кустанай, где мне (на сей раз – одному) снова предстояло искать стерха, а ребята ехали на проведение учётов гусей по всем озёрам Кустанайской области – в плане выполнения совместного с финнами проекта по изучению гуся-пискульки (*Anser erythropus*). В полдень 28 апреля на железнодорожном вокзале Кустаная ребят встретил Д. Жуков на своем УАЗ-452, а меня – Е.А. Брагин, который сразу же отвёз на телестудию «Алау», где в 14 час Александр Михайлович Данильченко записал моё интервью о стерхе. Этот 5-минутный видеосюжет был показан по областному телевидению в этот же день в выпуске новостей, а в субботу с утра в программе «Открытые небеса» показали привезенный мною короткометражный фильм о стерхе производства Международного журавлиного фонда.

В день приезда, в перерыве между закупкой продуктов на базаре, для налаживания контактов мы посетили Кустанайский университет им. Ахмета Байтурсынова. На кафедре биологии встретили только зав. лабораторией биологии М.В. Житинскую (молоденькая девушка), которой пришлось объяснять цель нашего визита, и передали ей для коллег-зоологов несколько анкет по стерху, изготовленных в течение зимы.

Только в 19 часов мы выехали в Докучаевку. Степь ещё не высохла, везде мокро и лужи. Пашни начинают зеленеть, но очень редкими полосками – как будто подсев. Местами по степи идут лушильники – здесь действительно обходятся без плуга. Лесопосадки ещё не начали зеленеть – стоят по-зимнему серые, местами в них лежат полосы снега (хотя и гораздо меньше, чем было 22 апреля год назад!). В этот раз нам довольно часто попадались парами серые журавли (*Grus grus*), всего считали 18 птиц, причём в некоторых парах обе птицы танцевали.

Рис. 799. Степь у Терсека, 3 мая 1999 г. **Рис. 800.** Меловые обнажения у бора Терсек. 3 мая 1999 г.»

На следующий день посетили озеро Б. Сонкебай. Воды в нём примерно столько же, сколько и осенью, во всяком случае, разницы не заметно. Но птиц было мало: 56 лебедей-кликунов, несколько десятков озёрных чаек (*Larus ridibundus*), среди которых летали две малых чайки (*Larus minutus*); 15 пар пеганок (*Tadorna tadorna*) да штук 15 малых поганок (*Tachybaptus ruficollis*) в центре озера – вот и всё.

Журавлей не было никаких, хотя чабан Акылбек, который стоит на М. Сонкебае, рассказал, что вчера видел за Б. Сонкебаем пару белых журавлей. Утверждает, что это были именно журавли, а не цапли – крупные, высокие на ногах; ходили по мелководью. Проверка этого места нами сегодня результатов не дала. Всего в двух километрах от озера на крошечной сосенке среди степи – жилое гнездо степного орла (*Aquila nipalensis*) в котором самка насиживала одно яйцо, а самец сидел у обочины дороги в 500 м. Здесь же, в степи, мы встретили двух токующих самцов стрепета (*Otis tetrax*) и самку, медленно перелетевшую через дорогу перед машиной, на высоте всего 3–4 м. Одиноким самцов чёрного жаворонка (*Melanocorypha yeltoniensis*) видели в этот день более двух десятков в разных местах степи.

На следующий день, 30 апреля, мы с Брагиным посетили оба Аксуата и Кулаголь. На выезде из Докучаевки заехали к Парастатову, и он сообщил сногшибательную новость, что осенью, на второй день после моего отъезда (7 октября 1998 г.) он поехал на Кулаголь и видел там группу из 6 взрослых стерхов! Так группой в воде и стояли! Не та ли это группа, которую видели Маркин и Сорокин в Астраханском заповеднике? А в этом году никаких сведений о стерхе к Парастатову не поступало, и сам он не видел их ни разу. Я отдал ему две анкеты, чтобы всем их показывал и проводил агитацию среди охотников.

Озеро Малый Аксуат оказалось заполненным водой почти как весной прошлого года. За полчаса учёта мы насчитали здесь немало широконосок (*Anas clypeata*), серых уток (*Anas strepera*), красноносых нырков (*Netta rufina*), гоголей (*Bucephala clangula*), хохлатых чернетей (*Aythya fuligula*), чирков-свистунков (*Anas crecca*) и особенно много (174 особи) – черношейных поганок (*Podiceps nigricollis*). В меньшем числе были: кряква (*Anas platyrhynchos*), чомга (*Podiceps cristatus*), серощёкая поганка (*Podiceps grisegena*), свиязь (*Anas penelope*), голубая чернеть (*Aythya ferina*) и морянка (*Clangula hyemalis*). На Большом Аксуате преобладали серые утки, пеганки (*Tadorna tadorna*), чирки-свистунки, озёрные чайки (*Larus ridibundus*) и шилоклювки (*Recurvirostra avocetta*).

Озеро Кулаголь оказалось залитым водой до краев – получилась огромная чаша. Даже место нашей осенней стоянки всё под водой, вплоть до коренного берега. Совсем другой вид, даже расстояния увеличились – тот берег очень далеко... Здесь было больше 100 голубых чернетей, более 100 черношейных поганок, 126 лысух (*Fulica atra*) и почти по столько же – красноносых нырков и гоголей. В степи нередко встречались стрепеты (*Otis tetrax*), гораздо реже – кречётки (*Chettusia gregaria*), а в одном месте, уже после заката (21 час) – штук 30 розовых пеликанов (*Pelecanus onocrotalus*) сидели плотной группой на зелёной лужайке в степи, едва различимые в наступающих сумерках. Никаких журавлей, кроме летящего над степью одного красавки (*Anthropoides virgo*), мы не видели...

На этом результативная часть моей поездки закончилась и пошли злключения. Днём 1 мая началась пыльная буря, и нам с Женей пришлось отложить запланированную поездку на Жарколь (всё равно ничего не увидишь – до горизонта все затянуло пылью!) и заняться ремонтом машины и приготовлением борща. Вечером – попытка празднования вдвоём, а потом – кошмарная ночь с высокой температурой...

Утром 2 мая, после двух таблеток аспирина, я всё-таки выехал с Женей Брагиным на озёра Сарымоин и Акужан. И, видимо, зря. Несмотря на то, что в этот день мы насмотрелись на стрепетов (*Otis tetrax*) и тетеревов (*Lyrurus tetrax*), а также встретили на залитом мокром лугу несколько десятков турухтанов (*Phylomachus pugnax*), вечером я снова почувствовал себя неважно.

Рис. 801. Пара кликунов на гнезде. Большой Аксуат. Рис. 802. Большой веретенник, оз. Кулаголь. 1999 г.

Рис. 803. Тетерева на солончаке. Май 1999 г. **Рис. 804.** Грозное предзакатное небо Наурзума.

Но отказаться от поездки в бор Терсек было выше всяких сил, и утром 3 мая мы с Евгением отправились туда. С утра стояла прекрасная погода: ясно, тихо, тепло. Степь была вся покрыта тюльпанами Биберштейна, местами цвели сон-трава и тюльпаны Шренка; в лесных колках – снежные сугробы и озёра талой воды, целые тундровые болота (всё это я снял на видео). На берёзе в небольшом берёзовом колочке нашли гнездо степного дербника (*Falco columbarius pallidus*), расположенное в кроне у верхушки берёзы, птица сидела в нём и вылетела лишь, когда Женья подошёл под дерево. Здесь же, по опушкам колков, несколько раз видели кобчиков (*Falco vespertinus*). В степи, наконец-то, стали попадаться белокрылые жаворонки (*Melanocorypha leucoptera*), это явно их места. Зато чёрных жаворонков (*Melanocorypha yeltoniensis*) не видели ни одного за весь день! Нередко в степи встречались стрепеты, степные сурки-байбаки (*Marmota bobac*); в двух местах видели журавлей-красавок (*Anthropoides virgo*). А в самом бору – великолепное гнездо беркута (*Aquila chrysaetos*) на сосне и красавцы-лоси (*Alces alces*): сначала 2 молодых, которых я долго снимал на видео, а потом – бегущий взрослый лось... Как уж тут было уберечься от холодного сырого ветра, весь день набравшего силу! В результате я слёг и 5 дней вместо поездок занимался самолечением: валялся на брагинском диване и колол себе антибиотики. Попутно пытался заниматься писаниной по проекту, но даже это получалось плохо. Утром 9 мая я сделал последний укол, а вечером поездом из Кустаная уехал домой, в Алма-Ату. По дороге до Кустаная сделал снимок в бору Аманкарагай (рис. 805),

Рис. 805. Озеро-солончак в Аманкарагае. 9 мая 1999 г.

Четвёртая погоня за стерхом – с видеокамерой (13 сентября – 13 октября 1999)

Вернувшись со второй международной экспедиции по горам Тянь-Шаня, я стал готовиться к осенней поездке по степям Наурзума: в сентябре снова предстояла погоня за стерхом (*Grus leucogeranus*). Цифровая видеокамера была куплена ещё зимой (весной в дельту Волги я ездил уже с ней), но к ней не мешало бы хорошего оператора. Таковым согласилась стать моя дочь Виктория, имевшая опыт работы с точно такой же видеокамерой, к тому же орнитолог и хороший фотограф. У неё сентябрь оказался как раз свободным от поездок. Это было большой удачей, тем более что поработать вместе в поле нам никак не удавалось со времён нашего высокогорного стационара на БАО (70-е годы), где она тогда ещё только постигала азы орнитологической науки. Сейчас же за её плечами было уже 15 лет самостоятельной работы.

Выехав из Алма-Аты поездом 11 сентября, мы из окна скорого поезда стали вести количественный учёт птиц – как раз шёл осенний пролёт. Больше всего летело степных пустельг (*Falco naumanni*), которых мы только за первые два часа, до станции Отар, насчитали 170 штук, причём наряду с одиночками попадались и стаи до 22 особей. На этом же отрезке встречена и стая из 14 коршунов (*Milvus migrans*), а перед самым Отаром, уже в начинающихся сумерках, в воздухе – целые рои чёрных стрижей (*Apus apus*).

Пролёт пустельг продолжался и на следующий день севернее Караганды, а придорожные лесополосы буквально кишели сороками (*Pica pica*): только между станциями Жалтырь и Атбасар за полтора часа мы насчитали их 130 особей, тогда как серых ворон (*Corvus cornix*) за то же время – всего 9 пар и 6 одиночек. Грачи (*Corvus frugilegus*) встречались в степи сотенными стаями, а галки (*Corvus monedula*), явно гнездившиеся летом в круглых пустотелых бетонных опорах ЛЭП, часто и сейчас сидели на них преимущественно парами (всего насчитали 14 пар и две группы – 10 и 18 птиц). И только пустынный ворон (*Corvus ruficollis*) попался всего один раз за всю дорогу!

Рано утром 13 сентября в Кустанае нас встретил Женя Брагин. В инспекции по охране животного и растительного мира познакомились с её начальником Мухамеджаном Каменовичем Жетпысбаевым (оставил ему анкету по стерху), а главное – с охотоведом Михаилом Ильичём Бовкуном, который рассказал кое-что интересное. Например, в июле прошлого года под Семиозёрным (Аулиеколь) он встретил стаю более чем из 100 особей кречеток (*Chettusia gregaria*), что казалось просто невероятным для этого вида, причисленного в последние годы к исчезающим.

Затем заехали на телестудию «Алау», к Александру Михайловичу Данильченко, договорились о передаче по областному телевидению отрывков из фильма ICF о стерхе; оттуда – в обллесоуправление, к начальнику Валерию Ивановичу Поддубному (богатырь!), он как раз говорил по телефону с Талгатом Кертешевым (заповедники сейчас в Гослескомитете). Там я также оставил стершинные анкеты.

Закончив закупку продуктов, мы в 17³⁰ выехали из Кустаная. По пути – многотысячные скопления грачей между Аманкарагаем и Семиозёрным. Сорока также многочисленна в лесополосах, видели их там не менее нескольких сотен. В противовес ей серой вороны всего с десяток! В одном месте на трассе – три стаи по 30-50 сизых чаек (*Larus canus*) – непонятно, какой корм себе они здесь могли найти.

На следующий день, 14 сентября, выехали с Брагиным на Кулаголь. В Старом Наурузме Малый Аксуат высох больше чем наполовину, а на оставшейся посередине луже воды – какое-то цветение светло-салатного цвета, как плесень. По каналу между Малым и Большим Аксуатом вода идёт. Водоплавающих птиц вообще не видно. Озеро Кулаголь на месте нашей прошлогодней стоянки наполнено почти так же, как весной: обсохшее дно – не более 30 м шириной от коренного берега (рис. 806). Здесь мы и поставили две палатки – всего в 15 м от воды. Птиц на воде почти нет: всего 8 розовых пеликанов (*Pelecanus onocrotalus*) да ещё 26 кружатся, пытаясь сесть на воду; три пары лебедей-кликун (*Cygnus cygnus*) да штук 20 сизых чаек (*Larus canus*) в дальнем углу. Уже при нас на воду опустились стайей около 50 серых гусей (*Anser anser*).

Рис. 806 и 807. Озеро Кулаголь, лагерь на месте лагеря-1998 на закате и утром. 14 и 15 сентября 1999 г.

Самец степного луны (*Circus macrourus*) дважды пролетал над кормящимися у воды песочниками (*Calidris* sp.), каждый раз поднимая их в воздух, но не взял. Очень светлый, почти белый, с характерным чёрным выступом на конце крыла в области первостепенных маховых. Простояли здесь мы с Витой до 16 сентября. Журавлей не было и вообще птицы было немного. Из наиболее интересного – наблюдения за группой щёголей (*Tringa erythropus*), птиц для меня совсем не знакомых. Пять светло-серых особей (по Swennson'у, – молодые) с огромными клювами типа веретенника (основание подклювья красноватое), красными ногами, ярко-белой бровью и стреловидно-белой спиной. Без единого звука кормятся у тростника по брюхо в воде: идут, как будто плывут, не вынимая клюв из воды и зондируя им дно направо и налево. За день раз пять появлялись и улетали.

Рис. 808. Вика и Женя Брагин в лагере. 15 сентября. Рис. 809. Осматриваем акваторию. 15 сентября, стерхов нет...

Рис. 810 и 811. Песочники (*Calidris* sp.), на которых охотился степной лунь (*Circus macrourus*).

Утром 16 сентября мы уехали под начинающимся дождём. По дороге – много сидящих на земле пустельг (*Falco tinnunculus*) и несколько степных орлов (*Aquila nipalensis*), намокших до такой степени, что они кажутся просто чёрными. Вечером в Докучаевке по телефону получил от Василия Игнатьевича Дробовцева из Петропавловска следующее сообщение: «Опытный охотник Алексей Николаевич Корнеев 29 апреля 1999 года видел, как через Сергиевское вдхр. вдоль Ишима на высоте 50 м пролетели с криком в направлении на северо-восток 15 белых журавлей (*Grus leucogeranus*)». Однако я допускаю, что при ярком солнце это могли быть красавки (*Anthropoides virgo*). Сам так ошибался...

До полудня 17 сентября мы вчетвером в доме Брагиных работали над шведским проектом «Ключевые водно-болотные угодья Тоболо-Ишимского междуречья», после чего выехали на озеро Б. Сонкебай. Озеро Малый Сонкебай практически пустое – около сотни уток сидит, больше ничего. Около вагончика – тот же парень, что и весной (Сатыбалды). Говорит, что стерхов видел весной, но осенью ни разу не попадались. Зато очень много волков развелось. Обезд Большого Сонкебая и «корейских» озёр не дал результатов: стерхов здесь нет, и никто их в эту осень не видел.

На обратном пути я около часа буквально «охотился» с видеокамерой за очень смелым ястребом-перепелятником (*Accipiter nisus*). Взрослый самец прямо перед нашей машиной очень низко над землёй вдоль глубокой колеи нёс в лапах молодого жаворонка (похоже – полевого). За 10 минут такой нашей «охоты» он несколько раз садился и поедал его прямо перед машиной (мы на это время останавливались). Так мы преследовали его около 2 км, при этом он перелетал каждый раз не более чем на 100-300 м...

Запомнились мне также многотысячные скопления грачей на трассе у Сыпсынагаш, где дорога похуже и много зерна рассыпается при перевозке его из «Буревестника». Кстати, дальше по трассе их не было, только в одном месте ещё встретилось несколько сотен. На следующий день, 18 сентября, осмотр Малого Аксуата сверху, с песчаного бугра у бора Наурзум-Карагай, показал, что он высох очень сильно: только на середине осталось немножко воды. Поэтому все краевые места под тростниками, где раньше останавливались стерхи, сейчас для них не годятся. А остатки воды в озере зацвели светло-зелёным цветом.

По дороге на Кулаголь насчитали 52 пустельги (*Falco tinnunculus*) на 14 км маршрута – явно здесь шёл пролёт. Сам Кулаголь оказался ещё более пустым, чем несколько дней назад, – около 300 уток и несколько куликов да чаек. Следующие два дня пришлось провести в Докучаевке в ожидании В.Г. Парастатова (Брагин был занят) и только 21 сентября мы снова выехали через Сонкебай на Кулаголь, которое в 18 час было практически пустым. Только в 19 час стали прилетать и садиться на воду лебеди (19+5+5), а с ними – и три больших кроншнепа (*Numenius arquatus*), севшие в степи на манок Парастатова!

Рис. 812-813. Работа в лагере Кулаголь ясным днём и в предгрозовую вечер. 17-20 сентября 1999 г.

Рис. 814. Виктория с видеокамерой в чиевниках у сора. Рис. 815. Закат на Кулаголе 21 сентября 1999 г.

Ночь выдалась пасмурная, тихая и тёплая. Всю ночь на озеро прилетали гуси и лебеди, всю ночь мы слышали гогот лебедей и скулёж «рыбопузых». Утром 22 сентября с рассвета и до 8 час белолобые гуси (*Anser albifrons*) и пискульки (*Anser erythropus*) стая за стаей улетали на поля в направлении «запад-юг».

В стаях до 200-300 гусей, но обычно 50-70; пискулек в них (судя по размерам) – единицы. К 9⁻³⁰ гусей на озере не осталось. Проведенный нами сплошной учёт в зрительную трубу дал следующие результаты: уток – 709 (в том числе широконосок – 70), лебедь-кликун – 6 (семья), гусей – 25, лысух – 82, куличок-воробей (*Calidris minuta*) – 10 и одиночные: круглоносый плавунчик (*Phalaropus lobatus*), чернозобик (*Calidris alpina*), чомга (*Podiceps cristatus*), озёрная чайка (*Larus ridibundus*), малый зуёк (*Charadrius dubius*).

Интересно вело себя семейство лебедей, в котором 4 молодых были размером в половину взрослой птицы: около 9⁻³⁰ молодые стали покрикивать, вся семья взлетела и, сделав круг над озером, села на воду. Было такое впечатление, что взрослые учат молодняк летать или же просто они все разминаются перед дальним перелётом. К 11⁻⁰⁰ всё небо с запада затянула чёрная туча – вот-вот будет дождь. С поля стала слетаться казара (белолобый гусь и пискулька) стаями по 20-60 птиц: прилетело также 60 краснозобых казарок (*Rufibrenta ruficollis*). Удивительным был массовый лёт к северу над тростниками ремезов (*Remiz pendulinus*) стайками: 20.34.50.13.3.40.7.30. Прилетели и сели на воду две молодые малые чайки (*Larus minutus*) – очень пёстрые: темя и щёки чёрные, клюв чёрный, белая бровь, крыло в сложенном виде – чёрное с белыми поперечинами, хвост белый с чёрной концевой полосой. На воде сидят, как плавунчики!

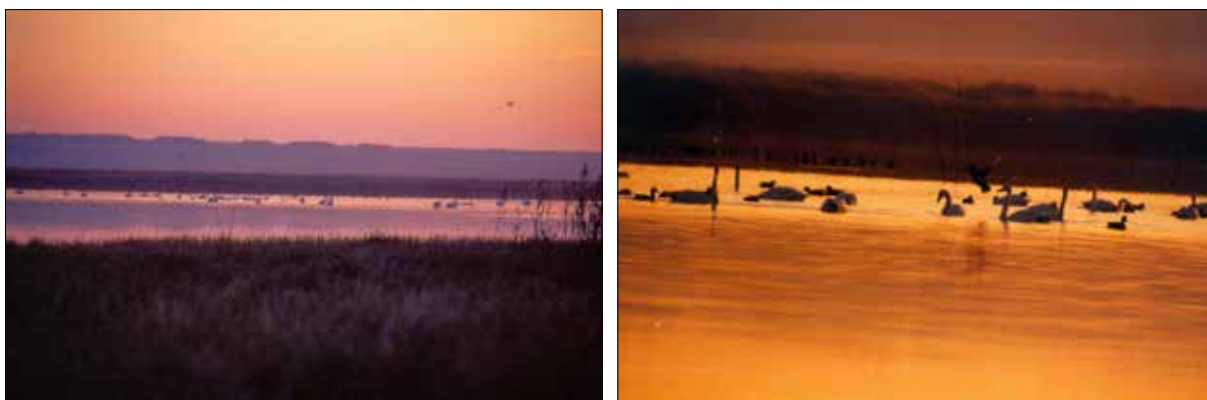

Рис. 816-817. Рассвет на озере Кулаголь, лебеди-кликуны (*Cygnus cygnus*). 22 сентября 1999 г.

В 12⁻⁴⁰ уехал Парастатов, оставив нас на 4 дня. В обстановке надвигающегося дождя стаи казары мотаются в различных направлениях – восток, юг, запад: 19.43.27.71.31.60.29 (болтаются, перестраиваются, меняют на ходу направление полёта) 34.46.2.30.15.10.15.26.8.161.76.25.71.29.60.10.69.25.32.73.62.100.7. Временами всё небо закрыто летящими в разных направлениях стаями гусей! Такого зрелища мне раньше видеть не приходилось. С 13⁻³⁰ стаи гусей стали уже садиться на воду: стоило сесть первой, как вскоре остальные стали буквально падать, иногда – с большой высоты. Около 15 час. пролетающий низко над озером орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*) поднял в воздух уже не менее тысячи гусей! В 15⁻³⁹ снова взлетела 1000 – вверх появились 2 орлана. Вскоре гуси сели, а в 15⁻⁵⁰ снова взлетели от орланов! Вот уж поистине тренируют их пернатые хищники! А вот запись моих наблюдений за самими орланами в этот день:

«В 15⁻⁵⁰ один орлан спикировал на сидящих уток и поднял их более 200, но погнался за одиночным чирком, летевшим низко над водой, не догнав его и взмыл вверх. Второй кружит выше 200 м. В 16 час орланы снова пролетели над скоплением казарок на высоте 200 м и взмыли вверх – гомон, разлет! В 16⁻³⁰ один до сих пор охотится, забираясь вверх и оттуда бросаясь на гусей и уток, сидящих на воде, а те сразу взлетают. Орлана бьёт сверху пустельга».

В это время 20 малых лебедей (*Cygnus bewickii*) прилетели с северо-востока и сели в 100 м от пары кликунов, явно местной, территориальной. Кликуны сразу же взлетели и, прогнав малых за 200 м, вернулись на прежнее место. Но через 2-3 мин снова взлетели и прогнали малых в другой угол озера, за 500-600 м от своего места! Гуси продолжали подлетать и с гоготом садиться на воду до самой темноты, вместе с ними в сумерках сотни сизых чаек (*Larus canus*) с криком садились к сотням, уже сидящим на воде.

В 20⁻⁴⁵ нам удалось наблюдать необычное явление, которое так и хочется назвать «летающая тарелка». Это было изумительное зрелище ярко освещённого сектора с углом около 50°, движущегося своим острием с запада вверх на восток и прошедшего выше луны (вместе с луной его поглотили облака, поэтому снять

на видео не удалось – не успел). По всей вероятности, это был очередной запуск ракеты с Байконура, который находится примерно в том направлении...

Журавлей мы так и не увидели. Только однажды в 20³⁰ (уже темно) слышали крики стаи журавлей-красавок (*Anthropoides virgo*), летящих на юго-запад. А через час, в полной темноте (луна за облаками), снова раздались повторяющиеся крики нескольких особей серых журавлей (*Grus grus*) с неба над озером; звуки удалялись на юг. Справедливости ради надо сказать, что это могли быть и стерхи – крики были довольно протяжные... Вот в такой интересной обстановке прожили мы с Витой четыре дня.

Скучать было некогда. С утра до вечера то проводили подсчёт птиц на воде и в воздухе, то снимали всё это на фото и видео (я тоже снимал параллельно на свою аналоговую видеокамеру Panasonic). Именно этой камерой мне удалось снять небольшой сюжет охоты на лысух двух орланов (Вита со своей камерой была в это время на съёмках в другой части озера). Попробую описать, как происходила эта охота.

Рис. 818-820. Лебеди-кликуну на оз. Б. Сонкебай и Виктория с камерой и трубой. Сентябрь 1999.

Два орлана затеяли охоту на лысух, разогнав всех гусей. Сначала охотился один орлан (второй кружил очень высоко), за 20 мин охоты он делал 19 заходов на стаю лысух, но все были безрезультатны. Потом орланы стали вдвоем гонять чирков под тростниками: первый бросается на чирков, а второй летит сзади и пытается схватить зазевавшегося. Также безрезультатно. Кстати, лебеди здесь же рядом преспокойно плавали, не обращая никакого внимания на эту возню. Значит, были уверены, что орланы их не тронут. Очень интересно было наблюдать поведение лысух, сидевших на открытом месте стайей около 300 особей, растянувшейся полосой на 150-200 м. При виде орлана лысухи сбились в плотную массу (менее 50 м) и перед его атакой все начинали быстро махать крыльями («мерцающий эпителий»). В момент броска хищника они резко расплываются-разбегаются по воде, а после него – быстро сбегаются в плотный «комоч». Такое поведение оправдало себя: после 19 безрезультатных попыток орлан оставил свою затею и улетел.

Однако не всегда лысухам везёт – орланы тоже умеют менять свою тактику. Вторую охоту я наблюдал здесь же через пару дней. Один орлан из пары трижды нападал на группу из 10 лысух, отбившуюся от основной массы (не менее 300). Когда эта группа во время очередного взлёта орлана вверх «добежала» по воде до основной массы и влилась в нее, орлан вдруг спикировал на пустую воду, где до этого были лысухи, и, вытянув лапы, погрузился в воду по брюхо, а через 3-4 сек. взлетел с лысухой в лапах [он взял ее под водой – как рыбу!]. Поднявшись метров на 30, он понёс ее за 500 м, по дороге добив ударом клюва в голову (лысуха кричала, высовываясь между белых перьев хвоста – хорошо видно в трубу). Здесь к нему присоединилась вторая птица (обе взрослые) и пыталась вырвать добычу, в результате чего орлан бросил лысуху под стену тростника. Пытался отобрать добычу и молодой могильник (*Aquila heliaca*), но быстро был изгнан. Оба орлана опустили к лысухе, один стал ее поедать, а второй – ожидать очереди...

Каждую ночь на озере под неумолчный гогот прибывали всё новые партии гусей и лебедей. Наутро, как правило, картина была совсем другая, чем вечером. Так, однажды мы обратили внимание, что утром

стало много лебедей, причём помимо кликунов было немало и тундровых. Попробовали пересчитать их в трубу, определяя до вида. Оказалось, что на воде одновременно сидит 57 кликунов (*C. cygnus*) и 75 малых лебедей (*C. bewickii*)! К вечеру 25 сентября мы съездили в Докучаевку, где встречались с орнитологами из Петропавловска В.И. Дробовцевым и В.С. Вилковым, а на следующий день проверили на наличие стерха Большой Сонкебай и к 21 час, уже в темноте, вернулись на Кулаголь – как домой.

Рис. 821. Песчаные бугры над Малым Аксуатом. **Рис. 822.** Гнездо берёз на опушке Наурзум-Карагая.

Рис. 823. М. Аксуат и пос. Старый Наурзум, 1999 г. **Рис. 824.** Соль на усыхающем М. Аксуате.

Рис. 825. Лебеди-кликуны (*Cygnus cygnus*) на озере Большой Сонкебай. 26 сентября 1999 г.

Здесь тихо, тепло, полная луна, и я попробовал снять на видео водную лунную дорожку с силуэтами сидящей «казары». Даже метёлки тростника выглядели при луне так привлекательно на фоне мерцающей воды! А с 21⁻³⁰ опять началось: гогот и стон стоит над Кулаголем, с запада всё новые стаи казары подлетают и садятся, особенно интенсивно между 22 и 23 час: стаи по 40-50-100, а всего за это время на озеро село не менее нескольких тысяч. Подлетали и садились до 24 час. А на следующее утро удалось снять на видео тысячи казары на озере в предрассветном красном тумане. Но с рассветом начались спонтанные взлёты и посадки гусей вместе с лебедями, и к 8⁻⁰⁰ все ушли, на воде осталось всего штук 20...

В полдень к нам приехали на мотоцикле Вильгельм Робертович Арнольд с сыном Андреем. Этот хороший знакомый Парастатова, заядлый волчатник, живёт в Новом Наурзуме (был зам. директора совхоза), рассказал, что видел 4 взрослых стерхов в конце августа этого года в 40 км южнее Кулагоя, в урочище Казбек-Карасу, в 12 км от с. Баймурат, по пути на Кызбельский совхоз. Видел их на земле в ясный солнечный день. Не цапли – это точно. Раньше вообще не обращал внимания, но это было вскоре после беседы с Парастатовым, поэтому обратил внимание. Это действительно белый журавль и раньше он таких не встречал (хотя охотится он здесь давно). Дали ему анкету – обещал сообщить, как будут новые встречи. Так по крупицам собиралась нужная информация...

Рис. 826-827. Золотая осень Наурзума в берёзовых колках Сыпсынагаш. Начало октября 1999 г.

В последний день сентября мы втроем на машине Брагина выехали на Жарсор. Прибыв сюда перед закатом, в 19⁻¹⁵, мы наблюдали и снимали сам закат (с 19⁻⁴⁰ до 20⁻⁰⁰, когда осталась только узенькая полоска красного неба), и прилёт на ночёвку журавлей. Сначала здесь были небольшие группы журавлей на земле, в основном красавки, но перед самым закатом пошли целые гирлянды в небе, летят к озеру в основном с северо-востока тысячи журавлей (всё это мы снимали на видео). И все сели в юго-западном углу сора, недалеко от нашего прошлогоднего лагеря. В 19⁻⁴⁵ солнце уже село, а на фоне красного неба журавли всё летят и летят с севера; в воздухе висит сплошное непрерывное курлыканье.

В это же время слышно несколько выстрелов по летящим журавлям – с того же места, где их стреляли и в прошлом году. Стали садиться и на нашем, восточном берегу, в 500 м от нас. С востока и северо-востока журавли летят стаями до 40-50 шт. В 20⁻³⁰ уже темно, но хор журавлей не умолкает. Всего, по «экспертной оценке» трёх орнитологов, здесь собралось на ночь не менее 10 тысяч журавлей...

Ночь выдалась лунная, тихая и довольно тёплая. Восход солнца около 7⁻³⁵ за тучами. Журавли ночевали на соре и рядом с ним, голоса их слышны всю ночь, замолкали лишь на короткое время. В 5⁻⁴⁵ крик усилился, и часть птиц взлетела. В 6⁻²³ при яркой луне было хорошо видно, как журавли тёмными полосами стоят в воде, растянувшись на 500 м вдоль ближнего к нам берега. Взлётов нет, голоса изредка. 7⁻¹⁰ луны уже нет, облачно, утренние сумерки. С трудом различается на воде тёмная полоса из журавлей.

Часть их начинает взлетать и уходить на северо-запад. Послышались выстрелы (2 или 3, а вечером было 15). Начался непрерывный отлёт – цепочка за цепочкой. Все уходят на северо-запад. Непрерывное курлыканье. Среди тысяч журавлей преобладает красавка, но стерха нет. К 7⁻³⁹ отлёт закончен, только на берегу осталось около 1000, это в основном красавка. Голоса слышны до 8⁻²⁰, а отдельные стаи до 50 шт.

летят с юго-востока на северо-запад (ночевали на соседнем соре!). Когда совсем рассвело, я в трубу просмотрел оставшуюся тысячу. Среди них не было ни одного серого журавля. Все эти красавки до 10 час молча стояли плотными группами, чистились. И только с 10⁻¹⁰ начали улетать низом на юго-юго-запад, а некоторые потихоньку уходили в степь пешком. В 11 час последние 17 журавлей улетели на юг и сор опустел – будто здесь ничего не было!

А в 12 час журавли стали лететь на сор с разных сторон, в основном с северо-востока. Крики! Образовали скопление в противоположной от нас части озера. В 12⁻¹⁰ машина ушла в объезд озера, а я остался один у палаток. В это время и повалил журавль, в небе – многотысячные гирлянды! 12⁻⁵⁰ новый наплыв сотен (тысяч) журавлей. В 13⁻¹⁵ тысячи красавок подняла наша машина на северо-западном берегу. На высоких степных буграх на западном берегу – тысячи красавок (выше их как будто серые, но м.б. это просто тень на них падает). В трубу не рассмотришь – мираж. На восточном берегу, в 1 км от нас – тоже скопление, сотни красавок. Начиная с 13⁻⁴¹ небольшими группками (по 2-3-4) перелетают низом к роднику на юго-восточном берегу, облетая наш лагерь за 200 м на высоте всего 1 м над голым берегом или водой (за травкой часто видны крылья летящих журавлей). Скорее всего, они прилетели к роднику на водопой. В 14⁻⁵⁵ стали разлетаться в степь, а в 16⁻⁵⁵ несколько тысяч улетели на северо-запад (как утром).

Вечером всё повторилось: тысячи журавлей на закате слетались со всех сторон к нам и после заката все сели на сор. А в 20⁻⁵⁰ начавшийся дождик загнал нас в палатки. В эту ночь на Жарсоре ночевало опять не менее 10 тысяч журавлей, в основном красавок (были в небольшом количестве и серые). Утром разлёт начался за час до рассвета – в 6⁻³⁰, но основная масса разлетелась между 7⁻¹⁰ и 7⁻²⁵. Взлетали, как цепная реакция: цепочка летящих над стоящими в воде увлекали за собой все новые и новые группы журавлей (это хорошо видно на видео). К 8⁻⁰⁴, когда появилось солнце, на соре осталось менее 1000 журавлей, но хор их стоял и в 8⁻¹⁰. Поредевшие ряды стоящих в воде тают взлетающими цепочками. В двух местах при двух родителях я видел по одному молодому – почти вдвое меньше по размерам (!) и с рыжеватой головой. Это они издают тонкий писк в полёте, который слышали все участники экспедиции от пролетающих красавок – и здесь, и на Кулаголь (в промежутках между скрипучими голосами взрослых – тонкий писк).

В 11 час мы выехали на сор Уркаш, где добывают соль и где тоже наверняка собираются на ночь журавли. На «корейских озёрах» получили интересные сведения от Григория Гырбу (житель Челябинска) и Алексея Бойко (с. Камышино), которые 29 и 30 сентября 1999 г. (т.е. всего-навсего позавчера!) видели двух белых журавлей [назвали их аистами!], оба раза в одном и том же месте: на болотце у трассы «Адаевка – Камышино», до развилки на Камышино и Кустанай. Оба раза журавли встречены утром, они ходили и кормились, как журавли (не цапли!). Мы отдали им анкету, а одну оставили корейцу Виталию – бахчеводу. Однако на Уркаш мы в этот раз не попали – «промазали». И через Малый Сонкебай к вечеру вернулись в Докучаевку, так и не встретив опять стерха.

На следующий день, 3 октября мы съездили с ночёвкой на Кулаголь, где насчитали 270 лебедей (из них 121 – малый, остальные – кликуны) и 400 лысух, за которыми опять охотились два орлана. На этот раз было хорошо видно, что охотится в основном молодой орлан, а взрослый наблюдает. Опять к ним присоединился молодой орёл-могильник (*Aquila heliaca*), но вскоре набрал огромную высоту и исчез. Были здесь и речные, и нырковые утки (всего около тысячи) и столько же гусей. Стерха мы не встретили.

Съездили на Кызбель, в район Казбек-Карасу, где В.Р. Арнольд в августе видел стерхов. Места оказались интересными. Кызбель – это возвышенность в степи, с очень хорошим обзором. В западинах его склонов – хорошие заросли можжевельника казацкого (*Juniperus sabina*), а на верхушке – небольшой берёзово-осиновый колочек. У восточной подошвы Кызбеля стал чаще встречаться белокрылый жаворонок (*Melanocorypha leucoptera*), а в одном месте, прямо перед подъёмом, – даже группа штук 30. Но никаких следов стерха мы не обнаружили. Не встречал их на Аксуате и егерь Ерик, которого мы опросили с пристрастием на обратном пути. Этот журавль был просто неуловим...

Поездка на Терсек 5 октября, с осмотром по пути Б. Сонкебая и других озёр, также не дала информации о стерхе, как и выезд на озеро Жарколь 6 октября. Вечером 7 октября в Докучаевку приехала финнская часть команды проекта по гусю-пискульке: Сэмми, Тони и Аки. Видеокамерой «Canon MV-10

16/64» они снимали казару через подзорную трубу – получалось увеличение от 82 до 100 крат! Вечером общий ужин, а утром мы на КамАЗ'е через Старый Наурзум поехали на Кулаголь. Здесь они сразу же отметили несколько одиночных лапландских подорожников (*Calcarius lapponicus*), которых перед этим видели на Айке! Хорошо зная голос этой тундровой птицы, они безошибочно узнавали подорожников в полёте и показали нам, что птица эта прилетает к нам на зимовку гораздо раньше, чем мы думаем.

Утром 8 октября мы вместе с ними отправились на озеро Кушмурун, где стояла остальная часть команды. Совместная поездка с «гусятниками» входила в наши планы. На заправке «Иволга» в Аманкарагае мы познакомились с жителем города Кушмурун Александром Никандровичем Серебряковым, который на восточном берегу Кушмуруна видел много журавлей, в том числе якобы двух белых (не уверен сам!). Он дал адрес Федора Петровича Юрченко, который уже много лет председатель местного общества охотников. Не застав дома Юрченко, мы поехали на озеро (уже темнело). Доехали до с. Киров и стали на восточном берегу озера, на остепнённом мысу, вдающемся глубоко в озеро.

Здесь меня поразили крушиновые (*Rhamnus cathartica*) колки до 2-3 м высотой. Впечатление от красивого заката при тёплой и сырой штилевой погоде изрядно подпортили мокрецы, которых вечером появились мириады!!! Здесь и отпраздновали день рождения Юрия Николаевича Кольва – охотинспектора, сопровождающего финнов. Для этой международной экспедиции областная инспекция не пожалела средств и, за счёт тех же финнов, выделила две «вахтовки» на мощном камазовском ходу, в том числе и так называемую «Сатурн-Юпитер-сауна», в которой были не только тёплые спальные места, но и настоящая баня. После принятия такой сауны праздник продолжался до 4 час утра – с тостами, песнями и заверениями в вечной дружбе. С последними некоторый курьёз внёс Аки – маленький, толстенький и добродушный молодой финн. Изрядно выпив после баньки, он вдруг вспомнил своего деда, погибшего на русско-финской войне 1940 года, и стал предъявлять нам претензии: «Зачем вы, русские, такая огромная страна, напали на маленькую Финляндию?!». Даже товарищи-финны не могли его уговорить. Мне лишь оставалось сказать, что во время той войны мне было всего 3 года...

За три дня с финнами мы провели учёты водоплавающих не только на Кушмуруне, но и на озере Койбагор, где на открытой воде в центре озера до самого горизонта сидели десятки тысяч уток!!! Это озеро – какое-то охотничье хозяйство для областной знати, здесь оборудованы зоны, коттеджи, имеется охрана. Однако выстрелы и здесь были слышны часто и отовсюду. Утром 10 октября мы были свидетелями, как финны проводят подсчёт гусей, разлетающихся на кормёжку: Тони, Сэмми и Аки вместе с Брагиными считали общее количество вылетевших на кормежку, разделив небо на 3 части (нижние как наиболее трудные – там больше всего летит и угол наклона низкий, считать труднее – эти участки они взяли себе, навострив на них трубы, а наиболее легкий участок в зените отдели Евгению). Полученные таким образом результаты затем складываются.

Здесь я ещё раз убедился в ненадёжности опросных сведений. Так, однажды мы чуть было не приняли за стерха... кудрявого пеликана (*Pelecanus crispus*), который чистился на косе очень далеко, примерно в 1.5 км. Издалека в начинающемся мираже он сначала был принят за стерха!! А ведь при взлёте можно было бы заметить чёрные концы крыльев («точно – стерх»!). Только подойдя на 900-1000 м, удалось его рассмотреть в 50-кратную трубу! Среди других водоплавающих мне запомнилась тысячная «чистая» стая свиязей (*Anas penelope*), а также то, что среди лебедей здесь преобладали шипуны (*Cygnus olor*). Запомнился мне очень продолжительный, почти 7 минут (7⁻⁵²-7⁻⁵⁹), восход солнца утром 10 октября на Койбагоре, и я даже зарисовал в дневнике порядок изменений формы солнечного диска: сначала узкая горизонтальная полоска, потом трапеция, потом – лежащий 6-гранник, потом – овал и, наконец – правильный круг. Из сухопутных птиц запомнилось большое количество клинтухов (*Columba oenas*), встреченных стаями до 50 штук; краснозобый конек (*Anthus cervinus*), пролетевший с трёхкратным «пси-пси-пси» (финны говорят – верный признак!), а также неожиданно большое количество дроздов-деряб (*Turdus viscivorus*), у которых, видимо, как раз шёл массовый пролёт: на трассе, идущей от Койбагора, мы встретили их стайкой около 30 особей, а в степи у колков из крушины (*Rhamnus cathartica*), растущих по берегу озера Кушмурун, – стаю в несколько сотен, державшихся на земле вразброс и взлетающих один за другим. Странно было также видеть сороку (*Pica pica*), летящую высоко в тысячной стае грачей (*Corvus frugilegus*) ... Журавлей за эти дни мы так и не встретили, хотя здесь было много убранных полей.

На обратном пути вечером 10 октября мы заехали к председателю охотобщества Фёдору Петровичу Юрченко. Ему 76 лет, с 1961 года он председатель общества. Но сам уже давно не охотится. Со слов охотников знает, что пролёт журавлей в этом году запоздал, но всё равно уже закончился «недели полторы назад». А во время пролёта журавлей здесь, по восточному берегу Кушмуруна, летит много, тем более, что посевов здесь и сейчас ещё немало (что мы и сами видели в селе Киров!).

На следующий день мы выехали на Жарсор, где и переночевали. Там, где неделю назад на закате стоял сплошной журавлиный хор и на ночь они собирались тысячами, теперь было тихо и пусто. Только несколько сотен грачей сплошной чёрной массой сидели на северном берегу сора; две озёрных (*Larus ridibundus*) и несколько сизых (*Larus canus*) чаек кормились на берегу, да орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*) «охотился» на птичьи трупы в солёной воде – хватал их с лёту и тут же бросал... Журавлей ни вечером, ни ночью, ни утром не было (ни птиц, ни голосов). Кстати, и выстрелов нет (хотя казара ещё летит)! Неужели пролёт журавлей совсем закончился?

Столь же пустым оказался и расположенный в 10-14 км сор Уркаш (рис. 828), гораздо больший по площади, на котором до сих пор ещё идёт заготовка соли вручную. В разговоре с мужиками, сгребавшими розоватую соль совковыми лопатами, мы узнали, что с неделю назад журавлей было «море». Они прилетали и садились на противоположном, западном берегу – не только потому, что на восточном ведутся работы, но и потому, что на западном есть роднички и места эти труднодоступны для транспорта – далеко в объезд ехать. Ребята знают и красавку, и серого журавля; оба эти вида собираются здесь и, что самое интересное, – всё это длится около месяца. Кроме того, красавка гнездится вокруг по степным буграм. Белых журавлей ни разу никто из них не видел (!).

Рис. 828-829. Солёное оз. Уркаш – место добычи соли. 12 октября 1999 г. Соль высохшего озера там же.

На Кулаголе, куда мы добрались к закату, сидело около полутысячи гусей и 75 лебедей трёх видов (кликун, шипун и малый), а также одиноко сидящий на берегу орлан-белохвост. Гуси на закате улетели в степь, и ночью, которая выдалась тихой и тёплой, с только что народившимся месяцем, лебедино-казариного хора уже не было... Утром 13 октября мы в последний раз пересчитали птиц на озере. Кроме уже названных на воде сидели: 527 речных уток (97 широконосок, 46 крякв, 37 чирков и 6 свиязей), 26 нырковых (гоголь, хохлатая и голубая чернети), три черноголовых хохотуна и 4 чомги.

Теперь можно было обратить внимание и на сухопутных птиц. По берегам озера встречались стайками жаворонки четырёх видов – чёрный (*Melanocorypha yeltoniensis*), белокрытый (*Melanocorypha leucoptera*), полевой (*Alauda arvensis*) и малый (*Calandrella brachydactyla*); белая трясогузка (*Motacilla alba*); даже пять деревенских ласточек (*Hirundo rustica*) пролетели на юго-запад. Из тростника доносились голоса уса́тых синиц (*Panurus biarmicus*) и ремеза (*Remiz pendulinus*). Чеглок (*Falco subbuteo*), дербник (*Falco columbarius*) и ястреб-перепелятник (*Accipiter nisus*) охотились на эту птичью мелочь, причём последний даже взял жаворонка на водопое у нас на глазах, всего в 15 м, и унёс его за тростник (жаворонок кричал). По крику жаворонка мы и заметили самого ястреба.

Моё внимание привлекло непривычное поведение малых жаворонков (*Calandrella brachydactyla*): 14 птиц стремительно, как ласточки, летали над водой, то взмывая вверх, как бы гоняясь друг за другом, то

снова проносясь над самой водой (в 5-10 см). Попыток пить на лету я не видел, как и попыток ловить что-то в воздухе. Что это за полёты? Потом то же самое они проделали над оголённой частью берега – отмелью. Тут же крупная стая этих жаворонков, больше 100, пролетела на запад-юго-запад прямо через озеро...

Рис. 830-832. Наурзумские закаты над степными озёрами и над сосновым бором. Начало октября 1999 г.

Рано утром 14 октября мы выехали из Докучаевки и в 11 час уже присутствовали на совещании у Валерия Ивановича Поддубного (совместно с Евгением и Татьяной Брагиными, финнами и местным охотничье-лесным руководством). Во время совещания приехали Н.Н. Березовиков и С.Н. Ерохов – пришли прямо на совещание после окончания учётов гусей. После этого на телестудии у А.М. Данильченко записали интервью об итогах осенней экспедиции и о проекте по водно-болотным угодьям Кустанайской области. Кстати, отрывки из фильма ICF о стерхе прошли в теленовостях компании «Алау» 20 сентября.

Вечером мы вместе с Н.Н. Березовиковым и С.Н. Ероховым отбыли в Алма-Ату поездом № 41. Так прошла эта месячная поездка, по-своему интересная и насыщенная разными событиями. И хотя стерха в этот раз мы так и не нашли, но снятый и смонтированный Викторией 20-минутный видеофильм «В поисках стерха» имел успех на совещаниях по изучению и охране стерха и на других орнитологических собраниях.

26 декабря 2023 г. – 13 апреля 2024 г.

17. Актюбинские степи, Мугоджары и Эмба (июнь 2003)

Рис. 833. Мугоджары, Алабасская депрессия, скалы левобережья реки Шуылдак. Июнь 2003 г.

Рис. 834. В актюбинских степях после обильного дождя. Середина июня 2003 г.

Экспедиция в Мугоджары и на верхнюю Эмбу (июнь 2003)

Горы Мугоджары севернее Аральского моря влекли меня ещё с того далёкого 1959 года, когда я впервые увидел их из окна поезда. Так и подмывало узнать: что же это за горы такие среди степи и пустыни? Но всё не представлялось случая. По мере знакомства с литературой интерес к этим местам только возрастал – ведь здесь когда-то работал сам Пётр Петрович Сушкин, а в его знаменитой монографии «Птицы Средней Киргизской степи» (1908) постоянно упоминаются и Мугоджары, и Темир, и Джаман-Уркач... Как-то в разговоре с заведующим кафедрой зоологии ОГПУ (при всей внешней грозности аббревиатуры это всего лишь Оренбургский педуниверситет) Анатолием Васильевичем Давыгорой я проговорился об этой своей давнишней мечте, и он предложил мне сделать совместную экспедицию в эти места. Будучи родом из Актюбинска, он знал эти края превосходно, да и от Оренбурга сюда было совсем близко. В течение зимы он всё организовал, наметив поездку на вторую половину июня. Продумано было всё до мелочей: встречаемся мы в Актюбинске, куда я прибываю поездом, а он с коллегами из Пензы – на двух машинах. Оттуда и должен был начаться наш маршрут в сторону Мугоджарских гор.

Утром 12 июня 2003 г. А.В. Давыгора и Александр Михайлович Красовский (много лет работавший актюбинским облохотинспектором, а теперь житель Оренбурга) встретили меня на городском вокзале. После посещения областного управления по охране животного мира (Аязбаев Марат Габденович) мы отправились в лагерь, который разбили на берегу Актюбинского вдхр. на реке Илек прибывшие накануне пензенцы и оренбуржцы. Нас встретила представительная компания, состоящая из сотрудников кафедры зоологии Пензенского педуниверситета: профессор Владимир Юрьевич Ильин (зав. кафедрой), кандидаты биологических наук Олег Ермаков, Дмитрий Смирнов, Сергей Титов и Наталья Быстракова; аспирантка Наиля Яняева. Они составляли экипаж пензенской машины, а в оренбургской разместились мы вчетвером – с Давыгорой, Красовским и водителем Алексеем. Наскоро перекусив, мы погрузились и уже в 13 час покинули водохранилище, которое было создано в 1983 г. и имело в длину около 28 км. Голые берега его были довольно пустынные, но около обрывов летали береговые ласточки (*Riparia riparia*).

Рис. 835. Маршрут экспедиции (основные места стоянок): 1 – Актюбинское вдхр.; 2 – Уркач; 3 – Аулие и Два Брата; 4 – Б. Бахтыбай и Берчогур; 5 – р. Шуылдак; 6 – р. Кундызды; 7 – Кокжиде и Кумжарган (устье Темира); 8 – с. Покровка.

Рис. 836. Обычная картина: разгрузка машин, застрявших в низинке после дождя. Июнь 2003 г.

Наша поездка носила рекогносцировочный характер. Одной из главных её целей было обследование возможно большего количества точек, при этом приоритетными были районы, в которых

ранее работали предыдущие исследователи, в том числе и такие знаменитые, как Николай Алексеевич Зарудный (в 80-х гг. XIX ст.) и Пётр Петрович Сушкин (в 90-х гг. XIX ст.). Менее чем за две недели (12-24 июня) нам предстояло на двух машинах пройти по маршруту: Актюбинское вдхр. – ст. Джурун – лес Уркач (12-13 июня) – ст. Эмба – р. Аулие у подножья горы Два Брата (14-16 июня) – ст. Эмба – ст. Мугоджарская – вершины Берчогур и Б. Бахтыбай (17-18 июня) – ст. Берчогур – Алабасская межгорная депрессия – р. Шуылдак (19 июня) – ст. Эмба – р. Кундызды (20 июня) – долина Эмбы у впадения Темира и пески Кокжиде (21-22 июня) – пески Кумжарган и лес у с. Жагабулак – город Темир – села Кенкияк и Покровка – станции Кандагач и Алга – Актюбинское вдхр. (23 июня) – город Актюбинск (24 июня). Столь изломанный маршрут был обусловлен состоянием грунтовых дорог при необходимости посетить в сжатый срок много точек. В условиях почти ежедневных дождей обширные пространства межгорных понижений оказались недоступными для нашего транспорта (рис. 834, 836) и приходилось пользоваться дорогами с покрытием, которые во многих местах тоже оставляли желать лучшего, поскольку были сильно разрушены большегрузными машинами.

В этом районе преобладают сухостепные и пустынные ландшафты, представляющие собой сложную мозаику обширной денудационной равнины и участков мелкосопочника вдоль гребня Мугоджарских гор (Атлас Казахской ССР. Т. 1, М., 1982, с. 78. Ландшафтная карта). Сухие степи (кустарниковые, типчаково-ковыльные, полынно-житняково-перистоковыльные) северной части района, являющейся водоразделом Эмбы, Ори и Илека, в южной его части постепенно заменяются пустынями – злаково-белопопынными и комплексом чернопопынных. Степень антропогенной трансформации биотопов в целом невелика, только на самом севере распаханы обширные равнинные территории.

В первый день, 12 июня, через село Бестамак мы направились на юго-восток, в сторону станции Кандагач. В селе Алга расположен крупный завод «Суперфосфат», который, по словам Александра Михайловича, давал раньше 60% борной кислоты СССР и жидкий окислитель для ракет; сейчас этот завод мёртвый. Миновав перед ст. Актемир истоки реки Илек, мы в 14⁴⁵ приехали в Кандагач. Здесь меня поразил целый микрорайон пустых пятиэтажек. По неплохому асфальту направились на Эмбу. Перед Михайловкой (ныне Караколь) дорога превратилась в отвратительный грейдер – разбитый, скользкий после дождей, с глубокими колеями. Здесь мы встретили первого степного орла (*Aquila nipalensis*) и первого балобана (*Falco cherrug*), а кобчики (*Falco vespertinus*) и пустельги (*Falco tinnunculus*) попадались довольно часто, как и степные луны (*Circus macrourus*).

В 18⁰⁰, немного спустившись по песчаному бугру, мы въехали в великолепный берёзовый лес с посаженными соснами – это и есть знаменитый лес Уркач! Здесь в 19³⁰ мы засели в воде первый раз – наша машина. На сей раз выбрались быстро. Но через час снова забуксовали, села капитально вторая машина. Чтобы вытолкать всем коллективом, пришлось её разгружать (рис. 836) и по воде выносить груз на сухое место. Вытащили только в 21³⁰, когда солнце было уже на горизонте и появились комары!! Работу нашу сопровождали тревожные крики чибисов (*Vanellus vanellus*) и травников (*Tringa totanus*), явно гнездившихся здесь; в стороне летал с песней большой кроншнеп (*Numenius arquata*).

Объехав по кругу это мокрое, гнилое место, мы спустились в урочище Камыстыколь, где поставили лагерь на бугре, напротив сосновых посадок. Это был наш первый лагерь, и мы за ужином стали знакомиться. Никогда до этого мне и в голову не могло прийти, что это простое занятие может оказаться таким нелёгким! А всё было в самой методике процесса, который заключался в непрерывном наливании и выпивании единственного признаваемого продукта (спирта) – за знакомство! Сначала это было даже весело, душа и тело расслабились, дорожную усталость как рукой сняло, даже комары куда-то исчезли (мы их просто перестали замечать!). Но за кажущейся лёгкостью я потерял бдительность и не рассчитал свои силы – ночью стало плохо с сердцем, чего со мной не было с 1990 года. Пора было делать поправку на возраст...

Утром я проснулся в палатке от холода! Рядом ворчал Александр Михайлович, умудрившийся уснуть без спальника: «Кто-то ночью выходил и оставил открытыми эти Джунгарские ворота». Только тут я оглядел наше жильё. Это была выдавшая виды старая советская брезентовая двускатная палатка без пола, от которых я, общаясь последние годы с «буржуями», уже успел отвыкнуть. Поддувать здесь могло откуда угодно, несмотря на то, что хозяин её, Давыгора, устанавливая палатку вечером, заботливо обкопал её вокруг ровиком для стока воды, а землю набросал на края брезента, чтобы придавить его к земле...

Утром 13 июня осмотрели окрестности. Уркач – это оригинальный, в основном берёзовый лес на песчаных холмах и особенно в понижениях между ними. Но есть также осина, ива у болотин. А также сосна группами и заросли таволги на полянах. И здесь же – злаковая степная растительность, включая ковыль-волосатик (*Stipa capillata*). В низинах – обширные луговины, местами сильно заболоченные. Есть оголённые обрывы. После очень красивого восхода солнца всё закрыл туман. На рассвете пели соловьи (*Luscinia luscinia*), лесные (*Anthus trivialis*) и полевые (*Anthus campestris*) коньки, серые славки (*Sylvia communis*), куковали кукушки (*Cuculus canorus*). Потом запели чечевицы (*Carpodacus erythrinus*) и варакушка (*Luscinia svecica*), а садовая овсянка (*Emberiza hortulana*) запела в густом молодом березняке под дождём. В куртине ивы на верхушке бархана внимание моё привлекла показавшаяся мне странной песня славки-завирушки (*Sylvia curruca*), у которой был чёткий ритм и размер, что не характерно для этого вида. Давыгора видел обыкновенного осоеда (*Pernis apivorus*) и слышал песню южного соловья (*Luscinia megarhynchos*). Проверка вечером вдвоём показала, что это действительно южный соловей среди массы восточных (*Luscinia luscinia*).

Утром 14 июня под мелким морозящим, обложным дождём мы покинули Уркач и направились к станции Джурун, где Александр Михайлович покидал нас – ему надо было возвращаться в Оренбург. До станции Джурун пришлось ехать по совершенно разбитому и раскисшему «грейдеру» и ещё тащить на себе застрявший «Москвич» местных жителей, которому самому было никак не выбраться из этой грязи. Только в 15 час вышли на трассу в Джуруне, распрощались, сфотографировавшись на память и «Михалыч» Красовский на том же зелёном Москвиче укатил в Актюбинск, а мы поехали в обратную сторону – на станцию Эмба по трассе, разбитой до предела! Небо в чёрных тучах, особенно с запада.

Здесь стали часто встречаться степные орлы (в степи полно сусликов). Всего на отрезке «Джурун – Эмба» мы насчитали 22 степных орла (*Aquila nipalensis*). Около станции Эмба – мост через речку и стоит табличка «р. Жем», так теперь будет именоваться река Эмба (а название станции остаётся прежним – железная дорога вещь серьёзная, здесь не до игр с переименованиями!).

Отсюда выехали по грейдеру на восток-юго-восток, в верховье реки Аулие и район горы «Два брата» (Айрюк). До этой горы мы ехали около 30 км. Дорога шла вдоль левого берега речки Аулие. Вокруг – низкорослая белая полынь, стация белокрылого жаворонка (*Melanocorypha leucoptera*). И они стали встречаться здесь всё чаще – 1.1.2.1.1.1.1. В ложбинах, спускающихся к речке, – заросли караганы и в них вода. Их приходится объезжать, выискивая места, где можно переехать. Ширина этих ложбин до 30-40 м.

Стали лагерем на склоне горы «Два брата», в 1.5 км выше водохранилища на реке Аулие. Это щебенистый склон с разреженной злаковой и иной растительностью, а чуть ниже нас в узкой балочке – густой берёзовый лесок длиной не более 50 м. Всё вокруг промокло насквозь...

В этом лесочке столкнулись интересы орнитологов и териологов. Пора пояснить, чем же занимались наши дорогие соседи «пензюки», как их ласково называл Давыгора. Все они были териологи и занимались, естественно, грызунами (каких же ещё зверей можно изучать в Пензе?), и только их шеф Ильин занимался летучими мышами. В наш первый вечер знакомств он неоднократно повторял, что в здешних краях рукокрылых, конечно же, нет. Но надо проверить – ведь отрицательный результат тоже результат...

Тогда эти высказывания показались мне неубедительными, но впоследствии результаты всех попыток поймать летучую мышь неизменно оказывались отрицательными – как будто он сам себе их накаркал. Так и здесь: поставив по краю леска на длинных шестах сеть (обычную мелкочаеистую паутинку), Владимир Юрьевич в лучшем случае ловил в неё... козодоя (*Caprimulgus europaeus*). Между тем, лесок этот, видимо, служил местом ночёвки степных пустельг (*Cerchneis naumanni*), которые уже в 22 часа стали прилетать группами (2+5+6+3) и рассаживаться на камнях противоположного нашему лагерю склона над леском, где им приходилось ждать до темноты, пока зоологи уйдут в свой лагерь.

Утро 15 июня выдалось ясное, только над вершиной Двух Братьев – небольшое облако из конденсата. Но уже в 10 час, когда я стал подниматься на вершину, начался дождик, перешедший в дождь, а под конец – и в настоящий ливень. И весь путь к вершине и обратно пришлось проделать под дождём с сильным западным ветром. Дождь с грозой так и сопровождал меня до самого лагеря. Вымок до нитки (рис. 838).

Рис. 837 и 838. Лагерь экспедиции на р. Шуылдак и промокший до нитки на горе «Два брата». Фото А.В. Давыгора

А в лагере – два чёрных суслика-меланиста (*Spermophilus fulvus*), которых отловили ребята около водохранилища. Новость была настолько интересной, что В.Ю. Ильин уехали с ними на ночь к водохранилищу. Едва мы успели хоть немного просушиться, как в 19⁻¹⁰ снова чёрная туча с запада, и дождь с грозой полил, как из ведра. Так продолжалось до темноты.

Попытка на следующее утро проехать на одной машине к горе Большой Бактыбай не удалась – отъехали 6 км и застряли в солончаке. Выкапывали машину часа два. Хорошо, что хоть погода была абсолютно ясная, солнце и штиль. Пришлось вернуться в лагерь и заняться просушкой имущества. И хоть немного посмотреть птиц. Основа орнитофауны здесь – полевой жаворонок (*Alauda arvensis*) и полевой конёк (*Anthus campestris*), на каменистых склонах горы часто встречалась каменка-пleshанка (*Oenanthe pleschanka*), а в островках кустарника по западинам – желчная овсянка (*Emberiza bruniceps*). На степной дороге обычны серые куропатки (*Perdix perdix*) с выводками птенцов, в одном из них они были совсем ещё маленькие (дня два-три). С криком пролетел большой кроншнеп (*Numenius arquata*).

Немало пернатых хищников: два молодых орла-могильника (*Aquila heliaca*) играли высоко в воздухе, почти над вершиной «братьев» кружил беркут (*Aquila chrysaetus*), которого я видел здесь и вчера, под дождём. То в одном, то в другом месте можно увидеть курганника (*Buteo rufinus*) и обыкновенную пустельгу (*Falco tinnunculus*), которые почти одинаково «стоят» или «висят» против ветра, высматривая грызунов. Над склонами летают чёрные стрижи (*Apus apus*), а в русле реки Аулие А.В. Давыгора нашёл совку-сплюшку (*Otus scops*). Вечером мы снова наблюдали прилёт в лесок на ночёвку степных пустельг (*Falco naumanni*), насчитав 16 одиночек. До 8 час. утра они разлетелись.

Утром 17 июня на водохранилище мы видели несколько пар чомг (*Podiceps cristatus*), огаря (*Tadorna ferruginea*), речных крачек (*Sterna hirundo*). Везде у воды пели широкохвостки (*Cettia cetti*), соловьи (*Luscinia megarhynchos*) и желчные овсянки (*Emberiza bruniceps*), а галки (*Coloeus monedula*) гнездятся в скалах, которые спускаются прямо в воду. Ловившие здесь же рыбу Лёша и Наилия поймали болотную черепаху (*Emys orbicularis*), которая запуталась лапами в сети. По словам Лёши, она чёрная и крупная, диаметром с мою кепку. Когда выпутали, уплыла. Водоохранилище построено в начале 60-х гг., значит, вселилась сюда она позже.

В 15⁻⁴⁵ выехали из лагеря – на Эмбу – Мугоджарскую – Б. Бахтыбай. Сначала хотели сократить путь и пошли по плакору прямо на Эмбу, но, пройдя несколько километров, вынуждены были вернуться из-за обширных разливов, непреодолимых для наших машин. Пришлось спуститься к речке Аулие и ехать вдоль неё, как и два дня назад, по пути сюда. Чаше других птиц на этом пути нам встречались белокрылые жаворонки (*Melanocorypha leucoptera*) и степные орлы (*Aquila nipalensis*).

Рис. 839 и 840. Актюбинская степь и старые кладбища на возвышенностях. Середина июня 2003 г.

За станцией Эмба вышли на трассу и свернули налево – на Мугоджарскую. Здесь прямо на асфальте встретили первого степного жаворонка (*Melanocorypha calandra*) и степную гадюку (*Vipera ursini*), а всего в 40 м от дороги видели гнездо с 2 яйцами авдотки (*Burhinus oedicephalus*). Часто попадались тёмные, яркие самцы обыкновенной каменки (*Oenanthe oenanthe*), а на столбах – степные орлы (*Aquila nipalensis*), реже – пустельги (*Cerchneis tinnunculus*). Около степных луж иногда встречались озёрные чайки (*Larus ridibundus*), чибисы (*Vanellus vanellus*), травники (*Tringa totanus*), ходулочники (*Himantopus himantopus*), а в одном месте – около сотни скворцов (*Sturnus vulgaris*) – старики с молодёжью. В полынной степи, вскоре за станцией Мугоджарская, прямо от трассы взлетел стрепет (*Otis tetrax*).

В 20⁴⁵ поднялись по трассе на Мугоджары в районе горы Берчогур, не доезжая до Б. Бахтыбая. Здесь много березняка по ложбинам, много влаги. Справа – гора с ретранслятором (она как раз посередине между Берчогуром и Бахтыбаем), а слева – карьер и виден щебзавод с посёлком. Здесь пришлось сделать вынужденную остановку для смены колеса в нашем ГАЗ'ике. Удивительное место, очень уж сырое. По понижениям – сырые луга и леса, берёзовые, ивовые. Каменистых обнажений мало, и они небольшие.

Стали лагерем, вернувшись через трассу и поднявшись как можно выше, между горой с ретранслятором и Большим Бахтыбаем – здесь грунтовая дорога пересекает горы и уходит на запад, на равнину. Это «аэродинамическая труба»! Лагерь ставили при удивительно красивом закате на фоне грозных туч! Вокруг пели соловьи (*Luscinia megarhynchos*), широкохвостки (*Cettia cetti*) и желчные овсянки (*Emberiza bruniceps*). Следующий день, 18 июня был дождливый, и мы на «батоне» Ильина выезжали на равнину, где сделали часовую экскурсию по полынной степи с участием ковыля и по караганнику (полосами шириной до 150 м, а высота кустов до 1.5-2 м). Среди этой степи – каменные конгломератовые глыбы высотой до 5 м, напоминающие «бараньи лбы» где-то на севере. В узкой горизонтальной щели между камнями я обнаружил гнездо плешанки (*Oenanthe pleschanka*) с тремя яйцами, на которое прямо при нас всё время пыталась пройти самка (видимо, уже насиженные). В лагере за это время В.Ю. Ильин видел старого и молодого грифов (*Aegypius monachus*), а Давыгора нашёл гнездо чеглока (*Falco subbuteo*) с тремя яйцами, устроенное в гнезде сороки среди берёзового колка.

Утром 19 июня выехали на Алабасскую межгорную депрессию, где когда-то на речке Шуылдак С.Н. Варшавский встречал пёстрого каменного дрозда (*Monticola saxatilis*). Вскоре после выезда, около трассы, наши териологи сделали попытку вылить из норы жёлтого суслика (*Spermophilus fulvus*), но воды не хватило (двух фляг по 60-70 л!). Нелёгкая это работа – отлавливать такого зверька!

За станцией Берчогур вышли на равнину и поехали на Алабас, до которого оставалось 12 км. Им оказался тот самый щебзавод, который мы видели с горы. Это заброшенный посёлок, пустые глазницы окон, производственные корпуса полностью разгромлены – очень удручающее зрелище! Поиски летучих мышей в корпусах результатов не дали, везде живут только галки (*Coloeus monedula*). Много луж, что-то вроде пруда с розговыми зарослями, лугом и вырубленная карагачёвая посадка – одни пеньки с прикорневой порослью. В карьере в 1 км от села – целые горы отвалов, а между ними – озерко. В каменных развалах – колония около 250-300 пар розовых скворцов (*Pastor roseus*); судя по поведению, птенцов у них ещё нет.

Пересекая депрессию (попынная полупустыня) поперёк, мы обнаружили у основания столба на земле, всего в 10 м от полотна дороги, гнездо степного орла (*Aquila nipalensis*), в котором взрослая птица сидела на двух белых пуховых птенцах, ещё совсем маленьких. Вскоре депрессия закончилась и начался пологий подъём: полынные вперемежку с ковылём-тырсой. Белокрылые жаворонки (*Melanocorypha leucoptera*) встречены на щебнистом участке с редкими злаками, почти без полыни.

В 14 час подъехали к речке Шуылдак у западной подошвы восточной цепи Мугоджар. Пойма речки шириной 30 м, местами до 100 м, заросла тростником, рогозом и высокотравьем; имеются отдельные чистые плёсы с белыми кувшинками и жёлтыми кубышками. По берегам – кустарник. В одном месте в балочке – густой и высокий (до 2–3 м) ивняк с примесью непролазных кустов караганы, крушины, шиповника и барбариса. На левом берегу красивые скалки (рис. 841 и 842) – видимо, на таких и встречал пёстроного каменного дрозда Сергей Николаевич Варшавский. Но нам его так и не удалось обнаружить (рис. 843–844). В пойме распевали соловьи и широкохвостки (*Cettia cetti*), а также желчные и скальные (*Emberiza buchanani*) овсянки; последняя здесь должна относиться к местному подвиду.

Рис. 841 и 842. Скалы за рекой Шуылдак и переправа к ним с В.Ю. Ильиным. 20 июня 2003 г. Фото А.В. Давыгоры

Рис. 843–844. Поиски каменного дрозда результатов не дали. Внизу видны ожидающие нас машины.

После безуспешных поисков каменного дрозда утром 20 июня мы выехали дальше – через станции Берчогур, Эмбугу и Мугоджарскую на речку Кундузды. В попынной полупустыне, всего в 1 км от Эмбы, встретили степного дербника (*Falco columbarius*) – маленького, светло-серого сверху и с продольными пестринами снизу; взлетел с обочины дороги всего в 7–8 м от машины и низом улетел на 200 м.

Через 140 км, в посёлке Юбилейный, где много развалин и брошенной техники, мы свернули с грейдера влево под прямым углом и пошли на запад, на солнце. Дальнейший путь – по холмам (высота здесь уже метров 500). Степь из ковыля-волосатика, с примесью полыни и отдельные кусты, а по ложбинам – целые куртины из таволги (*Spiraea hypericifolia*). Справа в узкой балочке течёт приток Кундузды, там местами каменистые обнажения, а на дне – заросли березы (рис. 847 и 848).

В 21 час стали лагерем на левом берегу р. Кундузды, на высоком бугре. Речка – в узкой балочке в 30-40 м от нас, там островок густого осинового леса, высотой деревьев не менее 20-30 м! В этом лесочке поёт не только южный соловей (*Luscinia megarhynchos*), но и зяблик (*Fringilla coelebs*), и широкохвостка (*Cettia cetti*), а в сумерках запела сплюшка (*Otus scops*). Над верхушками осин пролетел чеглок (*Falco subbuteo*) и четыре степных тиркушки (*Glareola nordmanni*). Место было совсем не похожим на предыдущие. Степные бугры по обе стороны реки покрыты редкой полынью и ковылём-волосатиком (*Stipa capillata*), а также редкими низкорослыми кустиками таволги (*Spiraea hypericifolia*). Часты выходы камней. По западинам – луговая растительность.

Долина Кундузды очень узкая, местами теснины с выходами скал по правому склону. Более половины её занято лесными колками. Прямо под лагерьем – осинový колок, очень густой и высокий, прижатый к скалам, как в каньоне (рис. 845 и 846). Чуть выше по течению – черёмуховый колок, столь же густой (она отцвела, уже зелёные ягодки). Ещё дальше – березняк с примесью ивы по краям. Поляны в долине заняты зарослями таволги и караганы высотой до 1 м, а ближе к руслу – также шиповника с розовыми цветами и даже миндаля. Утром 21 июня, кроме уже упомянутых певцов, я встретил здесь серую славку (*Sylvia communis*) и голубую лазоревку (*Parus caeruleus*), а также пересмешку-малиновку (*Hippolais icterina*), что было для меня совершенно неожиданно! Во избежание ошибки я долго слушал её пение, а потом для верности даже записал его на диктофон...

Рис. 845 и 846. Берёзово-осиновые колки в долине речки Кундузды. 21 июня 2003 г.

Рис. 847 и 848. Древесно-кустарниковые заросли и открытые участки в долине речки Кундузды. 21 июня.

Обратно мы поехали по другой дороге, более прямой и асфальтированной (по крайней мере, вначале). На старый грейдер вышли только перед мостом через Аулие. На окраине Эмбы в полынной полупустыне встретили выводок каменки-плясуньи (*Oenanthe isabellina*) совсем рядом с таким же выводком обыкновенной каменки (*Oenanthe oenanthe*). Здесь же, у недостроенных глиняных кошар, держались два каменных воробья (*Petronia petronia*), домовые (*Passer domesticus*) и полевые (*Passer montanus*) воробьи, угод (*Urupa erops*); все они видимо гнездились здесь. Но самое удивительное, что кроме них здесь также летали около десятка чёрных стрижей (*Apus apus*), которым здесь жить негде.

Примерно в 2 км от Эмбы мы свернули с Актюбинской трассы налево. Отсюда на запад-юго-запад пошёл вконец разбитый грейдер на село Жагабулак (указатель без километража, а по нашему спидометру оказалось 65 км). По сторонам грейдера – пыльные объезды. Такие дороги – сущее наказание даже для самых терпеливых...

Через некоторое время степь пошла более высокотравная – как будто пырейники. А вскоре мы уже ехали по песку, но только заросшему степной растительностью. Это уже начинались пески Кумжарган. Дорога пролегла между заросшими кустарником песчаными буграми и Эмбой. На высоком обрывистом левом берегу Эмбы видны мощные заросли каких-то кустарников по западинам, а по дну долины пошли чиевники (*Lasiagrostis splendens*). На этом пути нам попадались не только неизменные степные орлы (*Aquila nipalensis*), пустельги (*Cerchneis tinnunculus*), обыкновенные каменки (*Oenanthe oenanthe*) и белокрылые жаворонки (*Melanocorypha leucoptera*), но и луговые луны (*Circus pygargus*), золотистые шурки (*Merops apiaster*), несколько сизоворонок (*Coracias garrulus*), а местами – крупные стаи грачей (*Corvus frugilegus*).

Рис. 849 и 850. Долина Эмбы выше притока Темир (местами речка совсем не видна). 22 июня 2003 г.

Рис. 851 и 852. Река Эмба, вид с моста в районе с. Жагабулак. Вдали лес Жагабулак. 22 июня 2003 г.

Перед самым селом Жагабулак – автомобильный мост через Эмбу. Здесь справа по высокому берегу Эмбы – полоса мощного леса, который тянется не на один километр. Кажется, это старые лесопосадки

19 века! Съезд в село Жагабулак вправо от трассы, само село типа и размера Новониколаевки, вот только грязь по улицам! Здесь заправились водой и вернулись на трассу, чтобы не форсировать Эмбу без моста.

Вскоре по хорошей дороге свернули на город Темир и перед селом Шенгельши переехали по мостику Эмбу обратно, а напротив этого села свернули влево на песчаную дорогу – пошли к реке Темир. Несколько километров проехали по песчаной степи с ковылём, затем спустились с чинка Темира в его пойму и стали на левом берегу Темира среди лоховых деревьев (рис. 853).

Рис. 853. Долина Темира с чинка левого борта, вдали – пески Кокжиде. Июнь 2003 г.

Рис. 854. Выбросы слепыша (*Spalax giganteus*), который в Казахстане живёт только на западе.

Рис. 855 и 856. Глинистый чинк левобережья долины Темира и бормотушка (*Hippolais caligata*).

Этот последний лагерь нашей экспедиции оказался в знаменитом месте, которое часто упоминается в книге П.П. Сушкина (1908) под именем «Темир, Кокжиде». Находится оно в 5-7 км от впадения Темира в Эмбу. Ширина долины Темира здесь около 1 км, сама река шириной 15-20 м течет по правому краю долины, вплотную к пескам Кокжиде. Глубина реки 0.5-1 м, дно песчаное, левый берег обрывистый, а правый пологий, как и сама долина: левый борт её в виде глинистого чинка высотой 30-50 м, а правый

полого переходит в барханы Кокжиде. Долина занята разреженным лоховым лесом. Песчаная почва вся изрыта гигантским слепышом (*Spalax giganteus*); выбросы его до 30-50 см в поперечнике (рис. 854).

Птиц здесь довольно много. Едва поставив свою палатку, мы обнаружили рядом с ней в кустике полыни, всего в 5 см от земли, гнездо бормотушки (*Hippolais caligata*, рис. 856) с четырьмя голенькими птенцами и яйцом, из которого на следующий день тоже вылупился птенец. Самая многочисленная птица – южный соловей (*Luscinia megarhynchos*), песни которого слышны отовсюду. Немало желчных овсянок (*Emberiza bruniceps*), ремезов (*Remiz pendulinus*), широкохвосток (*Cettia cetti*). Всё утро были слышны кукушка и обыкновенная горлица (*Streptopelia turtur*); здесь же – пара жуланов (*Lanius collurio*) и пустельга (*Cerchneis tinnunculus*). Над Темиром летали крачки – речные (*Sterna hirundo*) и малые (*Sterna albifrons*), луни – луговой (*Circus pygargus*) и камышовый (*Circus aeruginosus*); по его берегам бегали малые зуйки (*Charadrius dubius*) и белые трясогузки (*Motacilla alba*).

Рис. 857 и 858. Река Темир (правый берег против нашего лагеря) и пески Кокжиде. 22 июня 2003 г.

В песках Кокжиде, поросших куртинами высокого злака «колосняк гигантский» (*Elymus giganteus*), птиц почти нет: несколько полевых коньков (*Anthus campestris*) да пролетевший степной орёл (*Aquila nipalensis*) – вот и вся орнитофауна. Только на участке антропогена, на месте брошенной буровой, мне попались индийские воробьи (*Passer indicus*) и белая трясогузка (*Motacilla alba*), обе пары носили корм птенцам. Зато в песках я налюбовался стремительными пробежками ушастой круглоголовки (*Phrynocephalus mystaceus*) и её моментальным исчезновением – прямо на глазах, вибрируя, она «тонула» в песке.

Рядом, около с. Шенгельши, у озера с небольшим плёсом, обширным солончаком, низкотравными участками с зарослями софоры и куртинами тростника, за час на открытом берегу удалось, помимо четырёх видов крачек (*Sterna hirundo*, *Sterna albifrons*, *Chlidonias leucoptera*, *Chlidonias hybrida*) и четырёх пар ходоулочников (*Himantopus himantopus*), увидеть также 7-8 пар степных тиркушек (*Glareola nordmanni*).

Интересной оказалась поездка к пескам Кумжарган и вчерашнему мощному лесу. На полпути между сёлами Шенгельши и Жагабулак, в норе высокого (6-7 м) обрыва нашли гнездо индийского воробья (*Passer indicus*), в которое самец и самка носили корм. Это – одна из самых северных встреч данного вида на гнездовании. Неожиданно было встретить здесь стайку из 7 кольчатых горлиц (*Streptopelia decaocto*). Везде по дороге много малого суслика (*Spermophilus pygmaeus*) и часто встречаются крупные (до 1 м в диаметре) выбросы гигантского слепыша (*Spalax giganteus*).

На краю заросших песков Кумжарган – заросли софоры (*Sophora japonica*), за ними – масса жёлтого тысячелистника (*Achillea glogeri*) и цветущий жузгун (*Calligonum leucocladum*) высотой до 2 м. Пески не барханные, а бугристые (рис. 859). Жузгун в основном на буграх, а в понижениях между ними – заросли ивы двух типов: высокие кусты и низкая плотная поросль – как щётка. Нередко в таком понижении среди этих зарослей растёт старое дерево лоха (*Eleagnus angustifolia*), которое сразу же выделяется своей серебристой кроной. Из птиц, помимо обычных здесь желчной овсянки (*Emberiza bruniceps*) и полевого конька (*Anthus campestris*), неожиданно часто встречалась варакушка (*Cyanosylvia svecica*), певшая в нескольких местах.

Рис. 859. Пески Кумжарган на левобережье Темира, вдаль виден лес Жагабулак. 23 июня 2003 г.

Рис. 860. Высокоствольный осиновый лес Жагабулак в срединной своей части. 23 июня 2003 г.

В последний день нашего пребывания в этом замечательном месте – 23 июня – с утра мы снова съездили в пески Кумжарган, где записали пение загадочной славки-завирушки, и посетили расположенный рядом ленточный лес. Западная его окраина – это старые березы на краю поймы и среди них такие же старые тополя, до 20 м высотой. Ниже их – кустарники и сырые луга самой поймы, они соприкасаются с лесом. А сверху к лесу вплотную подходят пески Кумжарган. Получается максимальное разнообразие биотопов – от поймы через лес до песков. Этот лесок – прямо против с. Жагабулак, в 1-2 км от него к северу.

На берёзах – небольшая грачиная колония, гнёзд 15 (птенцы уже вылетели), а рядом на берёзе сидит в гнезде пустельга (*Cerchneis tinnunculus*). Около старого грачиного гнезда сидела самка европейского тювика (*Accipiter brevipes*), её атаковала пустельга. У тювика хорошо виден тёмный глаз, который кажется просто чёрным. Видимо, здесь его гнездо, потому что, увертываясь от атак пустельги, тювик всё время сюда возвращается, не улетает далеко. В лесу поют соловьи (*Luscinia megarhynchos*) и иволга (*Oriolus oriolus*).

Совершенно неожиданно на верхушке тальника появилась синица, очень похожая на серую, бухарскую (*Parus bokharensis*): жёлтого цвета в её окраске нет и в помине! Только одна перелетела, как на её место снизу, с зарослей, поднялась молодая птица – тоже совсем серая, без признаков желтизны. Здесь же поют широкохвостка (*Cettia cetti*), серая славка (*Sylvia communis*), чечевица (*Carpodacus erythrinus*) и желчная овсянка (*Emberiza bruniceps*); из лесу слышны голоса кукушки (*Cuculus canorus*) и ремеза (*Remiz pendulinus*). Летают два коршуна (*Milvus migrans*), серые вороны (*Corvus cornix*) и большие горлицы (*Streptopelia orientalis*); от поймы пролетела серая цапля (*Ardea cinerea*).

На противоположном, восточном конце леса, растянувшегося на 8 км, кроме уже перечисленных, пел зяблик (*Fringilla coelebs*), а в густых зарослях шиповника и лоха, росших местами вдоль опушки, встречены сороки (*Pica pica*), чернолобый сорокопут (*Lanius minor*) и бормотушка (*Hippolais caligata*) со своей нескончаемой песней. Здесь же, на опушке, попадались одиночные серые вороны (*Corvus cornix*) и пустельги (*Cerchneis tinnunculus*), пролетела стая из 20 розовых скворцов (*Pastor roseus*), а высоко в воздухе самец лугового луны (*Circus pygargus*) несколько раз атаковал коршуна (*Milvus migrans*), бросаясь на него сверху, и после 10 попыток всё-таки угнал его в пески.

Срединная часть массива – высокоствольный и тонкоствольный осиновый лес (рис. 860), спускающийся в болотину, где растут папоротники! Ширина леса здесь около 50 м, много вывороченных с корнем деревьев, а также не менее 10 свежих спилов диаметром 7-9 см (заготавливают всю!). Местами к осине примешивается берёза такого же возраста. Здесь также поют зяблики (*Fringilla coelebs*), иволги (*Oriolus oriolus*), широкохвостки (*Cettia cetti*), соловьи (*Luscinia megarhynchos*) и серые славки (*Sylvia communis*), а в одном месте я услышал крик тревоги горихвостки-лысушки (*Phoenicurus phoenicurus*), причём для гнездования место было вполне подходящее. В другом месте – крик большого пёстрого дятла (*Dendrocopus major*), причём Давыгора успел увидеть спину взлетающего, а через 200 м – полностью

ошкуренная дятлом берёза. Возможно, дятлы бывают здесь не только во время зимних кочёвок, но некоторые и гнездятся. На заболоченном участке леса Давыгора встретил трёх дроздов-рябинников (*Turdus pilaris*). Здесь же летала пара взрослых орлов-могильников (*Aquila heliaca*), а в узкой развилке ствола крупной осины (метров 15 от земли и 5 м от верхушки) виднелось крупное орлиное гнездо диаметром около 1 м и высотой полтора метра; не исключено, что это было гнездо этой пары. Ещё на двух осинах мы нашли два гнезда коршуна (*Milvus migrans*) – с одним оперённым и одним только начавшим оперяться птенцом; в обоих гнёздах сидели взрослые птицы. Встречены чеглок (*Falco subbuteo*) и курганник (*Buteo rufinus*). Очень неожиданно из песков в лес перелетела пара больших горлиц (*Streptopelia orientalis*). Вся эта лесная фауна воспринималась как нечто сказочное здесь, в полупустынной зоне, рядом с настоящими песками.

Пополудни 23 июня, а точнее в 15 час, последний раз окунувшись в ласковые воды Темира, мы были готовы к обратному пути. Решили ехать напрямик – через город Темир, посёлок Кенкияк и станцию Кандагач. Здесь намного короче, трасса вроде получше и, что немаловажно для нас, – новая дорога. Через 25-28 км, между поселками Шубарши и Кенкияком, мы стали объезжать по какой-то дамбе обширную сырую низину, местами поросшую тростником и рогозом. Слева – озерко с тростником. На нём – два выводка (3 и 7 пуховых птенцов) краснобашей (*Netta rufina*), выводок из 8 птенцов лысухи (*Fulica atra*), большая белая цапля (*Egretta alba*), пара травников (*Tringa totanus*) и морской зуёк (*Charadrius alexandrinus*). А над водой летают чёрные крачки (*Chlidonias nigra*) и три самки камышового луня (*Circus aeruginosus*).

Далее дорога пошла среди полынной степи и вскоре появились белокрылые (*Melanocorypha leucoptera*) и степные (*Melanocorypha calandra*) жаворонки, даже полевой жаворонок (*Alauda arvensis*) запел в степи. Мимо города Темир прошли по объездной. Полынная полупустыня закончилась, пошла степь с ковылём-волосатиком и лесополосами. Правда, лесополосы жалкие, редкие, клочками. В маленьком кустике, всего 0.5 м от земли, среди ковыльной степи, 3 км южнее с. Покровка, – гнездо степного орла (*Aquila nipalensis*) с маленьким беленьким пуховым птенцом.

В селе Покровка переехали мост через р. Темир. Мостик небольшой и сама речка здесь заросла тростниками и рогозом, только отдельные бочаги воды виднеются. На выезде из речки, против кладбища – первый большой суслик (*Spermophilus major*). Остановились для ловли и провели здесь около часа.

Село очень зелёное, много старых мощных деревьев. А за селом, около 1 км, – широкая и старая, многорядная лесополоса. Птиц здесь довольно много, мы насчитали представителей 21 вида, из которых новыми на этом отрезке маршрута оказались два вида камышевок – дроздовидная (*Acrocephalus arundinaceus*) и тростниковая (*Acrocephalus scirpaceus*). В нескольких местах распевали садовые овсянки (*Emberiza hortulana*) и варакушки (*Cyanosylvia svecica*), а береговые ласточки (*Riparia riparia*) и полевые воробьи (*Passer montanus*) были гораздо темнее и ярче тех, которые живут в наших южных краях.

Дальше к северу начались какие-то посеы, похожи на яровые – очень низкие, тёмно-зелёные. Но журавлей-красавок нет и на них!!! Вплоть до самого Кандагача, где стоит указатель, что до Актюбинска осталось 97 км. Птицы нам встречались всё те же, но иногда из окна машины можно было наблюдать их жизнь. Так, в одном месте грач (*Corvus frugilegus*) кормил птенца прямо на асфальте, а по дороге – много раздавленных молодых (там, где лесополосы и хорошее покрытие – высокие скорости машин). В другом месте чеглок (*Falco subbuteo*) прямо перед нашей машиной налету красиво взял над асфальтом летящую стрекозу; в третьем пустельга (*Cerchneis tinnunculus*) поймала ящерицу в траве под столбом...

В 22³⁰, уже в светлых сумерках, преодолев за день 275 км, мы разбили лагерь на берегу Актюбинского вдхр., в лесопосадке. Было пасмурно, начинался дождик – круг замкнулся там, где начался...

А утром 24 июня – штиль и жара! Искупавшись последний раз в водохранилище, вода которого за две недели нашего путешествия зацвела, став ярко-зелёной, мы осмотрели колонию береговых ласточек (*Riparia riparia*), состоящую из нескольких сотен гнёзд, на обрыве южной экспозиции в 2-7 м над водой, а в 16⁴⁹ поездом № 24 я отбыл в Алма-Ату. Из окон поезда от южной ветви Мугоджар до станции Кайдауыл (Солёная) я по привычке насчитал на столбах идущей вдоль железной дороги линии электропередач 17 степных орлов (*Aquila nipalensis*), причем 12 из них – на первых километрах, ближних к горам...

30 декабря 2023 г. – 13 апреля 2024 г.

18. Актюбинские степи: Сагиз – Уил – Хобда (2006)

Рис. 861. Низкотравные белополынно-злаковые участки близ с. Миялы. Вдали гарь. 19 июня 2006 г.

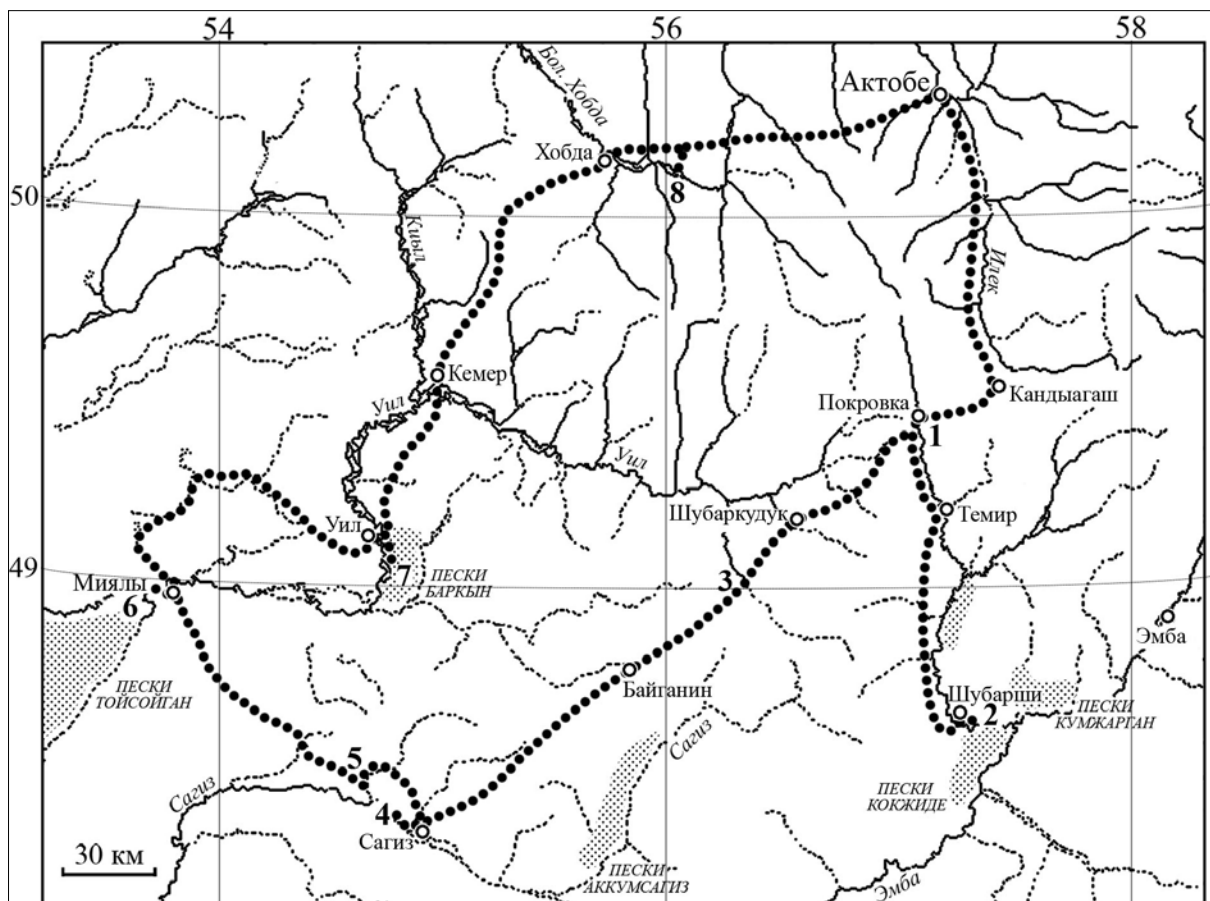

Рис. 862. Уил, заросшие пески Тайсойган с кустами жужгуна. Радуга после дождя 20 июня 2006 г.

Экспедиция по актюбинским степям: Сагиз, Уил, Хобда (11-25 июня 2006)

Первая наша экспедиция в Мугоджары и на Эмбу в 2003 году так понравилась всем её участникам, что мы мечтали продолжить это начинание и уже зимой 2005/06 года переписывались об этом с Анатолием Давыгорой. Поэтому настоящим праздником 2006 года для меня стала казахско-российская зоологическая экспедиция по актюбинским степям (реки Темир, Сагиз, Уил, Хобда). В этот раз я предложил участвовать в поездке Феде Карпову – орнитологу нашей лаборатории, давно зарекомендовавшему себя прекрасным полевиком, к тому же очень хорошему знатоку птиц, особенно водоплавающих и околотовных – тех самых групп, в которых я всегда ощущал свой недостаток знаний полевых признаков.

И вот 11 июня мы с Фёдором Фёдоровичем Карповым поездом прибыли в Актюбинск, где на вокзале нас встретили оренбургские и пензенские коллеги: А.В. Давыгора (Оренбург, ОГПУ), О.А. Ермаков, Н.В. Быстракова, С.В. Титов и аспирант Антон Кузьмин (Пенза, университет). С 11 по 25 июня на двух машинах мы прошли по маршруту: г. Актюбинск (11/12 июня) – с. Покровка на р. Темир (12/13 июня) – с. Кенкияк – с. Шубарши – с. Шенгелши – р. Темир у песков Кокжиде (13-16 июня) – с. Шубарши – с. Кенкияк – станция Шубаркудук – р. Кинжалы (16/17 июня) – ст. Сагиз – р. Сагиз, лагерь 4 (17/18 июня) – лагерь 5 на р. Сагиз (18/19 июня) – с. Миялы – пески Тайсойган – р. Уил, лагерь 6 (19-21 июня) – с. Миялы – с. Уил – лагерь 7 (21-23 июня) – с. Уил – с. Хобда – лагерь 8 (23-25 июня) – г. Актюбинск (и в тот же день мы с Ф.Ф. Карповым возвратились поездом № 24 в Алма-Ату).

Рис. 863. Маршрут зоологической экспедиции 11-25 июня 2006 г. [1-8 ночёвки]. (Ковшарь, Давыгора, Карпов, 2006)

Как сказано в предисловии к нашей совместной публикации (Ковшарь, Давыгора, Карпов, 2006) маршрут был проложен так специально, чтобы посетить места, в которых орнитологи в последние годы

практически не работали, тогда как по ряду из них есть сведения полувековой и даже столетней давности (например, данные Н.А. Зарудного по Б. Хобде). Особый интерес – возможность повторного обследования Б. Хобды у Бишкеры (посещена А.В. Давыгорой в 1992 г.) и места впадения Темира в Эмбу, посещённого нами в 2003 г. (Ковшарь, Давыгора, 2003). В остальных точках маршрута мы работали впервые.

Прежде чем перейти к изложению результатов орнитологических наблюдений, вкратце опишу посещённые нами ландшафты и их современное состояние. Большая часть маршрута проходила по сухой типчаково-полынной степи (местами – почти чистые белополынные из полыни австрийской), которую лишь в речных поймах несколько разнообразила кустарниковая, а в некоторых местах – даже древесная растительность.

Рис. 864. Чистые белополынные с примесью типчака перед посёлком Миялы. 19 июня 2006 г.

Рис. 865. Высокотравная степь с участками чиевников перед селом Уил (Ойыл). 21 июня 2006 г.

Так, по берегам р. Темир близ с. Покровка в ложбинах среди степной растительности на песчаных почвах – узкие полосы густых караганников, а вокруг – очень своеобразные стравленные скотом выгоны с отдельными кустами караганы, полыни высокой, эстрагона, лоха узколистного. Значительные участки заняты зарослями софоры, но фоновая здесь – полынь австрийская. Вообще местность у села Покровка, которую мы в 2003 г. буквально «проскочили» на обратном пути в Актюбинск, уже тогда заинтересовала нас разнообразием биотопов. Поэтому в этот раз мы решили сделать здесь первый лагерь и провести полноценные орнитологические экскурсии, а при возможности – и отловить птиц в паутинные сети.

Рис. 866-867. Окрестности села Покровка на р. Темир (первая стоянка экспедиции). 13 июня 2006 г.

Рис. 868-869. Окрестности села Покровка на р. Темир (первая стоянка экспедиции). 13 июня 2006 г.

Гораздо южнее, перед впадением в Эмбу (урочище Кокжиде), на Темире хорошо развита пойма из густых лохово-ивовых зарослей, чередующихся с высокотравными полянами, на которых масса выбросов гигантского слепыша (*Spalax giganteus*). Правый берег реки в этом месте занимают барханы развееваемых песков с куртинами волоснеца гигантского (*Elymus giganteus*), а на голом песке вдоль самого берега – массивы разреженных зарослей подбела войлочного (*Petasites spurius*).

Рис. 870 и 871. Р. Темир у песков Кокжиде: правый берег с подбелом и левый, заросший. 13 июня.

Особый интерес представляет единственный на многие километры в округе удивительный тополево-берёзовый лес между песками Кумжарган и поймой реки Эмба близ села Жагабулак (посещён нами и в 2003 г.). Неширокой полосой (всего 50-120 м) этот лес протянулся почти на 8 км с востока на запад. С юга он ограничен заболоченным ивняком поймы Эмбы (здесь явно родники, так как сама речка довольно далеко). С севера – пески Кумжарган, расстояние до них от леса у восточной его оконечности – около 200 м (западнее пески подходят к лесу вплотную). Лес старый, берёзы и осины высотой до 15-16 м и растут куртинами. Под пологом леса – осоки и обширные заросли какого-то хвоща, видимо болотного.

Участками встречаются разреженные (просветлённые) березняки. Кое-где в лесу – заросли шиповника; кусты довольно высокие, старые, в хорошем состоянии. Берёза занимает более пониженные увлажнённые участки, с мочажинами и папоротниковыми зарослями; осина чаще встречается у верхней

части склона. Местами довольно много вырубленных деревьев, немало и бурелома, но в целом лес не имеет угнетённого вида. Расположенные рядом пески Кумжарган представляют собой в этом месте невысокие и заросшие редкой пустынной растительностью песчаные бугры. В глубоких котловинах между соседними буграми встречаются естественно произрастающие берёзы. В таких котловинах по периферии, как правило, мощное ожерелье из кустарниковых ив, встречаются также кусты лоха узколистного.

Рис. 872-873. Опушка и дорога между лесом Жагабулак и песками Кумжарган. 14 июня 2006 г.

Рис. 874-875. Пески Кумжарган и опушка леса с выбросами большого слепыша. 14 июня 2006 г.

Долина р. Кинжалы (рис. 877), одного из левых истоков Уила (лагерь 3), тянется в виде зелёной ленты шириной до 100 м, углубленной в плакор на 5-7 м. Тёмные плёсы воды и местами – тёмно-зелёный бордюр из тростника и рогоза по берегам. Кустарники отсутствуют полностью, а по балочкам темнеют участки чернополынников. Дно речной долинки – сплошной луговой ковёр, выеденный скотом до земли. Окружают долину низкотравные редкие белополынники на плотной глинистой почве, почти абсолютной равнине. Выгоревшая степь серо-жёлтого цвета и только местами в ней – тёмно-зелёные вкрапления из солянки по имени итсигек (рис. 876), или ежовник безлистный (*Anabasis aphylla*). Признаков земледелия здесь нет.

Рис. 876 и 877. Долина р. Кинжалы левого истока Уила и наш лагерь 3 на её берегу. 17 июня 2006 г.

Рис. 878 и 879. Степь в окрестностях долины реки Кинжалы. 17 июня 2006 г.

Юго-западнее, на маршруте «Кинжалы – Байганин – станция Сагиз» (протяжённость 150 км), преобладают равнинные или слабоволнистые полупустынные ландшафты. Почвы плотные, почти белая глина, местами песчаные или засоленные. Растительность – серополынные с ковылём-волосатиком (тырсой). Река Сагиз западнее одноименной станции также протекает среди белополынных, местами с примесью злаков. Но сама река, шириной 25-30 м, течёт среди тамариковых зарослей, которые нередко образуют вдоль реки полосу не менее 100-150 м шириной; есть и обрывистые участки берега, удобные для гнездования береговых ласточек (рис. 880 и 881).

Рис. 880 и 881. Окрестности лагеря № 4 на реке Сагиз близ станции Сагиз. 18 июня 2006 г.

Река Уил около песков Тайсойган (лагерь 6) образует довольно широкую луговую пойму, которая за селом Миялы перекрыта ирригационными сооружениями, направленными на создание системы полива сеяных трав. Это красивое место, с деревьями лоха и старыми раскидистыми ивами. Но за селом Аккура река проходит по краю песков Тайсойган отдельными плесами или бочагами до 30-40 м диаметром, с узкими протоками воды между ними и куртинами тростника по берегам. Есть небольшие береговые обрывы, на берегах растут отдельные небольшие деревья лоха, близ которых развито высокотравье из софоры, солодки и злаков – мятлика и ежи сборной. Основа растительности высохшего пойменного луга (типа лимана) – типчак, полынь австрийская, кермек (*Limonium* sp.); отдельными участками – почти чистые заросли софоры, верблюжьей колючки (*Alchagi pseudalchagi*), а также чия. Берега сильно выбиты скотом.

Рис. 882 и 883. Выбитые скотом берега реки Уил близ будущего лагеря № 6. 19 июня 2006 г.

Рис. 884 и 885. Река Уил у лагеря № 6 – старица и основное русло реки. 20 июня 2006 г.

Очень своеобразны соседние с Уилом слабо волнистые пески Тайсойган (рис.886-887), полностью равномерно заросшие довольно высокой травой (включая тёмную полынь) и невысокими кустами, среди которых преобладает жузгун (*Calligonum aphyllum*). Нередки здесь и гораздо более высокие кусты лоха остроплодного (*Eleagnus oxycarpa*). По геоботаническому делению, согласно «Атласу Казахской ССР» (том 1, 1982, с. 68), район песков Тайсойган относится к полынно-житняково-перистоковыльным песчаным степям, которые вкраплены в более распространённые плотногрунтовые кустарниково-полынно-тырсиковые и белополынно-житняково-тырсиковые в сочетании с бикоргуновыми и чернополынными сообществами на солонцах. Везде в этих местах много скота, но земледелие отсутствует.

Рис. 886-887. Окраина заросших песков Тайсойган. Радуга после грозы 20 июня 2006 г.

Северо-восточнее, в 150 км выше по течению, близ одноименного села, река Уил течет среди роскошного пойменного леса (ширина поймы не менее 300 м), состоящего из старых ив, тополей, клёнов, карагачей, а на опушке – лоха и массы плодовых деревьев и кустарников, вплоть до шиповника, боярышника и даже яблони-дички, явно посаженной лесхозом. Лес очень старый – ивы, как свечи, высотой до 30 м (рис. 888-889). Такой же высоты достигают на участках старых посадок дуб и тополь – чёрный и серебристый. Под пологом леса развито буйное разнотравье (в т.ч. солодка и василистник), а на речных старицах – рогоз, осока и прочая надводная растительность.

Рис. 888-889. Старый пойменный лес в среднем течении Уила у одноименного села. 22 июня 2006 г.

Совсем близко к пойме Уила подходят пески «Баркын». Ширина ближайшей к пойменному лесу безлесной части песков 300-400 м. Вначале это пологие, сглаженные всхолмления, заросшие злаками и молочаем. Здесь густые куртины кустарников (до 10х15 м), причём сам кустарник растёт не только между буграми, но и на них. Дальше от поймы пески становятся крупнобугристыми и покрыты сосновым лесом.

Островки леса растут здесь среди песчаных бугров, высота которых заметно больше, чем предыдущих. Открытые песчаные участки поросли редкими злаками (в т.ч. типчак). По краю сосновой куртины кустарник бывает высоким, густым и очень разнообразным по составу: спирея, жузгун, в сочетании с крупнотравьем – полынь высокая (божье дерево), «конский» щавель и отдельные высокие стебли тростника. Здесь же – софора и солодка, тысячелистник Глогера, молочай песчаный и др., в понижениях – осока.

Как удалось выяснить из литературы, лесотехнические опыты ведутся здесь давно: сосну сажали в 1873, 1899, 1903, 1907 и 1913 гг. (Чибилёв, 1987). В настоящее время эти посадки находятся в великолепном состоянии, и активно идут процессы лесовозобновления: под кронами зрелых деревьев-семенников – масса молодого подроста (рис. 894). В настоящее время это территория лесхоза – кругом стоят предупреждающие аншлаги, а также столбы с номерами делянок. Там, где нет посадок, в отдельных местах встречаются одиночно произрастающие сосны. В одной из котловин встречена куртина крушины ломкой. Кроме сосны, здесь произрастает два вида ив, включая низкую, карликовую форму. В некоторых котловинах вместе с сосной в небольшом количестве произрастают средневозрастные берёзы. Высота песчаных бугров в глубине массива резко возрастает. Здесь они слабо закреплены, а верхушки их уже полуразвеены. Древесная и кустарниковая растительность сосредоточена, в основном, в глубоких котловинах. Встречаются также естественно произрастающие осинники с отдельными берёзами. По восточной кромке пески, насколько это можно видеть в бинокль, в основном развеены.

Рис. 890-891. Скудный растительный покров и заросли софоры в пойме Уила.

Местность между этими двумя точками на Уиле (лагерь 6 и 7) представлена обычными белополынниками, чередующимися с зарослями софоры (рис. 890-891) и верблюжьей колючки; местами – слабо волнистые, почти равнинные песочки, покрытые характерным кияком (*Elymus giganteus*) и другой редкой растительностью; в понижениях встречаются луговины с сенокосами.

Так же, как и лес близ села Жагабулак, лесопосадки в этой части долины Уила и в песках Баркын – яркий пример положительного вмешательства человека в природу (благоприятного воздействия антропогена). Эти лесопосадки не только разнообразят ландшафт, но и предохраняют от разрушения его исконные элементы, особенно в развеваемых бугристых песках Баркын. А в долине Уила старый высокоствольный лес настолько «уместен», что кажется, будто он рос здесь всегда, без вмешательства человека. Я уверен, что подобного рода примеры искусственного обогащения природы, без каких бы то ни было отрицательных последствий, заслуживают всяческой поддержки – вплоть до объявления этих двух участков охраняемыми памятниками культурного наследия».

Рис. 892 и 893. Окраина песков Баркын у поймы Уила и А.В. Давыгора. 22 июня 2006 г.

Рис. 894 и 895. Самосев сосны в островных сосняках песков Баркын. 22 июня 2006 г.

Рис. 896 и 897. Участки оголённых песчаных бугров в центре песков Баркын. 22 июня 2006 г.

Примечательная деталь: примерно на полпути между селами Миялы и Уил, сразу же за крупным селом Сарбие, значительную площадь занимают мощные многорядные лесопосадки карагачей – по 25 параллельных лесополос длиной по 1 км каждая. Между двумя соседними лесополосами расстояние по 30-40 м (сама полоса состоит из 4-х рядков деревьев). Получается огромный массив леса, высаженного в направлении с севера на юг, и точно такой же массив – с перпендикулярно направленной посадкой. Первый массив расположен справа от дороги, второй – слева (и лесополосы тянутся вдоль дороги). Посадки старые, им не менее 40-50 лет. Сразу же за этими посадками – злаковая степь.

На последнем отрезке маршрута, от Уила до Хобды (150 км), традиционные белополынные уже через 15-20 км сменились великолепной типчаковой степью с хорошим покрытием и поначалу жалкими остатками лесополос, где гнёзда хищных птиц встречаются почти на каждом уцелевшем карагаче. Ещё через 20 км лесополосы сохранились намного лучше, а перед селом Калиновка (120 км от Уила), на самом водоразделе Уила и Хобды, появились первые посевы сельскохозяйственных культур и здесь уже вдоль шоссе пошли мощные, старые лесополосы. Площадь посевов с каждым километром увеличивалась – вплоть до самой долины Б. Хобды, на спуске в которую мы пересекли участок великолепной злаково-разнотравной степи с цветущим подмаренником (*Galium verum*) и высотой травостоя до 30-40 см.

Рис. 898-899. Гнёзда степного орла в остатках лесополос. Рис. 900. Птенец под гнездом. 23 июня.

Рис. 901. Гнездо степного орла. Рис. 902. Степное озерко. Рис. 903. Гнездо голубя на земле под мостом.

Рис. 904-905. Разнотравная степь на спуске в долину и сама река Б. Хобда против Бишкопы. 23 июня.

Наш последний, 8-й лагерь расположен на правом берегу Большой Хобды напротив урочища Бишкова, между аулом Булак и местом слияния Сары-Хобды с Кара-Хобдой. Ширина реки 40-50 м, по берегам – тростниковый бордюр. Роскошные старые ивы обрамляют оба берега прерывистой полосой. Открытые участки заняты злаково-разнотравной растительностью высотой до 30-40 см, среди которой особенно выделяются черные полыни (*Artemisia procera*, *A. dracunculus*). Прилегающие к реке песчаные степи покрыты великолепной разнотравно-злаковой растительностью. Вторичные полынные имеют только ниже по правому берегу, близ аула Булак.

Левый берег и прилегающие к нему остепнённые луга урочища Бишкова сильно пострадали от пожара, причём недавнего, что видно по обгоревшим тростниковым стеблям в пойме реки. Очень пострадали также многие старые вётлы, стволы которых повредил огонь. Как показал осмотр урочища Бишкова, после 1992 г. часть его была распаханна. Все эти изменения последних лет особенно разительно заметны при сравнении с той обстановкой, которая была в этом урочище более ста лет тому назад, когда его посещал Н.А. Зарудный (1897).

*****

На протяжении маршрута нам удалось наблюдать птиц 142 видов, аннотированный список которых мы опубликовали в журнале «Selevinia-2006». Некоторых, наиболее интересных, я буду упоминать далее при описании самой экспедиции. Началась она в день независимости России, 12 июня, с посещения Управления охоты и охраны животного мира Гослескомитета МСХ РК в городе Актюбинске. Начальник его Аязбаев Марат Габденович принял нас хорошо, но перепоручил начальнику контрольного отдела Нуршину Мурату Куанышевичу, который практически всё помог нам сделать. Помогал с оформлением бумаг, которых оказалось немало, также Дуйсенов Нурбулат Рахметович, который, как оказалось, в управлении работает первый день, а до этого 11 лет проработал в противочумной системе, поэтому знает всех наших териологов. Здесь мы оставили для распространения 50 плакатов кречётки – птицы года 2006.

В этот день случилось непредвиденное – потерялся Федя Карпов! В Актюбинске он в первый раз, адреса Управления не запомнил и, наблюдая за птицами на улицах города, ушёл в неизвестном направлении. Два часа безрезультатных поисков не на шутку напугали нас с Давыгорой: что делать в таком случае? Не заявлять же в милицию, тем более что у него могло не быть при себе документов, которые вполне могли оказаться в экспедиционной машине. Уже можно было бы покинуть город, а мы всё колесили по его улицам – сначала пешком, а потом – на машине. И совершенно случайно увидели его из окна машины: он потерянно брёл по улице наугад, не зная – в правильном ли направлении он идёт... Надо было видеть, как он обрадовался, когда мы его окликнули! И было это перед ГУВД, куда мы направлялись, чтобы официально заявить о пропаже человека... Здесь, в зелёных насаждениях на улицах, нередко слышно было пение зелёных пеночек (*Phylloscopus trochiloides*), а в одном месте на карагаче у миграционной полиции пел очень грязный самец зяблика (*Fringilla coelebs*) – видимо, задержавшийся на пролёте.

Рис. 906. Отлов птиц паутинной сетью у села Покровка. **Рис. 907.** Самец варакушки там же. 13 июня 2006 г.

В первом лагере, на берегу р. Темир у села Покровка (рис. 906-907), везде пели садовые овсянки (*Emberiza hortulana*), кормившие уже летающих птенцов; варакушки (*Cyanosylvia svecica*), обыкновенные каменки (*Oenanthe oenanthe*), желчные овсянки (*Emberiza bruniceps*).

К вечеру 13 июня мы достигли ур. Темир-Кокжиде, где и разбили 2-й лагерь почти на месте 2003 г. Здесь всё было, как и три года назад: южные соловьи (*Luscinia megarhynchos*) пели всю ночь, а утром к ним присоединились: лазоревка (*Parus caeruleus*), славка-завирушка (*Sylvia curruca halimodendri*), желчная овсянка; изредка слышны были голоса ремезов. В первый же день мы встретили здесь самца лугового чеканчика (*Saxicola rubetra*), а в обрыве нашли гнездо индийского воробья (*Passer indicus*).

Рис. 908-909. Лагерь-2 в долине Темира у Кокжиде среди выбросов гигантского слепыша. 14 июня 2006 г.

Рис. 910. Общий вид с чинка на долину Темира и пески Кокжиде с факелами вдали. 14 июня 2006 г.

Рис. 911 и 912. Река Темир у песков Кокжиде и её низменный правый песчаный берег. 15 июня 2006 г..

Рис. 913 и 914. Кулик-сорока и его гнездо с полной кладкой. Река Темир, 14 июня 2006 г.

Рано утром 15 июня мы с А.В. Давыгорой поехали в пески Кумжарган – отловить загадочную славку-завирушку, не дававшую нам покоя с 2003 года. Уже к 7 час удалось поймать самца, а через полчаса – и самку в ту же паутинку. Осмотр их показал, что по окраске это явные *Sylvia curruca halimodendri*: светло-серый с оливковым оттенком верх, такого же цвета и верх головы. Уздечка не очень тёмная, а над ней – широкая светло-серая бровь. Глаз – орехово-бурый. В целом – типичная славка-завирушка, обитающая в пустыне. Но это не та яркая птица, которую я видел в Уркаче в 2003 г.!! Та была намного темнее (спина) и контрастнее окрашена. Кстати, и песня другая: у сегодняшней она обычна для вида, без свистового вступления (какое было в Уркаче). Вчера в этом же месте я слышал пение 5-6 самцов – и ни одного свистового вступления!

В 9 час начали проведение учёта птиц с самой восточной оконечности леса Жагабулак. Проводили его как бы «перекатами»: мы с Федей идём пешком, а Давыгора на машине проезжает 300-400 м, оставляет её и тоже идёт пешком, учитывая птиц. Дойдя до его машины, мы вызываем его по рации (так мы называли воки-токи, которые мне недавно подарили; эта игрушка здесь пригодилась!). Он снова забрасывает нас вперед на 0.5 км, а сам уезжает ещё на столько же. И таким образом мы провели учёт на 6 участках по 300-400 м длиной – три наших, три – Давыгоры; всего 2 км. Результаты оказались интересными. Больше всего насчитали мы поющих самцов южного соловья (*Luscinia megarhynchos*) – 28 птиц. В четырёх местах пели зяблики (*Fringilla coelebs*), в четырёх – обыкновенные чечевицы (*Carpodacus erythrinus*), в трёх – желчные овсянки (*Emberiza bruniceps*) и большие синицы (*Parus major*). В двух местах встречены выводки лазоревок (*Parus caeruleus*), а в одном – самец обыкновенной горихвостки (*Phoenicurus phoenicurus*).

Рис. 915. Учёт птиц на опушке Жагабулака. Рис. 916. Гнездо могильника. 15 июня 2006 г.

Рис. 917. *Sylvia curruca halimodendri*. Пески Кумжарган. Рис. 918. Спасаясь от мошек. 15 июня 2006 г., полдень.

В лагерь вернулись в полдень, в самую жару, которая вместе с мошками не давала нам покоя до самого вечера. Даже такое простое занятие как изготовление тушек славков из-за этих мошек превратилось в настоящую пытку. Спасаясь от них в речке, я заметил, что над водой мошек нет, и в результате родилась идея – обедать посередине речки! Так и сделали: поставили на мелководье походный столик и стулья. Хоть во время трапезы отдохнули от назойливых соседей (рис. 918).

Зато утром 16 июня мошки около речки просто озверели – еле выпустили нас живыми при выезде в 8³⁰ из долины Темира на чинк. Отсюда мы направились на Шубарши и Кенкиак. В селе Шубарши в колонках воды не оказалось: мотор не качает, так как отключили свет. Кое-как нашли колодец, чтобы пополнить запасы питьевой воды. Точно так же на заправочной станции в с. Кенкиак не оказалось бензина. Пришлось искать частника, который по цене 70 тенге за литр заправил неизвестно чем!!! На маршруте «Шубаркудук – Байганин – Сагиз», проходящем среди сухих белополынных, из-за горячего попутного южного ветра машина наша стала греться. Борясь с этим, наш рулевой Давыгора для охлаждения мотора постоянно включал печку, что ещё добавляло жары в салоне. Но поскольку и это не помогало, то через каждые несколько километров приходилось останавливать машину и разворачивать её «мордой» к ветру, поднимая капот... Несколько часов такой езды изматывают и машину, и людей. К тому же птиц по пути очень мало – два вида каменок (*Oenanthe oenanthe*, *Oe. isabellina*) да желчные овсянки (*Emberiza bruniceps*), вот и всё! Только на станции Шубаркудук, у заправки, попало несколько домовых воробьёв (*Passer domesticus*).

Лишь к вечеру, пройдя 183 км, мы стали лагерем № 3 на р. Кинжалы – в маленькой балочке среди степи. На закате выглянуло солнце, стало светлее, и народ сразу же кинулся купаться. А на берегу этой

крохотной речушки нас приветствовала первая болотная черепаха (*Emys orbicularis*). Вечером выяснилось, что с нашей «Нивой» неполадки, и рано утром Сергей и Анатолий поехали в Шубаркудук за запчастями. Только в 11 час привезли деталь и ещё полчаса её ставили. Так что нам с Федей ещё удалось понаблюдать птиц около речки, куда прилетают на водопой многие жаворонки: с утра прилетали в основном полевые и малые, после 11 час – первая стайка из 7 штук белокрылых и только в 12 час – один степной жаворонок.

Рис. 919-921. На реке Кинжалы: болотная черепаха и её яйцо, 16 июня; в ожидании запчастей, 17 июня 2006 г.

Рис. 922. Кинжалы: ещё полчаса и выезжаем. 17 июня 2006 г. **Рис. 923.** Но и в пути надо подправить...

В полдень 17 июня выехали через Байганин на станцию Сагиз и дальше – по речке Сагиз.

Рис. 924-925. Молодой каспийский зуёк (*Charadrius asiaticus*) в белополынниках у дороги. 17 июня 2006 г.

Дорога на Байганин грунтовая и идёт прямо на юг среди выгоревшей полевой степи-полупустыни, среди которой вскоре появились первые островки караганников. Несмотря на то, что сама дорога плохая, на ней мы встретили очень много интересных птиц. В самое жаркое послеполуденное время (15⁰⁰-15²⁰) в райцентре Байганин мы закупили в магазинах продукты, заправились водой. До ст. Сагиз оставалось 100 км.

На всём этом пути мы вели учёт птиц с машины. Особенно интересно было считать жаворонков и видеть, как в зависимости от смены растительности меняются и количественные соотношения между отдельными видами жаворонков. Вот небольшой пример. За полтора часа (16²⁵-17⁵²) на протяжении 54 км после посёлка Жарлы аул (крупный аул, с многоэтажными зданиями!) среди белополынных я насчитал из машины 69 малых жаворонков (в основном одиночки, но часто – и выводки), 16 степных и 17 белокрылых, а также 8 жаворонков, которых не успел определить до вида (не будешь же останавливать машину, как это делают иностранные туристы!). В конце этого отрезка нашего пути (координаты: 48°19'30.7" с.ш.; 054°59'45.7" в.д.; абс высота – 108 м над уровнем моря) мы встретили первых чернобрюхих рябков (*Pterocles orientalis*) – пару прямо на дороге; здесь же – трёх самцов чёрного жаворонка (*Melanocorypha yeltoniensis*) и одного молодого каспийского зуйка (*Charadrius asiaticus* – рис. 924-925).

Подъехав к речке Сагиз, мы увидели, что стоячая вода её заросла какой-то тиной и водорослями, по берегам – тростник. Вокруг – тамарикс, довольно широкой полосой (но кустарниковый – деревьев не видно). Стали лагерем в 9 км от станции Сагиз, за дамбой в чудном месте, на излучине Сагиза, где рыба выпрыгивает из воды, стремясь попасть в трубу. Здесь Сагиз – маленькая речка (ширина всего 50 м) с тростниковым бордюром по берегам и с зарослями тамариска – местами шириной до 100 м.

Самая ценная орнитологическая встреча в этом месте – колония редкого вида, степной тиркушки (*Glareola nordmanni*) из 50-60 особей, которые волновались около недавно вылетевших птенцов. Однако на следующий день место пришлось сменить – слишком близко от железнодорожной станции, поэтому место оказалось очень людным, особенно в выходной день. Перебрались на 20 км подальше и там вечером 18 июня отметили середину экспедиции (как же быстро пролетела эта неделя!).

Рис. 926-928. Река Сагиз близ ст. Сагиз и первая рыбалка наших орнитологов. 18 июня 2006 г.

Рис. 929. Река Сагиз: пятая стоянка экспедиции. 19 июня 2006 г. **Рис. 930.** Хороший урожай! Уил, 20 июня 2006 г.

Рис. 931-932. Степные дороги: как стрела, 19 июня; разбитый асфальт 16 июня 2006 г (мы перегрелись).

Дальнейший наш путь 19 июня пролегал через с. Сорколь на Миялы – одноэтажный посёлок из стандартных домиков с белыми шиферными крышами. Зелени почти нет – сухие, засушенные карагачи. Очень длительная сиеста в госучреждениях – с 13 до 15 часов не работает почта, банк тоже. В магазинах нет хлеба (пива тоже). После Миялы пошли на запад. Вскоре поднялись на дамбу с зарослями лоха по бокам. Это уже долина Уила и все эти ирригационные сооружения направлены явно на его зарегулирование!!! Это система полива сеяных трав. Красивое место, с деревьями лоха и старыми раскидистыми ивами-ракитами. Вот только состав птиц очень однообразен: два вида каменок – плясунья и обыкновенная (из них преобладает первая) да желчная овсянка, распеваящая в жару.

Вышли на берег Уила – место коровьего водопоя с небольшой лоховой рощицей (рис. 882 и 883), а через километр подыскивали место для лагеря № 6. Река Уил здесь проходит отдельными плесами (или бочагами) диаметром 30-40 м, с узкими протоками воды между ними и куртинами тростника по берегам. Есть небольшие береговые обрывы с норами береговушек и шурок. На берегах – отдельные кусты лоха, даже небольшие деревья (на одном из них – жилое гнездо орла-могильника!). На том же лохе – шаровидное гнездо индийского воробья (*Passer indicus*). А вокруг – высокотравье из софоры, солодки и злаков: мятлика (*Poa pratense*) и ежи сборной (*Dactylus glomerata*).

Рис. 933. Лагерь № 6 на реке Уил. 20 июня. **Рис. 934.** Анатолийская лягушка (*Pelophylax cf. bedriagae*), недавно выделенная из комплекса «зелёных» озёрных лягушек (определение Т.Н. Дуйсебаевой).

Рис. 935 и 936. Гнездо пустынного сорокопута с птенцами, Тайсойган, 20 июня 2006 г., и закат на Уиле.

Орнитофауна здесь поразнообразнее: поют желчные (*Emberiza bruniceps*) и садовые (*Emberiza hortulana*) овсянки, часто слышны голоса ремезов (*Remiz pendulinus*), здесь же – выводки варакушек (*Cyanosylvia svecica*), каменок-плясуний (*Oenanthe isabellina*) и полевых воробьёв (*Passer montanus*), на деревьях – выводок серых ворон (*Corvus cornix*) из 4 птенцов и двух взрослых птиц. Желчных овсянок здесь много. В одном месте я нашёл гнездо в густых зарослях высокой полыни и солодки. От земли всего в 20 см. В гнезде 4 полуоперённых птенца, а по бокам головы ещё торчат пучки пуха. Взятый в руки птенец уже не стал сидеть в гнезде, а за ним выпрыгнули внутрь куста и другие.

Ранним вечером, в 18 час, когда жара уже спала, мы втроём (с Карповым и Давыгорой) проехали в соседние песочки Тайсойган, о которых мне когда-то рассказывал ещё Рудик Кубыкин. Эти волнистые пески полностью и равномерно заросли довольно высокой травой (включая тёмную полынь) и невысоким кустарником, среди которого преобладает жузгун. Было пасмурно и начинал капать дождик. Но до его начала мы успели найти гнездо пустынного сорокопута (*Lanius pallidirostris*) с 5 голыми птенцами и яйцоболтуном (рис. 935). Гнездо помещалось на ветках жузгуна. У старших птенцов едва появились щелки глаз, младшие были ещё слепыми. Обе взрослые птицы держались в 20-30 м от гнезда. В 14 час дождь загнал нас в машину. Через полчаса на небе появилась ярчайшая радуга (рис. 862). Пошли смотреть сорокопута. И снова дождь загнал в машину – ливень с градом!!! А после него – красивая радуга на фоне чёрного неба.

Утром 21 июня мы покинули лагерь № 6 и, проехав снова через Миялы, направились искать село Уил. Направление – на север. Дорога – тряский грейдер, хотя для наблюдения он хорош тем, что приподнят

над окружающей равниной (белопопынники). А вдоль дороги – заросли софоры шириной до 100 м, местами – заросли верблюжьей колючки. К счастью, вскоре перешли на грунтовую дорогу по тонкому слою песка – для езды она намного лучше. Дорога увела в слабо волнистые, почти равнинные песочки, местами покрытые кияком (*Elymus giganteus*) и другой редкой растительностью.

Рис. 937. Наш драйвер и командор. Уил, 21 июня 2006 г.

Рис. 938. Наконец свежий хлеб!!! 21 июня 2006 г.

Рис. 939-940. Разные варианты чиевников: Уил, 20 июня и дальше по дороге, 21 июня 2006 г.

Рис. 941-942. Ещё раз о наших дорогах: разбитых большегрузами, с такими насыпными мостами.

По пути всё так же встречались два вида каменок, да ещё гнездо курганника (*Buteo rufinus*) с гнёздами индийских воробьёв (*Passer indicus*) в его стенках. Дальше пошла какая-то высокотравная степь. Затем – село, довольно большое и озеленено карагачами. Даже американский клён во дворах есть!!! Ещё клён какой-то. Странный мужик около развешанных на заборе (для продажи? Или просушки?) красочных ковров и прочих тряпок. Сказал, что село называется Икенда (хотя в действительности, как оказалось, – Сарбие), мужик явно невменяемый. Больше людей на улицах этого странного села нет – как будто вымерли...

За селом – мощные лесопосадки карагачей!!! Многорядные: 25 параллельных лесополос длиной по 1 км каждая! Получается огромный массив леса, высаженного в направлении с севера на юг, и точно такой же массив – с перпендикулярно направленной посадкой. Кто и когда всё это сажал?..

Рис. 943-944. Единственная пара журавлей-красавок встречена 13 июня 2006 г. в сухой степи у буровой.

Рис. 945. Круглоголовка-вертихвостка (*Phrynocephalus guttatus*), пески Кокжиде у р. Темир, 14 июня 2006 г.

Рис. 946. Степная тиркушка (*Glareola nordmanni*) между сёлами Сарбие и Уил, 21 июня 2006 г.

Рис. 947. Степной орёл (*Aquila nipalensis*) в гнезде на молодом карагаче лесопосадки у с. Уил. 23 июня 2006 г..

Проехав за день 142 км, очередной 7-й лагерь мы разбили за селом Уил, на краю широкого и богатого пойменного леса (ширина поймы не менее 300 м), состоящего из старых ив, тополей, кленов, а на опушке – лоха; рядом подходят пески «Баркын». В пойме всю ночь распевали соловьи, пойманный утром оказался южным соловьём (*Luscinia megarhynchos*). Здесь же летают в степь за кормом дрозды-рябинники (*Turdus pilaris*), в самой пойме – голоса ремезов (*Remiz pendulinus*), песни зябликов (*Fringilla coelebs*) и больших синиц (*Parus major*), садовых овсянок (*Emberiza hortulana*) и обыкновенных чечевиц (*Carpodacus erythrinus*). В паутинную сеть поймали серую мухоловку (*Muscicapa striata*) и ополовника, или долгохвостую синицу (*Aegithalos caudatus*), а утром встретили целый выводок ополовников из 18 птиц.

Утром мы с Давыгорой совершили пешую экскурсию в пески Баркын. Ширина ближайшей к пойменному лесу безлесной части песков – всего около 300-400 м. Это пологие, сглаженные холмы, заросшие злаками и молочаем. Здесь хорошие густые кустарниковые куртины (до 10х15 м), причем не только между буграми, но и на них. В одной из куртин растёт даже редкий тростник. И прямо в этих куртинах среди песков поёт южный соловей (*Luscinia megarhynchos*)! Далее пошли островные сосняки в песках. Это с виду явно не посадки, а куртины леса, растущего среди песчаных бугров, высота которых заметно больше, чем предыдущих. Открытые песчаные участки покрыты редкой злаковой растительностью типа типчака с колосющимися стеблями высотой до 15-20 см. Под соснами – ивняк, а на буграх – жужгун.

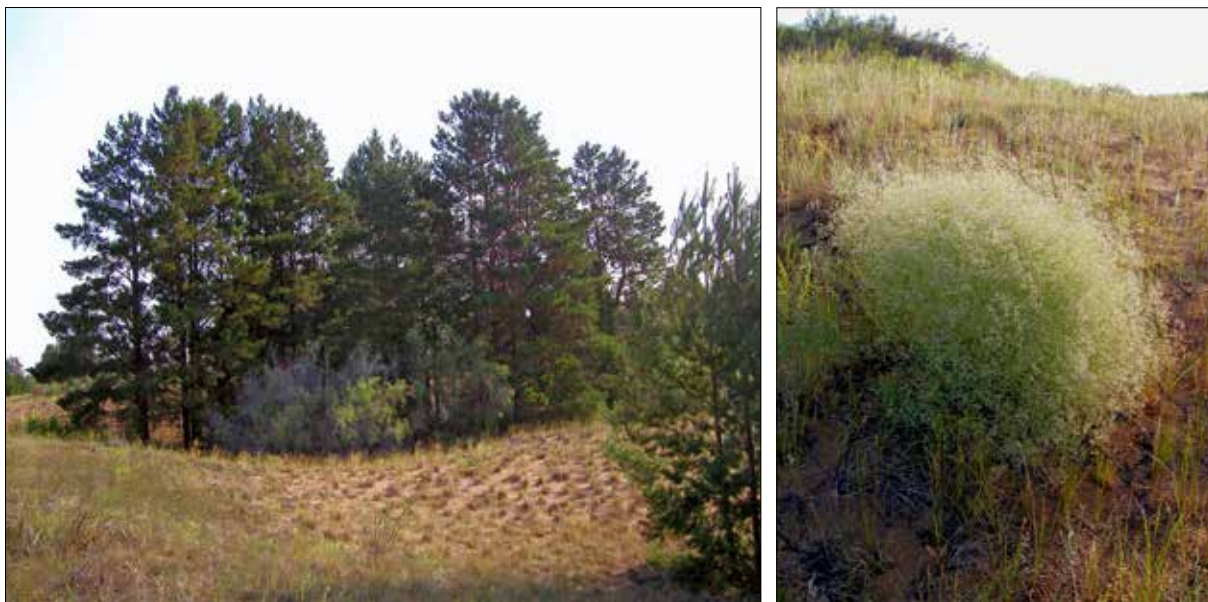

Рис. 948 и 949. В песках Баркын, 22 июня 2006 г.: искусственные посадки сосны и *Gypsophila paniculata*.

Здесь я наконец-то встретил славку-завирушку (*Sylvia curruca*), которую специально искал, – такую же, как в Уркаче! Песня у неё – со свистовым началом и поёт она в кроне сосны!!! В кустах, в 30 м, поёт другой самец. Подошел Анатолий и вместе стали слушать пение. Начало песни – слитное «витвитвитви», с ударением на последнем слоге; иногда песня на этом и обрывается, а иногда следует короткий росчерк, как у зяблика. Но временами песня заканчивается трелькой (видимо, это АД называет «стукоток»). Внешне птица выглядит, как те, которых мы отловили в Кумжаргане, заметен даже буроватый налет на серой спине. Два самца пели, переключаясь, в соседних куртинах сосен, в 20-30 м друг от друга. Держались в кронах сосен и на верхних ветках высокого ивняка, совсем не прячась, а наоборот, как будто рассматривая нас.

Дальше вглубь песков бугры стали выше и круче, куртины сосен – обширнее, сухой тростник есть почти везде на песке. Но местами верхушки песчаных бугров оголены и развеяны ветром. Здесь места гораздо более дикие, а сосняки не кончаются до горизонта. Кроме славок-завирушек, которых мы встретили ещё в двух местах, встретили трёх поющих самцов варакушки (*Cyanosylvia svecica*); издали слышны песни садовых овсянок (*Emberiza hortulana*), а среди сухих веток полусохшей «ползучей» ивы, распластанной на развеваемом бархане, встретили полевого воробья (*Passer montanus*), который явно живёт здесь.

Утром 23 июня мы выехали на Хобду и Бишкопу, в зарудновские места, которые мне давно хотелось посмотреть. По указателю, до села Хобда (бывшая Ново-Алексеевка) – 145 км. Погода стояла ясная, штиль, жара. Путь наш лежал на северо-восток среди великолепной типчаковой степи с хорошим покрытием и жалких карагачевых лесополос, в которых, тем не менее, попадались жилые гнёзда курганников (*Buteo rufinus*) и степных орлов (*Aquila nipalensis*). Из мелких птиц нас повсюду сопровождали обыкновенные

каменки (*Oenanthe oenanthe*) и желчные овсянки (*Emberiza bruniceps*); изредка в лесополосах попадались чернолобые сорокопуть (*Lanius minor*) и полевые воробьи. Жаворонков ни одного не видно и не слышно.

Через 110 км, на водоразделе Уила и Хобды, обстановка стала совсем другая: пошли первые посевы с/х культур и мощные лесополосы. Очень позабавил нас указатель перед селом Калиновка: «Шымкент – 1653 км, Уральск – 350, Актобе – 113 км». А через час мы достигли границы города КОБДА (так и написано – город, а когда-то это было просто село Ново-Алексеевка). Отсюда, выйдя на Уральскую трассу (которую очень хвалили, как образцовую), мы по хорошему асфальту пошли почти прямо на восток. По бокам шоссе – нормальные карагачёвые лесополосы. Переехали речку Терисаккан и ушли вправо, в поисках реки Хобды и села Булак. Здесь – высокотравная степь с полями. Въезжаем в низинку с такой высокой травой, что трудно даже понять – это посевы или дикие злаки (см. рис. 904). Оказалось – высокотравная злаково-разнотравная степь без кустарников. Особенно много цветущего подмаренника и какого-то молочая. Вскоре пошла широкая многорядная лесопосадка, за которой показалось село Булак в долине Большой Хобды. В 5 км от этого села, в излучине Б. Хобды напротив урочища Бишкова, мы и разбили свой последний в эту поездку лагерь № 8, в котором провели два последних дня экспедиции.

Рис. 950. Последний лагерь, р. Б. Хобда, 24 июня 2006 г. **Рис. 951.** Река Б. Хобда и урочище Бишкова.

Рис. 952 и 953. Общий вид долины Б. Хобды со стадом коров и старица с кувшинками. 24 июня 2006 г.

Рис. 954 и 955. Предпоследний день, 24 июня, и орнитологи экспедиции: А.В. Давыгора, А.Ф. Ковшарь, Ф.Ф. Карпов.

Общий вид местности – небольшой плёс стоячей воды, полузаросшей кубышками и кувшинками, а по берегам – тростниковым бордюром. Правый берег, на котором мы поставили палатки, имеет невысокий (около 3 м) береговой обрыв с норами береговых ласточек. Берега местами поросли старыми раскидистыми ивами, а поляны между ними покрыты роскошным высокотравьем.

На противоположном берегу – обширная гарь, окраина выгоревшего урочища Бишкова, столь часто упоминаемого в работах Н.А. Зарудного (1888, 1897). Утром 24 июня Федя с Давыгорой, переправившись на тот берег, ушли на весь день экскурсировать по Бишкепе, а я бродил в окрестностях лагеря и никак не мог отделаться от ощущения, что я нахожусь в знакомых до боли южных местах европейской части России или даже в Украине – настолько спокойно-уютно выглядело это сочетание старых ив на фоне стоячих вод и высокотравных полей с пасущимися на них коровами (не овцами!) ... Птицы здесь также соответствовали той обстановке: варакушки (*Cyanosylvia svecica*), которых оказалось много в тростниково-кустарниковых зарослях по берегам; обыкновенный ремез (*Remiz pendulinus*) зяблик (*Fringilla coelebs*), обыкновенная чечевица (*Carpodacus erythrinus*), садовая овсянка (*Emberiza hortulana*), черноголовый чекан (*Saxicola torquata*).

После захода солнца – вечер сборов и разговоров. Белые барашки на западе переросли в чёрную тучу. С 22 час стали грызть комары, а начавшийся в полночь дождик загнал всех нас в палатку к Давыгоре, где и завершилось прощание с экспедицией...

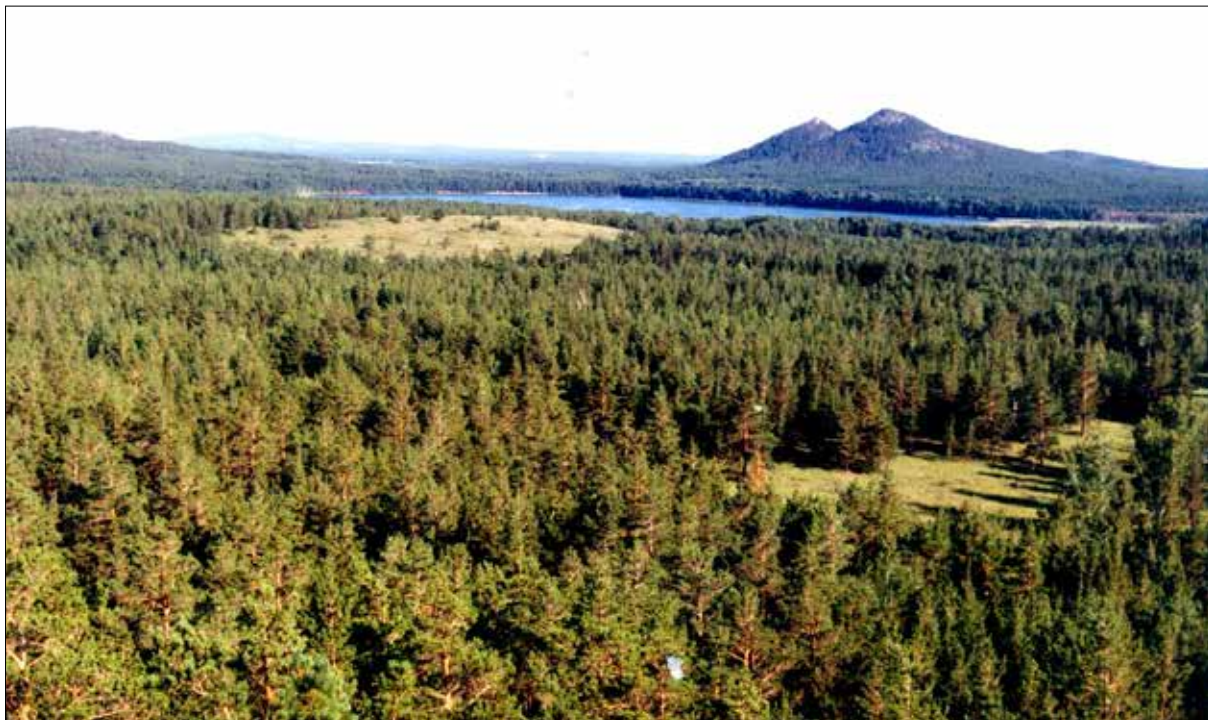
На следующий день 25 июня уже в 11⁻³⁰ утра мы были на окраине города Актюбинск (Актобе). На спидометре машины

Давыгоры – 96 808 км, значит, за две недели мы прошли 1563 км. На этом экспедиция закончена, по крайней мере – наше в ней участие. Да и остальные, высадив нас на железнодорожном вокзале, направились прямо на границу России и по домам. За исключением Сергея с Антоном, которые, высадив Олега и Наталью в Самаре, поедут ещё на несколько дней в Чувашию... Вот такие сказочные две недели провели мы на северо-западе степной зоны Казахстана, получив яркое, незабываемое представление о природе и животном мире этого уникального района – чередования степи, пустыни и лесных участков.

Рис. 956. Закат в первый день экспедиции. Река Темир у села Покровка, 12 июня 2006 г. 22 час 11 мин.

5 января 2024 г. – 14 апреля 2024 г.

19. Леса и озёра Кокшетауской возвышенности (1995, 1996, 1997)

Рис. 957. Озеро Шалкар и гора «Два брата». Национальный парк «Кокше». Июль 1996 г.

Рис. 958. Вид с горы Синюха на перемычку между озёрами Боровое, Б. и М. Чебачье. Июль 1995.

Примерно на широте Кустаная, но на 5-6 градусов восточнее, равнинный рельеф степной зоны сменяет Кокшетауская возвышенность, которая расположена изолированно к северо-западу от основного массива Казахского мелкосопочника (Сарыарки) и состоит из слабо связанных между собой поднятий (водораздел хорошо выражен только в центральной части). Самый высокий северо-восточный массив Бурабай достигает абсолютной высоты 947 м (гора Синюха, или Кокше). Склоны сложенных древними породами (в том числе – гранитами) гор покрыты сосновыми и сосново-берёзовыми лесами (рис. 957, 958), впадины заняты живописными озёрами (Имантау, Зерендинское, Шалкар, Боровое, Щучье, Чебачье и др.). Общая площадь лесов 318.8 тыс. га (пл. Кокчетавской области 79 тыс. км²). На большей части территории области до распахки целины в 50-х гг. XX ст. преобладала ковыльно-разнотравная степь на чернозёмных почвах; на юго-востоке области – ковыльно-типчаковая степь на тёмно-каштановых почвах; под берёзово-осиновыми степными колками развиты солоды, нередко пятна солонцов. Кокшетауская возвышенность – единственное место в Казахстане, где реликтовые сосновые леса растут на сфагновом болоте (Краткая географическая энциклопедия, т. 2, 1961; Казахская ССР, Краткая энциклопедия, том 2, 1988; КАЗАХСТАН, Национальная энциклопедия, том 4, 2006). При таком разнообразии ландшафтных элементов простому человеку трудно назвать эту местность степью – скорее это лесостепь (местами – даже лес) на низкоромном рельефе. Тем более, что до настоящей лесостепи у Петропавловска отсюда – рукой подать...

К сожалению, мне так и не удалось поработать на севере степной зоны Казахстана и в лесостепи, но трижды я посетил эти живописные места (дважды – для отдыха и один раз – на совещании по заповедному делу). А так как бинокль и фотоаппарат всегда со мной, то попутно удалось понаблюдать за птицами и снять на плёнку наиболее характерные и интересные ландшафты этого края.

Три недели в лесах Боровского лесного массива (9-29 июля 1995)

Так случилось, что первая половина 1995 года была занята у меня городскими поездками – от Абу-Даби (Объединённые Арабские Эмираты) до Москвы и Киева; ни разу не удалось выехать в поле. Пришлось цепляться за последнюю соломинку: поехать куда-нибудь в отпуск. Хотелось посмотреть север Казахстана, где я ни разу не был. И я воспользовался приглашением Григория Михайловича Мордвинцева, одного из самых активных работников Кокчетавского областного управления экологии. С ним мы познакомились зимой в Верховном Совете, на одном из заседаний рабочей группы по выработке проекта Закона об охраняемых природных территориях. Мне очень понравились его смелые речи о создании национального парка в удивительных по красоте Кокчетавских горах и лесах. Уезжая, он пригласил посетить их края.

Теперь он сразу же откликнулся на моё письмо и обещал встретить и устроить на жилье в окрестностях знаменитого озера Боровое. Так он и сделал. Три недели, проведенные в стороне от курортной толчеи, в маленьком селе в 2 км от берега озера, с ежедневным купанием и экскурсиями по окрестным лесам, вылечили от городских передрыг и оставили самые лучшие воспоминания. А попутные наблюдения за птицами я опубликовал в «Русском орнитологическом журнале» (Ковшарь, 1996).

Рис. 959 и 960. Оз. Боровое (Бурабай), справа – скала Окжетпес и гора Синюха (Кокше) Июль 1995 г.

Рис. 961 и 962. Березняк у озера Бурабай и старый сосновый лес на равнине. Боровое. Июль 1995 г.

Северная половина Казахстана в орнитологическом отношении изучена намного слабее, чем южная. Наименее исследована авифауна Кокчетавщины. Основу наших знаний о птицах этого края составляли две статьи Б.К. Штегмана (1934, 1953), написанные по материалам экспедиции 1932 г. В 50-х гг. здесь побывал И.А. Долгушин, а в 60-х гг. – М.Н. Корелов, не оставившие по этому месту специальных публикаций, а после них никто из профессиональных орнитологов здесь не работал. И наряду с публикациями Б.К. Штегмана для написания видовых очерков птиц 3-5 томов сводки «Птицы Казахстана» (1970-1974) мы широко пользовались присланными Игорю Александровичу Долгушину наблюдениями учителя зоологии Зерендинской средней школы Аркадия Ильича Маракшина, прожившего в Зеренде более 30 лет (умер в 1993 г.), а по птицам окрестностей озера Боровое – от уроженца этих мест, охотоведа и таксидермиста Николая Петровича Чеснокова, который экскурсировал здесь до конца 1960-х гг. (после этого 20 лет работал в Акмолинской области). И для меня было приятной неожиданностью встретить его здесь в Музее природы и познакомиться с ним лично (рис. 963).

Рис. 963. С Н.П. Чесноковым и директором Музея природы лесхоза В.В. Степановым, Щучинск, июль 1995 г.

Рис. 964. Вид на озеро Большое Чебачье с вершины горы Синоха (Кокше). Июль 1995 г.

Рис. 965. Море хвойного леса. Боровое, июль 1995. **Рис. 966.** Протока среди тростников, июль 1995.

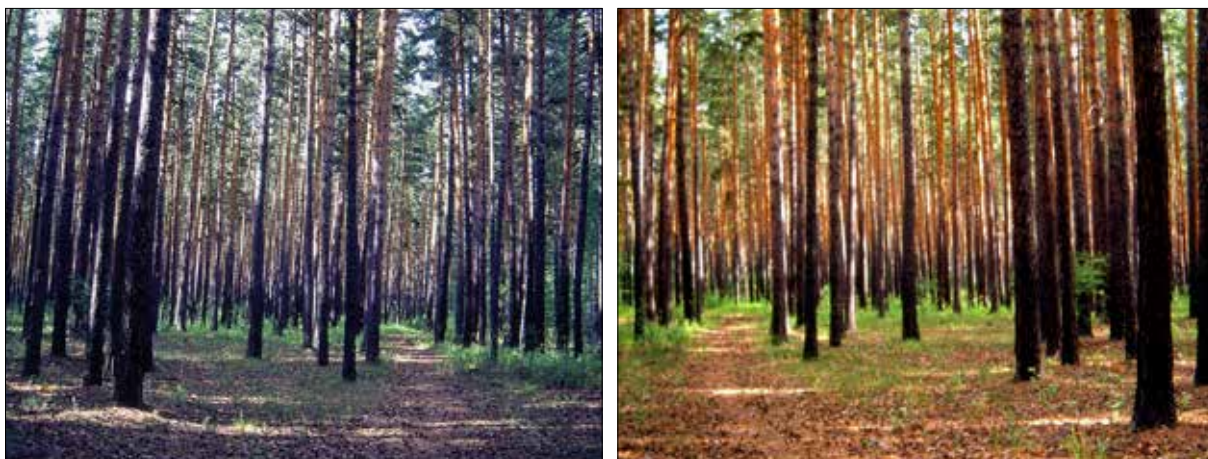

Рис. 967 и 968. Спелый сосновый бор при разных условиях освещения. Боровое, июль 1995 г.

Три недели наслаждался я этой сказочной красотой. Основные пешеходные экскурсии были в треугольнике: совхоз Окжетпес – село Воробьёвка – Детский санаторий. Кроме того, 25 июля вместе с Ж.Ж. Касымовым и Ж.Т. Темирхановым (рис. 972) мы совершили автомобильную поездку по маршруту: Боровое – Кокчетав – Зеренда – Щучинск – Боровое. Проводя пешеходные учёты численности птиц по 5-минутным интервалам, за суммарное время 53 часа таких учётов (33 часа в сосновых лесах и 20 час в берёзовых), удалось насчитать 756 особей птиц, относящихся к 53 видам. Из них в сосновом лесу – 303 птицы 28 видов (в среднем 9 особей/час), в берёзовых – 267 птиц 33 видов (13.3 особей/час), на берегах озёр и в населённых пунктах – 186 птиц, относящихся к 20 видам. Интересно, что в сосновых лесах основу орнитологического комплекса составляли синицы-гаички (*Parus montanus*) – на их долю пришлось 41.6% всех встреченных здесь птиц – и чёрные стрижи *Apus apus* (21.8%). Третьей по счёту (субдоминантом) была большая синица (12.5%), но она более тяготеет к смешанным или даже лиственным участкам леса.

В берёзовом лесу основу орнитокомплекса составляли пеночки-теньковки (*Phylloscopus collybitus* – 22.5%) вместе с большой синицей (16.8%), а субдоминантами были гаичка (6%) и зяблик (6%). На озере Боровое господствовали три вида чаек (озёрная, сизая и серебристая – все вместе 54.9%), немало было крякв (13.7%), а на берегах было много белых трясогузок (29.4%). На долю остальных птиц приходилось всего 7%.

В населённых пунктах преобладали серая ворона (32.1%) и сорока (27.4%), тогда как воробьи (домовый и полевой) вместе составили лишь 11.9%. Удивительным было отсутствие скворцов (при наличии здесь скворечников) и деревенских ласточек, хотя это могло объясняться поздними сроками наблюдений – в июле и те, и другие могли уже откочевать с вылетевшим из гнёзд молодым.

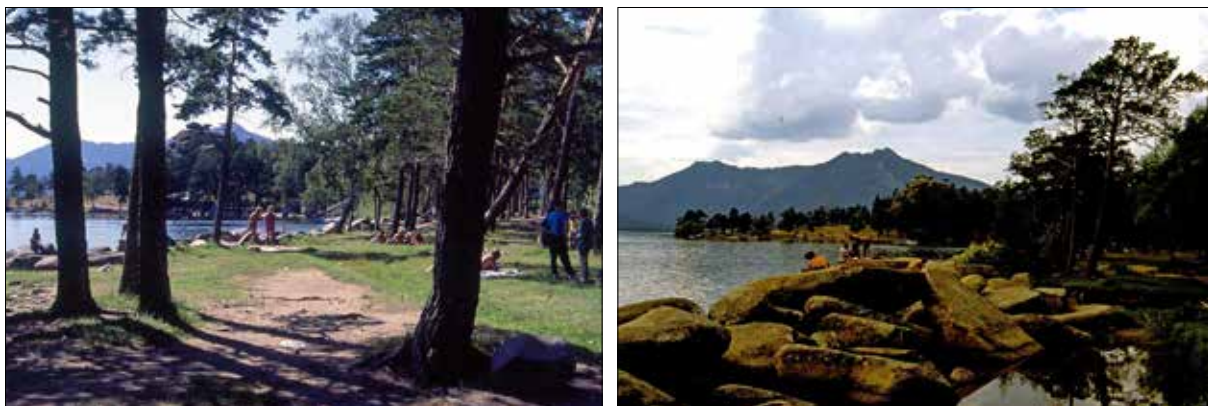

Рис. 969 и 970. Озеро Боровое. Обычный «дикий пляж» и каменный «пляж». Июль 1995 г.

Рис. 971. «Танцующие» берёзы на берегу озера Боровое. Рис. 972. Ж.Ж. Касымов и Ж.Т. Темирханов.

Среди встреченных за эти три недели птиц, относящихся к более чем 70 видам, новых для меня не оказалось, однако некоторых из них я, работая далеко на юге и в других условиях, не видел уже много лет и рад был им как старым добрым знакомым. Таким оказался обыкновенный снегирь (*Pyrrhula pyrrhula*), яркого самца которого удалось увидеть на верхушке берёзы в долинном лесу по ручью Сарыбулак (близ совхоза Окжетпес) утром 16 июля. Такой же приятной неожиданностью оказалась встреча с выводком певчего дрозда (*Turdus philomelos*) и находка гнезда ястреба-тетеревятника 17 июля в сосново-берёзовом лесу между сёлами Окжетпес и Воробьевка. В гнезде этом, устроенном на старой сосне в 20 м от земли, был уже оперённый птенец, заунывно-протяжные крики которого были слышны в лесу за 300-400 м. Интересно было наблюдать за утками-гоголями (*Bucephala clangula*), гнездящихся в искусственных гнездовьях, так называемых гоголятниках, которые специально для них вывешивали лесники на соснах над озером. А всем известная утка-кряква (прародительница многих пород домашних уток) вела себя на пляжах как домашняя птица: вместе с птенцами выходила на берег и собирала крупный песок всего в 15-20 м от людей...

Не менее интересно вспомнить и о тех птицах, которых мне встретить здесь не удалось. Это прежде всего – редкие виды и среди них на первом месте – журавли. Ни серого журавля, ни красавки встретить не удалось, хотя, по словам Н.П. Чеснокова, отдельные пары серых журавлей гнездятся севернее Боровского лесного массива, а также в Зеренде, где около 20 июля встретили пару с тремя (!) птенцами; линные скопления журавлей здесь не известны. Красавки, по словам того же Чеснокова, изредка гнездятся в степной восточной части Кокчетавской области, на границе с Акмолинской. Ни разу не попались мне и такие редкости как стрепет (*Otis tetrax*) и кречётка (*Chettusia gregaria*), которые единично гнездятся севернее Боровских лесов, в 18 км южнее села Щорс, на степных буграх с кустарником среди берёзовых колков.

Интересные сведения удалось узнать о результатах выпусков здесь глухаря (*Tetrao urogallus*). Первые попытки предприняты ещё в 1912 г. (Кузьмина, 1962), когда в Зерендинском лесхозе выпустили 25 особей, привезенных из Новосибирска. По мнению директора лесхоза В.К. Соболева, в 90-х гг. здесь обитало не менее 30 глухарей: в 1994 г. он встретил выводок из 7 птенцов. В Боровском лесхозе в 1964 г., по инициативе В.Ф. Гаврина (1918-1975), выпустили 17 глухарей, отловленных в лесах Кировской области России (ныне – Вятка). Впоследствии сюда завозили глухарей из лесов Васюганья (Западная Сибирь). По данным учётов, проводимых лесниками, к 1980 году численность глухарей достигла 500, а к 1985 г. – даже тысячи особей, но к 1991 г. снизилась до 420 птиц. По-видимому, эти данные завышены вследствие экстраполяции на всю территорию сведений, полученных на отдельных токовищах, но сам факт успешной акклиматизации глухаря сомнению не подлежит. Жаль только, что самого глухаря я так и не увидел...

Отдых на озере Шалкар в национальном парке «Кокше» (июль-август 1996)

Причиной моего второго подряд (неслыханное дело!) летнего отпуска послужило чрезвычайное происшествие: полный провал трёхмесячной работы по международному проекту «Совместное разведение (для последующего выпуска в природу) редкого вида птиц дрофы-красотки, или джека (*Otis undulata*)», так удачно начатого в предыдущем 1995 году на основании Договора, подписанного между Казахстаном и

научно-исследовательским центром «NARC» (Объединённые Арабские Эмираты). Об этом я уже писал в своих воспоминаниях «Птицы. Дороги. Люди.» (том 2, 2014, с. 62-63). Вот краткая выжимка из главы этой книги, показывающая нравы того переходного времени, «лихих 90-х».

Большую часть лета 1996 г. мне пришлось провести в городе и вспоминается это время как сплошной трёхмесячный кошмар. Пока наши орнитологи вместе с приехавшими из Эмиратов орнитологами НАРК работали в Таукумах, проводя там учёты численности джеков и поиски их гнёзд для сбора яиц, я бегал по кабинетам Министерства экологии и Дома Правительства РК, составляя и подписывая необходимые письма и документы; встречал и провожал эмиссаров NARC, с которыми на два дня (9-10 мая) даже выехал в Таукумы... А высокопоставленные чиновники выдвигали перед арабами всё нарастающие финансовые требования частного плана, руководствуясь принципом: «у арабов денег – куры не клюют, значит, надо выжать из них всё, что только можно». Время уходило, из собранных из гнёзд яиц джека в полевых инкубаторах начали появляться первые птенцы! Этим не преминули воспользоваться чиновники: когда представители «NARC» в конечном счёте отказались удовлетворять слишком уж возросшие их аппетиты, они заявили, что разрешение правительства касалось вывоза в лабораторию «NARC» *только яиц*, а вылупившиеся в инкубаторах птенцы – это уже браконьерство! Сразу же были составлены акты о браконьерстве, 8 успешных вылупиться птенцов были отобраны и торжественно, с большой помпой в присутствии представителей прессы переданы в Алматинский зоопарк, хотя я официально предупреждал, что этого делать нельзя – они там не выживут. Так и случилось: через неделю птенцы исчезли, официальная версия: их съели забравшиеся в открытый вольер домашние коты... Так была сорвана вся трёхмесячная экспедиционная работа целого международного научного отряда...

Стресс от всего происшедшего был настолько сильным, что его не развеяла даже поездка в Ташкент на оппонирование докторской диссертации Эльмурада Шерназарова (Институт зоологии РУз). Пришлось снова воспользоваться приглашением Григория Михайловича Мордвинцева, который на сей раз звал в своё долгожданное, только что созданное детище – национальный парк «Кокше» в Кокчетавской области. Взяв очередной трудовой отпуск, 20 дней – с 19 июля по 9 августа – я провёл на красивейшем озере Шалкар, в кемпинге «Турпан», которым заведовал Александр Николаевич Коверга. Вместе с ним и Мордвинцевым мы посетили ещё два замечательных озера – Зеренда и Имантау (рис. 997-999, 1000-1001).

В кемпинге «Турпан» мне особенно запомнилось использование для кострищ старых дисков от автомобильных колёс. По диаметру к ним приваривались два параллельных металлических прута, которые выдерживали чайник и кастрюлю, – и очаг готов (рис. 981). Такие оборудованные диски были около каждого домика, в которых проживали отдыхающие. С учётом того, что всё это располагалось в сосновом лесу, где пожарная опасность всегда высокая, подобная мера предосторожности была очень кстати.

Это был настоящий летний отдых с купанием и прогулками – второй раз за много лет. Даже птицы не отвлекали от этого отдыха, по той простой причине, что их здесь почти не было. Зато ягод и грибов оказалось сколько угодно, а в удивительно красивом озере Шалкар (рис. 973, 974) – пелядь и рипус, которых местные рыбаки почти ежедневно привозили в кемпинг на продажу. Деликатес высшей степени...

Рис. 973 и 974. Озеро Шалкар и окружающие его сосновые леса. ГНПП «Кокше», июль 1996 г.

Рис. 975 и 976. Берег озера Шалкар на территории кемпинга «Турпан» – каменистый и песчаный.

Рис. 977 и 978. В кемпинге «Турпан» в ясный солнечный полдень. Июль 1996 г.

Рис. 979. Водные процедуры, загар **Рис. 980.** Бойкая торговля к вечеру. **Рис. 981.** Ужин на чудо-костре.

Рис. 982. Лес на матрасевидных гранитах. Шалкар. **Рис. 983.** Молодой сосновый бор в долине. Там же.

Рис. 984. Заросли папоротника в березняке. Шалкар.

Рис. 985. Мохово-лишайниковый хвойный лес.

Рис. 986. Родник в степи в долине озера Шалкар.

Рис. 987. Чайки над озером Шалкар в ветренную погоду.

Рис. 988 и 989. Залив озера Шалкар у санатория «Шахтёр» и здание санатория вблизи. Июль 1966 г.

Рис. 990. Фрагмент росписи стен санатория «Шахтёр».

Рис. 991. Работники ПРООН в кемпинге «Турпан».

Рис. 992. Обнажённые корни сосны на песке. **Рис. 993.** Мордвинцев готовит уху на чудо-костре.

Рис. 994. Папоротник при вечернем освещении. **Рис. 995.** Закат при тихой погоде на озере Шалкар.

Рис. 996-997. А.Н. Коверга (за рулём) и Г.М. Мордвинцев (крайний справа) у Зерендинского озера.

Рис. 998-999. Зерендинское лесничество (административное здание) и наш лагерь в сосновом бору.

Рис. 1000 и 1001. На берегу Имантавского озера с А.Н. Ковергой, Г.М. Мордвинцевым и видеокамерой.

Семинар по заповедному делу в ГНПП «Кокше» (осень 1997)

С 30 сентября по 2 октября 1997 г. я опять побывал в национальном парке «Кокше», где проходил семинар по заповедникам Казахстана. Кроме сотрудников заповедников и национальных парков здесь собралось немало специалистов из академических учреждений и вузов – зоологи, ботаники, географы.

Рис. 1002. Участники семинара по заповедному делу. ГНПП «Кокше», сан. «Шахтёр», 1 октября 1997 г.

В течение трёх дней в прекрасном здании санатория «Шахтёр», принадлежавшего когда-то одному из крупных заводов, шёл откровенный разговор о состоянии наших охраняемых территорий, их нуждах и возможностях существования (а не прозябания) в новых экономических условиях.

Здесь предельно чётко проявились различия между сотрудниками заповедников, для которых ООПТ – не просто красивая и непонятная аббревиатура, а вся их жизнь (как это было и у меня в 60-х гг.), и теми, кто на этой модной теме произносил красивые призывные речи и готовился баллотироваться в депутаты, а то и в президенты... Здесь мне пришлось более близко познакомиться с одним из таких представителей элиты Мэлсом Елеусизовым, руководителем общественного объединения «Табиғат», и составить себе

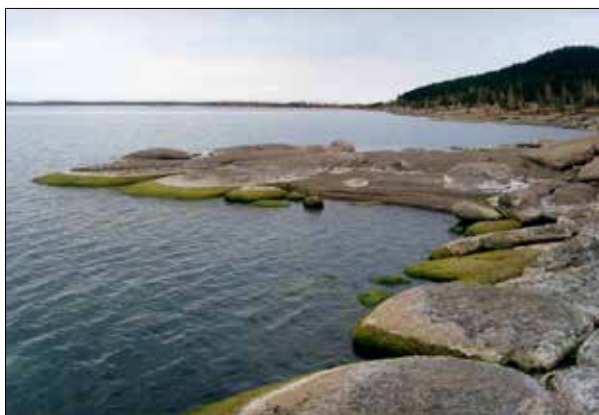
правильное представление о политической составляющей ставшей теперь столь модной экологии. Лучше познакомились мы и с профессором Айтхажой Бигалиевичем Бигалиевым, бывшим ректором Карагандинского университета, перешедшим заведовать кафедрой в КазГУ. Даже купались в озере Шалкар вечером при луне, и он, к моему немалому удивлению, сумел сфотографировать это скрытой камерой...

Рис. 1003 и 1004. А.Н. Коверга, Г.М. Мордвинцев и др.; мы с Майей Хажетдиновной Шигаевой. 1 октября.

Рис. 1005. Уборка мусора. 2 октября. **Рис. 1006.** В берёзовом лесу осенью. 2 октября.

Рис. 1007 и 1008. Осень на берегу озера Шалкар и на опушке соснового леса. 2 октября 1997 г.

Рис. 1009 и 1010. На экскурсии в окрестностях ГНПП «Кокше» в местах раскопок. 2 октября 1997 г.

В последний день наших занятий мы провели всеобщий субботник по уборке от мусора одной горки на берегу озера Шелкар, где проходил интенсивный маршрут туристов. Очень внушительной оказалась собранная куча отходов! А потом – прекрасная сауна на берегу озера – и снова купание в озере при луне ...

Меня всё время тянуло на «старое пепелище» в кемпинг «Турпан», где я провёл конец лета прошлого года. Выбрав время после обеда, я самовольно ушёл в лес и направился по знакомым местам вдоль берега (год назад я приходил к этому санаторию, расположенному в нескольких километрах).

Несмотря на красоту осеннего леса, картина была довольно грустной: места обезлюдели, и даже около наших финских домиков лишь сиротливо валялись автомобильные диски, предназначенные для кострищ. Правильно говорят, что не стоит возвращаться в те места, где тебе когда-то было хорошо...

Незабываемой оказалась однодневная поездка по степям на родину Аблайхана (рис. 1011-1018).

Рис. 1011-1012. Берег степной речки и овраг в степи немного южнее ГНПП «Кокше». 3 октября 1997 г.

Рис. 1013-1014. Осенняя степь и лесные колки на родине Аблайхана. 3 октября 1997 г.

Рис. 1015-1016. Лесные колки на родине Аблайхана вблизи. 3 октября 1997 г.

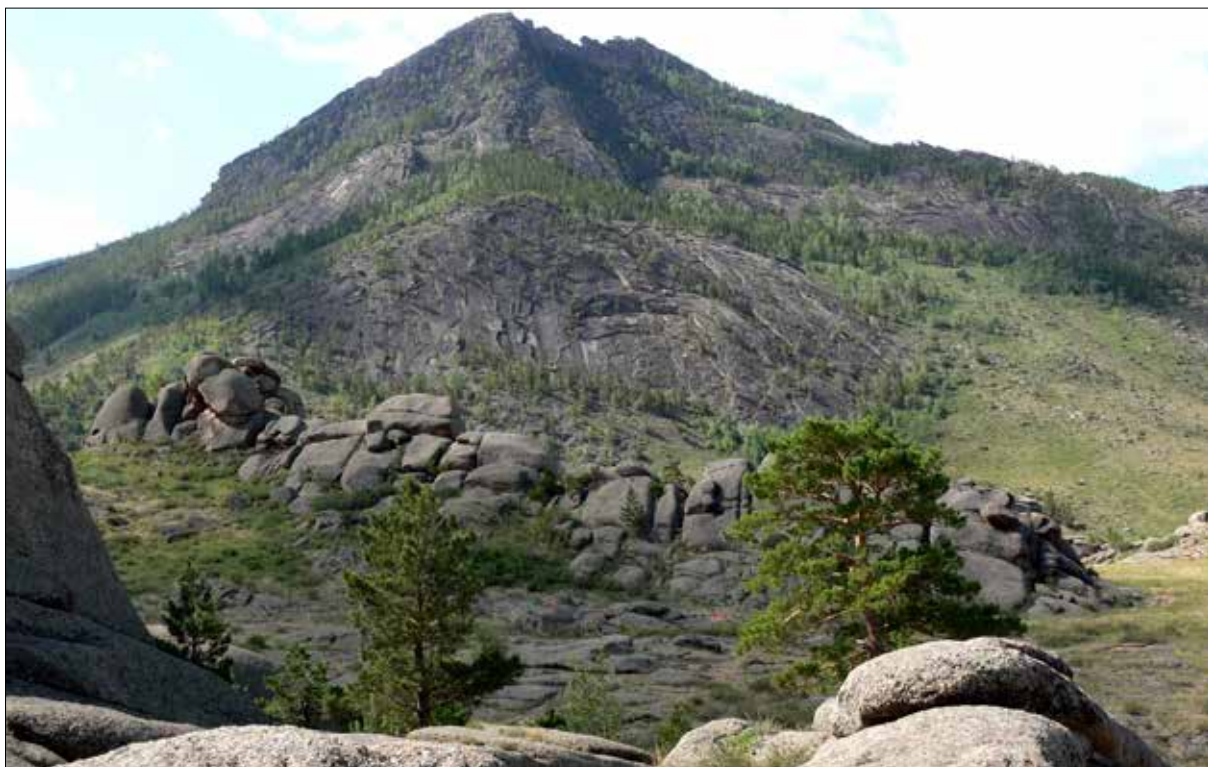

Рис. 1017-1018. Обед в лесном колке в 300 м от Усадьбы-Музея Аблайхана (видна). 3 октября 1997 г.

9 января – 14 апреля 2024 г.

20. Баянаул – жемчужина Сарыарки (1982, 2008)

Рис. 1019. Северный склон гор Баянаул над озером Торайгыр. 12 июня 2008 г.

Рис. 1020. Северный склон горы Аиртас и березняк в районе озера Биржанколь. 10 июня 2008 г.

Сарыарка (в переводе с казахского «жёлтый хребет») – так называют в народе обширную территорию Казахского мелкосопочника (синоним в старых работах – Центрально-Казахстанское нагорье), который занимает значительную часть восточной половины Казахстана. Вот справка из Краткой энциклопедии «Казахская ССР», том 2 (1988): «САРЫАРКА, Казахский мелкосопочник, физико-географическая страна, занимающая центральную и восточную часть терр. республики. Расположена между Зап.-Сиб. равниной на севере, плато Бетпақдала и оз. Балхаш на юге. На западе примыкает к Тургайскому плато. На востоке граница проходит от СВ оконечности оз. Балхаш к предгорьям Тарбағатай и далее по окраине Зайсанской котловины и по р. Иртыш... Протяжённость с запада на восток около 1200 км. Ширина западной части свыше 900 км, восточной – около 400 км, площадь около 1 млн км². Сарыарка представляет собой возвышенную равнину с отдельными низкорными массивами, холмами, грядами и скалистыми сопками. Западная часть более низкая (средняя абс. высота 300-350 м), отличается значительной выровненностью рельефа и имеет только 2 низкорных массива: Улытау (1113 м) на западе и Кокшетау (947 м) на севере. На востоке эта часть заканчивается широкой почти меридиональной равниной, в пределах которой находится Тенгиз-Кургальджинская впадина и долина р. Сарысу. Наиболее обширная восточная часть приподнята (средние абс. выс. 500-1000 м) и характеризуется более расчленённым рельефом. В средней её полосе возвышаются отдельные низкорные массивы, образующие Балхаш-Иртышский водораздел: Каркаралинские (1403 м), Кызыларай (1565 м), Чингизтау (1305 м) и др. в окружении мелкосопочников и денудационных равнин» (Том 2, 1988, с. 448).

Баянаульские горы в этом же томе характеризуются так: «БАЯНАУЛ, массив низкорных в Баянаульском районе Павлодарской обл., в сев.-вост. части *Сарыарки*. Протяжённость с запада на восток 40-50 км, а с севера на юг 20-25 км. От основного массива в разные стороны, постепенно понижаясь, расходятся отроги. Абс. выс. – 1027 м над уровнем моря (гора Акбет). Складчатый цоколь Баянаульских гор прорван герцинскими интрузиями гранитов и новейшими тектоническими процессами поднят на сотни метров... В межгорных впадинах лежат озёра (Жасыбай, Сабындыколь, Торайгыр). На голых трещиновато-глыбистых гранитах растут сосновые, берёзово-осиновые леса, сменяемые редколесьями и чередующиеся с ковыльными, ковыльно-разнотравными степями на тёмно-каштановых почвах или чернозёмах. Для Б.Г. характерны причудливые формы рельефа, памятниками неживой природы являются гранитные массивы «Каменная голова», «Баба-Яга», «Голубь» и др. На берегах озёр расположены дома отдыха и пионерские лагеря. У оз. Торайгыр находится могила С. Торайгырова (1893-1920), одного из основоположников казахской литературы. Баянаульские горы являются важным туристическим и курортным объектом» (1988, с. 105).

К этому стоило бы добавить, что Баянаул – родина крупного учёного-геолога с мировым именем Каныша Имантаевича Сатпаева (1899-1964) – основоположника школы металлогении в Казахстане, первооткрывателя многих подземных минеральных богатств Казахстана, первого президента Академии наук Казахской ССР. В посёлке Баянаул создан мемориальный музей К.И. Сатпаева.

Естественно, что такое красивое место, богатое природными и историческими памятниками, не могло остаться без внимания учёных и общественности. Именно здесь в 1985 году был создан первый в Казахстане национальный парк (площадь 68 452,8 га). Природа его описана в томе «Национальные парки и заказники» (М.: «Мысль», 1991), из серии книг «Заповедники СССР», очерк написали авторы научного обоснования по его созданию (Эйдинов, Голощапов, Русманова, 1991). Следующие национальные парки (сразу три!) – Иле-Алатауский, Алтын-Эмель и Кокшетау – появились в Казахстане только через 11 лет (в 1996 г.). А к настоящему времени (2024 г.) в Казахстане их уже 14 на общей площади 2 млн. 727 тыс. 282 га.

Первое знакомство с Баянаулом (июнь 1982)

Вернувшись в последних числах мая 1982 г. из пустыни Сарыишкитрау, в июне я участвовал в выездном заседании Научного Совета «Животный мир Казахстана», проходившем на этот раз на базе педагогического института в городе Павлодар. Сам город, расположившийся на высоком берегу Иртыша, оказался небольшим, но очень чистым, ухоженным. Местные зоологи сказали, что так у них стало совсем недавно, а тем более сегодня пятница – «день Штирлица»! Оказывается, назначенный недавно первым секретарём обкома партии Исаев (однофамилец знаменитого Штирлица) ввёл трудовую повинность: каждую пятницу все служащие города выходили на улицы и подметали их, убирая мусор...

На заседаниях Совета, на которых присутствовали руководители города и области, много говорили о необходимости сохранения знаменитого палеонтологического памятника «Гусиный перелёт»,

находящегося на берегу Иртыша прямо в центре города, и весь состав Совета вывозили на место, где специалисты Института зоологии докладывали о том, как лучше всего не только сохранить это уникальное место, но и превратить его в музей под открытым небом. А по ночам в закрытой обкомовской гостинице, находившейся за высоким каменным забором на территории одного из заводов, страсти накалялись уже за бильярдным столом, с кружкой пива или пиалой кумыса – умели же наши боссы работать и отдыхать!

Рис. 1021-1022. Члены Научного Совета на берегах озера Торайгыр, июнь 1982 г. Сидят слева направо Е.И. Страутман, Л.Т. Абдрахманова, Р.Б. Асанова (крайняя справа). Стоят слева направо: А.Б. Бекенов, Т.Н. Досжанов, К.У. Базарбеков, В.Я. Панин, А.Ф. Ковшарь. За Страутманом и Абдрахмановой (в майке) – Э.И. Прядко. *Фото из архива автора*

После окончания официальной части состоялся выезд в будущий национальный парк «Баянаул» – красивейшее место (рис. 1021-1022), о котором я раньше много слышал, в т.ч. и на заседании комиссии «Научные основы заповедного дела», где Ю.И. Эйдинов и Г.В. Голошапов докладывали технико-экономическое обоснование (ТЭО) его создания, а попал сюда впервые. Этот национальный парк, создание которого планировалось на 1983 год (Быков и др., 1982), в 1985 г. был всё-таки создан. Но только через 25 лет после первого посещения мне удастся недельку поработать в этом интересном месте.

Прекрасная неделя в Баянаульских горах (7-15 июня 2008)

Для человека, много лет проводящего каждое лето в поле (неважно – горы это или пустыня), остаться летом в жарком душном городе – сущее наказание. Поэтому я с такой радостью ухватился за приглашение Бибигуль Калдыбековны Жумабековой из Павлодарского университета принять участие в конференции «Вода – источник жизни» и провести для студентов и преподавателей мастер-классы по методике полевых наблюдений за птицами, амфибиями и рептилиями – с последующим выездом с ними на студенческую практику в Баянаульский национальный парк.

Быстренько приготовив презентации для проведения мастер-классов, мы с Мариной Чириковой уже 5 июня поездом выехали из Алма-Аты. Как будто и не было никаких кардиологических неурядиц, имевших место меньше месяца назад на Большом Алматинском озере, откуда меня прямиком доставили в руки к эскулапам, которые предписали строгий режим без физических нагрузок. На этот раз все предписанные кардиологами лекарства я взял с собой, дав себе слово принимать их регулярно.

В Павлодар мы прибыли 7 июня и, разделавшись за два дня с лекциями по методикам, утром 9 июня уже выехали со студентами в Баянаул. Надо сказать, что сам город за те 19 лет, что я его не видел, заметно похорошел, особенно в районе высокой набережной, откуда открывается прекрасный вид на Иртыш и его долину. Но мне вполне хватило одного вечера в городе, чтобы с нетерпением ждать выезда в тот самый Баянаул, где я когда-то всего два или три часа был на берегу озера и с тех пор мечтал попасть туда вновь.

Рис. 1023-1026. Город Павлодар: городской пляж на берегу Иртыша, жилой массив с церковью на окраине города, здание Павлодарского педагогического института и прекрасная мечеть в центре города. 8 июня 2008 г.

Дорога от Павлодара до места ежегодной практики студентов заняла 5 часов. Уже в полдень мы разбили лагерь на южном берегу озера Биржанколь в 1 км от одноименного села [50° 49'05.9" с.ш.; 075° 20'25.9" в.д.; абсолютная высота 388 м]. Получился целый палаточный городок, так как со студентами, которых было человек 30, выехали также преподаватели: Бибигуль Жумабекова, Ербол Маратович (декан), Наталья Петровна, Сергей Титов, Асель, Даулет Ибраев, Диана. Кроме того, с нами выехала группа немецких энтомологов, уже не первый год приезжающих сюда для сбора насекомых.

Озеро расположено в открытой местности у подножья невысоких гор. Каменные гряды сопков высотой 100-200 м тянутся как бы полукольцом вдали, на них видны сосны. Между грядами – всхолмленная местность. Бугры заняты матрацевидными гранитами с причудливыми формами выветривания и редкими корявыми соснами, растущими как на камнях, так и на сухостепных участках между ними, покрытых кустарником спиреи зверобоелистной (*Spiraea hypericifolia*); понижения между буграми заняты высокотравной луговой растительностью (сочная тёмная зелень!), в самых низких местах – березово-ивовые колки. Одно из таких обширных понижений занято озером Биржанколь длиной около 2 км и шириной около 1 км. Сейчас озеро значительно усохло по сравнению с предыдущими годами и имеет размеры 1 x 0.7 км.

Место для лагеря, на котором ежегодно студенты проходят практику, выбрано с большим вкусом. К югу – панорама самих гор с причудливо изогнутыми вершинами (особенно выделяется Аиртас), вблизи лагеря – холмы с матрацевидными гранитами, на которых растут корявые сосны, а в сырых понижениях между холмами – ленточные березняки. На севере, через озеро – видно село Биржанколь, которое вместе с окружающими его холмами картинно отражается в зеркальных водах озера. Даже то, что место лагеря и село разделяет само озеро, одинаково устраивает и сельчан, и студентов.

Рис. 1027-1029. Озеро Биржанколь в облаках и на рассвете и наш лагерь на его берегу. 9 и 10 июня 2008 г.

Птиц здесь, по первому впечатлению, совсем не много. Над водой летают пары хохотуний (*Larus cachinnans*), которые изредка улетают к селу за кормом. На берегах также парами держатся чибисы (*Vanellus vanellus*) и травники (*Tringa totanus*). В нескольких местах поют садовые овсянки (*Emberiza hortulana*), нередко слышен «бой» перепела (*Coturnix coturnix*) и песни полевого конька (*Anthus campestris*), с камня на камень перелетают обыкновенные каменки (*Oenanthe oenanthe*).

Рис. 1030. Пара чаек-хохотуний на озере около гнезда. Рис. 1031. Розовые скворцы на проводах в селе.

Рис. 1032-1033. Розовые скворцы с кормом для птенцов на колонии в с. Биржанколь. Июнь 2008 г.

Рис. 1034-1035. Садовая овсянка насиживает кладку из четырёх яиц. 10 июня 2008 г.

Однако за пару дней экскурсий вокруг озера и в его окрестностях удалось увидеть серую цаплю (*Ardea cinerea*), огаря (*Tadorna ferruginea*), большого веретенника (*Limosa limosa*), журавля-красавку (*Anthropoides virgo*), речную крачку (*Sterna hirundo*) и трёх черноголовых хохотунов (*Larus ichthyaetus*). В густых зарослях кизильника и таволги около крупного камня в лагере пела северная бормотушка (*Hippolais caligata*), песня

которой показалась мне более звонкой и мелодичной, чем у привычной по нашим южным местам *Hippolais rama*. На открытых степных участках часто слышны песни полевого жаворонка (*Alauda arvensis*), реже – перепела, а из берёзово-ивовых колков – обыкновенной чечевицы (*Carpodacus erythrinus*).

В стенках мазар и пустотах полуразрушенных старых могил местного кладбища обосновалась большая, около тысячи птиц, колония розовых скворцов (рис. 1032), в некоторых гнёздах видны птенцы, а в некоторых – ещё яйца. На каменистых склонах с редкими сосняками чаще других птиц встречались галки (*Corvus monedula*), образовавшие две небольшие колонии в скалах; отдельными парами – серые вороны и сороки; на открытых каменистых участках – каменки обыкновенные (*Oenanthe oenanthe*) и плешанки (*Oenanthe pleschanka*), а среди кустиков спиреи между камнями я вспугнул выводок серых куропаток (*Perdix perdix*) – удалось увидеть пять пуховичков, которых опекали оба родителя. Тут же улетал от пары наседующих ворон степной дербник (*Aesalon columbarius*) – бледный, с очень светлым серым верхом, а близ скал точно так же галки гоняли обыкновенную пустельгу (*Falco tinnunculus*). По одному разу встречены поющие самцы красноухой (*Emberiza cioides*) и скалистой (*Emberiza buchanani*) овсянок. В одном из берёзовых колков встретила какая-то не совсем обычная славка-завирушка (*Sylvia curruca*). В течение получаса она перемещалась в верхних частях крон густо растущих берёз с коротким булькающим отрывком песни, очень напоминающим напористый «бой» зяблика или запевку лесного конька. Рассмотреть её на фоне неба толком не удалось, но при перелётах с ветки на ветку видно было, что это мелкая славка.

Рис. 1036-1039. Матрацевидные граниты с отдельными соснами в горах у озера Биржанколь. 11 июня.

Увлёкшись экскурсиями, я как-то совсем забыл о своём новом «режиме», перестал вовремя пить таблетки или отдыхать на маршруте. И тут же был наказан разыгравшейся не на шутку аритмией. Сам

удивился, как быстро, буквально на глазах, превратился просто в развалину: утром из лагеря направлялся в сторону манящей горы Аиртас полным сил и надежд, что удастся увидеть что-то новое, необычное, а в полдень не мог одолеть оставшихся до лагеря 2-3 км пути и через каждые 20-30 м садился отдыхать.

Не знаю, чем бы это закончилось, не будь рядом Марины. Спокойно, без паники, она заставила меня покусать кончики пальцев с ногтями, затем нашла на руках какие-то болевые точки, воздействовала на них нажатием, а под конец растерла мне ладони, пока они не стали горячими. Постепенно придя в себя (рис. 1042) и испытывая жгучий стыд за свою слабость, я доплёлся до лагеря, где отлёживался несколько часов. Получив хороший урок, я стал более внимательно относиться к приёму лекарств и следить за собой.

Рис. 1040-1041. Марина и Бибигуль. *Lacerta agilis*.

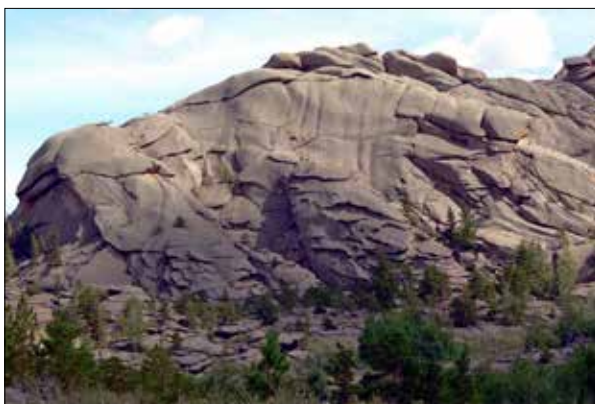
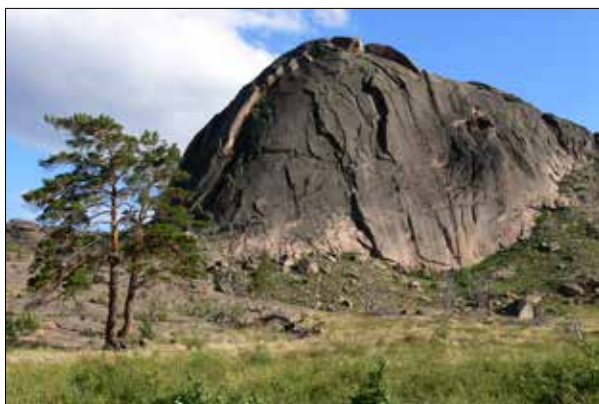
Рис. 1042. Очень удобное кресло, особенно когда донимает сердечная аритмия. Фото М.А. Чуриковой

В один из дней, 12 июня, мы съездили на бортовом УАЗ'ике (рис. 1043) в село Торайгырово и урочище Кемпертас (рис. 1044). В степи, кроме обычных птиц, видели несколько групп сизых чаек (*Larus canus*) и больших веретенников (*Limosa limosa*). На восточной оконечности озера Торайгырово, минуя пляжи и скалы, мы поднялись на машине в горы среди матрацевидных гранитов с соснами и кустарниковыми полянами между ними. В одном ущелье – целая роща чёрной ольхи (*Alnus glutinosa*) с небольшим ручейком посередине. Везде самыми многочисленными птицами оказались галки (*Corvus monedula*): они постоянно видны были летящими по 2-5 штук к озеру и обратно, в скалы, к своим колониям. За 3 часа экскурсии мы встретили их, по крайней мере, несколько десятков. На полянах, заросших таволгой (*Spiraea hypericifolia*), пели серые славки (*Sylvia communis*) и славки-завирушки (*Sylvia curruca*), белошапочные овсянки (*Emberiza leucocephala*). В Кемпертасе, уже после полудня, остановились у горы Булка. Здесь у густой рощи-колка – свежестроенная деревянная беседка, где остались Ербол и Даулет, а мы с двумя немцами пошли в гору – вокруг красавицы-горы по имени Булка (рис. 1045-1046).

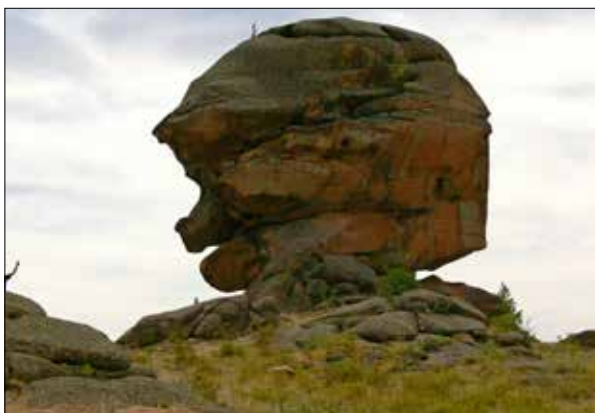

Рис. 1043-1044. По дороге в Кемпертас и само это урочище с берёзовыми колками. 12 июня 2008 г.

Рис. 1045-1046. Знаменитая гора Булка с обычной, лицевой стороны и с обратной. 12 июня 2008 г.

Рис. 1047. Гнездо козодоя. 12 июня. **Рис. 1048.** Скала «Голова», 12 июня 2008 г.

Матрацевидные граниты с соснами, а у подножья – обширный дуг с кустиками. По гранитам пришлось подниматься потихоньку, с частыми передышками, так как аритмия время от времени давала себя знать – только остановки с длительным созерцанием красивых окрестностей заставляли её всё-таки отступать. Когда поднялись на высшую точку перевала, за ним оказалась такая же долина, только более обширная, и в ней на площадке почему-то стоял вертолёт. Очень хотелось спуститься туда, но я прекрасно понимал, что обратный подъём вряд ли одолею. Наградой за правильное решение (вовремя повернуть назад) было гнездо козодоя с кладкой из двух яиц (рис. 1047) и вылетевшей из-под ног самкой.

Рис. 1049-1050. В прекрасном урочище Кемпертас. Полдень 12 июня 2008 г.

Вечером на обратном пути около одной степной лужи встретили широконоску (*Anas clypeata*), пару травников (*Tringa totanus*) и целую стаю из 20 сизых чаек (*Larus canus*).

Следующий день, полностью проведенный в лагере и его окрестностях, без дальних экскурсий, ознаменовался находкой гнезда садовой овсянки (*Emberiza hortulana*) – прямо в лагере, в 40 м от ближайшей палатки (рис. 1034-1035), среди каменистых холмов с редкими кустиками таволги. Гнездо помещалось внутри маленького куста таволги и покоилось в основании его нижних веток. Оно было хорошо укрыто, а его содержимое – 4 голубых яйца – видно только с полуметра. Самка насиживала кладку, а самец пел на кустике таволги в 5 м. Через полчаса после того, как её впервые потревожили, самка уже сидела на кладке, подпустила меня на 5 м и не взлетела при фотографировании гнезда и биотопа (рис. 1034).

Рис. 1051-1052. Черноголовый хохотун в полёте и характерные формы сосен на гранитах. 11 июня 2008 г.

Рис. 1053-1054. Озеро Биржанколь: вечерами в нашем людном кемпинг-лагере. 13 июня 2008 г.

Рис. 1055-1056. Можжевельник казацкий и молодая берёзка между гранитными глыбами. 13 июня 2008г.

Рис. 1057-1058. Растительность сухих щебенистых плакоров и обитатель этих мест – узорчатый полоз.

На самом озере также появились новые обитатели: посередине плавали 5 голубых чернетей (*Aythya ferina*), здесь же опустились на воду два лебедя-шипунa (*Cygnus olor*), а в двух местах – пары чомг (*Podiceps cristatus*), у одной из них – пуховые птенцы. Здесь же – самка чирка-свистунка (*Anas crecca*) с 5 птенцами, уже наполовину оперенными. Вчера вечером 10 гусей (*Anser anser*) клином пролетели над лагерем к югу.

В густом берёзовом колке (рис. 1060), где позавчера пела загадочная птица, я встретил славку-завирушку (*Sylvia curruca*). На том же места, что и позавчера, она копировала песню зяблика: тот же «бой» и даже тот же «росчерк». Поразительно! Чуть было не записал зябликом, но потом она села открыто на голой верхушке березы и запела. Хорошо видно, как раздувается её белое горлышко. Позавчера на этом же месте она многократно исполняла только короткий отрывок из «боя» и тоже держалась в верхней части крон берез. До чего же это похоже на то, что наблюдал я на правом берегу Иртыша в июне 1989 года! Птица достаточно яркая, контрастно выделяется чёрная «уздечка». Поёт на участке 20-30 м – явно местная, гнездовая. Видимо, всё-таки это *Sylvia curruca blythi*.

Рис. 1059-1060. Берёзовый колкок с зарослями ивы и густой березняк во влажной низинке. 14 июня 2008 г.

Здесь же взлетела с гнезда, расположенного в густой кроне крупной березы близ верхушки (8-9 м от земли), крупная самка чеглока (*Falco subbuteo*). Вылетая из густой кроны, она хлопала крыльями, как горлица. Покинула гнездо молча, когда я подошёл под самое дерево. И только через полчаса начала кричать в соседнем колке, где раздавалась токовая песня лесного конька (*Anthus trivialis*) и здесь же славка-завирушка (*Sylvia curruca*) пела на верхушке берёзы нормальную славочью песню! Вообще она несколько раз встречалась именно на верхушках берез и в верхних частях их крон, где она не только поёт, но и кормится, перелетая с дерева на дерево. При этом гоняется за насекомыми по веткам, в том числе и вниз головой! Склевывает насекомых и с листьев и кажется более длиннохвостой, чем другие славки. Удивительно интересное поведение, совсем не похоже на славочье...

На обратном пути в лагерь мы наткнулись на гнездо серой вороны (*Corvus cornix*), расположенное у верхушки коренастой сосны высотой 5-6 м. В гнезде 3 оперенных птенца (проверяла Марина). Взрослая ворона вылетела нам навстречу с соседней сосны за 50 м и стала кричать в полёте (голос мягче, чем у чёрной вороны). Птенцы молчат. По словам Марины, они голубоглазые. Гнездо всего в 200 м от лагеря, но на вершине бугра, с хорошим обзором. Однако до этого дня взрослых птиц мы здесь не видели!

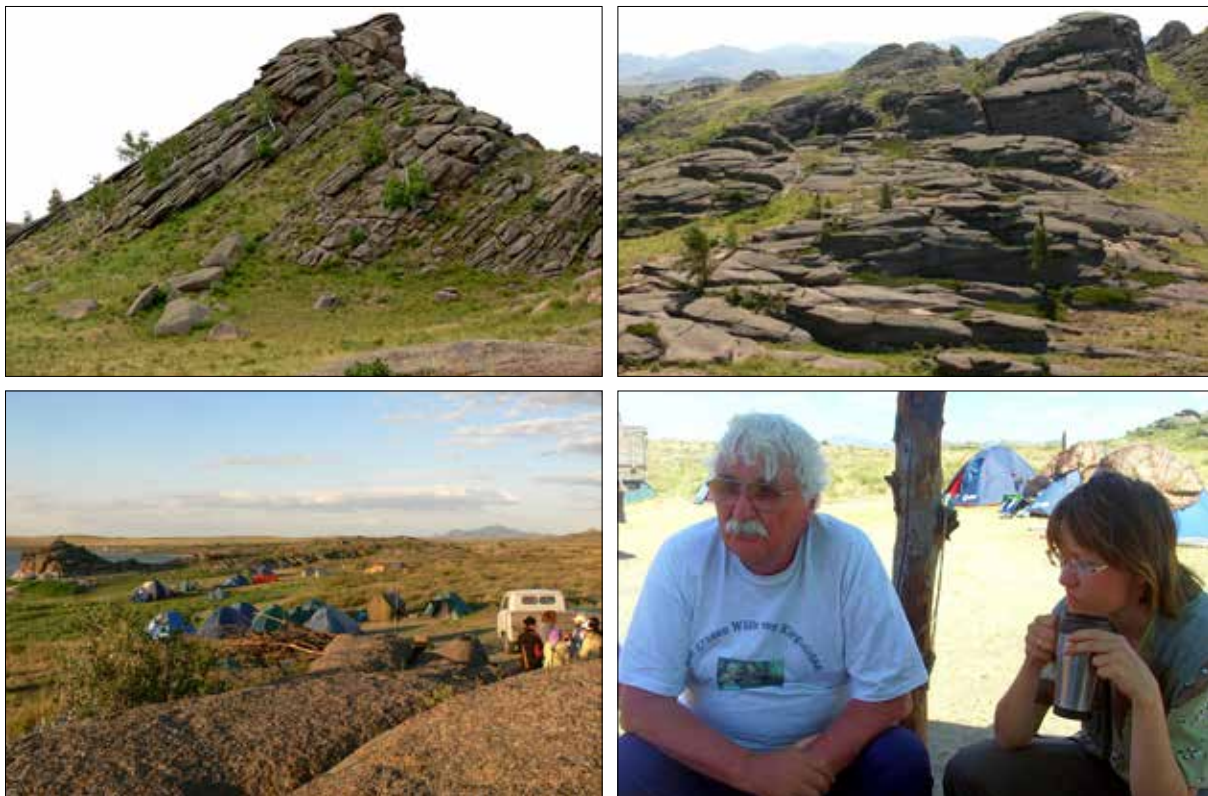

Рис. 1061-1064. За неделю мы так привыкли к этому прекрасному месту, что уезжать не хотелось... 14 июня 2008 г.

Удивительно уютным оказалось это место и очень быстро я к нему привык. Мало того, что красиво и комфортно (хотя и дождики перепадали!), но каждый день приносил встречи с новыми птицами, подчас неожиданные. Такой была и последняя экскурсия 14 июня. Сначала на открытом степном склоне встретился самец степного луня (*Circus macrourus*). Потом в роще чёрной ольхи – густом лесочке из старых (высотой до 15 м) деревьев среди каменистых бугров с соснами и изумрудных лужаек – вдруг выпугнул вертишейку (*Jynx torquilla*), которая нормально гнездится намного восточнее – на Алтае и, возможно, в Прииртышье.

Здесь же, в ольховой роще, запела сплюшка (*Otus scops*) и почти из-под ног выскочили два крупных зайца-русака (*Lepus europaeus*). Выше по склону в сосновом лесу встретился большой пёстрый дятел (*Dendrocopus major*), а высоко в небе кружат великолепный змееяд (*Circaetus gallicus*) и коршун (*Milvus migrans*). От скал вниз пролетели 4 чёрных стрижа (*Apus apus*). А не умолкающая кукушка (*Cuculus canorus*) как будто подзадоривает: подожди, мол, – то ли ещё увидишь... Так бы и бродил без конца.

Однако всё хорошее когда-нибудь кончается: утром 15 июня нам пришлось оставить эти благословенные места. Вечером нас ждал в Павлодаре поезд, а до этого надо было ещё посмотреть озёра Жасыбай и Сабындыколь, заехав сначала в Кемпертас, где нам назначил свидание Тлеубек Сакенович Рымжанов (1951-2011) – тот самый, который когда-то был аспирантом в нашем институте, а потом – начальником отдела заповедников в Минэкологии. Сейчас он уже несколько лет преподавал в Павлодарском университете и всенепременно хотел меня видеть, тем более что на конференции неделю тому назад и на мастер-классе со студентами в пединституте мы с ним разминулись.

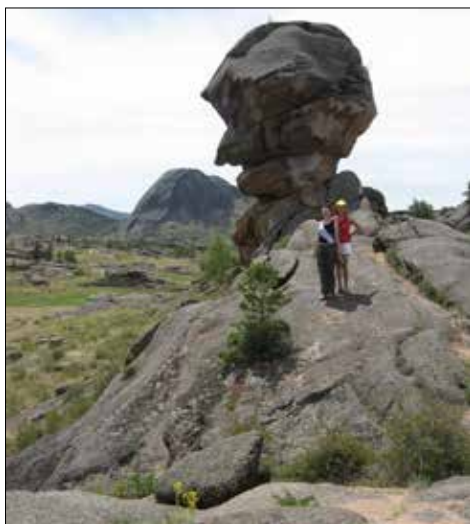
Рис. 1065-1066. Баянаульский ГНПП. В окрестностях озера Торайгырово. 12 июня 2008 г.

Рис. 1067. Прощай, Биржанколь. *Фото М.А. Чириковой* **Рис. 1068.** Прощайте, прекрасные окрестности.

Выехали мы из лагеря в 11 часов на машине Нурлана, с Бибигуль и Мариной. Провожал нас с криком чибис (*Vanellus vanellus*), у которого вчера Бибигуль и Нурлан пытались поймать пуховых птенцов. Здесь же стремительно пролетел дербник (*Falco columbarius*).

В Кемпертасе нас встретил Тлеубек с женой Зауре и сыном Талгатом (с ним – тоже жена и сын), которые в ожидании нас накрыли стол в лесу. Шашлыки, молдавское вино, воспоминания.

Рис. 1069. Марина Чирикова и Бибигуль Жумабекова на фоне Бабы Яги и Булки. 15 июня 2008 г.

Рис. 1070. Озеро Жасыбай: М.А. Чирикова, Т.С. Рымжанов, А.Ф. Ковшарь, Б.К. Жумабекова, Зауре Рымжанова

Потом заехали в Жасыбай, посмотрели на массы отдыхающих (сегодня воскресенье), и оттуда через перевал, по красивейшим местам со скалами и сосновым лесом, спустились в Сабындыколь (с. Баянаул).

Рис. 1071-1072. Сосны на гранитах на перевале и озеро Сабындыколь. 15 июня 2008 г. *Фото М.А. Чириковой*

Там короткое чаепитие у родственников Тлеубека, и в 19 час, рискуя опоздать к поезду, который отходит в 23 часа, мы выехали в Павлодар. Как назло, дважды выходили из строя колёса – сначала спустило переднее, потом заднее! От самоуверенности нашего хозяина не осталось и следа, он озабоченно предлагал посадить нас в поезд на одной из станций, не доезжая Павлодара. Но я на эти авантюры не поддавался.

В конечном счёте на вокзал мы приехали за 15 мин до отхода поезда! Как жаль, что Тлеубека уже несколько лет нет в живых – так хотелось бы сказать ему ещё раз: спасибо за тот радушный приём ...

13 января – 14 апреля 2024 г.

Для кого написана эта книга (вместо заключения)

О человеке импульсивном, не привыкшем заранее планировать свои действия, принято говорить, что он богат задним умом. При этом имеется в виду, что он сначала делает, а потом думает – а зачем он это сделал? Если вдуматься, то в этой поговорке кроется очень глубокий смысл.

Вот так и я: больше года корпел над этой книжкой (получая при этом огромное удовольствие!), а когда закончил, то задал себе вопрос – а для кого я её писал? То, что не для своих коллег-зоологов, которые всё это видели своими глазами (а некоторые – и побольше моего!), то это очевидно, хотя, по старой привычке, вся она пестрит латинскими названиями животных, а местами – и растений (для пущей точности).

Для кого же тогда? В поисках ответа на этот простой, казалось бы, вопрос я попытался представить: а что было бы, если бы тогда, 70 лет назад, в июне 1954 года, едучи поступать в Харьковский авиационный институт, я не послушал бы совета своего одноклассника Виктора Новохатки (царствие ему небесное!) агитировавшего меня прямо в поезде изменить своё намерение и сдать документы на биофак университета?

Допустим, что его вообще не было бы со мной в этом поезде (этакий символический «поезд в будущее»). Со своей серебряной медалью я бы поступил и в авиационный институт без экзаменов – это был чуть ли не последний год действия данного непреложного правила. Овладев сугубо городской профессией инженера-конструктора, я бы все эти десятилетия провёл либо в конструкторском бюро, либо на авиационном заводе (может быть даже внёс бы какое-нибудь усовершенствование в какой-нибудь важный механизм), а дикую природу, к которой был неравнодушен с детства, видел бы только на экранах популярных фильмов или изредка – в отпуске...

А ведь таких «городских» профессий – десятки, сотни. Миллионы наших сограждан 11 месяцев в году с утра до вечера проводят в каменных мешках зданий (мечтая в один из выходных «выбраться на природу» хотя бы за окраину города) и только один месяц имеют возможность съездить куда-нибудь подальше, но и его нередко используют либо для лечения на курорте (это бывает просто необходимо!), либо – для поездки в какие-нибудь экзотические места за границу. И лишь редкие единицы – в основном молодёжь – используют это время для путешествий по своей стране, которой большинство из нас не знает и даже не представляет, сколько здесь прекрасных, замечательных мест.

Один из моих давних друзей-ровесников, проживший всю трудовую жизнь в Алма-Ате и после выхода на пенсию перебравшийся на далёкую Балтику (каждый выбирает по себе...), после того, как получил мою первую книгу мемуаров (Птицы. Дороги. Люди, 2014), где практически без иллюстраций приводятся описания некоторых поездок по Казахстану, так написал мне: «Особая благодарность тебе от Гали (его жена – врач-стоматолог на пенсии). Она хоть и коренная алматинка, но всю жизнь проработала в городе и теперь географию Казахстана изучает по твоим воспоминаниям».

Я не знаю, какие профессии выберут себе мои внуки и правнуки (дети и старшая внучка – биологи, чему я очень рад!), но если у кого-то из них в силу городской профессии не будет возможности познавать прекрасную природу Казахстана в натуре, то пусть они хотя бы «пролистают» оба тома этой электронной книги (читать-то некогда, кто сейчас читает?), чтобы знать – в какой прекрасной стране они живут.

И ещё один момент – очень для меня важный и далеко не безболезненный. Когда 22-летним молодым специалистом-зоологом я ехал на работу из Украины в Казахстан, чтобы изучать птиц в Тянь-Шане, то даже предположить не мог, что это навсегда. И если бы мне тогда об этом сказали, я бы ни за что не поверил... Как так получилось – я и сейчас не очень понимаю, даже в день своего 87-летия. Как не понимал в молодости – как это мог Николай Николаевич Миклухо-Маклай прожить большую часть своей жизни вдали от Родины...

Может быть эта книга сможет послужить хотя бы частичным оправданием моего невозвращения...

*17 марта 2024 г.
Алма-Ата*

Рис. 1073. Молодой степной орёл. *Фото Виктории Ковшарь*

Рис. 1074. Лебеди-шипуны, чайки и утки зимой на Каспийском море. *Фото Виктории Ковшарь*

Рис. 1075 и 1076. Группа фламинго и семейство уток-савок с 18 птенцами. Сев. берег Каспия близ г. Атырау, 18 июня 2024. Фото Виктории Ковшарь

Рис. 1077 и 1078. Самец дрофы-красотки (джека) и сайгак-рогач. Фото Олега Белялова

Литература

- Аракелянц В.С.** К биологии илийской саксаульной сойки//Бюлл. МОИП. Нов. сер., отд. биол. 1974, т. 79, вып. 4. С. 27-33.
- Аракелянц В.С.** О распространении и численности илийской саксаульной сойки//Редкие и исчез. звери и птицы Казахстана. Алма-Ата, 1977. С. 143-145.
- Атлас Казахской ССР. Т. 1, М., 1982, с. 78. Ландшафтная карта.
- Банников А.Г.** Заповедник Барсакельмес//Заповедники Советского Союза. М., 1969. С. 423-431.
- Березовиков Н.Н.** О смертности позвоночных животных на автотрассах//Selevinia, 1995. Т. 3, № 3. С. 82-85.
- Березовиков Н.Н., Ковшарь А.Ф.** Гнездование журавля-красавки в агроценозах юго-восточного Казахстана//Журавль-красавка в СССР. Алма-Ата, 1991. С. 84-95.
- Березовиков Н.Н., Ковшарь А.Ф.** Биология размножения желчной овсянки (*Emberiza bruniceps*) в антропогенных ландшафтах юго-восточного Казахстана//Русский орнитол. журн., 1992, т. 1, вып. 2. С. 221- 226.
- Березовиков Н.Н., Ковшарь А.Ф.** Биология степного жаворонка (*Melanocorypha calandra* L., 1758) в степных и полупустынных ландшафтах юго-восточного Казахстана//Selevinia, 1994, т. 2, № 4. С. 55- 58.
- Березовиков Н.Н., Ковшарь А.Ф.** К экологии малого жаворонка на юго-востоке Казахстана//Редкие и малоизуч. птицы Узб. и сопред. террит. Ташкент, 1994. С. 12-14.
- Березовиков Н.Н., Ковшарь А.Ф.** О поведении ходулочников (*Himantopus himantopus*), гнездящихся у артезианских источников//Selevinia, 1996/1997. С. 242-243.
- Бобек М., Пешке Л., Рабас П., Пойер Ф., Шимек Я.** Первые результаты спутникового наблюдения за сезонной миграцией чёрных аистов в Азии//New Odyssey – Новая Одиссея [История Петра, Романа и Катерины]. Praha, 2003, 36 р.
- Брагин Е.А.** Птицы Наурзумского заповедника. Костанай, 2022. 468 с.
- Быков Б.А., Ломакина Л.Т., Страутман Е.И., Смирнов Ю.А.** Перспективы развития сети заповедников // Заповедное дело в Казахстане. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1982. С. 173-182.
- Винокуров А.А.** Заметки об осеннем пролёте птиц в юго-восточной части пустыни Бетпак-Дала// Миграции животных. Вып. 3. М., 1962. С. 135-141.
- Вырыпаев В.А., Воробьёв Г.Г.** Волк в Киргизии. Фрунзе, 1983. 94 с.
- Губин Б.М., Ковшарь А.Ф., Левин А.С.** Биология размножения илийской саксаульной сойки//Бюлл. МОИП, отд. биол. 1986, вып. 1. С. 58-63.
- Губин Б.М., Ковшарь А.Ф., Левин А.С.** Распространение, размещение и гнездование у саксаульной сойки//Бюлл. МОИП, отд. биол. 1985, вып. 6. С. 37-45.
- Губин Б.М., Ковшарь А.Ф., Левин А.С.** Важнейшие представители редких видов. Илийская саксаульная сойка//Редкие животные пустынь (проблемы сохранения генофонда животных Казахстана). Алма-Ата, 1990. С. 194-207.
- Губин Б.М., Скляренко С.Л.** Токовое поведение джека в Восточных Кызылкумах//Изв. АН КазССР, сер. биол., 1989, № 4. С. 44-49.
- Губин Б.М., Скляренко С.Л.** Джек – *Chlamydotis undulata* Jacquin, 1784//Редкие животные пустынь. Алма-Ата, 1990. С. 113-135.
- Губин Б.М., Скляренко С.Л.** Зелёная шурка в Кызылкумах//Бюлл. МОИП, отд. биол., 1990, т. 95, вып.1. С. 70-75.
- Губин Б.М., Скляренко С.Л.** О биологии большой бормотушки в Восточных Кызылкумах//Изв. АН КазССР, серия биол., 1990, № 4. С. 34-39.
- Долгушин И.А.** Орнитологические наблюдения в Павлодарской области летом 1939 г.//Труды Института зоологии, том 48. Орнитология. Алматы, 2004. С. 38-84.
- Жевнеров В.В.** К экологии джейрана острова Барсакельмес//Труды заповедников Казахстана, том 3. Алма-Ата, 1973. С. 186-189.
- Жевнеров В.В.** Зимнее питание джейрана на острове Барсакельмес//Экология, 1975, вып. 6. С. 95-97.
- Жевнеров В.В.** Итоги и перспективы акклиматизации джейранов на острове Барсакельмес//Редкие и исчезающие звери и птицы. Алма-Ата, 1977. С.78-80.
- Жевнеров В.В.** Джейран острова Барсакельмес. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1984. 144 с.
- Заповедники СССР. Национальные парки и заказники. М.: «Мысль», 1991. 352 с.

- Заповедное дело в Казахстане (ред. Б.А. Быков, А.Ф. Ковшарь). Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1982. 216 с.
- Зарудный Н.А.** Орнитологическая фауна Оренбургского края//Записки Академии наук, 1888, т. 57, прилож. № 1. 338 с.
- Зарудный Н.А.** Дополнения к «Орнитологической фауне Оренбургского края»//Мат-лы к познанию фауны и флоры Рос. империи, 1897, вып. 3. С. 171-312.
- Зверев М.Д.** Конец белого пятна. Алма-Ата: Казгосиздат, 1956. 20 000 экз.
- Исмагилов М.И.** Остров куланов. Алма-Ата: «Кайнар», 1973.
- Казахская ССР, краткая энциклопедия (в 4 т.). Том. 2. (Природа, естественные ресурсы, население, экономика). Алма-Ата: Главная редакция Казахской Советской Энциклопедии, 1988. 608 с.
- КАЗАХСТАН. Национальная энциклопедия, том 1. А-В. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2004. 560 с.
- КАЗАХСТАН. Национальная энциклопедия, том 4. Алматы: Казак энциклопедиясы, 2006. 560 с.
- Ковшарь А.Ф.** Аксу-Джабаглы (путеводитель по заповеднику). Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1963.
- Ковшарь А.Ф.** Реликтовая чайка: заповедник или заказник? // Редкие и исчезающие звери и птицы Казахстана. Алма-Ата, 1977. С. 193-196.
- Ковшарь А.Ф.** Певчие птицы в субвысокогорье Тянь-Шаня (очерки летней жизни фоновых видов). Алма-Ата, 1979, 194 с.:
- Ковшарь А.Ф.** Особенности размножения птиц в субвысокогорье (на материале Passeriformes в Тянь-Шане). Алма-Ата, 1981. 259 с.: илл., граф., табл.
- Ковшарь А.Ф.** О рационе трехпалого карликового тушканчика в условиях неволи//Содержание и разведение диких животных (сборник научных статей). Алма-Ата, 1986. С. 148-154.
- Ковшарь А.Ф.** В чужой стихии//Тропинки в загадочный мир. Алма-Ата, 1988. С. 272-275.
- Ковшарь А.Ф.** Грозные соседи//Тропинки в загадочный мир. Алма-Ата, 1988. С. 276-278.
- Ковшарь А.Ф.** Орнитологические комплексы пустыни Бетпак-Дала//Selevinia, 1993. С. 37-49.
- Ковшарь А.Ф.** К методике полевой записи хронометража активности птиц//Зоол. исслед. в Казахстане (к 50-летию Института зоол.). Алматы, 1993. С. 292-295.
- Ковшарь А.Ф.** Пролёт птиц через Устьюрт и Мангышлак весной 1990 г.//Selevinia, 1995, т. 3, № 1. С. 56-61.
- Ковшарь А.Ф.** Заметки о птицах Кокчетавских лесов (Северный Казахстан)//Русский орнитол. журнал, 1996, том 5, вып. 1/2. С. 35-40.
- Ковшарь А.Ф.** Орнитологические наблюдения в заповеднике «Барсакельмес» в первой декаде мая 2007 г.//Труды Барсакельмесского заповедника, вып. 2. Алматы, 2007. С. 139-154.
- Ковшарь А.Ф.** Маршрутные учёты птиц с автомобиля на бывшем дне Аральского моря в мае 2007 г.//Selevinia-2007, Алматы, 2008. С. 165-166.
- Ковшарь А.Ф.** О летней фауне птиц Баянаула (Казахский мелкосопочник)//Selevinia-2008 [2009]. С. 127-137.
- Ковшарь А.Ф.** Последняя экспедиция В.А. Селевина и описание нового семейства грызунов (по следам фотоальбома и публикаций 1939 г.)//Selevinia-2009. Алматы, 2010. С. 245-250.
- Ковшарь А.Ф.** «Я не эмигрант! Просто ехал поработать в Тянь-Шане...»//Сборник КАЗАХСТАН-УКРАИНА: дороги и перекрестки. 1917-2008 гг. Алматы, 2009. С. 219-230.
- Ковшарь А.Ф.** Птицы. Дороги. Люди. Воспоминания орнитолога. Часть 2. На путях реставрации капитализма (1992-2014). Алматы, 2014. 556 с.
- Ковшарь А.Ф., Березовиков Н.Н.** Весенние скопления и перемещения журавля-красавки в долине р. Копа (Алма-Атинская обл.)//Журавль-красавка в СССР. Алма-Ата, 1991. С. 130-135.
- Ковшарь А.Ф., Березовиков Н.Н.** Дневная жизнь авдотки в репродуктивный период//Бюлл. МОИП. Нов. сер., отд. биол. 1992, т. 97, вып. 3. С. 13-32
- Ковшарь А.Ф., Березовиков Н.Н.** О гибели пустельг (*Falco tinnunculus* L.) в трансформаторах линий электропередач//Selevinia, 1994, т. 2, № 3. С. 92.
- Ковшарь А.Ф., Березовиков Н.Н.** К биологии индийского жаворонка (*Alauda gulgula* Franklin, 1831) на юговостоке Казахстана//Selevinia, 1995, том 3, № 2. С. 63-68.
- Ковшарь А.Ф., Березовиков Н.Н.** Материалы по гнездованию птиц в долине реки Копа (юго-восточный Казахстан)//Selevinia, 1996/1997. С. 111-120.
- Ковшарь А.Ф., Березовиков Н.Н.** Материалы по фенологии весенней миграции птиц в долине реки Копа (юго-восточный Казахстан)//Selevinia, 1998/1999. С. 170-175
- Ковшарь А.Ф., Бобек М., Пешке Л.** Поездка в Северные Кызылкумы за чёрным аистом//Каз. орнитол. бюлл.-2004. Алматы, 2005. С. 49-51.
- Ковшарь А.Ф., Губин Б.М.** О размножении пустынной славки в Казахстане//Вестник зоологии, 1990. № 5. С. 35-40.

- Ковшарь А.Ф., Губин Б.М.** Пустынная славка в Казахстане: распространение, размещение, гнездование// Вестник зоологии, 1991, № 1. С. 50-55.
- Ковшарь А.Ф., Губин Б.М., Левин А.С., Беялов О.В.** Стационарные орнитологические наблюдения в марте-июне 1982 г. на северо-западе пустыни Сары-Ишикотрау (Южное Прибалхашье)//Selevinia-2020. С. 257-284.
- Ковшарь А.Ф., Губин Б.М., Стариков С.В.** К авифауне Урджар-Эмельского междуречья (Алакольская котловина, Казахстан)//Известия АН КазССР, серия биол. 1988, № 2. С. 33-40.
- Ковшарь А.Ф., Давыгора А.В.** К авифауне Мугоджар и верхней Эмбы//Selevinia, 2003. С. 73-97.
- Ковшарь А.Ф., Давыгора А.В., Карпов Ф.Ф.** Орнитологические наблюдения в Урало-Эмбинском междуречье (Темир, Сагиз, Уил, Б. Хобда) в июне 2006 г.//Selevinia-2006. С. 63-81.
- Ковшарь А.Ф., Левин А.С.** Птицы пустыни Бетпак-Дала (летний аспект)//Фауна и биология птиц Казахстана. Алматы, 1993. С. 104-132.
- Ковшарь А.Ф., Левин А.С., Беялов О.В.** Птицы пустыни Бетпак-Дала//Труды Института зоологии, том 48. Орнитология. Алматы, 2004. С. 85-125.
- Ковшарь А.Ф., Хроков В.В.** Птицы основных ландшафтов Павлодарского Заиртышья//Орнитол. пробл. Сибири (тезисы докладов конфер.). Барнаул, 1991. С. 89-91.
- Ковшарь А.Ф., Хроков В.В.** К фауне птиц Павлодарского Заиртышья//Фауна и биология птиц Казахстана. Алматы, 1993. С. 133-144.
- Краткая географическая энциклопедия, том 2. Евлах – Миллибар. М.: Сов. энциклопедия, 1961. 592 с.
- Крашенинников И.М.** Киргизские степи как объект ботанико-географического анализа и синтеза// Известия Главного Ботанического сада (Петроград), 1924, том 22, вып.1. С. 25-55.
- Кубанская З.В.** Растительность и кормовые ресурсы пустыни Бетпак-Дала. Алма-Ата: изд. Академии наук Казахской ССР, 1956. 264 с.
- Кубыкин Р.А.** Селевиния в Зайсанской котловине//Редкие виды млекопитающих и их охрана. М., 1977. С. 81-82.
- Кузьмина М.А.** Отряд Куриные//Птицы Казахстана, том 2. Алма-Ата: Наука, 1962. С. 389-487.
- Лесняк А.П.** К биологии саксаульной сойки в Южном Прибалхашье//Труды Института зоол. АН КазССР. Т. 10. Алма-Ата, 1959. С. 260-262.
- Михайлов А.В.** Аномальный Барсакельмес (1976. Каким был остров, которого больше нет)//Газета «Московский комсомолец» 21.06.2023. <https://mk-kz.kz/social/2023/06/21/anomalnyy-barsakelmes.html>
- Папоротный Д.И.** К биологии щитомордника в условиях острова Барса-Кельмес//Труды государственного заповедника Барса-Кельмес, вып. 1. Алма-Ата, 1950.
- Плотников В.Н.** Орнитологический очерк окрестностей посёлка Ямышевского//Записки Зап-Сиб. Отд. РГО, 1898, кн. 24. С. 1-11, 1-23.
- Прокопов К.П.** К биологии и распространению грызунов в Зайсанской котловине//Природа и хозяйство Восточного Казахстана. Алма-Ата, 1979. С. 122-131.
- Прокопов К.П.** Колебания численности и биология жёлтой пеструшки в Зайсанской котловине// Редкие и исчезающие звери и птицы Казахстана. Алма-Ата, 1977. С. 38-45.
- Прокопов К.П.** Новые материалы по экологии жёлтой пеструшки в Зайсанской котловине//Редкие виды млекопитающих СССР и их охрана (Мат-лы III Всесоюз. совещ.). М., 1983. С.73-74.
- Рашек В.Л., Рашек В.А.** Государственный заповедник «Остров Барсакельмес». Алма-Ата, 1963.
- Селевин В.А.** Интересные находки в окр. г. Семипалатинска//Uragus, 1927, № 1 (кн. 2). С. 8-9.
- Селевин В.А.** К вопросу о миграции сажки осенью 1922 года//Uragus, 1927, № 1 (кн. 2). С. 14-16.
- Селевин В.А.** Две новые птицы для Семипалатинского края//Uragus, 1927, № 2 (кн. 3). С. 36.
- Селевин В.А.** О залётах пеликанов на среднее течение Иртыша в приалтайскую степь//Uragus, 1927, № 3 (кн. 4). С. 32-33.
- Селевин В.А.** Залёты фламинго (*Phoenicopterus ruber antiquorum*) в Семипалатинскую губ.//Uragus, 1927, № 4 (кн. 5). С. 9-13.
- Селевин В.А.** Дополнения к орнитофауне Приалейской степи//Uragus, 1929, № 1 (кн. 9). С. 15-23.
- Селевин В.А.** Орнитологическая коллекция Семипалатинского музея//Описание коллекций музея. 1. Семипалатинск, 1929. С. 3-45.
- Селевин В.А.** Сводка семилетних (1921-1927 гг.) фенологических наблюдений в окрестностях Семипалатинска// Вестник центр. музея Казахстана, 1930, № 1. С. 31-54.
- Селевин В.А.** Новые данные по распространению птиц в Западном Алтае и его предгорьях//Бюлл. Среднеаз. гос. ун-та, вып. 21, № 13. Ташкент, 1935. С. 115-126.
- Селевин В.А.** Заметки по орнитофауне Восточного Казахстана//Бюлл. Среднеаз. гос. ун-та, вып. 21, № 14. Ташкент, 1935. С. 127-135.

- Селевин В.А.** Фаунистические материалы//Результаты Батпак-Далинской экспедиции Средне-азиатского университета. Труды САГУ, серия VIII-а. Зоология. Выпуск 21. Ташкент, 1935. С. 3-23.
- Сема А.М.** Птицы Баянаула//Орнитология, вып. 20. М., 1985. С. 88-91.
- Сушкин П.П.** Птицы Средней Киргизской степи (Тургайская область и восточная часть Уральской)//Мат-лы к познанию фауны и флоры Рос. империи, отд. зоол., М., 1908, вып. 8. С. 1-803.
- Тимофеев В.И., Варагушин П.С.** О распространении саксаульной сойки в Южном Прибалхашье// Орнитология. Вып. 9. М., 1968. С. 377.
- Чельцов-Бебутов А.М.** Наурзумский заповедник//Заповедники Сов. Союза. М., 1969. С. 315-326.
- Чибилёв А.А.** Река Урал (Историко-географические и экологические очерки о бассейне реки Урала). Л.: Гидрометиздат, 1987. 168 с
- Штегман Б.К.** Боровской лесной массив как резерват авифауны для полезащитных полос//Труды республик. станции защиты растений Казахского филиала ВАСХНИЛ, 1953, вып. 1. С. 158-170.
- Штегман Б.К.** Птицы Кокчетавских боров (по данным Карагадинской зоологической экспедиции Академии наук 1932 г.)//Тр. Казах. базы АН СССР, 1934, вып. 1. С. 5-34.
- Эйдинов Ю.И., Голощапов Г.В., Русманова Т.С.** Баянаульский национальный парк//Заповедники СССР. Национальные парки и заказники. М.: «Мысль», 1991. С. 207-213.

Алфавитный указатель авторов фотографий

Помимо фотографий автора в книге использованы фото следующих авторов:

Анненкова П.Б. – 50
Анохиной Е.Э. – 74, 93
Ауэзова Э.М. – 46, 694, 695, 696, 697
Белялова О.В. – 73, 75, 76, 77, 78, 79, 81, 83, 84, 85, 92, 127, 467, 468, 489, 490, 1077, 1078
Берёзовикова Н.Н. – 716, 779
Боровой Н.А. – 334
Бикбулатова М.Н. – 578
Брагина Е.А. – 798
Грачёва Ю.А. – 103 (фото Ю.А. Грачёва и А.Р. Шаада)
Давыгоры А.В. – 838, 842, 8436
Жатканбаева А.Ж. – 487
Жевнерова В.В. – 575, 576, 577
Ковшарь В.А. – 86, 674, 675, 688, 700, 1073, 1074, 1075, 1076
Ковшарь И.А. – 332, 333
Колбинцева В.Г. – 11
Кубыкина Р.А. – 4, 101, 222, 435
Левина А.С. – 137
Лобачёва Ю.С. – 53, 54
Мальцевой Э.Р. – 470, 472
Морозова В.А. – 439
Мурзова В.Н. – 80
Нестерова А. – 566
Русанова Г.М. – 556, 562
Старикова С.В. – 374
Хрокова В.В. – 759
Чириковой М.А. – 634, 1042, 1067, 1071, 1072
<https://whc.unesco.org/en/statesparties/kz> – 673

Содержание

От автора	3
Ландшафтное разнообразие равнинного Казахстана	5

I. ПУСТЫНИ и ПОЛУПУСТЫНИ

01. Низовья Таласа и первое знакомство с полупустыней (1959)	9
02. Поездка на озеро Алаколь с Эрнаром Ауэзовым (май-июнь 1970)	17
03. Первая комплексная экспедиция лаборатории (пустыня Сарыишикотрау, март-июнь 1982)	26
04. Поездки по пустыне Бетпак-Дала (1981, 1982, 1983, 1984)	38
05. Кызылкумы: поездки по восточным и северным окраинам (апрель 1984, май 1986, октябрь 2004) ..	72
06. Алакольская котловина (1985, 1986, 2001, 2022)	94
07. Зайсанская котловина (июнь-июль 1985, май 1988, июль 2001)	102
08. Орнитологический стационар в долине реки Копя (март-июнь 1987 и 1988)	117
09. Илийская долина (периодические выезды 1981-2008)	128
10. Экспедиция на Устюрт через Узбекистан (апрель-май 1990)	149
11. Две недели по Северному Прикаспию и дельте Волги (1999)	168
12. Заповедник Барсакельмес – бывший остров среди бывшего моря... (2008)	176

II. СТЕПИ

13. Кургальджинские степи и озёра (1970, 1980)	204
14. Семипалатинские степи (1987)	215
15. Степи Павлодарского Заиртышья (1989)	220
16. Поездки по Наурзумским степям и саванне (1974, 1998, 1999)	231
17. Актюбинские степи, Мугоджары и Эмба (июнь 2003)	260
18. Актюбинские степи: Сагиз – Уил – Хобда (2006)	273

III. МЕЛКОСОПОЧНИК

19. Леса и озёра Кокшетауской возвышенности (1995, 1996, 1997)	297
20. Баянаул – жемчужина Сарыарки (1982, 2008)	310
Для кого написана эта книга (вместо заключения)	324
Литература	328
Алфавитный указатель авторов фотографий	332
Содержание	333

Ковшарь Анатолий Фёдорович

ПРИРОДА КАЗАХСТАНА
через объектив зоолога
В двух книгах

Книга 2.

ОТ ПУСТЫНЬ
ДО ЛЕСОСТЕПИ

(фото-рассказы из цикла «Уходящая натура»)

Рецензенты Л.Я. Боркин и М.А. Чирикова
Компьютерный дизайн и вёрстка Г.Н. Бейковой

На 1-й странице обложки:

Пески Большие Барсуки, Северное Приаралье. *Фото Олега Белялова*
Кургальджинская степь, Центральный Казахстан. *Фото Виктории Ковшарь*
Баянаул, Казахский мелкосопочник (Сарыарка). Июнь 2008 г. *Фото автора*

На 2-й странице обложки (оборот):

Баянаул, лагерь на берегу оз. Биржанколь, июнь 2008 г. *Фото автора*

На 4-й странице обложки:

Останцы у Западного чинка Устюрта. *Фото Олега Белялова*

Сведения об авторе

Ковшарь Анатолий Федорович (род. 1937, город Полтава, Украина)

Орнитолог. Специалист по охране диких животных.

Доктор биологических наук (1980), профессор биологии (1993).

Лауреат Московского общества испытателей природы (МОИП) – за книгу «Птицы Таласского Алатау». Алма-Ата, 1966, 436 с. [1968] и за книгу «Певчие птицы в субвысогорье Тянь-Шаня». Алма-Ата, 1979, 310 с. [1980].

Лауреат Государственной премии Казахской ССР (1978) как один из авторов и редакторов монографии «Птицы Казахстана».

В Казахстан приехал в 1959 г. после окончания биологического факультета Харьковского государственного университета по специальности «зоология» – как молодой специалист по распределению в заповедник Аксу-Джабаглы (Западный Тянь-Шань). В заповеднике проработал старшим научным сотрудником и заместителем директора по научной части до конца 1966 г.

С января 1967 г. по 1924 г. работал в Институте зоологии Академии наук Казахстана (сейчас – Институт зоологии Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан), начав с лаборанта и закончив заведующим лабораторией проблем охраны диких животных (1980-1995), заведующим лабораторией орнитологии (1995-2007) и Главным научным сотрудником лаборатории орнитологии и герпетологии (2007-2017).

Общественную работу выполнял на постах: председатель секции охраны животного мира Центрального Совета Казахского общества охраны природы (1967-1975); заместитель председателя комиссии «Научные основы заповедного дела в Казахстане» при Президиуме Академии наук Казахской ССР (1979-1992); президент Казахстанско-Среднеазиатского зоологического общества (1992-2002); учредитель и главный редактор зоологического журнала/ежегодника «Selevinia» (1993-2024), президент «Союза охраны птиц Казахстана» (2002-2021); президент Рабочей группы по журавлям Евразии (РГЖЕ: 2007-2024); президент Мензбировского орнитологического общества (МОО СНГ: 2010-2017).

Научные исследования проводил в следующих областях: **орнитология** (фауна, биология, экология и охрана птиц); **редкие виды позвоночных животных** (Красная книга Казахстана); **заповедное дело** и особо охраняемые природные территории Казахстана и Средней Азии; **сохранение биоразнообразия** в более широком плане, включая экологическое образование.

Среди более чем 600 публикаций – 5 научных монографий (от первой «Птицы Таласского Алатау», 1966 до последней, двухтомной «Птицы Тянь-Шаня», 2019) и несколько коллективных монографий (Птицы Казахстана, тт. 3-5, 1970-1974; Позвоночные животные Алма-Аты, 1988; Редкие животные пустынь, 1990); справочники; методические пособия; научно-популярные книги (Певчие птицы, 1983; Мир птиц Казахстана, 1988), школьные пособия – в том числе 5-томная серия «Животные Казахстана» Школьной энциклопедии (Алматы: Атамура, 2006-2014), где был составителем, научным редактором и автором многих очерков о птицах и млекопитающих.

Один из авторов и редакторов четырёх изданий Красной книги Казахстана (1978, 1991, 1996, 2010).

